

О. Коцебу

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ВОКРУГ СВЕТА

В 1823-1826 гг.

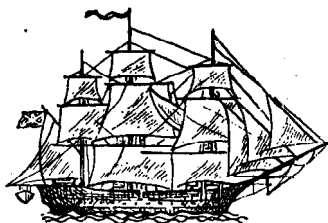

О. Коцебу

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ВОКРУГ СВЕТА

в 1823-1826 гг.

Издание 2-е

*Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1981*

91П
К75

Otto Kotzebue
Neue Reise um die Welt in den Jahren
1823, 24, 25 und 26
Weimar, 1830

Перевод с немецкого,
предисловие и комментарии Д. Д. ТУМАРКИНА

Ответственный редактор
Я. М. СВЕТ

Коцебу О. Е.

К75 Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. Пер. с нем. Изд. 2-е. М.:
Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

351 с. с ил.

Книга представляет собой собрание очерков о посещенных автором — известным русским мореплавателем первой половины XIX в. — архипелагах Океании, русских поселениях в Америке и т. д. Читателя заинтересуют любопытные исторические сведения, описания природных условий, этнографические зарисовки, большой материал о деятельности колонизаторов в странах Латинской Америки и на островах Океании.

20901-098
К013(02)-81

132-80. 1905020000

91П

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ЖИЗНЬ И ПУТЕШЕСТВИЯ ОТТО КОЦЕБУ

В 1830 г. в прославленном Гете и Шиллером немецком городе Веймаре была издана книга «Новое путешествие вокруг света», написанная капитаном российского флота Отто Коцебу. У этой книги не совсем обычная судьба: с чьей-то легкой руки еще в прошлом столетии возникло и пошло гулять по страницам различных изданий мнение, что она — перевод на немецкий язык отчета Коцебу о его третьем кругосветном плавании, опубликованного в 1828 г. в Петербурге. И только в 1956 году автор этих строк, сличив оба издания, установил, что книга, выпущенная в Веймаре, не перевод с русского, а самостоятельное сочинение, созданное на немецком языке, которым Коцебу свободно владел.

Веймарское издание более чем в три раза превосходит по объему книгу, опубликованную в 1828 году в Петербурге. Но дело не только в этом. Книга 1828 года — суховатый отчет командира судна, составленный строго хронологически, в форме дневника. Веймарское же издание, как подчеркивает в предисловии сам Коцебу, адресовано, прежде всего, широкому кругу читателей. Это собрание очерков о посещенных экспедицией архипелагах Океании, русских поселениях в Америке и т. д. В этих очерках Коцебу, обнаруживая превосходное знание существовавшей тогда литературы и недюжинный талант исследователя и публициста, как правило, сообщает исторические сведения, знакомит с природными условиями, дает этнографическое описание населения, рассказывает о текущих событиях, о встречах с местными жителями. Облик Коцебу, гуманного и просвещенного мореплавателя, человека редкой наблюдательности и оригинального ума, его сочувственное отношение к угнетенным пародам раскрываются в этом сочинении значительно ярче и полнее, чем в книге, опубликованной в 1828 году на русском языке! «Новое путешествие вокруг света» — не только ценный исторический

О. Е. Коцебу

источник, но и любопытный человеческий документ, характеризующий одного из крупнейших мореплавателей XIX века.

Отто Евстафьевич (Августович) Коцебу родился 19(30) декабря 1788 года в Ревеле (ныне Таллин) в зажиточной дворянской семье. Мать Отто умерла, когда ему еще не исполнилось двух лет, а его отец Август Коцебу¹, часто переезжавший с места на место и подолгу живший за границей, почти не занимался воспитанием сына. В 1796 году он определил Отто в сухопутный кадетский корпус в Петербурге. Потянулись годы муштры и зубрежки, наводивших тоску на живого и любознательного мальчика. Казалось, участь Отто решена: ему предстояло сделаться армейским офицером. Но в 1803 году известный мореплаватель И. Ф. Крузенштерн (брат мачехи Отто), отправляясь в кругосветный вояж, взял с собой пятнадцатилетнего юношу в качестве «волонтера».

Многоликий и изменчивый океан, то неукротимый в своем неистовстве, то величественно спокойный, знакомство с прежде неизвестными странами и народами, поиски новых земель, суровая романтика морской службы под парусами — все это увлекло и очаровало юного Коцебу, и он решил связать свою судьбу с российским флотом.

Первая русская кругосветная экспедиция, которой руководил Крузенштерн, стала для Отто своего рода плавучей академией. Не получив никакой предварительной подготовки, он в открытом море, на практике осваивал премудрости морской службы, а знакомство с натуралистами экспедиции пробудило в нем интерес к научным исследованиям.

«В весьма молодых, правда, летах сопутствовал он мне, будучи кадетом, на корабле Надежде,— писал впоследствии Крузенштерн,— и в сем путешествии положил весьма хорошее основание к познаниям по той службе, которой решился себя посвятить. Особенно имел я случай заметить, что он с отличным рвением занимался описью берегов, астрономическими наблюдениями и черчением карт; что для него было весьма кстати, поелику он, по окончании того путешествия, не мог бы иметь столь удобного случая образоваться в сей области морского служения»².

Не пользуясь льготами, которые полагались офицерам, Коцебу на борту «Надежды» тесно соприкасался с матросами и завязал с ними дружеские отношения. Из этого плавания он вынес твердую веру в русского

---

¹ Коцебу, Август Фридрих Фердинанд (1761—1819) — немецкий писатель и реакционный политический деятель, много лет, состоявший на русской государственной службе. Автор романов, рассказов и огромного количества драм, написанных во вкусе немецкого мещанства. После разгрома Наполеона находился в Германии в качестве агента Священного союза. Убит в Мангейме студентом К. Ф. Зандом.

² И. Ф. К р у з е н ш т е р н . Введение.— О. Е. К о ц е б у . Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле Рюрике. Ч. 1. СПб., 1821, с. XII.

матроса, знание его быта, привычек и нужд. И впоследствии, руководя кругосветными экспедициями, он всегда заботился не только о здоровье матросов, их питании и обмундировании, но и о поддержании у них бодрости духа, готовности преодолевать любые трудности.

Вернувшись в 1806 г. на «Надежде» в Россию, Коцебу получил свой первый офицерский чин — мичмана, а в 1811 году был произведен в лейтенанты. Он командует небольшими судами в Балтийском и Белом морях, совершенствует свои познания в области навигации. И все эти годы он мечтает о дальних походах, незабываемых тропических закатах, еще не открытых островах.

Между тем Крузенштерн разработал проект новой русской кругосветной экспедиции с целью отыскания Северо-Западного прохода — пути из Тихого в Атлантический океан севернее Американского континента. Экспедиция должна была также обследовать побережье Аляски, определить истинное положение многих островов в тропической зоне Тихого океана и провести там поиски новых земель. Расходы по экспедиции взял на себя граф Н. П. Румянцев³. Специально для нее был построен маленький 8-пушечный бриг «Рюрик». Командиром этого судна в 1814 году был назначен 26-летний лейтенант Коцебу.

Экспедиция Коцебу на «Рюрике» (1815—1818) — его второе кругосветное плавание — явилось заметной вехой в истории открытий и исследований на Тихом океане. Коцебу открыл несколько атоллов в полинезийском архипелаге Туамоту, а также уточнил координаты некоторых других островов этого архипелага, обнаруженных мореплавателями XVI—XVIII веков. Еще более важные открытия сделала его экспедиция в Микронезии. Здесь Коцебу открыл восточную гряду Маршалловых островов (цепь Ратак) и нанес на карту большинство входящих в нее атоллов, а от ратакцев узнал о существовании в этом архипелаге западной гряды (цепь Ралик). Сбивчивые реляции испанских мореходов, возможно видевших в XVI веке какие-то острова цепи Ратак, во времена Коцебу еще были погребены в архивах, а атоллы в южной части этой цепи, вероятно обнаруженные в 1788 году английскими капитанами Маршаллом и Гилбертом, были весьма неточно положены на карту.

---

³ Румянцев, Николай Петрович (1754—1826) — граф, русский государственный деятель и дипломат, сын выдающегося полководца, генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Широко образованный человек, он с молодых лет интересовался разными науками. Собрал большую библиотеку, а также коллекции рукописей и нумизматических материалов, составивших основу Румянцевского музея. Книжные и рукописные собрания этого музея послужили базой для создания в 1925 году Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Принимал активное участие в сборе документов и материалов по истории России. На его средства было издано несколько сборников исторических источников и памятников древнерусской литературы. Кроме экспедиции на «Рюрике» он финансировал несколько других подобных ей экспедиции.

Вот почему, как отмечает советский историк Я. М. Свет, честь подлинного открытия цепи Ратак по праву принадлежит рюриковцам ⁴.

Но этим не исчерпывается значение работ экспедиции в океанийском островном мире. Коцебу и находившийся на «Рюрике» А. Шамиссо⁵ обогатили науку первыми, очень тщательными и подробными описаниями обитателей Маршалловых островов. Ценные этнографические наблюдения были сделаны также во время пребывания экспедиции на Гавайских и Марианских островах. Ознакомившись с полинезийскими и микронезийскими языками, Шамиссо пришел к выводу об их родстве с малайскими и тем самым выдвинул солидные аргументы в пользу теории азиатского происхождения полинезийцев (к которым он относил и микронезийцев). Следует также учитывать, что Коцебу и его спутники первыми высказали правильные соображения о происхождении атоллов. Эти мысли и предположения были учтены Ч. Дарвином при создании научной теории развития коралловых островов⁶.

Летом 1816 г. «Рюрик» вошел в Берингов пролив, приступив к выполнению важнейшей, но едва ли в то время достижимой задачи экспедиции. Идя вдоль северо-западного побережья Аляски, рюриковцы описали его на протяжении более 300 миль, причем были открыты залив Коцебу, бухта Шишмарева и остров Сарычева. Участникам экспедиции принадлежит приоритет в этнографическом изучении эскимосов, живших по берегам залива Коцебу и на острове Св. Лаврентия. Коцебу и его спутники открыли на побережье залива, названного его именем, выходы ископаемого льда и оставили описание этого природного явления — одно из первых в мировой науке ⁷.

Коцебу предполагал продолжить исследования у берегов Аляски следующим летом. Но 13 апреля 1817 г. на пути к острову Уналашка «Рюрик» попал в жесточайший шторм, во время которого получил тяжелую

---

⁴ Я. М. Свет. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966, с. 217—221.

⁵ Шамиссо, Адельберт (1781—1838)—немецкий поэт и ученый, выходец из Франции. Его лирике присущи демократические мотивы, интерес к социальной проблематике. Наиболее известна его «Необычайная история Петера Шлемиля» — фантастическая повесть о человеке, потерявшем свое лицо. Шамиссо участвовал в экспедиции на «Рюрике» в качестве натуралиста. Результаты его научных наблюдений изложены в серии статей под общим названием «Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции Адалберта Шамиссо» (О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан и Берингов пролив... Т. 3. СПб., 1823). Шамиссо оставил также художественное описание плавания на «Рюрике» и отчет о научных изысканиях, произведенных им в ходе этой экспедиции (см.: А. Шамиссо. Werke. Bd 1—2. Lpz., 1836).

⁶ См.: 4. Дарвин. Строение и распределение коралловых рифов.— Сочинения. Т. 2. М.—Л., 1936, с. 285—445.

⁷ П. А. Шумский. Очерк истории исследования подземных льдов. Якутск, 1959, с. 4—6.

травму начальник экспедиции. Огромный, грозно пенящийся вал, прокатившись по палубе, сбил капитана с ног; он ударился грудью об острый угол надстройки и потерял сознание. Очнувшись, Коцебу почувствовал сильную боль в ушибленной груди и до прибытия на Уналашку почти не вставал с постели. Во время этого захода экипаж по возможности исправил повреждения, причиненные бригу разбушевавшейся стихией, и, хотя боль в груди не утихала, Коцебу решил продолжать плавание к северу.

В июле 1817 года «Рюрик» подошел к острову Св. Лаврентия. Берингово море к северу от него было еще покрыто льдом, преградившим путь кораблю. Между тем состояние здоровья капитана резко ухудшилось. «Стужа до такой степени расстроила грудь мою,— рассказывает Коцебу,— что я почувствовал в оной сильное стеснение, и наконец, последовали судороги в груди, обмороки и кровохаркание» и врач экспедиции решительно заявил, что капитану нельзя больше оставаться в арктических широтах. После долгих колебаний Коцебу письменно уведомил своих спутников, что болезнь принуждает его вернуться на Уналашку. «Минута, в которую я подписал сию бумагу,— вспоминает мореплаватель,— была одной из горестнейших в моей жизни, ибо с сим почерком пера отказался я от самого пламеннейшего желания, долговременно питаемого в моем сердце». От Уналашки «Рюрик» отправился в обратный путь, к родным берегам...

По возвращении в Россию Коцебу был произведен в капитан-лейтенанты и назначен офицером по особым поручениям при начальнике Ревельского порта адмирале А. Г. Спиридове. В декабре 1818 г. он женился на местной уроженке Амалии Цвейг. Мореплаватель с увлечением работал над описанием своего кругосветного путешествия на «Рюрике». В 1821 г. в Петербурге вышли из печати два первых тома, написанных им самим, а в 1823 г.— третий, который содержит статьи сопровождавших его ученых и записи научных наблюдений. Экспедиция на «Рюрике» вызвала большой интерес не только в России, но и в странах Западной Европы. Поэтому ее описание было тогда же издано на немецком, английском и голландском языках.

Привычный климат, размеренный образ жизни, любовь и заботливость молодой жены — все это укрепило здоровье мореплавателя. Болезнь, казалось, отступила навсегда. И Коцебу вновь стал мечтать о дальних морских экспедициях.

В январе 1823 г. он был назначен командиром тогда еще строившегося 24-пушечного шлюпа «Предприятие», которому предстояло доставить груз на Камчатку, а затем в течение года находиться у побережья Русской Америки для борьбы с контрабандистами и для защиты русских поселений от возможных нападений местных племен. Коцебу охотно принял это назначение. Особенно обрадовало его известие, что правление Российско-Американской компании собирается отправить припасы в свои колонии на собственном корабле и что царь приказал выделить фрегат для сопровождения этого грузового судна и последующего крейсерства у берегов Русской Америки. В связи с этим «Предприятие» должно было только доставить груз на Камчатку. Появилась возможность использовать шлюп для продолжения поисков Северо-Западного прохода (заветная мечта Коцебу!) и проведения новых исследований в тропической части Тихого океана. В состав экспедиции была включена группа молодых ученых — воспитанников Дерптского (Тартуского) университета. Среди них был Э. Х. Ленц — будущий знаменитый русский физик.

Коцебу связывал с этой экспедицией большие надежды. Поэтому легко понять, как огорчен, был мореплаватель, когда незадолго до выхода шлюпа в море стало известно, что отправка в Тихий океан торгового судна и фрегата отменена и что «Предприятию» все же придется провести год у берегов Русской Америки. Коцебу было предписано заниматься исследованиями попутно, в той мере, в какой они не будут мешать выполнению главной задачи экспедиции.

Плавание на «Предприятии» — третий кругосветный вояж Коцебу — подробно описано им самим в книге, предлагаемой вниманию читателей. Но в книге слишком мало дат. К тому же Коцебу не всегда придерживается в ней хронологической последовательности изложения. Поэтому целесообразно хотя бы кратко проследить здесь ход плавания, а также осветить некоторые обстоятельства, существенно повлиявшие на его итоги.

Шлюп «Предприятие» 28 июля 1823 г. (все даты по старому стилю) вышел из Кронштадта и после захода в Копенгаген 25 августа бросил якорь на рейде Портсмута. 11 сентября шлюп покинул берега Англии и начал переход через Атлантический океан. 2 ноября судно прибыло в бразильскую столицу Рио-де-Жанейро. Запасшись продовольствием и питьевой водой, Коцебу продолжил плавание. 26 декабря шлюп обогнул пользовавшийся у моряков дурной славой мыс Горн, а 16 января 1824 г. стал на якорь в бухте Консепсьон. 3 февраля Коцебу снова вышел в открытое море, решительными действиями предотвратив захват «Предприятия»

чилийскими властями. Начался самый интересный и ответственный этап экспедиции.

Как и во время плавания на «Рюрике», Коцебу взял курс, прежде всего на архипелаг Туамоту. В 1820 г. в этих водах побывала экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, которая открыла здесь несколько атоллов и назвала весь архипелаг островами Россиян. Коцебу уточнил координаты некоторых сделанных ими открытий и заодно проверил местоположение островных групп, описанных и нанесенных на карту им самим в 1816 г. Плавание в этом опасном лабиринте, образованном десятками коралловых островов, принесло Коцебу новые открытия. 2 марта он увидел обитаемый атолл Фангахина, не замеченный ранее никем из европейских мореплавателей, и назвал его островом Предприятие, а 9 марта, сам того не подозревая, он, вероятно, открыл атолл Аратика, который принял за остров Карлсгоф, якобы обнаруженный в 1722 г. голландским мореплавателем Я. Роггевеном.

Счастливо избежав крушения на рифе при выходе из кораллового лабиринта и, Коцебу 14 марта прибыл к острову Таити и после десятидневной стоянки отправился к островам Самоа. По пути он 26 марта открыл остров Беллинсгаузена (атолл Моту-Оне), расположенный на западной периферии архипелага Общества.

Острова, входящие в архипелаг Самоа, стали известны европейцам еще в XVIII веке. Но они были неточно положены на карту. Проведя 3—7 апреля съемку берегов островов Тутуила, Уполу и Савайи, Коцебу оказал большую услугу будущим мореплавателям.

28 апреля шлюп вогаел в лагуну острова Румянцева (атолл Вотье) в цепи Ратак — западной гряде Маршалловых островов. Тут произошли трогательные встречи с островитянами, с которыми Коцебу познакомился в 1816 году. Через восемь дней экспедиция покинула гостеприимный остров. Завершив точную съемку близлежащего атолла Ликие, начатую на «Рюрике», Коцебу попытался отыскать западную гряду Маршалловых островов, о которой он много слышал от ратакцев. Но, как выяснилось впоследствии, шлюп в темную и бурную ночь прошел мимо одного из атоллов этой цепи, едва избежав крушения.

8 июня экспедиция прибыла в Петропавловскую гавань (нынешний Петропавловск-Камчатский). Сдав властям доставленный из Кронштадта груз и взяв вместо него каменный балласт, 20 июля шлюп отправился

к Ново-Архангельску — укрепленному поселению на острове Ситха, центру российских владений в Америке.

Прибыв 10 августа в Ново-Архангельск, Коцебу застал там фрегат «Крейсер» под командованием М. П. Лазарева, которому он был послан на смену. Экспедиция начала готовиться к длительному пребыванию на Ситхе. Но главный правитель колоний Российско-Американской компании М. А. Муравьев, находившийся в Ново-Архангельске, вскоре официально уведомил Коцебу, что «Предприятие» не понадобится здесь до 1 марта следующего, 1825 года, когда начнется торговый сезон и к берегам колоний начнут прибывать американские суда для контрабандного менового торга с индейцами. Через месяц после прихода в Ново-Архангельск, 10 сентября, Коцебу снова вышел в открытое море.

Короткое северное лето было уже на исходе. Если бы Коцебу решил отправиться в арктические широты, ему пришлось бы зайти на Уналашку, чтобы взять переводчиков, байдары для прибрежных исследований и т. д. В результате «Предприятие» достигло бы Берингова пролива не раньше конца сентября, т. е. в то время, когда северная часть пролива обычно уже покрыта дрейфующим льдом. Поэтому Коцебу вынужден был отказаться от соблазнительной мысли продолжить поиски Северо-Западного прохода. Он использовал полученную почти на полгода свободу действий, чтобы посетить тогда еще слабо обследованную Калифорнию, а также Гавайские острова, прозванные моряками «краем вечной весны». Здесь Коцебу дал отдых экипажу, запаса свежим продовольствием, в котором ощущалась нехватка в Ново-Архангельске, и, конечно, использовал все возможности для научных наблюдений.

24 февраля 1825 г. «Предприятие» вернулось в Ново-Архангельск и бросило якорь вблизи от стоявшей на прибрежном холме небольшой крепости. Более пяти месяцев шлюп нес охрану русских поселений. И тут произошло нечто неожиданное.

30 июля из Петербурга пришло судно Российско-Американской компании «Елена» под командованием П. Е. Чистякова. Оно доставило официальное сообщение о том, что еще в апреле 1824 года была заключена русско-американская конвенция, по которой граждане США - получила право посещать внутренние воды российских владений в Америке, как для морских промыслов, так и для торговли с местным населением. Тем самым отпала основная цель пребывания «Предприятия» у берегов Русской Америки. Что же касается защиты Ново-Архангельска от возможных нападений индейцев-тлипкигов, то для этого достаточно было «Елены» и нескольких небольших вооруженных судов компании, которые должны были к осени вернуться к острову Ситха. М. А. Муравьев разрешил Коцебу уйти из Ново-Архангельска.

Коцебу, по-видимому, немало сетовал на то, что впустую потратил драгоценное время, которое мог использовать для исследований в арктических

широтах. Если бы теперь он попытался наверстать упущенное, то из-за необходимости подготовки к плаванию и захода па Уналашку шлюп пришел бы в Берингов пролив лишь в сентябре. Ждать же лета 1826 года и, следовательно, продлевать на год экспедицию он не мог — хотя бы потому, что на шлюпе подходил к концу запас снастей, такелажа и других корабельных материалов, которые достать тогда в северной части Тихого океана было почти невозможно. Начались сборы в обратный путь.

И августа 1825 г. «Предприятие» вышло из Ново-Архангельска. В последний раз Коцебу начал переход через Тихий океан. Сделав четырехдневную остановку в Гонолулу, столице Гавайских островов, он 19 сентября отплыл оттуда к Маршалловым островам, где надеялся обнаружить, наконец, таинственную цепь Ралик. На сей раз, удача сопутствовала мореплавателю. 6 октября, подойдя к северной оконечности этой цепи, он увидел атоллы Ронгерик и Ронгелап и нанес их на карту. Первый из них он принял за острова Пескадорес, открытые в 1767 г. английским мореплавателем Уоллисом, а второй назвал в честь одного из офицеров шлюпа островами Римского-Корсакова. 9 октября Коцебу открыл атолл Бикини и назвал его в честь врача и натуралиста экспедиции островами Эшшольца. Ронгерик и, возможно, Ронгелап были действительно замечены Уоллисом, а задолго до него — испанцем Сааведрой. Но атолл Бикини — несомненное открытие Коцебу. И октября, продолжая плавание на запад, он уточнил координаты атолла Эниветок.

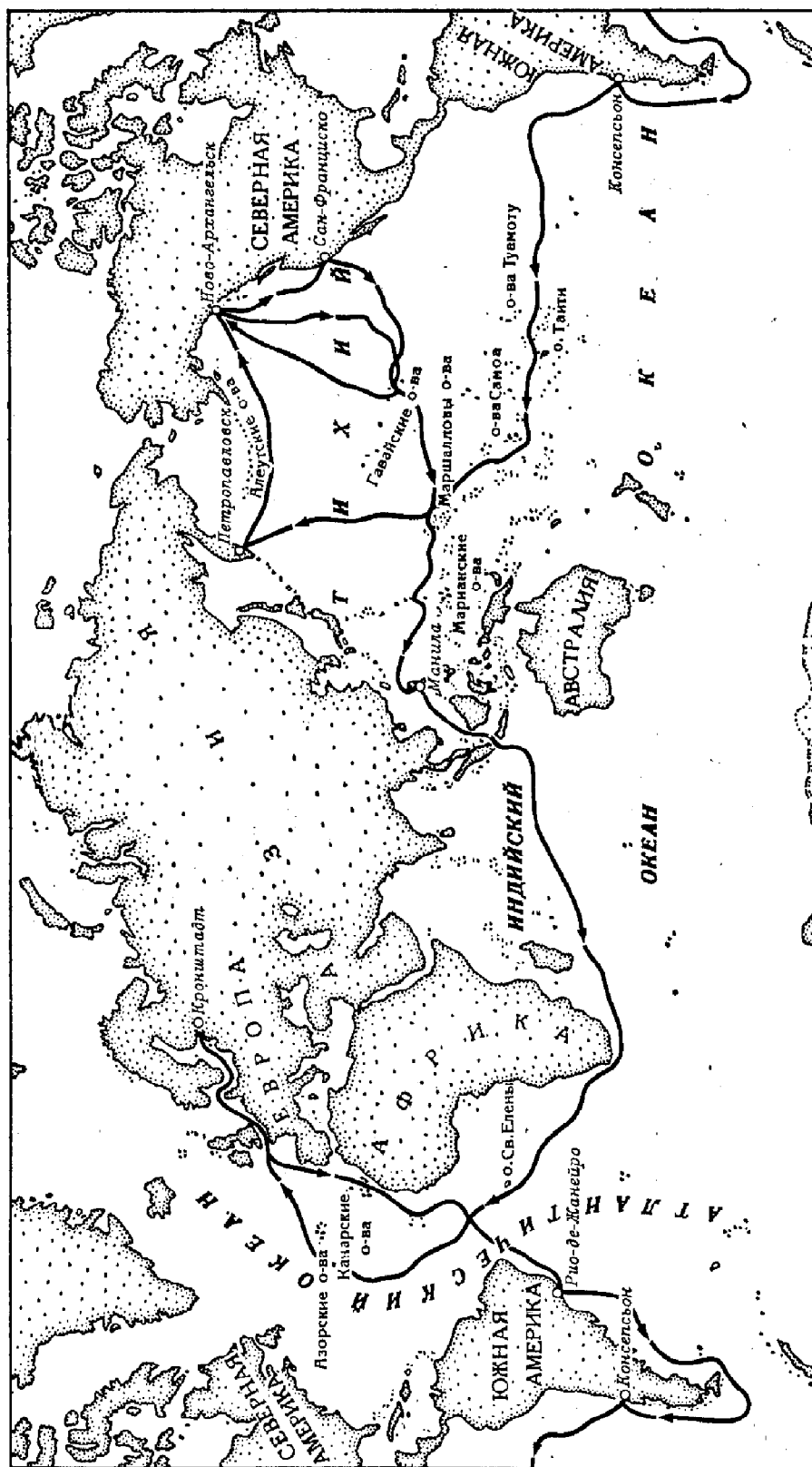
По иронии судьбы именно на атоллах Бикини и Эниветок американская военщина в 1946—1962 годах проводила испытания атомных и водородных бомб, причинившие огромный ущерб населению Маршалловых островов. Жители Бикини и Эниветока были отправлены на чужбину, а обитатели нескольких соседних атоллов жестоко пострадали от радиоактивного пепла. Поэтому поистине пророческими оказались слова Коцебу о том, что открытие Маршалловых островов европейцами, возможно, принесет горе их коренному населению.

19 октября «Предприятие» подошло к острову Гуам и, проведя там три дня, отправилось к Филиппинам. 8 ноября шлюп прибыл в Манилу и с разрешения испанского губернатора перешел в порт Кавите, где стал на ремонт. 10 января 1826 года все работы на судне были закончены, и оно покинуло Филиппинские острова.

Пройдя 25 января Зондский пролив, «Предприятие» вступило в Индийский океан и в борьбе со штормами и встречными ветрами пересекло его с востока на запад. 16 марта шлюп обогнул мыс Доброй Надежды и вышел на просторы Атлантики. Через одиннадцать дней экспедиция прибыла на остров Св. Елены, где провел свои последние годы Наполеон. Пополнив запасы пресной воды, судно снова вышло в открытое море.

Теперь с каждым днем все ближе были родные берега. Обогнув с

Плавание О. Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие»

запада Азорские острова, Коцебу 3 июня привел шлюп в Портсмут, а 29 июня — в Копенгаген. 10 июля 1826 г. «Предприятие» бросило якорь на Кронштадтском рейде. Третье кругосветное путешествие Коцебу, продолжавшееся без малого три года, окончилось.

Плавание на «Предприятии» по своему значению, пожалуй, не уступает плаванию на «Рюрике». На сей раз удалось совершить меньше географических открытий, зато выполненные научные наблюдения, как по своему объему, так и по комплексности и разносторонности превзошли то, что было сделано предыдущей экспедицией.

Дело в том, что Коцебу был не только выдающимся мореплавателем, одновременно осторожным и смелым, осмотрительным и решительным, но и прирожденным исследователем. Он лично вел или искусно направлял изыскания в области многих наук, заражая своей любознательностью других участников экспедиции. Наблюдения производились как в открытом море, так и во время всех заходов и высадок. Вот почему удалось внести немалый вклад в сокровищницу научных знаний, хотя это и было побочной задачей дальнего вояжа к берегам Русской Америки.

Исследование атмосферных явлений, ветров и течений, состава и свойств морской воды, астрономические и географические наблюдения, точная опись берегов, изучение рельефа, геологического строения, внутренних вод, почв, растительного и животного мира посещенных островов и прибрежных районов материков, сбор всевозможных сведений о населяющих их народах — таков диапазон научных интересов Коцебу и его спутников.

Характерен отзыв об экспедиции на «Предприятии», принадлежащий перу И. Ф. Эшшольца. «Путешествие было для меня вполне удачным,— писал он по возвращении в Россию,— это были три незабываемых года. Никогда не вернется и не может возвратиться время, которое я смог исключительно посвятить моей науке, когда постоянно находил интереснейшие материалы»⁸. Столь восторженная оценка не случайна: за время этой экспедиции Эшшольц наблюдал и частично собрал 2400 видов животных.

Велики заслуги Коцебу и работавшего под его непосредственным руководством Э. Х. Ленца в области новой для того времени научной дисциплины — океанографии. Выдающийся советский ученый Ю. М. Шокальский писал: «Труды Коцебу и Ленца в 1823—1826 гг. представляют во многих отношениях не только важный вклад в науку, по и действительное начало точных наблюдений в океанографии, чем русский флот и русская наука могут гордиться»⁹.

---

⁸ Цит. по: Т. А. Лукина. Иоганн Фридрих Эшшольц. М., 1975, с. 151.

⁹ Ю. М. Шокальский. Океанография. Изд. 2-е. М., 1959, с. 40.

По возвращении из экспедиции Коцебу был произведен в капитаны 2-го ранга и снова прикомандирован к начальнику Ревельского порта адмиралу Спиридову. Эта спокойная должность, оставлявшая много свободного времени, позволила мореплавателю сосредоточить внимание на подготовке отчета о плавании на «Предприятии». Отчет вышел из печати в 1828 г., а в начале следующего года Коцебу завершил работу над рукописью книги «Новое путешествие вокруг света».

В ноябре 1827 года мореплаватель был переведен в Петербург для наблюдения за постройкой линейного корабля «Император Петр I», а через несколько месяцев получил новую должность — командира 23-го кронштадтского флотского экипажа. Коцебу тяготился службой на берегу. Но у него уже не было сил для новых океанских походов. Все чаще давала о себе знать старая злодейка — тяжелая травма грудной клетки и дыхательных путей, полученная во время шторма на «Рюрик». В ноябре 1828 г. мореплаватель был переведен в гвардейский флотский экипаж и сразу же, как говорится в его служебном формуляре, «уволен в Ревель для излечения болезни»¹⁰. Но болезнь победить не удалось. 12 февраля 1830 г., на сорок втором году жизни, Коцебу был уволен в отставку «по расстроенному здоровью» в чине капитана 1-го ранга. В том же году в Веймаре вышла в свет книга, которую можно в известной мере считать его завещанием. Так закончилась служба в российском флоте Отто Коцебу.

Последние шестнадцать лет жизни мореплаватель провел в своем имении близ Ревеля. Он регулярно переписывался со старыми друзьями, следил за дальними походами нового поколения русских моряков, с замиранием сердца читал о попытках путешественников разных наций покорить Северо-Западный проход. Здоровье его слабело, он вел изнурительную борьбу с болезнями. Человек действия, «морской волк», совершивший три кругосветных плавания, он был обречен на медленное угасание в своем поместье.

Осенью 1845 г. Коцебу занемог особенно серьезно. Пять месяцев его организм сражался со смертью. 3(15) февраля 1846 г. мореплавателя не стало.

Коцебу похоронен на фамильном кладбище в местечке Козе, расположенном в излучине реки Пирита (ныне Харьбюский район ЭССР). На его могиле установлен памятник в виде черного мраморного креста, сохранившийся до наших дней. Но лучшим памятником мореплавателю служат его открытия и исследования, его книги, среди которых особое место занимает «Новое путешествие вокруг света».

«Находясь в открытом море, я всегда радовался появлению земли,— пишет Коцебу в этой книге.— Правда, и мне было небезынтересно водить корабль в далекие моря и бороться с изменчивой стихией. Но по-настоящему

---

¹⁰ Общий морской список. Ч. 7. СПб., 1893, с. 320.

увлекало меня лишь знакомство с новыми странами и их обитателями. Именно тут обретал я награду за трудности пути. Я не родился, по-видимому, моряком...»

Последняя фраза продиктована, очевидно, скромностью: моряк он был как раз превосходный. Но еще с юношеских лет Коцебу действительно увлекало знакомство с новыми странами и людьми, и это наиболее ярко проявилось в «Новом путешествии вокруг света». Опустив здесь почти все подробности, касающиеся морского дела, он сосредоточил основное внимание на описании увиденных стран и народов. Перед читателем, словно в калейдоскопе, проходит множество живописных картин: опереточный придворный парад в Рио-де-Жанейро, бал на борту шлюпа в чилийской бухте Консепсьон, ханжески чопорное богослужение в миссионерской церкви на Таити, трапеза гавайской королевы-обжоры и ее визит на «Предприятие», вольная, но отнюдь не идиллическая жизнь ратакцев, еще не вкусивших «прелестей» европейской цивилизации, встреча с гордыми и воинственными самоацами, посещение могилы Наполеона на острове св. Елены... Эти живые зарисовки не только увеличивают занимательность изложения, но и позволяют автору глубже осветить обстановку в далеких странах, которые ему довелось посетить.

Смелый и волевой командир, внимательный и зоркий наблюдатель, весьма сдержанный в проявлении своих чувств — таким возникает перед нами Коцебу со страниц составленного им описания экспедиции на «Рюрике» и особенно его отчета о плавании на «Предприятии». Однако в книге, изданной в Веймаре, Коцебу как бы приоткрывает перед читателем окно в свой внутренний мир. В ней проявляются такие свойства его личности, как неприятие жестокости, ханжества и стяжательства, сострадание угнетенным, чувство юмора, доходящее порой до ироничности, и в какой-то мере сентиментальность. Конкретные общественные явления Коцебу рассматривает в соответствии со своими критериями честности, благородства, справедливости и т. д., и это порой приводит мореплавателя к довольно неожиданным и смелым для его времени выводам и заключениям.

Характерно, что Коцебу-христианин не только не радуется распространению христианства в Калифорнии, но и глубоко сожалеет об этом. С гневом и болью пишет он о рабском положении индейцев-христиан в калифорнийских католических миссиях. «Тяжкие работы каждый день, за исключением воскресений, проводимых почти исключительно за молитвой, телесные наказания, тюремное заключение и ножные кандалы за недостаточно точное исполнение требований монахов, дурная пища, убогие жилища, лишение всякой собственности и почти всех радостей жизни» — таков, по его словам, тот «рай», который испанские монахи устроили для своих несчастных жертв. С убийственной иронией высмеивает Коцебу утверждения католических миссионеров о том, будто

Neue Reise
um
die Welt,
in den Jahren 1823, 24, 25 und 26.

Von Otto von Kogebue,
Russisch-Kaiserlichem Flott-Capitain und Ritter.

Zwei Bände.
Mit zwei Kupfern und drei Charten.

Weimar 1830,
Verlag von Wilhelm Hoffmann,
St. Petersburg,
bei J. Brief, Buch- und Musikalienhandlung.

они пришли в Калифорнию, заботясь о благе индейцев. В этом случае, пишет мореплаватель, «следовало бы обучить их строительству домов, земледелию и скотоводству на землях, оставленных в их собственности, а также разрешить им свободно распоряжаться продуктами своего труда».

Столь же отрицательно оценивает Коцебу деятельность английских и американских миссионеров-протестантов на островах Полинезии. «Новая религия была введена силой... Пролились потоки крови, целые племена были истреблены. Многие мужественно предпочли смерть отказу от старых верований» — так описывает он утверждение христианства на Таити. Коцебу показывает, что политика протестантских миссионеров, ставших закулисными правителями Таити и Гавайских островов и использовавших свою власть в корыстных целях, по существу, мало чем отличалась от действий испанских монашеских орденов в Калифорнии. Он разоблачает хвастливые рассказы миссионеров о созданных ими «школах», подчеркивая, что загоняемые туда нередко силой островитяне не получали полезных знаний, а обучались лишь чтению молитв. Сурово осуждает Коцебу английских и американских церковников за подрыв самобытной культуры таитян и гавайцев, за введение пуританских запретов на пение, танцы, развлечения и спортивные состязания. «Для парода, которому природа, казалось, предуготовила беззаботное наслаждение жизнью,— подчеркивает он,— всякое удовольствие стало теперь строго наказуемым грехом».

Сочинение Коцебу, изданное в 1830 г. в Веймаре и тогда же опубликованное в переводе на английский язык, вызвало немалый переполох в кругах миссионеров, поспешивших объявить автора клеветником и безбожником. Капеллан военно-морского флота США, бывший миссионер Стюарт, английские миссионеры Тайермен и Беннет выпустили книги, в которых пытались опровергнуть факты, сообщенные Коцебу, а недостаток аргументов не постеснялись возместить бранью по адресу русского мореплавателя. Их резкие выпады свидетельствуют о том, что обвинения, выдвинутые Коцебу, попали не в бровь, а в глаз.

Уделяя большое внимание критике миссионеров, Коцебу отмечает и развращающее влияние на полинезийцев других чужеземных пришельцев — моряков, торговцев, всякого рода авантюристов, упоминает о зловещих последствиях приобщения островитян к таким «благам» западной цивилизации, как огнестрельное оружие и спиртные напитки. Мореплавателю органически противны все формы порабощения человека человеком, с которыми он столкнулся во время плавания. С нескрываемым возмущением пишет он о жестокой эксплуатации негров-рабов в Бразилии, гневно клеймит работорговлю, которая производилась «со всей бесчеловечностью, порожденной корыстолюбием».

В соответствии с принятым тогда словоупотреблением Коцебу нередко называет коренных жителей Америки и Океании «дикими», «дикарями». Как поясняет сам мореплаватель в главе «Сандвичевы острова», эти термины в его время прилагались к народам, которые «понятия не имели о наших нравах, обычаях и учреждениях, изобретениях, науках и искусствах, а также придерживались образа жизни, в корне отличного от нашего». Следует, однако, учитывать, что эти два термина не имеют у Коцебу презрительного характера, ему чуждо расистское, высокомерное отношение к «дикарю».

Более того, Коцебу убежден, что все народы одинаково способны развивать свою культуру и двигаться по пути прогресса. Рассказывая о «тупости» и «приниженности» индейцев, закрепощенных в католических миссиях Калифорнии, Коцебу вместе с тем отмечает, что «при благоприятных обстоятельствах умственные способности калифорнийских индейцев могут вполне развиться» и тогда местные племена сравнятся с испанцами. Эта мысль неоднократно повторяется в других главах книги. Так, он пишет, что благотворительные реформы смогли бы быстро поставить таитян «в один ряд с цивилизованными нациями», что гавайцы, «возможно, уже сравнялись бы с европейцами», если бы не «злополучные обстоятельства, задержавшие их дальнейшее развитие», а про юного ратакца замечает, что «из него вполне можно было бы воспитать человека нашего, наиболее утонченного круга».

Эти слова напоминают высказывание другого выдающегося русского мореплавателя — В. М. Головнина, совершившего кругосветное путешествие на шлюпе «Камчатка» почти одновременно с экспедицией Коцебу на «Рюрик». «Обширный ум и необыкновенные дарования,— писал он после пребывания на Гавайских островах,— достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то, может быть, из числа их с курчавыми волосами и черными лицами более вышло бы великих людей, нежели из родившихся от европейцев»¹¹. Благородные высказывания Коцебу и Головнина сохраняют актуальность и в наши дни, когда прогрессивное человечество ведет решительную борьбу со всеми проявлениями колониализма и расизма.

Конечно, не все написанное Коцебу опережает его век, и было бы неправильно приписывать ему передовые взгляды по всем вопросам. Например, его рассуждения о движущих силах общественного развития могут вызвать улыбку у современного читателя. Но мы ценим Коцебу

---

¹¹ В. М. Г о л о в н и н . Путешествие вокруг света... совершенное на военном Шлюпе Камчатке в 1817, 1818 и 1819 годах. Т. 1. СПб., 1822, с. 337-338.

как гуманного и просвещенного мореплавателя, чье имя вписано золотыми буквами в историю отечественного флота.

Отто Коцебу не удалось совершить крупных открытий в полярных морях. Но его плавания оставили заметный след на карте и в лониях Тихого океана — в тех широтах, где на ночном небе блистает созвездие Южного Креста.

* * *

В 1959 году «Новое путешествие вокруг света» было издано в переводе на русский язык Сочинение Коцебу быстро исчезло с полок книжных магазинов и теперь стало, чуть ли не библиографической редкостью. Поэтому было решено выпустить второе издание. При его подготовке в текст внесены некоторые уточнения, существенно дополнены комментарии. Специально для нового издания написана вступительная статья.

Среди участников кругосветного плавания на «Предприятии» не было профессионального художника. Книгу, опубликованную в 1830 году в Веймаре, украсили двумя гравюрами с рисунков, сделанных, как упоминает Коцебу, одним из офицеров экспедиции (его имя установить не удалось). В нынешнем издании помимо этих двух гравюр («Высадка О. Е. Коцебу и И. Ф. Эшшольца на острове Отдиа», «Номаханна») использованы рисунки художника Л. Хориса, сопровождавшего Коцебу в экспедиции на «Рюрике». Его рисунки взяты из описания этой экспедиции, опубликованного в 1821 году в Петербурге¹², и из книги самого Хориса, изданной в 1822 году в Париже¹³. Один рисунок («Гавайские вожди на палубе русского шлюпа „Камчатка"») воспроизводится из хранящегося в ленинградском Музее Академии художеств СССР альбома художника М. Тиханова, участвовавшего в 1817—1819 годах в кругосветном плавании В. М. Головнина.

Остальные иллюстрации заимствованы из описания кругосветной экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена¹⁴, книг западноевропейских мореплавателей конца XVIII — первой половины XIX века (Дж. Кук, Э. Блоксэм, Ф. Бичи, М. Дюмон-Дюрвиль)¹⁵, труда историка — гавайца Камакау, написанного в середине прошлого столетия¹⁶, и очерка жизни Наполеона на острове Св. Елены¹⁷.

¹² О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... Ч. 2.

¹³ L. Choriz. Voyage pittoresque autour du monde. P., 1822.

¹⁴ Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов. СПб., 1831, Альбом.

¹⁵ J. Cook, J. King. A Voyage to the North Pacific... in the Years 1776, 1777, 1778, 1779 and 1780. L., 1784, Album; The Journals of Captain James Cook on His Voyages of Discovery. Vol. 3. P. 1. Cambridge, 1967; The Journals of Captain James Cook... Vol. 4. L., 1974; Diary of Andrew Bloxam, Naturalist of the «Blonde» on Her Trip From England to the Hawaiian Islands, 1824—1825. Honolulu, 1925; F. W. Beechey. Narrative of a Voyage to the Pacific and Bering's Strait... in the Years 1825, 26, 27, 28. Vol. 1; M. Dumont d'Urville. Voyage pittoresque autour du monde. Vol. 1. P., 1834.

¹⁶ S. M. Kamakau. Ruling Chiefs of Hawaii. Honolulu, 1961.

¹⁷ R. S. Seaton. Napoleon's Captivity. L., 1903.

В немецком оригинале употребляются различные меры длины. В русском тексте все расстояния даны в морских милях и лишь в нескольких случаях — в верстах и саженьях — мерах, достаточно известных читателям.

Температуры в немецком тексте указаны в градусах по шкале Реомюра. В русском издании рядом с ними в квадратных скобках приведены градусы по шкале Цельсия.

Ссылки на подстрочные примечания обозначены звездочками. Комментарии к тексту помещены в конце книги. Ссылки на них имеют нумерацию по главам.

За полтора столетия, прошедшие со времени плавания Коцебу на «Предприятии», существенно изменились многие географические названия. В тексте повсюду оставлены те, которыми пользовался автор, но в квадратных скобках указаны их современные эквиваленты.

Д. Д. Тумаркин

*Его превосходительству
господину адмиралу и кавалеру Крузенштерну,*

*первому русскому кругосветному путешественнику,
неустанному покровителю науки о мореплавании,
увековечившему свое имя выдающимся в нее вкладом,
моему старшему другу,
которого я, едва выйдя из детского возраста,
сопровождал в его славном плавании и под
чьим руководством я сделал свои первые шаги
на морском поприще,
в знак искреннейшего уважения
посвящается эта книга*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сочинение, предлагаемое мною вниманию любезных читателей, ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть причисленным к трудам знаменитых мореплавателей, которые столь способствовали развитию наук. Мне тоже хотелось принести пользу науке, совершив новые открытия и определив координаты ряда местностей. Но главная цель экспедиции, которой я руководил, полученные мной особые инструкции, а также самые размеры судна, не вполне подходящие для проведения съемок берегов, затруднили исполнение моего намерения. Все же описываемое здесь путешествие не было совершенно бесплодным и в этом отношении. Открытия и измерения, сделанные нами в мало изученных дотоле краях, не имеют большого значения, но заслуживают обнародования хотя бы в интересах будущих мореплавателей.

К тому же описание малоизвестных или вовсе неизвестных земель, характеристика тамошних обитателей, как и рассказ о пережитом среди них, способны вызвать не меньший интерес, чем среднего достоинства роман. Решившись на издание книги об этом плавании, я стремился, прежде всего, удовлетворить лестные для меня пожелания читателей, которые нашли увлекательным описание моего предыдущего путешествия, хотя в нем содержалось немало научных материалов. Предлагаемое сочинение рассчитано главным образом на такого рода читателей. Поэтому в нем опущены все заметки, касающиеся навигации, за исключением самых необходимых.

Неблагоприятные обстоятельства задержали издание этой книги, но я надеюсь, что она еще не потеряла всей прелести новизны. Что же касается моего стиля, то я вновь рассчитываю на снисходительность читателей. Посвятив себя с юных лет морской службе, я не имел времени на то, чтобы овладеть писательским ремеслом.

ВВЕДЕНИЕ

В марте 1823 г. император Александр I, ныне покойный, назначил меня командиром тогда еще не оконченного постройкой судна «Предприятие». Сначала предполагалось отправить это судно в чисто научное плавание, но вскоре возникли обстоятельства, которые заставили совершенно изменить цель экспедиции. Мне было предписано принять в Кронштадте груз, состоявший из различных товаров, и доставить его на Камчатку, а затем отправиться к северо-западным берегам Америки, чтобы воспрепятствовать контрабандному торгу, производившемуся там иностранными судами в ущерб интересам Российско-Американской компании. В течение года корабль должен был оставаться у американского побережья, а затем, дождавшись прихода другого судна, отправиться обратно в Кронштадт. Мне было разрешено при плавании в оба конца выбирать путь по своему усмотрению.

Строительство судна было завершено только в мае. Его название — «Предприятие». Это был первый корабль, построенный в России под крышей, что является весьма полезным нововведением. По своим размерам он не уступал фрегату среднего ранга, но во избежание ненужной нагрузки был вооружен лишь 24 шестифунтовыми пушками.

Мой экипаж состоял из лейтенантов Кордюкова, Корсакова [Римского-Корсакова], Барташевича и Пфейфера, мичманов [Егора] Екимова, Александра Моллера, Головнина, графа Гейдена, Чекина, Муравьева, Вукотича и Павла Моллера, штурманских помощников Григорьева, [Федора] Екимова и Симакова, восьми унтер-офицеров и 115 матросов. Кроме того, в состав экипажа входили священник Виктор, врач Зивальд, естествоиспытатель профессор Эшшольц, астроном Прейс, физик Ленц и минералог Гофман. Таким образом, всего набралось 145 человек.

Нас щедро снабдили астрономическими, физическими и другими научными приборами. Мы располагали, в частности, двумя различными маятниковыми приборами и теодолитом, изготовленным специально для нашей экспедиции знаменитым

Рейхенбахом. Этот драгоценный прибор, исполненный с удивительной точностью, весьма пригодился нам во время производившихся на суше астрономических наблюдений.

Корабль пришел в Кронштадт в июне. А 14 июля по старому стилю (которого я буду придерживаться при описании этого путешествия) он уже стоял в тамошней гавани, полностью оснащенный и готовый к отплытию. В этот день орудийный гром, который донесся до нас с крепости и с кораблей, стоявших на рейде, возвестил о прибытии императора. Вскоре мы имели счастье увидеть его величество на нашем судне.

Тщательно осмотрев последнее, государь выразил свое удовлетворение его состоянием, наградил матросов деньгами, а меня и моих офицеров удостоил письменной благодарности.

Часть первая

Глава первая

ПЛАВАНИЕ К БЕРЕГАМ БРАЗИЛИИ

По окончании смотра мы вышли на рейд, и 28 июля, после горестного прощания с горячо любимой и любящей супругой, я приказал поднять якоря, ибо задул попутный ветер. Вся команда находилась в отличном расположении духа и была полна воодушевления. Поэтому работы по подъему якорей и постановке парусов были выполнены с необыкновенной быстротой. А когда корабль тронулся в путь, разрезая пенистые волны, люди, ликуя, принялись обниматься и от всего сердца желали друг другу счастья в предстоящем плавании.

Эта сцена подействовала на меня весьма благотворно. Подобное настроение команды в начале путешествия, сулящего ей всевозможные лишения и опасности, показалось мне залогом того, что ее мужество и жизнерадостность не исчезнут перед лицом суровых испытаний. Имея хорошее судно и никогда не унывающую команду, можно считать успех плавания уже почти обеспеченным.

Попрощавшись с кронштадтской крепостью семью выстрелами и услышав столько же выстрелов в ответ, мы прибавили парусов. Их наполнило свежим ветром, и вскоре крепость с ее башнями скрылась из виду.

До Готланда плавание протекало отлично, и всеобщее приподнятое настроение ничем не нарушалось. Но возле этого острова с запада налетел шторм, причем настолько неожиданно, что мы едва успели принять необходимые меры предосторожности. Высокие, беспорядочно катившиеся волны неистово швыряли нас из стороны в сторону, так что я даже почувствовал некоторое беспокойство.

Новому, еще не опробованному судну, да еще с несколько несработавшейся командой, первый шторм всегда приносит некоторые неприятности, которые затем больше не повторяются.

Такое судно еще не вполне обжито. Должно быть, поэтому на нем недооценивают силу качки и иногда небрежно крепят в каютах подвижные предметы. Так случилось и у нас, особенно в кают-компании, которую населяло двадцать человек. Здесь произошла настоящая революция. Ни стулья, ни столы — ничто не пожелало остаться на своем месте; вся мебель пришла в движение и путешествовала по помещению, опрокидываясь и сталкиваясь друг с другом. Молодые, жизнерадостные офицеры забавлялись этим беспорядком. Что же касается ученых, страдавших от морской болезни, то и они не смогли удержаться от смеха, когда здоровенная свинья, растревоженная качкой и вбежавшая на шканцы, вдруг совершила дерзкий прыжок в каюту через открытое окно. Оглядевшись, она обнаружила с превеликим изумлением, что и тут не найти покоя.

Тем временем я внимательно наблюдал за поведением судна, на котором нам предстояло плыть так долго и выдержать множество штормов. Подобно тому, как друзья вернее всего познаются во время жизненных бурь, свойства судна по-настоящему узнаются лишь во время беснования стихии. Я сравнил его достоинства с его недостатками и с радостью убедился в том, что первые явно перевешивают. Это был друг, на которого я мог вполне положиться в беде. Командиру корабля обязательно нужно в этом удостовериться, ибо иначе его действиям будет недоставать уверенности и определенности, которые совершенно необходимы в минуту опасности и столь существенны для успеха плавания.

Шторм прекратился через двадцать четыре часа. Попутный ветер снова наполнил наши паруса, и спокойное плавание показалось нам вдвойне приятным после перенесенных испытаний.

На рассвете 8 августа возле острова Борнхольм мы оказались в окружении кораблей русской эскадры, крейсировавшей здесь под командованием адмирала Крона. Эта встреча с соотечественниками явилась для нас приятным сюрпризом, ибо они могли принести на милую сердцу родину известие о том, что мы счастливо добрались, по крайней мере, до здешних мест. Мы салютовали адмиралу девятью пушечными выстрелами, услышали такой же ответ и продолжали наше плавание под всеми парусами.

Рано утром 10 августа мы прибыли в дружелюбную столицу Дании, где приняли на борт теодолит, изготовленный для нас Рейхенбахом и доставленный сюда из Мюнхена. 12 августа, еще до того, как солнце показалось над горизонтом, мы снова тронулись в путь под всеми парусами, ибо дул попутный ветер, а

море было спокойно. Сплошь возделанные датские берега, вдоль которых мы плыли, в это ясное утро имели особенно приятный вид, будучи освещены лучами восходящего солнца. В тот же день мы миновали Зунд и вошли в Каттегат.

Здесь нас застигла ночью сильнейшая гроза. Черное небо нависло над нами, море окуталось зловещим мраком. Раздавались страшные раскаты грома, и сверкающие молнии обрушивались в воду вокруг корабля. Казалось, что каждый такой удар должен попасть прямо в нас. К счастью, вода обладает большой притягивающей силой и потому служит для судов хорошим громоотводом. Не будь этого, мы бы погибли.

В Северном море наше плавание протекало удручающе медленно, так как почти непрерывно дул встречный ветер, а в Английском канале [пролив Ла-Манш] оно было опасным из-за сплошного тумана. Все же 25 августа мы благополучно прибыли на Портсмутский рейд.

Поскольку я намеревался обогнуть южную оконечность Америки, пресловутый мыс Горн, в самое удобное для этого время, то есть в январе или феврале, мне пришлось, возможно, больше сократить свое пребывание в Англии. Тотчас по прибытии я отправился в Лондон. Я не позволил себе увлечься здешним великолепием и пробыл на суше ровно столько, сколько понадобилось для приобретения недостающих астрономических инструментов, морских карт и хронометров. Снабженный всем необходимым, я вернулся 2 сентября на корабль, чтобы выйти в море, как только задует попутный ветер. Но коварному ветру, как это часто с ним случается, угодно было испытать наше терпение. Мы смогли покинуть рейд только 6 сентября. А на следующее утро, едва мы подошли к мысу Портленд, ветер переменялся и вскоре задул со штормовой силой как раз с той стороны, куда мы стремились.

Из-за многочисленных мелей и сильных неправильных течений Английский канал принадлежит к числу наиболее опасных морских путей. Каждое судно, оказавшееся здесь в штормовую ночь, подвергается величайшему риску. Недаром в этом канале ежегодно гибнет множество судов. Во время моего предыдущего плавания па «Рюрике» я сам неминуемо потерпел бы здесь кораблекрушение, если бы рассвет начался на полчаса позже. Наученный горьким опытом, я решил не вверять нашу судьбу темноте ночи.

К счастью, я еще не отослал нашего лоцмана. Этот человек, поседевший на службе и отлично знакомый с местными водами, также считал, что мы должны немедленно повернуть обратно, чтобы попытаться еще до захода солнца вернуться на Портсмутский

рейд. Поэтому я приказал тотчас изменить курс. Мы оставили столько парусов, сколько было допустимо при шторме, и помчались к нашему убежищу. Хотя вскоре пришлось оставить лишь немного парусов, так как буря становилась все более сильной, корабль довольно быстро продвигался вперед. Но когда мы прошли примерно половину расстояния, отделявшего нас от Портсмута, обстановка серьезно осложнилась: небо потемнело, и на море опустился такой густой туман, что земля, до сих пор служившая нам надежным ориентиром, совершенно скрылась из виду. Видимость ограничивалась 300 саженьями. Изменившийся цвет лица нашего лоцмана ясно показывал, сколь опасным стало наше положение.

Этот маленький, коренастый и толстый человек, обычно столь флегматичный, внезапно оживился. Он несколько раз произнес известное английское проклятие, которое Фигаро называл *fond de la langue*¹⁸, ожесточенно потер себе руки и, наконец, сказал:

— Капитан, я хотел бы выпить стакан грогу. Черт меня побери, если я не доставлю вас невредимым в Портсмут!

Его желание, было, разумеется, немедленно исполнено. Подкрепившись, наш мужественный лоцман самолично встал за штурвал. Отныне наша судьба целиком зависела от его искусства.

Чтобы добраться до Портсмута еще засветло, необходимо было избрать кратчайший путь, то есть идти через Нидлс — узкий, изобилующий отмелями пролив между сушей и островом Уайт, где и при ясной погоде нельзя обойтись без хорошего лоцмана. Солнце было уже близко к закату, угрожая скорым наступлением темноты, когда впередсмотрящий известил нас испуганным криком о близости земли. В то же мгновение все мы увидели высокую, окутанную туманом скалу, о подножие которой с бешеной силой разбивались буруны; она находилась не более чем в 200 саженьях от нас.

Наш лоцман опознал в ней западную оконечность острова Уайт, расположенную как раз у входа в пролив Нидлс. Нависшая над нами опасность еще больше увеличила его мужество. Он вцепился в штурвал обеими руками и с удивительным искусством повел корабль сквозь беснующийся шторм по извилистому фарватеру, окаймленному отмелями. Часто грозные утесы оказывались так близко от нас, что приходилось опасаться удара об них.

Судно меньших размеров, шедшее некоторое время вместе с нами, наскочило на мель и было поглощено волнами. Это жуткое

---

¹⁸ *Fond de la langue* (франц.) — основа языка.

зрелище, равно как и мысль о том, что нам, возможно, уготована такая же участь, заставило всех умолкнуть. Мы, не отрываясь, смотрели вперед, следя за движением нашего корабля.

Сам лоцман не проронил ни слова, пока мы в сгустившихся сумерках не прибыли благополучно на Портсмутский рейд. Легко понять, как велико было наше ликование по случаю избавления от смертельной опасности. Между тем лоцман, усевшись со стаканом грогу у пылающего камина, вскоре впал в свое прежнее, флегматичное состояние и с полнейшим безразличием принимал сыпавшиеся на него со всех сторон изъявления благодарности и восхваления.

Равноденственная буря к утру утихла. Первые лучи восходящего солнца принесли нам прекрасную погоду и попутный ветер, которым мы тотчас воспользовались, чтобы вторично попытаться покинуть Англию. Превратности судьбы нигде не проявляются с такой силой, как на море. Совсем недавно мы испытали на себе его неукротимую ярость, а теперь оно сделалось слишком спокойным. Из-за штилей нам пришлось провести в канале еще девять дней. Лишь затем мы смогли выйти в Атлантический океан.

Здесь при свежем северном ветре в непосредственной близости от нас пронесся водяной смерч. Это была большая воронкообразная масса пенящейся воды, которая находилась в постоянном движении. Своим острием смерч упирался в море, а широкой верхней поверхностью касался черного облака.

Мы взяли теперь курс на юг и после противоборства со многими штормами 22 сентября достигли параллели Лиссабона. Здесь мы попали в более теплый и приятный климат и поздравили друг друга с тем, что миновали район штормов. Наш путь лежал к острову Тенериффа [Тенерифе], где мы намеревались I запастись вином. Попутный свежий пассат нес нас быстро и I спокойно вперед. Весь экипаж чувствовал себя отлично и наслаждался прекрасным утром, какое часто выдается в этом районе. Настроение команды, вообще отличавшейся жизнерадостностью, еще более повысилось в предвкушении удовольствия, которые сулило пребывание на прелестном острове Тенериффа. Вдруг один из матросов по неосторожности упал за борт и нашел свою смерть в волнах.

Мы пытались его спасти, но безуспешно, так как шквал, налетевший в этот трагический момент, далеко отбросил судии от места, где произошло несчастье. Разумеется, всякому веселью на судне пришел конец. У меня же к чувству скорби по поводу случившегося примешивалось еще опасение, что данное происшествие может оставить тяжелый осадок в душах матросов.

Дело в том, что моряки, как и охотники, не вполне свободны от суеверий, и в частности верят в приметы. Как легко это несчастье могло быть сочтено за дурное предзнаменование, и тогда прощай хорошее настроение, столь необходимое в плавании, подобном нашему! Известно, что дело уже наполовину загублено, если потеряна вера в его счастливое окончание. Ведь команда, считающая себя обреченной, не станет с должным рвением выполнять приказы командира, а будет на свою же погибель затруднять ему командование.

Еще долго товарищи погибшего печально смотрели в ту сторону, где он утонул. Но когда мы заметили маленький скалистый остров Сальважес и около полудня прошли мимо него на почтительном расстоянии, вид земли их несколько рассеял. В дальнейшем к команде мало-помалу вернулось прежнее, веселое расположение духа, так что мои опасения, к счастью, не оправдались.

В тот же вечер показался гористый остров Тенериффа, окутанный облаками и туманами. Ночью мы подошли к его северной оконечности, состоящей из высоких черных лавовых скал. Здесь я решил лавировать до рассвета, чтобы потом двинуться к городу Санта-Крус — единственному на этом острове месту, где суда могут становиться на якорь.

Ночь выдалась штормовая, причем сильные шквалы, обусловленные гористым характером суши, налетали на нас с самых различных направлений. К утру, погода улучшилась. Мы обнаружили, что за ночь течение отнесло нас на двадцать миль к юго-востоку. Это сильное течение, наблюдающееся здесь обычно во все времена года, может в темную ночь оказаться роковым для не осведомленных о нем судов.

Мы обогнули северный мыс острова, и пошли вдоль его южного побережья к рейду Санта-Круса. Благодаря высоким, обрывистым массам застывшей лавы здешний берег имеет живописный вид, но кажется пустынным и бесплодным. Глаз не обнаружит здесь ни клочка земли, на котором мог бы расти чудесный tenerиффский виноград. На вершине одной из скал, на высоте примерно в тысячу футов над уровнем моря, мы увидели действующий телеграф, который, должно быть, сообщал и город о нашем прибытии. Вскоре показался и сам город, построенный амфитеатром по склону горы.

С моря Санта-Крус выглядит очень приятно и дружелюбно благодаря обилию церквей и монастырей, а также красоте Мюльшинства домов. Но наибольшее впечатление производит Величественный Пик [Тейде], этот великан среди гор, чья расположенная в глубине и покрытая льдами вершина возвышается

на 13 278 футов над уровнем моря. Пик являет взору поистине захватывающее зрелище, особенно в том случае, если облака помешают заметить его издалека, а потом рассеются, когда вы приблизитесь, так что он вдруг предстанет перед вами во всю свою исполинскую величину. Мы увидели его именно при таких обстоятельствах.

На этот гигантский конусообразный вулкан трудно взобраться вследствие его крутизны, а кратер, находящийся на самой вершине, окружен настолько тонкой круглой стеной из лавы, что там в некоторых местах едва можно усестся. Зато тот, кому хватит смелости добраться до кратера, будет вознагражден одним из прекраснейших зрелищ, какие только бывают на свете. Перед ним раскинутся, как на ладони, все прелестные ландшафты Тенериффы, он увидит остальные девятнадцать Канарских островов, его взор будет бродить по бескрайним просторам океана. Более того, он различит даже могучие леса африканского побережья, а за ними — желтую полосу начинающейся песчаной пустыни.

Мы приближались к городу с мыслями об удовольствиях, которые нас ожидали. Было решено устроить экскурсии для осмотра острова, а также организовать восхождение на Пик. Ученые заранее радовались тем растениям и геологическим образцам, которые они надеялись тут найти и были готовы отправиться на берег, как только будет спущена шлюпка.

Между тем я вызвал лоцмана обычным в таких случаях сигналом. Эта мера предосторожности здесь весьма уместна, ибо грунт на рейде изобилует острыми обломками скал, а также усеян утерянными корабельными якорями, из-за которых легко можно потерять свои якоря. Время шло, а лоцман не появлялся. Тогда я решил стать на якорь без его помощи, так как немного изучил этот рейд во время моих предыдущих плаваний. Мы успели уже сделать все необходимые приготовления, как вдруг ядро, пущенное в нас из крепости, упало в воду недалеко от судна. Одновременно мы заметили большое оживление на крепостных стенах. Там заряжали пушки, а канониры стояли с зажженными фитилями, готовые приветствовать нас ядрами.

Я не мог понять, чем вызваны столь враждебные действия, ибо наше правительство не находилось в состоянии войны с этой державой. Не желая вступать в сражение, я приказал повернуть судно, чтобы выйти из зоны обстрела. Здесь мы легли в дрейф, надеясь на то, что будет прислана лодка с каким-нибудь разъяснением. Напрасно прождав в течение довольно продолжительного времени и видя, что на крепостных стенах продолжают

военные приготовления, я решил распрощаться с островом и его Пиком и продолжить наше плавание к берегам Бразилии, где мы могли рассчитывать на более дружественный прием.

Итак, из-за глупого недоразумения мы лишились всех радостей и естественнонаучных приобретений, которые сулило нам пребывание на Тенериффе, а также остались без прекрасного вина, которым намеревались там запастись. Какова бы ни была причина этого, испанцы поступили крайне неразумно, нанеся оскорбление русскому флагу. Если даже они приняли нас за врагов, все равно было нелепо с их стороны испугаться одинокого судна. Ведь крепостные сооружения, защищающие город, настолько сильны, что сам знаменитый Нельсон, прибывший сюда с английским флотом, оказался против них бессильным и вынужден был отступить, потеряв здесь руку.

Отойдя на несколько миль, мы увидели большое трехмачтовое судно, которое, лавируя против ветра, пыталось достичь рейда Санта-Круса. Я приказал направиться к нему в надежде узнать какие-нибудь новости, могущие объяснить то враждебное обращение, которому мы подверглись. Но это судно испугалось нас не меньше, чем крепость, и постаралось как можно скорее уклониться от встречи, лишь только заметило наши намерения. Было смешно и вместе с тем досадно, что такие миролюбивые люди, как мы, всем казались сегодня ужасными. Я приказал выстрелить из пушки, чтобы побудить судно остановиться. Тогда оно, не сбавляя хода, подняло английский флаг. Мы не стали его преследовать, а воспользовались свежим пассатом, чтобы поскорее отдалиться от Тенериффы.

На следующее утро мы все еще могли разглядеть Пик, хотя находились от него на расстоянии в сто миль; его вершина поднималась выше облаков. Это зрелище напоминало нам о загадочных коренных жителях Тенериффы, про которых говорили, будто они могли, есть только растительную пищу, ибо их челюсти были похожи на челюсти животных, питающихся одной травой. Они бальзамировали тела умерших, так же как древние египтяне, и сохраняли их в гротах, расположенных среди скал. Эти захоронения предстоит еще найти. Испанцы, открывшие и завоевавшие Канарские острова, оставили много рассказов о культуре, упорядоченном государственном устройстве и высокой нравственности тогдашних обитателей архипелага, называвшихся гуанчами. Это не помешало испанцам подвергнуть последних жестоким мучениям, в результате которых данный народ был полностью истреблен.

Пользуясь пассатом, при неизменно хорошей погоде мы быстро

двигались к нашей цели. Дельфины, летающие рыбы, а также большая золотистая рыба, которую испанцы за красоту называли бонитом¹⁹, были нашими постоянными спутниками, оживляя днем монотонную картину бескрайних водных просторов. А темными ночами бесчисленное множество крохотных фосфоресцирующих животных усеивало черные волны огненными искрами, создавая великолепную иллюминацию. Наш натуралист, профессор Эшшольц, уже сообщил ученому миру о результатах исследования этих животных под микроскопом.

1 октября мы обогнули острова Зеленого Мыса, так и не увидев возвышенной, но почти всегда покрытой туманами земли, и направились прямо к экватору. Вскоре мы попали в область штилей, причем жара становилась обременительной. Однако благодаря надлежащим мерам предосторожности все члены экипажа оставались здоровыми. Порядок, полнейшая чистота и хорошая, здоровая пища превосходно защищают от болезней. При соблюдении этих условий не страшна даже цинга, этот бич моряков, находящихся в дальнем плавании.

Достигнув 5° северной широты, мы воспользовались штилем, чтобы при помощи прибора, изобретенного известным русским академиком Парротом⁸, взять пробу воды с глубины 500 саженей. Температура этой воды равнялась лишь 5° по Реомюру [6,25 °Ц], тогда как температура поверхностного слоя воды достигала 25° [31,25° Ц]. Добытая из глубины, вода показалась нам холодной как лед. Смочив ею наши головы и лица, мы почувствовали себя гораздо бодрее. Прибор весил 40 фунтов и мог вместить около ведра воды. Но на глубине в несколько сот саженей это маленькое тело испытывало столь значительное давление, что его едва смогли вытащить обратно шесть матросов при помощи лебедки. Мы сделали попытку опустить этот прибор на глубину 1000 саженей, но трос оборвался, и мы его потеряли. К счастью, у нас имелся в запасе еще один прибор.

Нас отделяли от земли многие сотни миль, когда над кораблем появилась ласточка. Эти птички могут пролетать удивительно большие расстояния без отдыха. Тем не менее, наше судно, по-видимому, повстречалось ей весьма кстати, и она его больше не покидала. Ласточка была очень утомлена, но вскоре отдохнула и принялась весело порхать вокруг. Моряку, находящемуся в открытом море и вынужденному довольствоваться обществом своих товарищей по плаванию, приятен всякий гость с земли, хотя бы это была только птичка. Наша ласточка вскоре

---

¹⁹ Bonito (исп.) — красивый.

сделалась всеобщей любимицей и до того приручилась, что садилась на руки и принимала преподносимых ей мух без малейшего страха. В качестве места ночлега она избрала мою каюту. Ласточка влетала туда вечером через открытое окно, а с восходом солнца возвращалась на верхнюю палубу, где каждый стремился наловить мух, чтобы угостить нашего маленького друга. Однако подобная заботливость принесла ей несчастье: она съела лишнее и, ко всеобщему нашему горю, погибла от несварения желудка.

21 октября мы пересекли экватор в районе 25° западной долготы и приветствовали Южное полушарие пальбой из пушек. При этом над всеми членами команды, впервые участвовавшими в таком событии, была совершена обычная шутивая церемония. С величайшей серьезностью и торжественностью ею руководил матрос, который весьма гордился тем, что уже неоднократно пересекал экватор, участвуя в моем предыдущем плавании. Он явился в образе Нептуна, в костюме, который должен был вселять ужас; его сопровождала супруга. На сей раз, эта чета прибыла не в раковине, влекомой тритонами, а на орудийном лафете, который тащили «негры». Вечером матросы разыграли комедию собственного сочинения, заслужившую всеобщее одобрение.

Подобные увеселения повышают настроение команды, помогают ей скорее забыть о перенесенных невзгодах и укрепляют ее мужество перед лицом новых опасностей. К тому же они оказывают благотворное влияние на самое здоровье команды, ибо бодрый и веселый человек заболевает гораздо реже, чем угрюмый и подавленный. Вот почему командиры судов должны использовать все невинные средства, чтобы сохранить и укрепить веселое расположение духа у своих подчиненных.

В плавании, продолжающемся несколько лет, когда люди часто месяцами не имеют возможности отдохнуть на суше и безостановочно плывут среди водной пустыни, которая отнюдь не была предназначена природой служить местопребыванием человеку, умы неминуемо склоняются к меланхолии. Последняя, в свою очередь, становится причиной многих болезней и может даже вызвать умопомешательство, чему есть немало примеров. Развлечения и увеселения в таких случаях лучшее лекарство, которое помогает безотказно, особенно если оно применяется в предупредительных целях.

Южнее экватора мы были встречены ясной погодой и свежим юго-восточным пассатом, с помощью которого быстро и спокойно достигли побережья Бразилии.

РИО-ЖАНЕЙРО

1 ноября, весенним утром (так как мы находились в Южном полушарии), мы увидели мыс Фрио [Кабу-Фриу]. В тот же вечер мы ясно опознали вход в бухту Рио-Жанейро [Рио-де-Жанейро], столь приметный по горе, имеющей форму сахарной головы. Наступивший штиль лишил нас удовольствия тогда же войти в гавань, и мы были вынуждены бросить якорь у входа в бухту. Но открывшийся с корабля вид был настолько восхитителен, что мы почувствовали некоторое утешение.

Многие описывали великолепную природу Бразилии, но никто еще, пожалуй, не смог найти слов, способных передать все очарование ее дивной красоты. Только обладая самым богатым воображением, можно представить себе эти живописные ландшафты, эту пышную исполинскую растительность, которая во всем своем многообразии, сверкая тончайшими переливами красок, щедро покрывает долины и горы вплоть до морского побережья. Освежающий ветерок, дующий с суши, доносил до нас самые упоительные благоухания; над нами кружилось множество бабочек, насекомых и птиц, встречающихся только в тропических странах. Все говорило о том, что природа предназначила этот край для беззаботного наслаждения жизнью и для счастья своих созданий. Но для негров-рабов, обреченных на тяжкий труд под плетью своих мучителей, этот рай оказался адом.

Возмутительным контрастом к прелестям чудесной природы Бразилии показался нам вид двух судов с невольниками, только что прибывших из Африки и, подобно нам, вставших здесь на якорь. Торговля людьми — позорное пятно на цивилизованных государствах, которого большинство из них уже стыдится. Но здесь она еще процветает под защитой закона и производится со всей бесчеловечностью, порожденной корыстолюбием. Как известно, суда, занятые этим постыдным торгом, переполняются настолько, что несчастные рабы едва могут пошевелиться. Правда, их поочередно выводят на верхнюю палубу подышать свежим воздухом. Но поскольку палуба может одновременно вместить лишь небольшую их часть, эти люди, превращенные в товар, принуждены почти все время неподвижно лежать в отравленной атмосфере трюмов, отчего неизбежно заболевают. Обычно третья часть человеческого груза погибает уже в пути, а остальные достигают места назначения в весьма плачевном состоянии. Палубы невольничьих судов,

вставших рядом с нами на якорь, также были заполнены закованными в кандалы, совершенно нагими и большей частью больными неграми и негритянками. Среди них находились матери, кормившие грудью своих младенцев; даже их не пощадили бессердечные спекулянты. Какие же ужасы таили трюмы этих судов!

Наступившая темнота постепенно скрыла от наших взоров все то, что нас так восхищало и возмущало. Зато в течение всей ночи до нас доносились из города пушечные выстрелы, а порой и ружейная пальба, причем в воздух взлетало множество ракет. Это заставило нас предположить, что там отмечается какой-нибудь важный праздник или произошло великое событие. Но впоследствии мы узнали, что поводом к этим народным торжествам послужил арест трех министров, обвиненных в заговоре против императора.

На рассвете на корабль прибыл здешний лоц-директор. Это был человек уже в летах, маленький, толстый и, подобно большинству бразильцев, совершенно необразованный. Он весьма кичился своим именем — Васко да Гама — и уверял, что происходит по прямой линии от того Васко да Гамы, который первым обогнул мыс Доброй Надежды. Помимо своих предков он больше всего на свете гордился независимостью Бразилии, словно был главной ее опорой. Подобным чувством воодушевлены здесь все классы общества; в нем, должно быть, заключена самая надежная гарантия этой независимости.

Мы снялись с якоря и использовали прилив, чтобы войти в бухту Рио-Жапейро. Хотя наш лоцман и не был так знаменит, как его великий предок, он, тем не менее, хорошо знал свое дело, ибо весьма умело провел нас в бухту через узкий проход. Над этим проходом, образующим канал, господствует сильный форт, который довольно надежно защищает бухту от вторжения вражеских судов. А с помощью еще более мощных батарей ее можно сделать вообще недостижимой, так как проход настолько узок, что неприятельский корабль, пробиваясь через него, будет все время находиться под обстрелом. Мы стали на якорь вблизи города, среди множества судов различных наций, и впервые после отплытия из Англии ступили на твердую землю, пробыв в море пятьдесят два дня.

Какой бы прелестной и изумительной ни казалась европейцу вся Бразилия, пожалуй, нигде не найти такого захватывающего зрелища, как то, которое открывается в глубине этой бухты. Пейзажи, замечательные Своим неповторимым великолепием, дополняются здесь панорамой Рио-Жанейро. Этот город раскинулся амфитеатром над гаванью и снизу кажется

оживленным и очень красивым. Между постройками горделиво возвышаются высокие и стройные пальмы; их тени, падая на приветливые белые домики, создают совершенно исключительный эффект. А высоко над городом виднеются многочисленные монастыри, которые, подобно ласточкиным гнездам, прилепились к обрывистым склонам гор.

Едва мы успели убрать паруса, как к нам на борт явился российский вице-консул Кильхен, а с ним офицер, посланный бразильским правительством. Они явились для того, чтобы поздравить нас с благополучным прибытием, причем офицер одновременно ознакомил меня с постановлением своего правительства, согласно которому каждый входящий в гавань военный корабль должен салютовать крепости двадцатью одним пушечным выстрелом. Чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что эти воинские почести оказываются бразильскому флагу, он привез нам таковой и потребовал, чтобы мы подняли его на фок-мачте во время салюта. Подобное требование, исходившее от государства, тогда еще не признанного нашим правительством, показалось мне небывалым. Но я решил его исполнить, чтобы избежать возможных осложнений, и тотчас же приказал произвести салют двадцатью одним выстрелом, на что крепость незамедлительно ответила равным числом выстрелов.

Стремясь не упустить сезон, благоприятный для плавания в районе мыса Горн, я попросил Кильхена максимально ускорить поставку продовольствия и других необходимых припасов. Но оказалось, что на это уйдет не меньше четырех недель, и я решил использовать их для астрономических наблюдений, а также для наблюдений над маятником.

Кильхен предоставил мне для этих занятий удобный загородный дом, расположенный в маленькой живописной бухте Ботафого, куда я и перебрался уже на следующий день вместе с нашим астрономом Прейсом, препоручив надзор за судовыми работами моим офицерам.

Поскольку история Бразилии, возможно, известна не всем читателям и читательницам (надеюсь, что данной книгой заинтересуется и прекрасный пол!), я позволю себе предпослать рассказу о моем пребывании в этой стране нижеследующие заметки.

Большая империя в Южной Америке, названная Бразилией в честь красивого дерева, которое растет здесь в изобилии и по цвету напоминает раскаленный докрасна уголь (по-португальски Brasa), принадлежит к числу наиболее богатых и плодородных стран земного шара. Ее случайно открыл в 1500 г.

португалец Кабрал, который был занесен ветрами к этим берегам с флотом, направляющимся в Ост-Индию.

На первых порах португальцы ничего не знали о богатствах этой страны и использовали ее в качестве места ссылки преступников. Но позднее, когда изгнанники начали выращивать сахарный тростник и были открыты золотые и алмазные копи, Бразилия приобрела огромную цену в глазах португальского правительства. Для управления страной был прислан вице-король, получивший строгое предписание закрыть ее порты для всех иностранных судов. Указанная мера была вызвана главным образом стремлением предотвратить контрабандный вывоз бразильских алмазов и прочих драгоценных камней в другие государства и тем самым сохранить португальскую монополию в этой важной отрасли торговли.

Долгое время эта чудесная страна изнывала под властью вице-королей. Она служила для Португалии неиссякаемым золотым дном, а сама оставалась бедной и угнетенной, с редким населением, лишенным какой бы то ни было духовной культуры. Новые перспективы открылись перед Бразилией только в 1807 г., когда властолюбивые замыслы Наполеона распространились на Португалию, вынудив королевский двор искать убежища в своей американской колонии. За королем последовало примерно 12 тысяч гражданских лиц и около 14 тысяч военных. Пребывание правительства и двора в главном городе колонии — Рио-Жанейро — оказало самое благотворное влияние на Бразилию. Порты были открыты для всех европейских судов, начался подъем торговли, промышленности и просвещения.

После того как победы Наполеона окончились его ссылкой на остров Св. Елены, король Португалии в 1821 г. вернулся в свои европейские владения. Уезжая, он передал управление Бразилией своему сыну, наследному принцу Педро, женатому на одной из австрийских принцесс. Пример только что образовавшихся республик оказал могучее влияние на умы, и отъезд короля послужил сигналом к революционным волнениям. По наследному принцу удалось их прекратить и привлечь на свою сторону сильную партию. В 1822 г. он объявил Бразилию независимой, обещал ввести конституцию и присягнул ей на верность в качестве императора Педро I. Со дня присяги император и все патриоты носят на левой руке зеленую кокарду, на которой начертаны слова: «Independents ou morte»²⁰. Во

---

²⁰ Independente ou morte (искаж. португ.) — независимость или смерть.

время коронации был учрежден орден Южного Креста, а над крепостью взвился национальный флаг. Этот флаг зеленого цвета, с желтым четырехугольником посередине, на котором изображен земной шар, осыпанный тринадцатью звездами (по числу провинций) и листьями кофе и табака как образцами продукции страны.

Во время нашего пребывания в Бразилии форма правления там поистине была «конституционной». Достаточно сослаться на такие факты, как шумный арест трех упомянутых выше министров и самовольный разгон депутатов от всех провинций, созданных как раз для того, чтобы образовать конституционное собрание. Наконец, сам император заявил, что потребует безусловного повиновения даже в том случае, если захочет, подобно Карлу XII, прислать в палату депутатов сапог в качестве своего представителя. Возможно, однако, что он вынужден был прибегать к насильственным мерам вследствие раздоров между партиями, каждая из которых преследовала свои собственные интересы и не заботилась о всеобщем благе. Вообще же император известен благородством своего характера.

Капитан одного из кораблей Российско-Американской компании, находившийся в Рио-Жанейро, рассказал мне анекдот о его человеколюбии. Два матроса с этого судна, отпущенные на берег, напившись пьяными и свалились без чувств на дороге. Случилось так, что мимо проезжал император с императрицей в сопровождении нескольких слуг. Он принял пьяных матросов за больных, слез с лошади и начал собственноручно растирать им виски, чтобы привести в чувство. Когда же это не удалось, он вызвал своего лейб-медика и приказал ему доставить мнимых больных в госпиталь. Протрезвившись, они вышли оттуда на следующее утро совершенно здоровыми.

Еще один анекдот, но совсем в другом роде я услышал от венского художника, застрявшего в Рио-Жанейро. Императору захотелось быть изображенным во весь рост, и притом в натуральную величину. Художник установил свой мольберт в одном из дворцовых помещений, и император начал ему позировать. Но едва па холст легли первые мазки, как явился офицер, обязанный ежедневно докладывать о прибывших судах. Названия кораблей и фамилии капитанов тех стран, язык которых был офицеру незнаком, давались ему с большим трудом. Он читал их по бумажке, немилосердно заикаясь, а порой и вовсе невнятно. Эта необразованность настолько рассердила императора, что он схватился за палку. И только быстрота, с какой провинившийся офицер бегал вокруг мольберта, спасаясь от своего повелителя, позволила ему избежать позорного наказания.

Этот случай покажется менее странным, если учесть, на какой низкой ступени культуры находилась страна к началу правления нынешнего монарха. Пожелаем же императору Бразилии добиться подъема подвластного ему народа. От его управления будет зависеть, сможет ли эта страна, которую природа сотворила самой прекрасной и плодородной, стать также самой счастливой.

Бразильский флот, которым командовал в ту пору известный лорд Кокрэн, состоял из одного линейного корабля, двух фрегатов, трех бригов и нескольких небольших судов. Эти морские силы были, конечно, незначительны. Но они находились в хорошем состоянии и оказались способными творить чудеса благодаря искусству и доблести своего командующего, отличившегося еще на английской службе. Незадолго до нашего прибытия в Бразилию лорд Кокрэн с одним линейным кораблем и одним фрегатом атаковал и обратил в бегство португальскую эскадру, состоявшую из двух линейных кораблей и четырех фрегатов. Он преследовал ее до гавани Лиссабона и захватил сорок купеческих кораблей, которые она конвоировала. За этот подвиг император наградил его чином генерал-адмирала и титулом маркиза де Маринион (по названию одной из провинций). До этого Кокрэн служил республике Чили и, как утверждают, среди ратных дел не забывал о своем личном обогащении. К моменту нашего прибытия еще не прошло и года, как он перешел на бразильскую службу. Мне очень хотелось увидеть столь знаменитого человека. Вскоре представился случай завязать с ним знакомство, и я стал часто бывать в его обществе.

Во внешности Кокрэна и во всей его манере держаться есть скорее что-то отталкивающее, чем привлекательное. Он очень неразговорчив, и потому в ходе обычной беседы трудно распознать в нем умного и знающего человека. Кокрэну пошел уже шестой десяток. Он высок и худощав, все время сутулится, имеет рыжие волосы и резкие черты лица. Его полные жизни глаза, скрытые под нависшими густыми бровями, обычно смотрят вниз и лишь изредка поднимаются для того, чтобы взглянуть на собеседника. Полнейшей противоположностью Кокрэну является его супруга. Она молода, хороша собой, очень общительна и мила, причем настолько предана мужу, что не покидает его даже среди величайших опасностей. Так, она сопровождала его во всех морских сражениях, которые он дал за время службы в Южной Америке, предпочитая рисковать жизнью под пушечными ядрами, но не разлучаться с ним.

Кокрэн не раз говорил мне о своем желании вступить на русскую службу, чтобы помочь грекам победить турок. В настоящее

время он добился своего, но другим путем⁵. Война, по-видимому, для него жизненная необходимость, а исполненная опасностей борьба за дело, которое он считает справедливым, доставляет ему наслаждение. Нелегко понять, как это совмещается со страстью к наживе, в чем его обвиняют.

Мое кратковременное пребывание в Бразилии протекало приятно и незаметно, в неустанных трудах, необходимых для экспедиции, и в наслаждении очаровательными окрестностями моего загородного дома. Удивительные сдвиги происходят в душевном состоянии европейца, когда он попадает в непривычные для него природные условия, если даже это случается с ним не в первый раз. Любая деталь, на которой останавливается его взор, поражает своей новизной. Деревья, Цветы, насекомые, птицы, даже травы здесь совсем не такие, как у него на родине. Его внимание возбуждается необычностью форм и оригинальностью окраски. Но особенно восхищает европейца безмерное изобилие, характерное для природы этой благодатной страны. Мириады прекраснейших бабочек и жуков, а также хорошенькие маленькие колибри выются вокруг него в течение дня. А как только заходит солнце, появляется бесчисленное множество светлячков, более крупных и красивых, чем наши. Часть их неподвижна, другие беспорядочно кружатся в воздухе. Как чудесна создаваемая ими иллюминация!

Мне удавалось лишь изредка устраивать небольшие экскурсии, и потому я не смогу (таков уж удел моряков) рассказать сколько-нибудь подробно о внутренних районах страны. Ботафого — излюбленное место отдыха наиболее богатых и знатных жителей Рио-Жанейро; здесь расположены их загородные дома. Благодаря здоровому климату и чрезвычайной живописности Ботафого, пожалуй, самое привлекательное место в окрестностях бразильской столицы. Позади этой бухты возвышаются горы, среди которых особенно выделяется скала, напоминающая по форме гигантскую колокольню. Согласно барометрическим измерениям, произведенным нашим физиком Ленцем, ее высота достигает 1580 футов над уровнем моря. Понадобилась масса усилий, чтобы проложить дорогу до самой ее вершины, где может поместиться лишь несколько человек, но откуда открывается великолепный вид. Императору также понравилось это место, называемое Корковадо, и он часто приезжает сюда верхом вместе с императрицей. Именно на этой дороге он и увидел пьяных русских матросов.

Из Ботафого в столицу ведет прекрасная дорога, по обеим сторонам которой нескончаемой чередой тянутся красивые виллы. Город был назван Рио-Жанейро, то есть Январская река,

в результате ошибки, допущенной при открытии бухты, на берегах которой он вырос: ее первоначально приняли за устье реки и назвали в честь месяца открытия. Из бухты город кажется очень красивым, о чем я уже говорил. Но стоит в него войти, как вас неприятно поразят узкие, грязные, плохо замощенные улицы, а также полнейшая безвкусица местной архитектуры. В столице великое множество неуклюже построенных церквей и монастырей. Но главную городскую достопримечательность составляет музей, в котором хранятся богатые коллекции всевозможных диковинок и драгоценных камней.

Город довольно велик и насчитывает около 250 тысяч жителей. Из них, однако, две трети составляют негры, а большая часть остальных относится к мулатам, метисам и другим цветнокожим людям. На улице редко попадается белое лицо, черных же кругом так много, что можно подумать, будто находишься в Африке.

Среди негров встречается очень мало свободных людей. Большинство находится в рабстве и низведено своими хозяевами до положения вьючного скота. Поразительно, какие громадные тяжести вынуждены таскать на себе эти несчастные, и, конечно, только благодаря длительному навыку они могут переносить их на большие расстояния. Груз обычно привязывается к шесту, который несут на своих плечах два негра. В такт шагам они поют на родном языке монотонную песню, которая звучит очень печально. Когда эта песня начинает затихать, что указывает на крайнее утомление, их подбадривают ударами бича. Кроме того, им часто приходится переносить тяжело грудинные корзины на голове. От этой непосильной работы не освобождаются даже женщины.

Примерно такие же песни, только более бодрые, причем тоже в ритме шага, поют негры в воскресные и праздничные дни, когда их освобождают от работы, или же тогда, когда их посылают с каким-нибудь поручением. Иногда они аккомпанируют себе на маленьком инструменте, который держат между пальцами; он состоит из нескольких гибких стальных пластинок.

Над всеми этими рабами совершен обряд крещения. Но поскольку они не знают никакого другого языка, кроме языка своей далекой родины, им едва ли смогли разъяснить основы христианского вероучения. Таким образом, рабовладельцы только делают вид, будто заботятся о спасении душ своих рабов, а на самом деле оставляют их во мраке неведения. К этому нередко присоединяется еще отчаяние вследствие телесных страданий.

Весьма немногочисленная прослойка свободных чернокожих состоит из отпущенных на волю рабов и их потомства. В большинстве своем они занимаются ремеслами или мелкой торговлей. Случается, что белые низшего происхождения вступают в брак со свободными чернокожими. От этих браков, но чаще от внебрачных связей и рождаются мулаты, при смешении которых с черными или белыми происходят люди с самыми различными оттенками цвета кожи.

Мулаты и свободные негры образуют сословие городских обывателей, к которому принадлежит также небольшое число белых; они, как правило, в высшей степени невежественны и порочны. Внешний вид этих людей полностью соответствует их внутреннему содержанию. Забыв о своих предках, они занимаются главным образом торговлей рабами и содержат специальные лавки, где этих несчастных можно осмотреть и купить, как всякий другой товар. Ежегодно в Бразилию привозят около 20 тысяч негров. Женщины продаются в среднем за 300 пиастров, а мужчины — вдвое дороже.

Главной, а зачастую и единственной пищей негров-рабов служит густое тесто, называемое маниок. Его готовят из специально выращиваемого для этой цели растения тапиоки, корпи которого замешивают в горячей воде. Европейцам оно явно не по вкусу. Быть может, это кушанье и питательно, так как негры, как правило, выглядят упитанными, но я сомневаюсь, чтобы было полезно употреблять его длительное время в качестве единственного продукта питания. Возможно даже, что эта пища является причиной ужасной болезни, которой страдают здесь исключительно негры. Подобная болезнь совершенно неизвестна у них на родине. Она заключается в том, что на теле, главным образом на лице и ногах появляются большие шишкообразные волдыри, которые не прорываются и не рассасываются, а достигают таких размеров, что некоторые больные буквально теряют человеческий облик.

В заливе Рио-Жанейро, недалеко от города, на маленьком острове Дос-Фрадрес, расположен монастырь, в котором имеется госпиталь для больных негров. Этот госпиталь находится под правительственным контролем. Мне не удалось достоверно узнать, излечивают ли там упомянутую болезнь. Отец нынешнего императора часто посещал этот монастырь, пока жил в Рио-Жанейро. До сих пор показывают комнату, где он прятался при ударах грома. Дело в том, что он весьма боялся грозы и по неизвестной причине чувствовал себя в этой комнате в наибольшей безопасности.

19 ноября меня привлекли в город торжества, которые устраивались

по случаю годовщины со дня коронации и основания ордена Южного Креста. Едва рассвело, как об этих счастливых событиях, происшедших год тому назад, напомнил гром пушек, доносившийся со всех укреплений, а также с судов, стоящих на рейде. Немедленно все пришло в движение: народ устремился на улицы, солдаты в парадных мундирах бросились к месту сбора своих частей; множество негров, освобожденных в этот день от работы, с любопытством взирали на происходящее.

В одиннадцать часов утра на улице, ведущей к собору, показался роскошный экипаж, запряженный восьмеркой лошадей, в котором сидели император с императрицей. Их эскортировала рота конных гвардейцев, выглядевших весьма импозантно в своих красивых мундирах. Далее следовало множество карет со свитой. Процессия двигалась крайне медленно, чтобы ликующий народ мог полнее насладиться этим блестящим спектаклем.

На почтительном расстоянии от церкви император с супругой вышли из экипажа, и дальнейший путь проделали пешком в окружении кавалеров ордена Южного Креста. У входа в собор их встретил епископ со всем клиром и торжественно проводил к трону, установленному справа от алтаря. Император взошел на этот трон, а императрица заняла место в ложе, расположенной левее. После богослужения, во время которого пел хороший хор, и звучала прекрасная музыка, епископ произнес длиннейшую речь. Он красноречиво описал необыкновенные достоинства императора, сравнил его с Петром Великим и в то же время дал ему множество советов, как следует управлять государством, чтобы обеспечить благоденствие своих подданных.

Сравнение бразильского императора с Петром Великим справедливо лишь в том отношении, что обоим пришлось иметь дело с сырым материалом. Но только время покажет, сможет ли дон Педро, действуя в гораздо более благоприятных условиях, достигнуть того же, что столь блистательно удалось Петру. Надежды на это заметно уменьшились после смерти императрицы, успевшей много сделать для распространения наук и искусств.

По окончании церемонии в соборе император и императрица со свитой под несмолкаемый гром пушек торжественно вернулись во дворец, где выслушали поздравления придворных.

А в четыре часа дня на обширной базарной площади, где был, воздвигнут похожий на храм павильон для императорской семьи, состоялся большой военный парад, в котором приняло участие 4500 человек.

Войсками, выстроенными полукругом перед этим сооружением, командовал восьмидесятилетний фельдмаршал дон Жозе де Куррадо.

Я с радостью узнал в этом почтенном старце бывшего губернатора острова Св. Екатерины, так гостеприимно встретившего нас в 1803 г., когда я совершал свое первое кругосветное плавание под командованием нынешнего адмирала Крузенштерна. Мне удалось рассмотреть солдат еще до прибытия императора, и я пришел к выводу, что они в общем, не так уж плохи. Но у этих достойных людей, по-видимому, было весьма смутное представление о дисциплине, так как они позволяли себе курить в строю и вообще допускали разные вольности.

У солдат была красивая и удобная форма, на фоне которой резко выделялись костюмы музыкантов. Дело в том, что командиры полков получили право одевать полковые оркестры по собственному усмотрению; вкусы у них оказались весьма несхожими, и потому получился полнейший разнобой. Преобладали азиатские костюмы. Одни музыканты нарядились турками, другие — индусами и т. п. А в одном из полков весь костюм музыкантов состоял из множества разноцветных перьев, украшавших голову и тело, но едва прикрывавших наготу. Между прочим, эти музыканты играли хуже всех.

Но вот загремели пушки, и в отдалении показались император с императрицей, ехавшие верхом в сопровождении блестящей свиты. Солдаты побросали недокуренные сигареты, народ принялся размахивать шляпами, в руках дам, расположившихся на балконах, замелькали белые платочки, все кричали: «Viva l'Emperador!»²¹. Великолепный кортеж приближался медленно, император блистал в нем, как Сириус на звездном небе. Его могучая фигура казалась позолоченной с ног до головы, грудь была усыпана крупными бриллиантами, а на мужественное лицо падала тень от большой, причудливо украшенной шляпы. Костюм императрицы, простой, но изысканный, состоял из черной амазонки, вышитой золотом. Когда она заняла свое место в павильоне, император объехал выстроившиеся войска и принял на себя командование, чтобы провести их церемониальным маршем перед супругой. Как только прозвучал его громкий голос, возобновилась пальба, «турки», «индусы» и «попугаи» заиграли на своих трубах, и все это заглушили крики толпы, провозглашавшей: «Viva l'Emperador!». После того как колонны несколько раз продефилировали перед императрицей, парад закончился, и императорская семья в сопровождении придворных отправилась в театр.

---

²¹ Viva l'Emperador! (искаж. португ.) — Да здравствует император!

Я их опередил и вошел в свою ложу раньше, чем они прибыли в театр. Последний был так переполнен, что буквально нечем было дышать. К моему удивлению, этот театр оказался не хуже большинства европейских как по архитектуре, так и по внутреннему убранству. Все ложи были заняты знатью; иначе говоря, в них сидели только белые. Я увидел там несколько женских лиц, которые отличались такой замечательной белизной, что могли бы сделать честь обитательницам Северной Европы. Нежный румянец юных щек, черные волосы и пылающие огнем черные глаза еще более увеличивали привлекательность этих восхитительных созданий. Впрочем, среди дам было немало шатенок, попадались и блондинки.

Все дамы, сидевшие и ложах, были одеты по парижской моде и притом со вкусом. Мн искусство одеваться, пожалуй, единственное, что они изучают, так как многие из них не научились даже читать и писать. Разумеется, это не мешает им быть обворожительными, а природные способности отчасти заменяют им воспитание. Подобно европейским дамам, они умеют поддержать разговор, оживить его шуткой и приправить лукавством. Это можно было заметить, и в театре, ибо здесь существует обычай принимать и отдавать визиты в театральных ложах. Подобные визиты ценим и даже больше, чем посещения на дому, так как вся публика становится свидетельницей оказываемого внимания. Между молодыми дамами и господами в таких случаях завязываются оживленные беседы, тему которых можно нередко прочесть в их разгоревшихся глазах.

Поверхности а и благовоспитанность посетителей лож, которая кажется вполне европейской, еще не дает оснований считать их европейски образованными людьми. Об этом свидетельствует, в частности, нижеследующий анекдот. В 1817 г. русский шлюп «Камчатка» зашел в бухту Рио-Жанейро. Среди знатных бразильцев, посетивших корабль, был офицер высокого ранга, который крайне удивился, увидев в каюте распятие: ему приходилось слышать о том, что русские исповедуют греческую веру, но он и не подозревал, что она тоже христианская.

Партер выглядел весьма своеобразно, ибо в нем сидели люди всех цветов кожи, от черного до белого, причем явно преобладали темные тона. Все взоры были устремлены на императорскую ложу. Наконец занавеси в ней раздвинулись, и все увидели высочайшую чету, позади которой расположилась свита, состоявшая главным образом из кавалеров ордена Южного Креста. Мужчины вновь замахали шляпами, а дамы в ложах — платочками; со всех сторон слышались крики: «Viva l'Empe-

rador, l'Emperadriza, la Monarchia»²². Этот энтузиазм был вознагражден милостивыми кивками головы.

Поднялся занавес, и актриса, выйдя на авансцену, исполнила пролог, прославляющий императора. Затем была показана пьеса, из которой я почти ничего не понял. Представление завершилось балетом, превзошедшим все мои ожидания.

В течение всего спектакля император принимал в ложе своих подданных, причем каждая аудиенция начиналась с коленопреклонения и целования руки. Если до начала представления публика в ложах вела себя столь же ..благопристойно, как в европейских театрах, а из партера доносился невообразимый шум, то после поднятия занавеса положение изменилось: зрители в партере умолкли и стали внимательно следить за происходящим на сцене, в то время как те, которые сидели в ложах, не столько наслаждались спектаклем, сколько занимались разговорами.

Я зашел в ложу лорда Кокрэна, чтобы засвидетельствовать свое почтение лично ему, а также его любезной супруге, и остался там до конца представления. Лорд много говорил о Чили и даже в этот высокаторжественный день был одет в чилийский мундир с чилийским же знаком отличия — синей перевязью через плечо. Меня это тем более поразило, что Кокрэн был недоволен правительством Чили. Заметив мое удивление, он пояснил, что император еще не решил, каким должен быть его бразильский мундир, и потому он вынужден пока появляться в старом. Его очаровательной супруге Бразилия нравилась гораздо меньше, чем Чили. К тому же она полагала, что здешний климат отрицательно сказывается на ее здоровье.

Я провел еще восемь дней в своем уединенном загородном доме, занимаясь всевозможными наблюдениями. Наконец 27 ноября, забрав с собой все инструменты, мы возвратились на наш корабль, чтобы на следующий день продолжить плавание, ибо шлюп был уже снабжен всем необходимым. 28 ноября, в пять часов утра, с помощью отлива и легкого северного ветра мы начали отдаляться от берегов прекрасной Бразилии, с которой сердечно простились. Однако вскоре ветер настолько стих, что мы потеряли управление судном. Из этого затруднительного положения, особенно неприятного в узком фарватере, нас выручила стоявшая на рейде английская эскадра. С английских кораблей было прислано множество лодок, которые взяли наш корабль на буксир и помогли нам к вечеру выйти в открытое море.

Сильная жара, стоявшая в Бразилии, не отразилась на здоровье

---

²² Viva l'Emperador, l'Emperadriza, la Monarchia! (искаж. португ.) — Да здравствуют император, императрица и монархия!

команды. Свежая провизия, обилие фруктов и овощей, хороший лимонад вместо обычных напитков, ежевечерние морские купания — таковы были средства, употребленные мной для предупреждения болезней. Все члены экипажа чувствовали себя отлично и были готовы мужественно встретить бури у мыса Горн. В качестве следующего места отдыха я наметил порт Консепсьон, расположенный на чилийском побережье.

Привожу результаты наших многократных наблюдений, произведенных на суше:

Широта Ботафого	21°56'5" южная
Долгота (средняя из многочисленных наблюдений).....	43°7'32" западная
Склонение магнитной стрелки составило	3° к востоку
Ее наклонение	9°28'

Я постарался, возможно, более точно определить долготу мыса Фрио, ибо она до сих пор обозначалась весьма различно. При помощи наших весьма хороших хронометров мне удалось установить, что разница в долготе между мысом Фрио и Ботафого равняется 1° 6' 20". Следовательно, этот мыс расположен в долготе 42° У 12" к западу от Гринвича.

Глава третья

ПЛАВАНИЕ ВОКРУГ МЫСА ГОРН И ПРЕБЫВАНИЕ В ЧИЛИ

Наше плавание к югу возобновилось в благоприятной обстановке, ибо погода стояла прекрасная и дул попутный ветер. Но уже на параллели 39° южной широты мы смогли убедиться в том, что суровое влияние Южного полюса простирается на гораздо более далекое расстояние, чем такое же влияние Северного: небо заволокло тучами, ветер сделался переменчивым и порывистым, заметно похолодало. Часто стали попадаться киты и огромные птицы, называемые альбатросами, что свидетельствовало о близости района штормов. Одну из таких птиц мы впоследствии застрелили у побережья Чили, размах ее крыльев составил 12 футов.

На параллели Рио-де-ла-Платы [Ла-Плата], в 200 милях от суши, течение ежедневно относило нас на 39 миль к юго-западу от курса. Таково было воздействие громадной реки, которое ощущается даже на расстоянии 240 миль от ее устья.

5 декабря мы находились на параллели 47° южной широты. Если бы в обоих полушариях под теми же широтами наблюдались

одинаковые температуры, климат данного места соответствовал бы климату Южной Германии или Средней Франции. Но на нас здесь обрушился свирепый шторм, сопровождавшийся снегом и градом. Штормовой ветер вначале задул с юго-запада и, непрерывно меняя направление, за двадцать четыре часа описал полный круг. Поэтому огромные волны надвигались на корабль со всех сторон; они атаковывали нас с такой яростью, словно добивались нашей гибели. Вот когда полностью выявились достоинства нашего судна! Оно сделало честь своему строителю, хотя и дало значительную течь. После этой ужасной бури мы в течение некоторого времени продолжали плавание при попутном ветре и спокойном море.

Между Фолклендскими островами и побережьем Патагонии нам встречалось бесчисленное множество серых буревестников, предвещающих близость земли. Здесь мы прошли так близко от американского китобойного судна, что смогли поговорить с его командой. Грязное судно и перепачканные китовым жиром матросы выглядели отвратительно. Однако, если вспомнить, каким лишениям и опасностям подвергаются эти несчастные китобои во время своих многолетних плаваний в самых беспокойных местах, если принять во внимание, что они нередко бороздят океан, не видя ни одного кита, жестоко страдают от недостатка здоровой пищи и все же с непоколебимой настойчивостью продолжают промысел, если учесть все это, им нельзя будет отказать в сочувствии и даже в некотором уважении.

Вообще североамериканцы превзошли все другие народы, в том числе и англичан, по части усердия и настойчивости, проявляемых в торговых предприятиях. Их корабли можно встретить на всех морях, даже в наименее посещаемых местах. Североамериканцы повсюду умеют найти источник наживы и не гнушаются самыми маловажными предметами, если из них можно извлечь прибыль. Так, воды, омывающие мыс Горн и расположенные там острова, доставляют им китов и шкуры различных морских животных. На северо-западном побережье Америки они установили тесные связи с туземцами и получают у последних в обмен на разные безделушки прекрасные шкурки морских бобров, которые затем с огромной прибылью продают в Китае. Многие их корабли на островах Южного моря [Тихий океан] грузятся сандаловым деревом, которое также отвозят в Китай, где его весьма ценят. Другие североамериканские суда охотятся за кашалотами ради содержащегося в них спермацета. Торговля спермацетом достигает значительных размеров.

Утром 23 декабря мы увидели в 50 милях от нас высокие зубчатые горные вершины зловещей Земли Штатов [остров Эстадос],

покрытые снегами. Благодаря свежему ветру мы вскоре оказались так близко от этого негостеприимного и совершенно заброшенного острова, что смогли его подробно рассмотреть без подзорной трубы. Какой разительный контраст с прекрасной Бразилией! Там природа, казалось, исчерпала все многообразие своей величественной красоты, здесь она сотворила лишь черные, уходящие к облакам скалы, едва поросшие мхом. Солнце так же редко балует этот остров своими лучами, как и расположенную по соседству и не менее отверженную Огненную Землю. К холодам, которые стоят здесь круглый год, присоединяется еще губительная сырость, порождаемая вечным туманом. Поэтому лишь единичные скрюченные деревца произрастают у подножия местных гор, как у нас па Крайнем Севере. Только морские животные, обладающие холодной кровью, плавают у этих пустынных берегов, над которыми летают морские птицы. Даже насекомые презирают эти места. Но человек, которого можно встретить во всех климатических поясах, проник и сюда вместе со своим верным спутником — собакой.

Однако человек тоже нуждается в солнечном тепле для развития своего организма. Поэтому здесь он не более чем животное. Маленького роста, безобразного телосложения, он имеет грязную темно-красную кожу, черные жесткие всклокоченные волосы и безбородое лицо. Его единственное скудное одеяние составляют шкуры морских животных. Живет он в убогом шалаше, сооруженном из нескольких жердей, покрытых сухой травой, и утоляет свой голод сырым, а нередко и полусгнившим мясом убитых или издохших морских животных.

Вследствие своей умственной отсталости обитатели этого острова не сделали никаких других, даже простейших изобретений, которые могли бы защитить их от суровости местного климата или в какой-то мере скрасить их безрадостное существование. Таким образом, холод метнет здесь, но только физическому, но и духовному развитию. А ведь на той же широте, только в Северном полушарии, лежит любезная моему сердцу Эстляндия [Эстония], где жизнь несравненно приятнее, где я увидел свет и обрел в очаровательном женском существе величайшее счастье своей жизни. Здесь, в гавани дружбы и любви, я надеюсь отдохнуть после перенесенных испытаний, пока не придет время отправиться в последние плаванье в места, откуда нет возврата.

Горемычные обитатели Огненной Земли часто произносят слово «пешерэ», вследствие чего их так и прознали. Значение этого слова до сих пор не удалось установить. Полагают, что их предки бежали сюда, будучи вытесненными из другой, более удобной

местности. Здесь они деградировали до животного состояния, и ныне не имеют других потребностей, кроме поддержания самым отвратительным образом своего жалкого существования³.

Из-за слабого ветра мы смогли только на следующее утро обогнуть восточную оконечность Земли Штатов, так называемый мыс Джон [Сан-Хуан]. Его географическая долгота, высчитанная при помощи наших хронометров, почти совпала с той, которая была установлена Куком. Не отдаляясь от земли, я повернул на запад и пошел вдоль южного побережья Земли Штатов, чтобы таким путем как можно скорее достигнуть мыса Горн и обогнуть его, не теряя из виду берегов. Мореплаватели обычно избирают другой путь, направляясь от Земли Штатов к югу до параллели 60° южной широты. Они рассчитывают встретить там меньше противных ветров и благодаря этому скорее попасть в Южное море. Однако опыт научил меня иному. Я заметил, что плавание в обход мыса Горн обычно занимает меньше времени, если держаться поближе к земле, где в летние месяцы дуют восточные ветры, тогда как уже в 40 милях от берега господствует западный ветер.

Миновав Землю Штатов, мы увидели справа от нас Огненную Землю, имевшую столь же зловещий вид. Мы продолжали идти по намеченному курсу, используя умеренный северо-восточный ветер, причем заметили довольно сильное течение, идущее на север.

На следующий день, в полдень, мы увидели в 25 милях от нас высокую крутую гору. Это и был мыс Горн, которого так боятся моряки. Наступивший штиль замедлил наше продвижение. Мы воспользовались им для того, чтобы подстрелить несколько альбатросов. В день рождества мы обогнули мыс Горн без всяких затруднений. В тот же вечер, пройдя рядом с маленькими скалистыми островами Диего-Рамирес, населенными бесчисленным множеством морских птиц, мы оказались, наконец, в Южном море.

Уже 28 декабря попутный восточный ветер наполнил наши паруса. Мы попытались воспользоваться им для того, чтобы как можно скорее продвинуться на запад, ибо надеялись встретить там ветер, дующий в противоположном направлении, и с его помощью спокойно завершить обход Огненной Земли. Но налетевший с запада шторм не только помешал нашему движению вперед, но еще и отбросил нас на 59,5° [широты]. Здесь мы получили новогодний подарок — свежий южный ветер, который позволил поставить все паруса и понес нас со скоростью 11 миль в час. С его помощью мы к 5 января благополучно обогнули всю Огненную Землю и с радостью взяли курс на север. У мыса

Горн термометр Реомюра в полдень показывал только 4° тепла [5° Ц]. Резкий переход от гнетущей жары к низким температурам был для нас весьма неприятен. Тем больше мы радовались тому, что отныне с каждым днем становилось все теплее и теплее.

Мои матросы много слышали об ужасных штормах, беспрестанно бушующих у мыса Горн, и о часто случавшихся там кораблекрушениях. Когда мы подходили к этому мысу, один из них даже прочитал товарищам историю злополучного плавания лорда Ансона. Поэтому не без опасений приближались они к столь ужасному месту и были весьма удивлены, что нам удалось его спокойно обогнуть. В головах ликующих людей родилась горделивая и поэтичная мысль о том, что русский флаг внушает унижению даже стихии. Эта смелая мысль настолько их вдохновила, что они, в конце концов, решили отразить ее в пантомиме. Я охотно дал свое согласие, ибо мое собственное настроение и значительной мере зависело от настроения команды.

И вот на шпигеле был воздвигнут трон, украшенный множеством различных вымпелов и флажков, который должен был изображать оконечность мыса Горн. На троне с достоинством восседал дотоле неизвестный, порожденный матросской фантазией йог Гори — грозный повелитель морей и ветров этого района. На нем было пурпурное греческое одеяние. Могучей правой рукой бог величественно держал трезубый ухват, а левой — подзорную трубу, при помощи которой высматривал себе жертву на горизонте. Ниспадавшая до колен седая борода, изготовленная из пакли, делала его еще более почтенным. Голову бога вместо короны увенчивало кожаное ведро, которое должно было, по-видимому, символизировать его морское владычество. Перед ним лежала большая раскрытая книга для записи названий проходящих мимо судов, а за ухо было засунуто длинное перо. Оставалось, неясным, с какой целью производятся записи, но это несколько не ослабляло впечатления.

На нижней ступеньке трона стояли два одетых в черное и сильно загримированных толстощеких матроса. Снабженные воздуходувными мехами, они готовы были устроить ураган по первому знаку своего повелителя. Грозный бог, казалось, пребывал в плохом настроении. Но как только появилось трехмачтовое судно, сколоченное из нескольких досок, он сразу повеселел. Команда судна, шедшего под всеми парусами, указывала руками на мыс и была в отличном расположении духа, надеясь благополучно его обогнуть. Тут бог Горн подал роковой знак, и воздуходувные мехи сразу пришли в движение. Хотя судно

быстро убрало паруса, его начало со страшной силой швырять из стороны в сторону. Находясь на краю гибели, команда с мольбою простирала свои руки к богу, и тот смягчился. Он приказал ветрам дуть с меньшей силой, записал название судна в книгу и разрешил ему уйти невредимым.

Вскоре показалось другое судно, на этот раз под русским флагом. Оно изображало наш корабль. Как только бог его увидел, он тотчас сошел со своего трона, снял с головы ведро и склонился в глубоком поклоне в знак уважения к этому флагу. Ветры угомонились, мы поставили все паруса и вскоре исчезли за собственной грот-мачтой. Так закончилось это шуточное представление, заслужившее всеобщие аплодисменты. Двойная порция пунша еще более повысила и без того веселое настроение команды.

Итак, 1824 год начался у нас весело и счастливо. Команда полагала, что, обогнув мыс Горн, мы благополучно завершили самую опасную часть нашего плавания, и потому была полна бодрости и воодушевления. 15 января в отдалении показался остров Св. Марии [Санта-Мария], а на следующее утро по двум высоким круглым горам, называемым Тетас-дель-Био-Био (по реке Био-Био), протекающей между ними, мы установили, что находимся вблизи бухты Консепсьон. Мореплаватель по этой паре холмов легко найдет вход в бухту. В ясную погоду они являются лучшим ориентиром.

Свежий южный ветер быстро нес нас навстречу земле, выглядевшей отнюдь не так живописно, как Бразилия. Берега казались вытянутыми в одну почти непрерывную прямую линию, а пологие склоны горного хребта, покрытые скудной растительностью, в это засушливое время года очень напоминали пустыню. В полдень мы обогнули лежащий у входа в залив остров Кикирино [Кирикина] и оказались в большом водном бассейне, гладкая, как зеркало, поверхность которого была усеяна китами, тюленями, дельфинами и водоплавающей птицей. Все эти животные в великом множестве водятся у чилийских берегов. В то же время земля здесь являет мало признаков того, что ее населяет человек, ибо с моря можно лишь кое-где заметить отдельные убогие хижины. Столетиями, владея этой плодородной землей, испанцы почти ничего не сделали для ее развития. То же самое можно сказать и про другие испанские владения.

Штиль помешал нам в тот же день подойти к селению Таль-кагуана [Талькауано], где обычно останавливаются корабли, и вечером нам пришлось бросить якорь в нескольких милях от этого места. В двенадцать часов ночи вахтенный заметил большую лодку, которая осторожно приближалась к нашему кораблю,

она «становилась на расстоянии ружейного выстрела. Это скрытное движение в темноте не могло не показаться подозрительным, тем более что данная колония восстала против метрополии и находилась в состоянии войны с нею. Нам не удалось сразу установить, как велика была команда этого судна и чем она была вооружена. На всякий случай мы приготовились к отражению атаки, хотя перевес в этом столкновении был бы явно на нашей стороне.

Я приказал вахтенному окликнуть людей, находящихся в лодке. Тогда через рупор нас спросили сначала по-испански, а затем по-английски, к какой нации мы принадлежим, откуда прибыли и зачем. Им было отвечено, что мы русские и добрые друзья. После этого лодка приблизилась, и офицер, вооруженный саблей и несколькими пистолетами, поднялся к нам на борт. Он так сильно перепугался, увидев нас в полной боевой готовности, что лишился дара речи, и пришел в себя только тогда, когда убедился, что мы действительно русские и не желаем ему зла,

Страх офицера питался слухами о том, что у побережья крейсирует испанский фрегат. Этот «герой» оказался англичанином, находящийся на чилийской службе, первым лейтенантом корвета, несущего брандвахту у селения Талькагуана.

Покидая корабль, он попросил, чтобы мы подняли на верхушку фок-мачты зажженный фонарь, что было тотчас исполнено. Свет фонаря должен был известить жителей Талькагуаны, весьма обеспокоенных нашим появлением, что мы прибыли с мирными намерениями.

На следующие утро, как только рассвело, я послал на берег офицера. Он должен был в надлежащей форме уведомить местного коменданта о нашем прибытии, а также просить разрешения запастись здесь продовольствием и водой, необходимыми для продолжения нашего плавания. Офицер вернулся с известием, что начальник Талькагуаны, принявший его отличнейшим образом, дал заверение, что будет стараться предупреждать все наши желания. Убедившись в том, что нас ждет дружественный прием, и приказал немедленно поднять якорь. Мы воспользовались, только что поднявшимся свежим ветром и подошли к Талькагуане на расстояние ружейного выстрела. Здесь мы снова встали на якорь на глубине в пять с половиной сажень. За пятьдесят дней, потраченных нами на переход из Рио-Жанейро, на судне не было замечено никаких, даже самых легких, заболеваний.

Кроме нашего судна и упомянутого выше корвета, которым командовал капитан Симсон, по национальности англичанин, в гавани

стояли три купеческих корабля под чилийским флагом и три английских китобойца. После обеда я съехал на берег и нанес визит коменданту. Этот пожилой человек, по своим убеждениям рьяный республиканец, принял меня самым дружеским образом, но по всем правилам испанского этикета. Он сказал мне, что президент республики Фрейре в настоящее время находится в городе Консепсьон, причем дал понять, что ждет от него указаний, как далеко следует заходить, оказывая нам услуги. Ввиду этого я решил на другой же день отправиться в Консепсьон, чтобы повидать президента и выхлопотать у него соответствующее предписание.

Здесь я позволю себе прервать рассказ о наших приключениях, чтобы немного ознакомить с данной страной тех читателей, которые еще ничего о ней не знают.

Плодородная страна Чили — это узкая и длинная полоса прибрежной земли, омываемая с запада водами Великого океана, столь ошибочно названного Тихим. На севере она отделена от Перу пустыней Атакаму [Атакама]. На востоке ее естественную границу составляют высокие, покрытые вечными снегами и изобилующие огнедышащими вулканами Кордильеры или Анды, за которыми лежит Буэнос-Айрес⁸. На юге территория Чили простирается, пожалуй, самое большее до Магелланова пролива. Правда, она предъявляет свои права и на Огненную Землю. Но последняя ей вовсе не нужна, и туда крайне редко попадает хотя бы один чилиец.

Подлинным первооткрывателем Чили можно считать испанца Вальдивию. Именно он основал здесь в 1541 г. первое испанское поселение, нынешнюю столицу Сант-Яго [Сантьяго], а затем и Консепсьон. Долгое время испанцы вели непрерывную войну с коренными жителями этой страны, называемыми арауканами. Эти сильные, ловкие и предприимчивые люди отступили в горы, где они были непобедимы, и оттуда-то и дело совершали нападения на чужеземных пришельцев. Испанцам, в конце концов, пришлось признать независимость арауканов, которую те успешно отстаивали до сего дня. Они все еще придерживаются в горах своего прежнего кочевого образа жизни и остаются верны религии и обычаям предков. К несчастью для испанцев, арауканы добыли у них лошадей и овладели искусством верховой езды. Это сделало их опасными соседями, так как верхом они стали совершать свои разбойничьи набеги с такой быстротой, которая почти всегда обеспечивает им успех. Лишь весьма немногие арауканы поселились в долинах, расположенных у подножия гор, и приняли христианскую веру, сохранив, однако, при этом свою свободу.

Низший класс нынешних обитателей Чили, если не считать оттесненных в горы арауканов, состоит из смешанной расы, происшедшей от браков испанцев с арауканками. Эти люди хорошо сложены и имеют очень смуглые лица, но на их щеках явственно проступает живой румянец. Все мужчины — хорошие наездники и с удивительным искусством ловят животных при помощи лассо.

Высшие классы сохранили в чистоте свою испанскую кровь. Люди этого круга превосходно сложены, причем женщины, среди которых попадаются поразительные красавицы, почти все по крайней мере хороши собой. Лаперуз 10 застал их еще одетыми по старинке. Теперь же они со вкусом следуют французской моде, которая проникает к ним через Перу. Они умеют быть очень любезными в обществе, хотя им и недостает той европейской светскости, какой отличаются дамы в Рио-Жанейро.

По климату Чили напоминает Среднюю Францию. Поэтому все возделываемые там растения дают обильные урожаи и на весьма плодородной почве Чили. Из многочисленных видов местных животных наиболее распространены дикие козы, которых нередко приручают. Особенно богато Чили прекрасными птицами. В воздухе проносятся целые вереницы попугаев, а над цветами выются колибри. Вокруг порхает масса разноцветных бабочек, и огоньки светлячков вспыхивают в ночи. В то же время здесь вовсе нет ядовитых насекомых и змей.

Эта прекрасная страна долгое время находилась в запущенном состоянии. Испанская подозрительность не допускала никакой торговли с другими государствами, а инквизиция, действовавшая и в этих краях, неустанно заботилась о поддержании духовного гнета. Да и большая леность местных жителей была причиной того, что плодородная земля использовалась столь недостаточно. Однако теперь, когда чилийцы сбросили иго, препятствовавшее развитию промышленности, и разорвали цепи инквизиции, сковывавшие их умы, они начали стыдиться своей культурной отсталости по сравнению с цивилизованными государствами. А раз у них появилось подобное чувство, они скоро добьются прогресса.

Своей независимостью чилийцы больше всего обязаны известному генералу Мартину¹¹. В 1817 г. он во главе армии совершил из Буэнос-Айреса знаменитый переход через Анды, напал на испанцев, одержал над ними полную победу и тем самым заложил фундамент освобождения Чили. В настоящее время эта страна управляется конгрессом, состоящим из уполномоченных от всех провинций. Во главе конгресса стоит генерал Фрейре.

Благодаря безопасной и удобной гавани, здоровому климату

и обилию продовольствия бухта Консепсьон, с точки зрения мореплавателей, является одной из лучших во всем мире. Она предназначена самой природой служить средоточием чилийской торговли и, безусловно, затмит в ближайшее время нынешнее складочное место всей страны — Вальпаресо [Вальпараисо], имеющее ненадежный рейд, на котором потерпело крушение множество судов. Фрейре уже решил основать адмиралтейство вблизи Талькагуаны и принять все меры к тому, чтобы максимально заселить прилегающий район. Селение Талькагуана, в котором насчитывается примерно пятьдесят убогих домов, и другое, еще более маленькое, называемое Пенку, сделались единственными населенными пунктами на берегах этой бухты после того, как старый город Консепсьон был в 1751 г. разрушен одним из часто случающихся здесь землетрясений. Новый город того же названия был впоследствии построен подальше от моря, на берегу прекрасной реки Био-Био, в семи милях от Талькагуаны.

Рано утром 18 января я отправился вместе с доктором Эшшольцем в Талькагуану, где были уже приготовлены! верховые лошади, которые должны были доставить нас в Консепсьон. Здесь нет никаких экипажей, так что даже дамы вынуждены путешествовать верхом, как в рыцарские времена. Только отправляясь в роскошных туалетах на бал, они используют большие тяжелые телеги, запряженные волами. Я описал эти телеги в книге, рассказывающей о моем предыдущем плавании.

На берегу нас ожидало множество людей, привлеченных любопытством, ибо русский флаг развевался в этих мостах всего лишь во второй раз со дня сотворения мира. Поскольку стало известно, что судном командует тот самый капитан, который был здесь восемь лет назад, причем устроил бал, оставивший самые приятные воспоминания, на берег поспешили мнить некоторые из моих тогдашних гостей, желавшие вновь меня увидеть. Не имея возможности отклонить их дружеские и настойчивые приглашения, я нанес им визиты еще до поездки в Консепсьон.

Меня принимали с большой сердечностью и старались угостить наилучшим образом. И все же в столь богатых прежде домах я заметил признаки обнищания. Так, многочисленная серебряная посуда, которая восемь лет назад имелась даже у бедных жителей, теперь совершенно исчезла, ее заменил грубый фаянс. Мои хозяева горько жаловались на войну, которая бушевала здесь во всей своей отвратительной жестокости, совершенно разорив богатейшие семьи. Многие из последних покинули Талькагуану и переселились в Лиму, где в то время было спокойнее.

Покончив с визитами, мы сели на резвых коней и поскакали по дороге, ведущей в Консепсьон. На этой дороге, прежде столь привлекательной, на каждом шагу виднелись разрушения, причиненные войной. Спаленные деревни, невозделанные поля, вырубленные живые изгороди, состоявшие из плодовых деревьев, множество нищих — таковы были печальные следы происходившей здесь трагедии. Нам бросилось в глаза и то, что исчезли многочисленные стада крупного рогатого скота и отары овец, некогда украшавшие окрестные пастбища. Только мудрое и энергичное правительство сможет побороть всеобщую нищету и вернуть стране ее прежнее благосостояние. Вот какой дорогой ценой заплатили чилийцы за свою независимость! Поэтому пройдет немало лет, прежде чем они смогут насладиться ее плодами.

В течение двух часов мы получали все новую и новую пищу для подобных размышлений и потому обрадовались, когда подъехали к городу, где надеялись увидеть более веселые картины. Однако мы обманулись в своих ожиданиях, ибо город был тоже разрушен. Его большая часть лежала в развалинах, пустынная и заброшенная. А в уцелевших домах жили не полезные граждане, то есть предприимчивые купцы или трудолюбивые ремесленники, а солдаты. Первые, за небольшим исключением, покинули Консепсьон и переселились в Мексику и Перу, где в то время еще царило спокойствие.

Но не только революционная война повинна в опустошении этого несчастного города: всего лишь год назад большая толпа диких арауканов, воспользовавшись отсутствием чилийских войск, занятых в другом месте, совершила на город ночное нападение. Оно было настолько внезапным, что горожане, захваченные врасплох, не смогли оказать серьезного сопротивления. Хорошо понимая, что ей не удастся здесь долго удержаться, дикая орда тотчас принялась за грабежи, сопровождая их убийствами и поджогами, а затем удалилась с богатой добычей.

По словам здешних офицеров, арауканы, часто совершающие такие разбойничьи набеги, очень воинственный народ. Они имеют хороших коней и вооружены луками, стрелами и копьями. Арауканы атакуют густыми толпами, выпуская дикие крики, и притом с такой стремительностью и неистовством, что даже регулярным войскам бывает нелегко выдержать их первый натиск. Но если удастся его отразить, они уже через несколько мгновений рассыпаются в разные стороны и обращаются в бегство. Во время преследования арауканы с поразительной ловкостью уклоняются от пуль и сабельных ударов, быстро свешиваясь то на один, то на другой бок своей лошади, несущейся полным галопом, а порой даже повисают под ее брюхом. Они

настолько любят свободу, что предпочитают смерть плену и, если нет возможности спастись бегством, сражаются до последнего вздоха.

В Рио-Жанейро меня снабдили рекомендательным письмом на имя некогда очень богатого и все еще состоятельного консепсьонского купца Мендибуру, которого я тотчас разыскал. Этот маленький пожилой человек принял меня весьма радушно. Я остановился в его доме, в том самом здании, которое восемь лет назад, когда мне пришлось побывать в Консепсьоне, тогдашний губернатор отвел под мою резиденцию. Дело в том, что тогда существовали недовольные, называвшие себя патриотами и преследовавшиеся властями. Мендибуру принадлежал к их числу, вынужден был скрываться, и его дом достался правительству, которое владело им вплоть до своего падения.

Наш услужливый хозяин оказался нам полезным во многих отношениях. После того как мы немного привели себя в порядок, он проводил нас к президенту Фрейре. Последний принял нас в парадном генеральском мундире в строгом соответствии с правилами этикета. Он был с нами любезен, но в его поведении угадывалось недоверие. Позднее нам стала ясна причина этой настороженности: некоторые чилийцы, осведомленные о характере наших взаимоотношений с Испанией, вообразили, как это ни смешно, будто Россия имеет виды на Чили, и усмотрели в нашем пребывании здесь некую тайную цель.

Фрейре, отличившийся как искусный и храбрый генерал, оказался статным сорокапятилетним мужчиной приятной наружности. Он родился в Талькагуане в очень бедной семье и не получил хорошего воспитания. Фрейре тем более достоин уважения, что обязан своим возвышением только самому себе.

После довольно бессодержательного разговора, заключавшегося в обмене любезностями, я обратился к президенту с просьбой разрешить нашему натуралисту и нашему минералогу совершить путешествие в Кордильеры. Фрейре ответил вежливым, но решительным отказом, сославшись на то, что сейчас идет война с горцами. Позднее я узнал от Мендибуру, что это был всего лишь предлог, ибо президенту уже удалось заключить с арауканами договор о мире и дружбе. Маленького военного прикрытия было бы вполне достаточно, чтобы оградить путешественников от всех неприятностей. Значит, все дело было в трусости еще не окрепшего правительства, которое испытывает недоверие ко всем иностранцам и придерживается старого испанского правила — не допускать их во внутренние районы страны. Указанное правило соблюдается особенно строго в связи с тем, что недавно в горах были найдены месторождения золота

и серебра. Этот факт сохраняется пока в секрете из опасения, что какая-нибудь иностранная держава позарится на вновь открытые богатства.

Запрещение производить изыскания в Кордильерах наносит большой ущерб естественным наукам, которые могли бы извлечь много интересного из знакомства с этим районом. Все, что я смог выхлопотать у президента для наших ученых, свелось к разрешению осмотреть окрестности Талькагуаны и побережье бухты Консепсьон. Был выписан соответствующий пропуск и выделен унтер-офицер, который должен был служить проводником. Вероятно, ему было также поручено следить за тем, чтобы путешественники не забирались дальше, чем им было разрешено.

Сопровождаемые потоком любезностей и обещаниями сделать наше пребывание здесь как можно более приятным, мы покинули президента и закопчили день в обществе гостеприимного Мендибуру. На следующее утро мы поскакали с ним обратно в Талькагуану. Здесь Мендибуру вновь проявил свою услужливость, предоставив нам для астрономических наблюдений большой, принадлежащий ему дом, в котором некогда останавливался Лаперуз. Я тотчас переехал в наше новое жилище, и мы принялись за дело, распределив свое время между руководством ремонтными работами на судне и научными наблюдениями. Что же касается часов отдыха то мы проводили их очень приятно благодаря гостеприимству талькагуанцев.

Вскоре городок наполнился воинственной суматохой, так как в него вступил гренадерский полк, прибывший из Консепсьона. Он маршировал под барабанный бой и звуки прекрасного оркестра. Солдаты были обмундированы на французский лад, прочно и опрятно. Их ружья находились в отличном состоянии.

Проявив чудеса усердия, Фрейре сделал все возможное для того, чтобы республика получила достойную уважения армию. Но ему будет бесконечно трудно поддерживать надлежащую дисциплину в этом войске, наемном из авантюристов различных наций, особенно потому, что не всегда хватает денег для уплаты жалованья в установленные сроки, вследствие чего возникает недовольство. Даже офицеры в большинстве своем состоят из иностранцев, притом, как правило, невероятно невежественных и бестолковых. Конечно, такое войско лишено патриотизма; ему чужд благородный энтузиазм, который является вернейшим залогом победы. Чилийский солдат, подобно разбойнику, сражается только ради добычи, которую надеется захватить. Алчность до тех пор будет лежать в основе его храбрости,

пока население не увеличится настолько, что можно будет создать национальную милицию.

Несколько полков было переправлено на остров Кикирино вероятно, для того, чтобы затруднить дезертирство. Там они стояли лагерем и производили маневры. Все эти силы общей численностью в три тысячи человек должны были под командованием самого президента атаковать остров Чилоэ — единственный пункт, который еще удерживался здесь испанцами. Войска ожидали лишь прибытия необходимых десантных судов из Вальпаресо.

20 января в городе Консепсьон под гром артиллерийского салюта и со многими церемониями была провозглашена подписанная Фрейре конституция, которую зачитали в нескольких местах. Часть жителей восприняла этот документ с энтузиазмом, но большинству он не понравился. Такая же картина наблюдалась в Талькагуане, причем различные мнения высказывались здесь громко и откровенно. В местном обществе новая конституция сделалась главной темой разговоров, нередко вызывая бурные споры. Находясь на низкой ступени просвещения, чилийцы часто предъявляют законодателям самые удивительные требования. Каждый хотел бы, чтобы были учтены его собственные запутанные взгляды, каждый ищет в законе наибольшую для себя выгоду, не заботясь о том, как это отразится на всеобщем благе. Нигде дамы не заражены так политиканством, как здесь. Они высказывают свои суждения с величайшей решительностью и безапелляционностью. И все же их взгляды, как правило, выгодно отличаются от воззрений мужчин.

Не вдаваясь в дальнейший разбор, повой чилийской конституции, замечу лишь, что, по крайней мере, одно из ее положений, несомненно, принесет большой вред государству. Оно предусматривает запрещение любых других публичных богослужений, кроме католических, позволяет только католикам занимать гражданские должности (к армии по необходимости не столь строги) и даже запрещает быть ремесленниками всем тем, кто не принадлежит к католической церкви. Если преимущества всеобщей терпимости очевидны даже в наиболее процветающих государствах, то тем более желательной она должна быть в этой слабо заселенной стране, столь namного отставшей в промышленном и культурном отношении.

Наш корабль часто посещали дамы и мужчины. Однажды к нам приехал с визитом арауканский вождь, находившийся в дружбе с чилийцами; его сопровождала дочь, а также небольшая свита. Был подан завтрак, во время которого арауканы, отвергнув с презрением вилки и ножи, усиленно работали пальцами.

После трапезы гостям были преподнесены маленькие подарки, которые им очень понравились. Сверх того вождь выпросил для себя пиастр, а его дочь — зеркало, ибо женственность проявляется одинаково у всех народов, в том числе и у диких. С удовольствием рассмотрев себя в зеркало, дочь вождя передала его своим соотечественникам, и сокровище начало переходить из рук в руки. Все без исключения остались довольны своими лицами, хотя, если исходить из наших понятий о красоте, у них не было на то никаких оснований.

Арауканы среднего роста, плотного телосложения и имеют темную кожу. Их гладкие черные волосы свободно свисают до плеч, а маленькие, по-китайски вытянутые глаза и сильно развитые скулы, по-видимому, указывают на их азиатское происхождение. У араукан приветливое, бойкое и довольно осмысленное выражение лица. Их одежда очень проста и состоит лишь из куска шерстяной материи собственного изготовления, украшенной продольными пестрыми полосами. Это продолговатый четырехугольник с отверстием посередине, куда просовывается голова; длинные стороны одеяния свисают спереди и сзади вплоть до колен, а более короткие опускаются слева и справа немного ниже плеч; в остальном же тело остается обнаженным. Чилийцы испанского происхождения называют подобную одежду пончо и используют ее зимой в качестве верхнего платья. У простонародья пончо составляет повседневное, а порой и единственное одеяние.

Офицеры расположенного здесь полка были настолько внимательны, что устроили в нашу честь бал, который, конечно, не мог быть очень блистательным в этом бедном селении. Тем не менее, мои молодые офицеры были вполне удовлетворены, ибо среди присутствовавших дам оказалось много красивых и любезных танцорок. Здесь еще сохранился старинный обычай открывать бал менуэтом, который чилийцы танцуют удивительно хорошо. Кроме танцев, принятых у нас, здесь распространена еще разновидность фанданго, позволяющая во всем блеске показать прелести изящной фигуры. Этот танец, изобилующий живописными позами и телодвижениями, одновременно танцуют только два человека; он удается чилийцам превосходно. Фанданго исполняется под аккомпанемент гитары, а также нежных песен, содержание которых танцующие передают мимически.

Не желая оставаться в долгу, мы решили устроить бал у себя на корабле и пригласить на него знакомых нам талькагуанцев и несколько человек из Консепсьона. Мои офицеры задались целью превзойти чилийских коллег как по элегантности

помещения, так и по части угощения, что им отлично удалось. Я оставался на берегу во время этих приготовлений и, на корабль в час, назначенный для съезда гостей, сам был немало удивлен происшедшими здесь переменами.

Верхняя палуба была превращена в большой ярко освещенный зал. Вдоль «стен» стояли прекрасные миртовые деревья, увитые пышными гирляндами великолепных цветов. Упоительный аромат струился также из больших цветочных корзин, а в глубине зала, напротив входа, были установлены остроумные транспаранты. В нарядно прибранных каютах были оборудованы буфеты. Раздавались звуки невидимого оркестра, отделенного легким занавесом от танцевального зала.

Вскоре празднично украшенное помещение наполнилось оживленными гостями. В восхитительном танце запорхали по залу грациозные красавицы; казалось, что красота и любовь безраздельно господствуют в этом жизнерадостном кругу. Вдруг произошло всеобщее замешательство, причем дамы в особенности пришли в панический ужас. Оказалось, что беспокойные головы, а может быть, шутники распространили слух, будто мы собираемся тайком поднять якорь и уплыть с очаровательной добычей. Благодаря усилиям моего друга Мендибуру удалось рассеять эти смехотворные опасения и восстановить спокойствие и доверие. Ничем не омрачавшееся более веселье царило отныне и в задорных танцах, и у пиршественных столов, пока не наступило утро и солнце не поднялось высоко над горизонтом. Только тогда — ибо все прекрасное на свете имеет конец — окончился и этот бал, оставивший как у многих наших гостей, так и у молодых хозяев самые приятные воспоминания.

Вскоре после этого чудесная погода побудила нас совершить увеселительную поездку на противоположный берег бухты, где нам хотелось осмотреть развалины прежнего Консепсьона. В этой экскурсии меня сопровождали Мендибуру, представлявший местное общество, а также все наши ученые и те офицеры, которые были свободны от службы. Совсем рано, прекрасным утром, мы отправились в путь на трех больших шлюпках и через два часа высадились на берег возле селения Пенку. Это селение построено на развалинах исчезнувшего города Консепсьон, подобно тому, как Портичи воздвигнуто на развалинах Геркуланума. Местные жители весело и безмятежно живут на земле, в которой заживо погребены их предки, нисколько не тревожась по поводу того, что их самих может постигнуть такая же участь.

Примерно пятнадцать домиков рассеяно по прелестной долине, через которую, журча, струится небольшая речка Св. Петра

[Сан-Педро]. Природа кажется здесь более пышной и изобильной, чем в окрестностях Талькагуаны. Горы, окаймляющие эту долину, постепенно поднимаются лишь до умеренной высоты, радуя глаз переливчатой зеленью разнообразных кустарников, покрывающих их склоны. Пока мы охотились за различными птицами и насекомыми для пополнения наших естественнонаучных коллекций, матросы закинули большую сеть и убедились в том, что бухта изобилует всевозможными рыбами и моллюсками. Последние составляют главную пищу беднейшей части населения.

Местность, в которой мы находились, считается одной из наиболее очаровательных на всем побережье бухты; во всяком случае, она намного красивее окрестностей Талькагуаны. О развалинах старого города мало что можно рассказать, ибо земля разверзлась в виде огромной глубокой пропасти и бесследно поглотила большую его часть. Затем земля снова сомкнулась, так что теперь об ужасной катастрофе напоминают лишь отдельные обломки домов, встречающиеся кое-где в этой живописной долине.

Обитатели Талькагуаны и Консепсьона совершают паломничество в Пенку, чтобы осмотреть как особую достопримечательность водяную мельницу, построенную здесь иностранцем. Мы нашли ее в столь плохом состоянии, что на ней нельзя было уже молотить зерно. Владелец мельницы жаловался, что не смог найти человека, способного ее починить. Вся мука готовится здесь еще по старинке: зерно толкут и растирают в каменных горшках пестами, изготовленными из твердых пород дерева. Отсюда можно заключить, как сильно еще отстают чилийцы в промышленном отношении.

Работы на судне успешно подвигались вперед. Уже недалек был день нашего отплытия из Чили, когда дружественное внимание местных жителей, которым мы были окружены до сих пор, начало сменяться все большей сдержанностью и недоверием. Против нас плелись тайные интриги, и даже само правительство было склонно применить против нас насилие, хотя и воздерживалось пока от прямой враждебности. Легко возбудимых и поверхностно мыслящих чилийцев насторожили, прежде всего, усы одного из моих спутников. Единственно по этим усам его приняли за замаскированного испанца, включенного в состав нашей экспедиции с заданием сеять здесь беспорядки и вести агитацию в пользу враждебного правительства. Возможно, были пущены в ход и другие измышления. Но нам они остались неизвестными, как не узнали мы и того, что же в действительности против нас замышлялось.

Когда судно было уже готово к отплытию, и мы решили через несколько дней покинуть Талькагуану, я отправился в Консепсьон, чтобы попрощаться с президентом Фрейро. Большая часть пути уже осталась позади, когда я, едучи на резвом коне, немного обогнал своих спутников и остановился на пригорке, чтобы полюбоваться окрестностями. Вдруг я увидел хорошо одетого молодого человека, скачущего из города во весь опор. Поравнявшись со мной, он остановился, несколько мгновений внимательно ко мне приглядывался, а затем спросил, не капитан ли я русского фрегата. Услышав утвердительный ответ и убедившись в том, что за нами никто не наблюдает, он сказал следующее:

— Да будет вам известно, что в этой стране имеются две партии, одна из которых относится к вам благожелательно, а другая замышляет недоброе. Послезавтра офицеры полка, расположенного в Талькагуане, собираются дать в вашу честь прощальный бал. Они затевают его для того, чтобы захватить присутствующих на нем русских офицеров. Я спешил в Талькагуану, чтобы вам об этом сообщить. Будьте настороже!

Произнеся эти слова, он съехал с дороги и скрылся в кустарнике.

Вскоре меня догнали мои спутники, среди которых был Мендибуру. Я отозвал его в сторонку и рассказал о только что услышанном. Этот добропорядочный и отзывчивый человек побледнел от удивления и негодования, но после некоторого размышления заверил меня в том, что подобной вещи не может произойти и что предостерегший меня незнакомец явно ошибался. Тем не менее, мы оба решили немедленно по прибытии в Консепсьон сообщить об этом происшествии президенту.

Фрейре принял меня очень любезно и с такой категоричностью назвал замысел, приписываемый его офицерам, продуктом фантазии моего информатора, что я ему поверил и больше об этом не вспоминал. Ведь на нашем балу мы и сами имели возможность убедиться в том, с какой легкостью распространяются здесь самые беспочвенные и нелепые слухи.

Простившись с президентом, я провел оставшуюся часть дня и ночь в доме Мендибуру. Когда я уже собирался ложиться спать, в дверь тихо постучали. Я отворил, и в комнату боязливо вошел слуга Мендибуру. Этот человек, оказавшийся испанцем, рассказал мне, что служил матросом на фрегате, захваченном чилийцами. Его нынешний хозяин взял его, военнопленного, к себе в услужение, дав за него поручительство. Настоятельно попросив его не выдавать, слуга предупредил меня о том же, о чем я уже слышал. К своему предостережению он присовокупил

несколько проклятий по адресу чилийцев и их правительства, которое он назвал шайкой разбойников.

Это повторное предупреждение было слишком поразительным, чтобы можно было им пренебречь. Я тщательно взвесил все обстоятельства и, хотя мне осталось непонятным, с какой целью чилийцы могли это затевать, все же решил принять надлежащие меры предосторожности. Проведя ночь без сна, я рано утром попрощался с моим милым хозяином, чтобы поскорее вернуться в Талькагуану. Я не смог рассказать Мендибуру о вновь возникших у меня опасениях, так как обещал слуге сохранить в тайне сделанное им сообщение.

Прибыв в Талькагуану, я нашел пригласительные билеты на завтрашний бал, присланные для меня и для всех моих офицеров. Таким образом, полученные мной сведения уже частично подтвердились. Чтобы не показаться трусом, я принял это приглашение, но отправился на бал лишь с некоторыми офицерами. Прочие же оставались на судне, поставленном так, чтобы было удобно обстреливать картечью дом, в котором должен был состояться бал, а также держать под огнем окружающую местность. Судьба Талькагуаны оказалась в наших руках, ибо нам нечего было опасаться ни брандвахты, ни береговой батареи. В самом деле, брандвахта находилась в таком состоянии, что принуждена была бы спустить флаг после первого же нашего выстрела, а батарея насчитывала лишь шесть совершенно непригодных пушек, покоящихся на развалившихся лафетах. Мы свернули, кроме того, нашу обсерваторию, находившуюся! на суше, и перевезли все вещи на корабль.

Наши боевые приготовления, по-видимому, не остались незамеченными. Бал прошел спокойно, но бросалось в глаза, что на нем присутствовали лишь немногие из устроивших его офицеров. К тому же вместо всеобщего веселья, оживлявшего предыдущие балы, на сей раз ощущалась большая напряженность, и общество разошлось в необычно ранний час.

На рассвете мы подняли якоря, чтобы продолжить наше путешествие. Когда мы уже поставили паруса, к нам на борт прибыл мой верный друг Мендибуру. Он совершил ночное путешествие из Консепсьона, чтобы успеть сообщить нам о том, что у входа в бухту, возле острова Кикирино, стоят на якорях чилийские фрегат и корвет, которые прибыли два дня назад из Вальпаресо, чтобы перевезти войска на Чилоэ; эти корабли получили приказ воспрепятствовать нашему выходу из бухты. Мендибуру не знал, чем руководствовалось его правительство, решившись на этот насильственный шаг, которым он весьма возмущался. Впрочем, он полагал, что эти суда не могут идти

ни в какое сравнение с нашим, ибо находятся отнюдь *не* в *лучшем* состоянии. Мендибуру покинул нас тогда, когда мы *уже* шли под всеми парусами; я сердечно поблагодарил его за участие и обнял на прощание.

Простившись с Мендибуру, я тотчас приказал зарядить пушки боевыми снарядами и произвести все другие приготовления, чтобы в случае необходимости с боем проложить себе дорогу. Свежий попутный ветер нес нас так быстро, что уже через час мы увидели оба вышеупомянутых судна, которые стояли на якорях возле острова Кикирино. Когда мы приблизились, на фрегате прозвучал пушечный выстрел. По этому сигналу оба судна поставили паруса и двинулись нам наперерез. Не сомневаясь больше в их враждебных намерениях, я приказал убавить некоторые паруса, чтобы было легче управлять судном во время ожидаемого нападения. Были зажжены фитили, и каждый находился на своем посту. Но чилийский фрегат, который плохо поддавался управлению, зашел слишком далеко под ветер и потому *Не* смог подойти к нам одновременно с корветом, который старался преградить нам путь. Вскоре последний оказался от нас на расстоянии пушечного выстрела. На нем ясно увидели, что мы полностью готовы к отражению атаки, и потому сочли за лучшее спокойно пройти мимо в непосредственной близости от нас, прокричав только в рупор что-то непонятное. Следуя противоположным курсом, мы скоро очутились далеко от корвета, как вдруг заметили, что фрегат повернул и пошел прямо на нас. Но поскольку наш корабль уже намного опередил его, ничто не мешало нам теперь выйти из бухты. Поэтому мы не стали ждать нападения, вновь поставили все паруса и скоро скрылись у чилийцев из виду.

Таким образом, нам удалось избежать всех покушений на нашу свободу. Они объяснялись, по-видимому, желанием использовать наш корабль для перевозки войск на Чилоэ. Оба английских китобойных судна, стоявших в гавани Талькагуаны, были реквизированы как раз с этой целью против воли их капитанов.

Привожу результаты наших наблюдений, произведенных на суше:

Широта места, где стоит дом Мендибуру

в Талькагуане .....36°42'15" южная

Долгота того же места.....73°8'20" западная

Склонение магнитной стрелки . . . 14°00'00' восточное

Наклонение ее.....80°4'

Морские приливы и отливы здесь совершенно незаметны.

В течение всей нашей стоянки термометр показывал от 15 до 17° тепла по Реомюру [18,75—21,25° Ц].

ОПАСНЫЙ АРХИПЕЛАГ

Данный архипелаг, выстроенный крохотными кораллами посреди океана, состоит из множества островов, которые настолько низменны, что могут быть замечены лишь на незначительном расстоянии. По этой причине плавание здесь небезопасно, особенно в темноте или в плохую погоду, вследствие чего архипелаг и был назван Опасным [Туамоту]. Я намеревался уточнить географическое положение островов, открытых мною в здешних местах во время предыдущего плавания, а затем отправиться на Отаити [Таити], чтобы проверить там правильность вычисленных мною долгот, а также устроить необходимый отдых,

Я решил идти к Опасному архипелагу между параллелями 15° и 16° южной широты, ибо такой путь необычен для торговых судов, пересекающих океан, и к тому же ни разу не избирался исследователями, вследствие чего здесь легко можно было обнаружить еще неизвестные острова. В соответствии с планом мы сразу же после отплытия из Чили направились к северо-западу, чтобы достичь вышеупомянутой широты. Благодаря свежему южному ветру, дувшему непрерывно, мы за три дня продвинулись вперед на 660 миль и тем сильнее почувствовали на себе влияние жаркого климата, что попали в него так скоропалительно. Остров Хуан-Фернандес, куда испанцы во времена своего владычества в Чили ссылали преступников и людей с республиканскими убеждениями, остался слева от нас, а маленькие необитаемые скалистые острова Феликс [Сан-Фелис] и Амбросиа [Сан-Амбросио] — справа, причем мы прошли от них на незначительном расстоянии.

Быстро достигнув Южного тропика, мы продолжали наше путешествие при чудесной погоде и приятном спокойствии на море. Ничтожная качка, наблюдающаяся между тропиками, позволяет моряку приниматься за такие работы, какие редко бывают, возможны во время плавания. Например, можно даже самым аккуратным образом вычерчивать карты.

17 февраля мы находились под 18° южной широты и 105° западной долготы. Стояла прекрасная погода, море было спокойно. Наши артисты решили еще раз дать представление, чтобы внести некоторое разнообразие в нашу монотонную жизнь. Была воздвигнута сцена, розданы программы, и оркестр уже заиграл, созывая зрителей. Вдруг веселое настроение команды сменилось ужасом и скорбью, так как еще один матрос свалился

за борт. Он нес вахту на фок-мачте, откуда должен был сообщать о появлении земли или мелей. Но, охраняя нашу безопасность в этом неизученном районе, он пренебрег своей собственной и стал жертвой своей же неосторожности. Тяжело пострадав еще во время падения, он бесследно исчез в морской пучине, и потому все попытки его спасти оказались напрасными.

Потеря одного из членов нашего маленького общества, сплоченного совместно пережитыми горестями и радостями, ощущалась каждым из нас тем живее, что мы были уже давно лишены общения с другими людьми и находились вдали от родины. К тому же погибший был одним из искуснейших наших матросов. Во время сильнейших штормов он с большой ловкостью выполнял на мачтах самые опасные работы. И вот теперь, когда стояла прекрасная погода и движение судна было почти неощутимым, ему суждено было столь внезапно окончить свою деятельную и полезную жизнь.

Пройдя за три недели после отплытия из Чили 4000 миль, мы оказались вблизи от Опасного архипелага. Мало-помалу вопреки всем правилам этих мест мы потеряли юго-восточный пассат, доселе столь верно нам служивший. Его сменили противные нам западные и северные ветры, которые принесли очень плохую погоду. До сих пор придерживались того мнения, что коралловые острова вследствие их весьма низменного рельефа и незначительных размеров не могут вызывать никаких изменений в атмосфере и что пассатные ветры, которым они не создают никаких препятствий, столь же непрерывно дуют и поблизости от них. Неоднократные наблюдения убедили меня в том, что подобный взгляд ошибочен и что эти маленькие острова, по крайней мере, в определенные сезоны, вызывают перемены в обычной тропической погоде.

26 февраля мы находились под 16° южной широты и 129° западной долготы. Ветер дул с запада. Черные тучи угрожающе вознеслись над нами и вскоре заволокли все небо. Буйные порывы ветра с яростью обрушивались на нас, кругом на горизонте вспыхивали молнии. Ночь была поистине ужасной. Шторм и гроза продолжали неослабно бушевать в кромешной тьме, прорезаемой лишь ослепительными вспышками молнии. Дождь лил как из ведра, затопив всю палубу. Такая ужасная погода удерживалась в течение четырех дней. Только в полуденные часы небо немного прояснялось, позволяя нам слегка передохнуть, но вскоре шторм и гроза возобновлялись с новой силой. Поразительно, как могут столь сильные грозы возникать на таком большом расстоянии от гористой земли. Подобную же грозу,

хотя и не столь сильную, я перенес на корабле «Рюрик», находясь в этих местах в то же самое время года.

Наконец марта тропический ветер вновь вступил в свои права и принес нам ясную погоду. Хотя установилась сильная жара (термометр Реомюра даже ночью показывал не меньше 24° [30° Ц]), вся команда чувствовала себя хорошо. В тот же вечер мы определили, что находимся в широте $15^{\circ}15'$ южн. и долготе $129^{\circ}40'$ зап. А когда начался заход солнца, вахтенный закричал с мачты, что видит землю как раз в том направлении, куда мы плыли. Свежий ветер настолько быстро нес нас вперед, что до наступления темноты мы успели отчетливо рассмотреть часть очень низменного лесистого острова. Поскольку ни один известный мне мореплаватель не бывал в данном месте, которое даже на новейших картах обозначается как пустое пространство, мы были вправе считать себя первооткрывателями этого острова, и я назвал его в честь нашего судна островом Предприятие [Фангахина].

Когда стемнело, мы отошли от острова и всю ночь лавировали в некотором от него отдалении. На рассвете мы снова к нему приблизились и, движимые любопытством, прильнули к подзорным трубам. Иным казалось, что они видят то, чего не видят другие, но что на самом деле могло быть продуктом их воображения. Однако столбы дыма, замеченные всеми, убедили нас в том, что остров обитаем.

Вскоре с верхушки мачты стало возможно рассмотреть его целиком. Ослепительно-белая кромка кораллового берега смыкалась с зеленым ковром, над которым возвышался пальмовый лес. В центре острова находилась большая лагуна, по которой сновали лодки. Наконец мы настолько близко подошли к берегу, что смогли невооруженным глазом ясно различить все подробности.

Совершенно нагие островитяне, принадлежащие к рослой и сильной темнокожей расе, находились в большом смятении. Они собрались на берегу и рассматривали корабль, жестами выражая свое удивление. Одни из них, вооруженные копьями и большими дубинами, тревожно бегали вокруг, другие разжигали костры, желая, вероятно, дымом известить соседние острова о том, что нуждаются в помощи против невиданного морского чудовища. Под тенистыми хлебными деревьями стояли приземистые хижины, сплетенные из тростника. Из хижин поспешно выбегали женщины и прятались в лесу; некоторые были с детьми, обхватившими их за шею. Вот какой ужас внушили мы этому маленькому народу.

Впрочем, среди островитян нашлись герои, которые отважились

выйти к самой воде и угрожать нам длинными копьями. Но ни одна из многочисленных лодок, лежащих на суше, не осмелилась отойти от берега и приблизиться к нам. Судя по величине замеченных нами лодок и их хорошей парусной оснастке, эти островитяне могут посещать другие, даже довольно далеко расположенные острова.

Мы обошли вокруг нашего острова, но так и не обнаружили места для высадки. На море было беспокойно, и прибой повсюду отличался высотой и стремительностью. Поэтому нам пришлось отказаться от намерения поближе познакомиться с предприятицами. Зато ясное небо и совершенно чистый горизонт позволили нам путем астрономических наблюдений точно определить широту и долготу этого маленького острова, чья наибольшая протяженность с востока-северо-востока на западо-северо-запад равна лишь четырем милям. Его центральная точка расположена под $15^{\circ}58'18''$ южной широты и $140^{\circ}11'30''$ западной долготы. Склонение магнитной стрелки составило 4° к востоку.

Когда мы закончили эти вычисления, я приказал взять курс на запад, чтобы подойти к острову Аракчеева [Фангатау], открытому в 1819 г. капитаном российского флота Беллинсгаузен. Мне хотелось окончательно удостовериться в том, что его остров — не тот, который мы только что обнаружили, хотя они и расположены недалеко друг от друга. Уже в четыре часа пополудни остров Аракчеева можно было увидеть с верхушки мачты, и еще до захода солнца мы успели его достигнуть. По своей величине и внешнему виду он имеет так много сходства с островом Предприятие, что эти два острова можно было бы легко перепутать, если бы не было столь точно определено их взаимное географическое расположение.

Согласно нашим наблюдениям, центр острова Аракчеева расположен под $15^{\circ}51'20''$ южной широты и под $140^{\circ}50'50''$ западной долготы. По карте же капитана Беллинсгаузена, широта этого места равна $15^{\circ}51',00''$, а долгота — $140^{\circ}52'00''$.

Если бы благодаря наблюдениям капитана Беллинсгаузена не стало известно о том, что остров Аракчеева населен, мы должны были бы прийти к противоположному заключению, ибо не заметили на нем никаких следов человека. К ночи мы отошли на некоторое расстояние от суши и легли в дрейф, чтобы в темноте не наскочить на какой-нибудь другой, еще неизвестный остров.

На рассвете я приказал взять курс на северо-запад и идти к острову Румянцева [Тикеи], открытому мною во время плавания на бриге «Рюрик», ибо я желал убедиться в правильности произведенных мной в тот раз астрономических наблюдений.

В восемь часов утра мы увидели на юго-западе северную оконечность группы островов Волконского [Такуме], открытых капитаном Беллинсгаузенем.

Ветер был настолько слаб, что лишь утром 8 марта мы смогли увидеть остров Румянцева. Воспользовавшись ясным небом, мы произвели здесь множество точных измерений лунных расстояний и таким путем вывели истинную долготу этого острова, равную $144^{\circ}28'$ зап. В результате наблюдений, произведенных на бриге «Рюрик», она была определена в $144^{\circ}24'$. Таким образом, разница составила всего четыре минуты.

Теперь мы повернули строго на запад, чтобы проверить, действительно ли я открыл остров, названный мной во время плавания на «Рюрике» именем адмирала Спиридова [Такапото], или же он является не чем иным, как более южным из двух островов Короля Георга. Свежий ветер ускорил наше продвижение, и уже в шесть часов пополудни мы увидели этот остров, честь открытия которого за мной не признают. Он лежал прямо перед нами, на расстоянии шести миль к западу.

В то же время с верхушки мачты мы увидели южную оконечность другого острова, расположенного севернее нас. Между обоими островами лежало открытое море. В этот момент мы находились, согласно точным наблюдениям, под $14^{\circ}41'36''$ южной широты и $144^{\circ}55'$ западной долготы. В течение всей ночи стоял штиль, а на рассвете поднялся свежий ветер, который дул как раз оттуда, куда мы стремились, чтобы продолжить наши исследования. К тому же течение за ночь отнесло нас так далеко на юг, что даже с верхушки мачты нельзя было больше увидеть никакой земли. При таких обстоятельствах возвращение к острову Спиридова было бы связано со слишком большой потерей времени. Вот почему пришлось оставить открытым вопрос о том, были ли данный остров и другой, увиденный нами на севере, двумя островами Короля Георга. Я могу только утверждать, что если последнее справедливо, то открывший их мореплаватель весьма неточно указал их географическое положение.

На смену юго-восточному пассату пришли переменчивые ветры, которые дули то с севера, то с юга, то с запада. Они принесли с собой нескончаемые грозы с проливными дождями и были такими неистовыми, что рвали паруса. При этом море оставалось удивительно спокойным — верный признак того, что мы были со всех сторон окружены островами. Приходилось соблюдать величайшую осторожность, особенно потому, что в этих местах значительные течения.

Вскоре мы снова увидели прямо перед собой землю. Поскольку

возле всех коралловых островов даже в 50 саженях от берега невозможно достать до дна, мы решились приблизиться к ней на расстояние одной мили. Этот остров вытянулся на 10 миль с востока на запад, ширина же его не превышает четырех миль. В центре острова находится лагуна. Она опоясана узкой полосой земли, густо поросшей низким кустарником. Только морские птицы, которых здесь великое множество, населяют этот пустынный уголок. Согласно нашим вычислениям, широта середины этого острова равна $15^{\circ}27'00''$ южн., а ее долгота — $145^{\circ}31'12''$ зап. Если судить по карте, составленной адмиралом Крузенштерном, можно предположить, что это остров Карлсгоф, открытый в 1722 г. Роггевеном⁵. Его географическое положение по-разному обозначается на большинстве карт, причем даже ставится под сомнение самое его существование.

Мы находились теперь в середине Опасного архипелага и потому старались по ночам оставаться в том районе, в безопасности которого успевали убедиться в течение дня. После еще одной ночной грозы с ливнем и шквалами установилась хорошая погода. Мы поставили все паруса и направились к самым восточным из Паллизеровых островов [Паллисер], открытых Куком. Во время плавания на корабле «Рюрик» я видел только северную их часть и потому желал теперь определить местоположение южной посредством астрономических наблюдений. Кук лишь мимоходом упомянул об этих островах, что породило у мореплавателей различные заблуждения. Через несколько часов мы были уже у цели.

Группа состоит из множества маленьких островов, связанных между собой коралловыми рифами. Островки вытянулись цепочкой по кругу, образуя большой водный бассейн. Достигнув южной оконечности этой самой восточной группы Паллизеровых островов, мы увидели риф, который простирается на 10 миль к западу до соединения с двумя маленькими островками, а затем поворачивает на север, где в отдалении смыкается с более крупными островами. Кук, как можно заключить из его собственных слов, недостаточно близко подходил к этой группе островов и потому не смог заметить длинного рифа. Он издали принял оба маленьких лесистых островка, находящихся на месте поворота рифа к северу, за южную часть особой группы и назвал ее четвертым Паллизером. Я же могу утверждать, что имеются только три такие группы.

В полдень мы находились под $15^{\circ}42'19''$ южной широты и $146^{\circ}21'6''$ западной долготы. Два вышеупомянутых островка, расположенных на рифе, лежали от нас прямо на север, а южная оконечность первой группы островов Паллизера совершен

но скрылась из виду. Отсюда мы бы тоже приняли эти островки за часть обособленной группы, если бы ранее не убедились в том, что риф связывает их с первой группой. С этого места видны были также вторая и третья группы: одна — на юго-восток, а другая — на юго-запад.

В шесть часов вечера, находясь вблизи от восточной оконечности третьей группы, мы увидели острова Грейга [Ниау], открытые капитаном Беллинсгаузеном. Мы решили пройти между двумя этими группами, желая покинуть Опасный архипелаг и выйти в открытое море. Ночь была такой же бурной, как и предыдущая. Правда, посреди ночи наступил штиль, который мог сделаться для нас весьма опасным, так как течение начало относить корабль к земле. Но этот штиль оказался непродолжительным. Утреннее солнце, как это обычно случается между тропиками, быстро разогнало тучи, и лазурное небо снова засияло над нами во всей своей красоте. Вскоре земля скрылась из виду, но в той стороне, где она находилась, небо еще долго оставалось затянутым черными тучами. Это показывает, сколь сильно могут коралловые массы притягивать грозовые облака. Тут вновь задул юго-восточный пассат, благодаря которому мы смогли взять курс прямо на Отаити.

Все долготы Опасного архипелага, которые приведены мной без указания на способ их измерения, вычислены при помощи хронометров. По прибытии на Отаити оказалось, что эти хронометры показывали долготу менее истинной на 6'5". Во всех сообщенных здесь долготах уже сделаны соответствующие исправления.

Согласно нашим наблюдениям, географическое положение Паллизеровых островов следующее:

Южная оконечность первой
группы
Два маленьких острова, ле-
жащих к западу от пер-
вой группы
Восточная оконечность
третьей группы

Широта —15°34'25" южная
Долгота —146°6'49" западная
Широта —15°30'15" южная
Долгота —146°20'50" западная

Широта —15°44'52" южная
Долгота —146°28'2" западная

Большинство островов этого архипелага населено, но пока еще не удалось, как следует познакомиться с их обитателями. Последние — люди очень необщительные. В отличие от других островитян Южного моря они не приезжают на суда и стараются помешать высадке мореплавателей на берег. Байрон выса-
дился на одном из этих островов силой. При этом многие островитяне были убиты, другие — обращены в бегство, а находившиеся в их хижинах запасы кокосовых орехов подверглись

разграблению. Возможно, что рассказ об этом враждебном нападении распространился по всем островам архипелага. Кук тоже посылал своих людей на берег. Эти моряки, правда, не встретили сопротивления, но привезенные ими подарки были приняты весьма холодно. А когда англичане отчаливали от берега, в них вместо выражения благодарности швыряли камнями. Капитан Беллинсгаузен также хотел в 1820 г. высадиться на одном из этих островов, но жители оказали ему столь, серьезное сопротивление, что он вынужден был отказаться от своего намерения, так как не хотел прибегать к силе.

Вообще же здешние люди очень похожи на таитян своей внешностью и языком. Поэтому можно предполагать, что этот родственный соседний народ окажет на них благотворное влияние, когда на самом Отаити распространится истинное просвещение.

Глава пятая

ОТАИТИ

Этот остров, столь щедро снабженный природой всем, что нужно его по-детски простодушным жителям для беззаботного наслаждения жизнью, был, возможно, впервые замечен испанским мореплавателем Кирсом, отправившимся в 1606 г. в плавание из Лимы, чтобы, как выражается о нем один из его соотечественников, «добыть души для неба и королевства для Испании». Однако в те времена географическое положение определялось весьма неточно, и потому нельзя доказать, что земля, названная им Сахитарией, и есть в действительности Отаити. С большим основанием можно приписать честь открытия этого острова английскому капитану Уоллису, высадившемуся там, в 1767 г. По обычаю тогдашних открывателей новых земель он торжественно объявил от имени своего короля, что вступает во владение островом. Но поскольку таитяне его не поняли, этот акт остался им неизвестным и, несмотря на последующее возобновление, был предан забвению. Уоллис назвал Отаити островом Короля Георга Третьего.

Спустя восемь месяцев остров посетил французский капитан Бугенвиль. Не зная о том, что здесь уже побывал Уоллис, Бугенвиль счел себя первооткрывателем этого острова и в связи с удивительнейшим обычаем местных жителей назвал его Новой Киферой. Бугенвиль слышал, однако, что сами туземцы называют свой остров Таити или с прибавлением артикля — Отаити. Это название удержалось до сего дня.

Знаменитый англичанин Кук останавливался здесь во время каждого из своих трех плаваний, совершенных в 1769—1778 гг. Кук общался с аборигенами гораздо дольше, чем его предшественники. Он привез обратно на родину Омаи, которому в Лондоне пытались дать европейское образование, и мог использовать его рассказы, услышанные во время плавания. В результате Кук и его спутники, среди которых особенно выделяются оба Форстера, отец и сын 5, смогли собрать много подробных сведений о жизни и обычаях таитян до их обращения в христианство.

Чтобы представить себе последствия этой катастрофы, нужно сравнить христианский Таити, каким мы его застали, с прежним, языческим и с этой целью восстановить в своей памяти сообщения упомянутых выше мореплавателей. Поскольку не каждый читатель сможет сделать последнее сразу и притом достаточно точно, я счел уместным кратко изложить здесь собранные ими сведения.

Таити — самый большой из островов Общества и имеет с ними одинаковое происхождение. Подобно многим другим островам, он является или остатком Южного континента, исчезнувшего в результате землетрясения, или скалистым массивом, который, будучи извергнут со дна океана подземным огнем, постепенно покрылся землей и ныне украшен пышнейшей растительностью. Он состоит из двух полуостровов, соединенных узким низменным перешейком, и имеет 120 миль в окружности. На каждом из этих полуостровов ближе к середине поднимаются высокие горы, представляющие собой дикое нагромождение скал. Они рассечены глубокими ущельями и вплоть до самых вершин покрыты густыми лесами. По их склонам отовсюду стекает в океан множество небольших потоков чистой и прекраснейшей воды. Зачастую они образуют живописные водопады.

Высокие горы необитаемы, поселения можно встретить только в долинах. Большая часть островитян живет в низинах, лежащих между горами, и на морском побережье, которое повсюду низменно. В этой восхитительной местности, поднимающейся амфитеатром, виднеются их дома, которые состоят, собственно говоря, из одних только крыш да столбов. Эти хижины расположены в тени окружающих их банановых, хлебных и кокосовых деревьев и отстоят недалеко друг от друга. Возле каждого дома имеются огороженные поля, где владельцы выращивают ямс, батат и множество других полезных и вкусных корневищ. Остальную часть обрабатываемых земель занимают плантации бананов и плантанов, а также маленькие леса, состоящие из

кокосовых пальм и хлебных деревьев. Все насаждения густые; почва под ними, защищенная от палящих солнечных лучей, радует глаз изумительным зеленым нарядом. От одного жилища к другому через эти лесочки ведут прелестнейшие тропинки, которые содержатся в образцовом порядке. Путник попадает здесь в живительную тень; его подкрепляют благоухания, исходящие от прекрасных цветов, и развлекает пение множества всевозможных тропических птиц, замечательных великолепием своей окраски.

Хотя Таити удален лишь на 17° от экватора, жара здесь настолько умеряется ветрами, что даже европейцы находят ее вполне терпимой. Когда на острове останавливался Бугенвиль, температура ни разу не превышала 22° [27,5° Ц], а часто достигала лишь 18° по Реомюру [22,5° Ц]. Правда, это происходило зимой. Но даже в январе, в разгар таитянского лета, обильно выпадающие в это время дожди серьезно охлаждают атмосферу. Вообще же для этого острова характерна ясная и сухая погода, очень полезная для здоровья. Поэтому больные, перевезенные с корабля на берег, быстро поправляются.

На Таити нет комаров, москитов и других докучливых насекомых, обычных для тропических стран. Здесь не водятся ни хищные звери, ни вредные пресмыкающиеся, ни змеи. Даже скорпион (одна из мелких его разновидностей) утратил тут свою ядовитость.

«Обитатели Таити,— рассказывает Бугенвиль,— относятся к двум весьма различным человеческим расам, но имеют одинаковый язык и одинаковые обычаи. Смешанные браки практикуются, кажется, без всяких ограничений. Мужчины одной из рас, более многочисленной, выделяются своим высоким ростом, достигающим шести и более футов. Я никогда не видел более красиво и пропорционально сложенных людей; нигде не найти лучшей модели для изваяния Марса или Геркулеса. Черты лица этих островитян ничем не отличаются от европейских, и если бы они ходили одетыми и меньше подвергались воздействию ветра и палящего солнца, то были бы столь же белы, как мы. Они обычно черноволосы²³. Люди другой расы — среднего роста и имеют курчавые жесткие волосы. По цвету, кожи и чертам лица они мало чем отличаются от мулатов».

Кук и его спутники усмотрели причину различий между таитянами в том, что более высокие и светлые составляют класс благородных, называемых «ери» (выговаривается примерно как уегу),

---

²³ Уоллис видел также блондинов, а Бэнкс даже альбиносов.— Примеч. авт.

подвергаются воздействию солнца меньше, чем простой народ, и не занимаются тяжким трудом, а их женщины более воздержанны и начинают предаваться распутству не так рано, как смуглокожие красавицы.

Мы же, однако, склонны скорее согласиться с Бугенвилем и считаем, что темнокожие таитяне — коренные жители, а ери — более поздние переселенцы, покорившие первых⁸. Дело в том, что до сих пор только ери являются землевладельцами, а простой народ обрабатывает их поля и плантации, получая за это определенное вознаграждение натурой, и относится к ним с большим почтением. Король и все начальники тоже принадлежат к ери. Однако переселение последних, по-видимому, произошло очень давно, так как оно больше не упоминается ни в одном из преданий. Естественно, что язык и обычаи обоих племен постепенно стали одинаковыми. Что же касается смешения обеих рас, то тут Бугенвиль был не прав: ери слишком для этого горды. К тому же, если бы дело обстояло так, как он предполагал, все различия давно бы исчезли.

«Люди обеих рас,— продолжает тот же мореплаватель,— отращивают нижнюю часть бороды, но сбривают ее на верхней губе и на щеках. Одни коротко обрезают себе волосы, другие связывают их на макушке. Как эти волосы, так и бороду все они имеют обыкновение смазывать кокосовым маслом. Набедренная повязка часто служит им единственным одеянием. В то же время она доказывает, что эти люди не вполне лишены стыдливости. Более знатные обычно бывают облачены в большой кусок материи, который опускается до колен.

Подобный кусок материи обычно является также единственным предметом одеяния женщин, которые пользуются им столь искусно, что он одновременно служит им средством обольщения. Ввиду того что таитянки не появляются обнаженными под палящими лучами солнца²⁴ и их лицо защищает небольшая тростниковая шляпа, украшенная цветами, они гораздо светлее мужчин. У островитянок изящные черты лица, но особенно замечательны они красотой своего тела, чьи формы не обезображены в угоду требованиям европейской моды. Подобно нашим дамам, которые нарумянивают щеки, таитянки окрашивают в темно-синий цвет нижнюю часть своего туловища, что является как украшением, так и признаком знатного происхождения.

---

²⁴ Вероятно, имеются в виду лишь женщины, принадлежащие к классу ери, ибо мы сами видели других, даже христианок, разгуливающих совсем голыми, если не считать маленького передника.— Примеч. авт.

Мужчины тоже подчиняются этой моде ²⁵. Другой обычай, свойственный обоим полам, заключается в прокалывании ушных мочек и прикреплении к ним нитей жемчуга или гирлянд всевозможных цветов. Величайшая опрятность царит среди этого приветливого народа. Таитяне беспрестанно купаются в море и обязательно моются до и после приема пищи».

С этой характеристикой согласны другие путешественники. В их сочинениях сквозит большая симпатия к этим «балованным детям сладострастной природы», как назвал островитян один из мореплавателей. Но особенно пленили путешественников таитянки. «Все женщины на Таити хороши собой, а некоторые даже очень красивы»,— говорит Уоллис. Спутники Кука также превозносят их прелести. Высокие, стройные фигуры, хотя и не столь крупные, как у мужчин; приятная форма лиц, скорее круглых, чем овальных; нежность кожи, позволяющая, несмотря на ее смуглость, заметить появление румянца; выразительные глаза, то сверкающие огнем, то томные от наплыва чувств; ровные маленькие зубы удивительной белизны; наконец, неопишуемая улыбка, довершающая очарование их красоты,— все это восхитило в особенности Форстера-младшего. Только носы у этих красоток обычно слегка приплюснуты, но встречаются и такие, которым могли бы позавидовать европейки.

Таитян не коснулось проклятие: «Ты должен есть свой хлеб в поте лица своего». Трех хлебных деревьев достаточно для того, чтобы прокормить одного человека в течение целого года; ему только нужно протянуть руку за этими и многими другими плодами, позволяющими питаться вкусно и разнообразно. В здешнем климате и на здешней почве выращивание питательных корней является чрезвычайно легким делом. Ценой затраты ничтожных усилий можно добыть из моря рыбу и моллюсков. Рыба водится также в ручьях, где встречается, кроме того, одна из разновидностей раков.

Зажиточные островитяне жарят своих свиней в ямах между горячими камнями; приготовленное таким способом кушанье очень нравится даже европейцам. Они могут также разнообразить свои мясные блюда, употребляя в пищу кур и, как пи странно, собак. Последние получают только растительные корма и считаются особым деликатесом.

В одном доме часто совместно живет несколько семейств, и притом в величайшем согласии. Вся утварь этих домов состоит из циновок, зачастую весьма художественного плетения, разложенных

на месте ночлега, а также нескольких сосудов из тыквы и скорлупы кокосового ореха.

Таитяне — в высшей степени кроткий, доброжелательный, прямодушный, веселый и миролюбивый народ, хотя у некоторых из них имеются рубцы от ранений. Последние получены в войнах и свидетельствуют о том, что таитяне могут быть также храбрыми. Ненависть и месть совершенно чужды их сердцам. Кук обращался с ними жестоко и несправедливо, но они каждый раз с ним мирились, когда он, нуждаясь в их помощи, мало-мальски пытался заслужить их расположение. Европейцы чувствовали себя здесь в такой безопасности, что осмеливались даже в одиночку и без оружия проводить ночи на берегу. Повсюду их встречали с самым веселым гостеприимством и буквально осыпали знаками дружбы. Таитянам совершенно несвойственны были чувства зависти и ехидства. Если один из них получал подарок, вместе с ним радовались все остальные.

Эти простодушные люди очень чувствительны и по малейшему поводу плачут или смеются. Даже мужчин можно было часто увидеть плачущими. Печальное настроение сменяется у них радостным столь же быстро, как у детей, и, подобно последним, они мыслят переменчиво и поверхностно. Форстер-старший рассказывает, что островитяне с большим любопытством взирали на находившиеся, на корабле предметы, но овладеть их вниманием хотя бы на время оказалось столь же мало возможным, как удержать ртуть в состоянии неподвижности.

Таитяне, по-видимому, не привыкли ни к физическому, ни к умственному напряжению. Гораздо охотнее предавались они всякого рода наслаждениям и блаженному *far niente*. В то же время нельзя не подивиться тому прилежанию, с каким они изготовляли свою материю — мягкую бумагу из древесной коры, а также тростниковые циновки, рыболовные сети и лески из волокон кокосового ореха и крючки из раковин. Но особенно замечательными были их лодки и военные суда. Последние достигали такой величины, что вмещали по сорок и более человек, сооружались из досок, скрепленных кокосовыми веревками, и тщательно проконопачивались. Поскольку у таитян не было других инструментов, они с большим трудом откалывали эти доски от древесных стволов заостренными камнями. Отсюда понятно, как ценили они наши топоры и гвозди.

Как и все другие островные жители, таитяне — искусные моряки. Что же касается плавания и ныряния, то по этой части им нет равных среди обитателей островов и побережий Европы.

Таитянам ничего не стоит нырнуть на значительную глубину, чтобы достать какой-нибудь предмет со дна океана. Для них суший пустяк, если лодка перевернется в открытом море: мужчины и женщины плавают вокруг нее до тех пор, пока им не удастся придать лодке прежнее положение, вычерпывают из нее воду и как ни в чем не бывало, продолжают плавание.

Их морские путешествия, порой на удивительно далекие расстояния, сделали совершенно необходимыми наблюдения за небесными светилами, тем более что у таитян не было компаса. В результате они приобрели астрономические познания. Они умели отличать планеты от неподвижных звезд, причем каждая планета имела у них особое название. В соответствии с фазами луны таитяне делили год на 13 месяцев, в каждом из которых, за исключением одного, насчитывалось 29 дней. Тринадцатый месяц, более короткий, введен был, по-видимому, для того, чтобы уравнивать лунный год с солнечным. Как день, так и ночь таитяне делили на шесть частей, по два часа каждая, и умели точно определять их днем по солнцу, а ночью по звездам.

Их познания в хирургии высоко оценены судовыми врачами, обнаружившими, что зачастую тяжелые раны хорошо заживают.

Вообще таитяне находились на гораздо более высокой ступени цивилизации, чем все другие островитяне, и потому было бы несправедливо причислять их к последним.

Язык таитян приятен на слух. Гласные в нем встречаются гораздо чаще, чем согласные, которых вообще очень мало, причем вовсе отсутствуют такие звуки, как наши «г», «к», «с» и «п». Произношение освоить нетрудно. Кук и его спутники достигли на этом поприще некоторых успехов. Один из спутников Кука рассказывает: «Этот язык богат образными выражениями. Я убежден, что более детальное с ним ознакомление позволит поставить его в один ряд с языками, наиболее восхищающими нас смелостью и силой своих выразительных средств».

Благодаря этому, пусть еще недостаточному, знакомству с языком таитян удалось узнать многое об их религии. Форстер-старший сообщает о ней довольно подробные сведения.

Таитяне верили в верховного бога Атуа Рааи [Таароа], творца и повелителя вселенной и всех прочих божеств. Они наделили его супругой, которая имела, однако, другую природу и являлась материальной, весьма твердой субстанцией, вследствие чего ее именовали О-Те-Папа, то есть «скала». От этой пары, согласно представлениям таитян, произошли богиня луны, боги звезд, ветра и моря, а также особые боги — покровители отдельных

островов, каждый из которых имел свое собственное имя. После того как верховный бог сотворил солнце, он схватил свою супругу, громадную скалу, и понес ее через море с запада на восток. При этом от нее отваливались куски и превращались в острова.

По мнению таитян, кроме второстепенных богов существовали еще низшие божества, в том числе злой дух, внезапно убивающий людей по требованию жрецов. Подобное верование было, безусловно, очень выгодно последним. Таитяне далее полагали, что в каждом человеке обитает мыслящий и ощущающий дух, который покидает тело после смерти. Однако они считали, что он остается вблизи от останков, чаще всего вселяясь в деревянные статуи, устанавливаемые в местах погребений (марай), а иногда по ночам прокрадывается как привидение в жилища и умерщвляет спящих, пожирая их сердца и внутренности. Подобную веру в привидения можно встретить даже у цивилизованных народов. Возможно, что на Таити она имела не большее распространение.

Как сообщает другой спутник Кука, таитяне считали, что души умерших соединяются с существом бога; это обозначалось выражением: «Он поедает их». В этом заключалось очищение, после которого душа, или дух, попадала в места вечного блаженства. Если мужчина в течение нескольких месяцев перед смертью воздерживался от общения с женщинами, его душа не нуждалась в подобном очищении и попадала прямо на небеса. Высокомерие ери доходило до того, что они имели свое особое небо, где общались лишь с равными по происхождению.

Каждый знатнейший таитянин имел свой собственный, весьма священный для него марай, который использовался также для религиозных собраний. Наиболее торжественные и многолюдные собрания такого рода происходили в марай короля. Здесь жрецы обращались к народу, здесь же совершался обряд принесения в ЯБертву людей, накладывавший позорное пятно на столь добродушных в других отношениях таитян. Кук присутствовал на одном из таких жертвоприношений и подробно его описал. Оно производилось для того, чтобы заручиться поддержкой богов в одной из предстоящих войн.

Приносимый в жертву человек всегда принадлежал к низшему классу населения. Его предварительно убивали, так что все обряды совершались над трупом. Жрецы выполняли их в присутствии короля и огромной толпы народа, под аккомпанемент многочисленных молитв. Один из этих обрядов заключался в том, что королю подносили левый глаз жертвы, от которого он, однако, отказывался. Кук делает отсюда вывод, что таитяне

были когда-то людоедами, причем королю полагался этот, по-видимому, лакомый кусок.

Данное предположение кажется сомнительным. Во всяком случае, этот омерзительный обычай мог существовать на Таити лишь в глубокой древности, ибо от него не осталось больше никаких следов. Да и вообще он никак не вяжется с характером и нравами таитян. Правда, то же самое можно было бы сказать и о человеческих жертвоприношениях. Но ведь они были, по всей вероятности, не более чем выдумкой жрецов, желавших с помощью этого ужасного обряда добиться большего преклонения перед священнослужителями со стороны легко поддающегося запугиванию народа. Похороны умерших также сопровождались многочисленными религиозными обрядами. Но религия не касалась таких событий, как рождение ребенка или заключение брачного союза.

Если женщина рожала возлюбленному ребенка, которого тот признавал своим, то тем самым между ними без дальнейших церемоний заключался брак, остававшийся обычно в силе вплоть до смерти одного из супругов. Однако последние при желании могли легко разойтись и вступить в новую связь. Случалось, что супруг содержал еще наложницу, но он не мог иметь сразу двух законных жен. Только короли, кажется, иногда являлись исключением. Так, недавно умерший Помаре был одновременно женат на всех четырех дочерях короля одного из соседних островов. Во время нашего посещения Таити они были еще живы и почитались как его вдовы. Лишь от одной из них Помаре имел потомство, и так как он в последние годы своего правления перешел в христианскую веру, то только эта жена стала считаться его официальной супругой.

На Таити существовала монархическая форма правления. Каждый полуостров имел своего короля, но последний, кажется, должен был по всем важным вопросам советоваться с советом ери. Эти монархи пользовались в народе огромным почетом и уважением. Никто, даже женщины и знатнейшие ери, не смел появиться перед королем или его братьями, не обнажив верхней части туловища. Такие же почести таитяне оказывали только богам, когда проходили мимо марай или молились. Что же касается принцесс королевской крови, то перед ними обнажались только женщины. Все подданные были весьма привязаны к своим монархам, которые подчинялись удивительному закону о престолонаследии: как только у короля рождался сын, суверенитет переходил к наследнику, и отец продолжал управлять от имени сына лишь до его совершеннолетия.

Отдельными округами управляли начальники, принадлежавшие

к классу ери. В их руках находилось также правосудие, которое у этого добродушного народа было очень снисходительным. Наказания в значительной мере зависели от пострадавших и сводились чаще всего к побоям. Другие наказания, по-видимому, были очень редки. Правда, один туземец утверждал, будто воров вешали на деревьях. Но это сообщение, конечно, не соответствует действительности, ибо, как показывают многочисленные примеры, они получали самое большее несколько ударов, а часто и вовсе оставались безнаказанными.

Два государства, находившиеся на Таити, то воевали друг с другом, то вместе или поодиночке боролись против внешних врагов. Кук и его спутники наблюдали приготовления к войне с соседним островом Эimeo [Муреа] и присутствовали на смотре, который король Оту устроил своему флоту. По количеству военных судов и численности их команд Форстер-старший заключил, что на Таити обитало тогда, по меньшей мере, 130 тысяч человек. По его мнению, остров мог, однако, прокормить гораздо большее число жителей. На этом основании Форстер предположил, что население Таити со временем значительно увеличится. К сожалению, мы обнаружили нечто противоположное, о чем будет рассказано ниже.

Во время войны таитяне порой изменяли своему мягкому характеру и безжалостно убивали пленных. Но тот, кому довелось наблюдать за яростным сражением, знает, что в ходе битвы даже самыми добродушными людьми овладевает бешенство, которое легко может повлечь за собой жестокости, ибо чувства выходят из-под контроля. Только в состоянии неистовства, порожденного сражением, таитяне могли совершать жестокости; ничего подобного не случилось бы, если б они оставались хладнокровными.

Труднее извинить другой их порок, а именно воровство у европейцев, которому были подвержены как мужчины, так и женщины, как знать, так и простонародье. Они проделывали это настолько искусно, что, несмотря на всю бдительность и все меры предосторожности, не проходило и дня без того, чтобы таитяне что-нибудь не похищали. Как рассказывает Форстер-младший, юная, прекрасная и знатная Марораи воспользовалась всеобщим замешательством, возникшим на корабле вследствие того, что он наскочил на камень, и украла из каюты одного из офицеров две простыни. Даже одна из принцесс королевской крови, посетив корабль, украдкой присвоила несколько мелочей. Христианские наставники таитян внушили им мысль о гнусности воровства, что, как мы можем засвидетельствовать, принесло весьма благоприятные результаты.

Чувство благопристойности побуждало меня умолчать о том, что нравы таитян были весьма предосудительны еще в одном отношении. Но я все же об этом расскажу, ибо и в данной сфере влияние миссионеров было очень велико.

Если стыдливость, с которой цивилизованные народы скрывают таинства любви, является лишь следствием развития их духовной культуры, то не следует удивляться тому, что народ, еще не достигший такого культурного уровня, лишен упомянутого чувства и в своей непосредственности устраивает даже публичные торжества, которые кажутся нам весьма непристойными.

Примитивное радушие таитян заходило так далеко, что они предоставляли желанному гостю дочерей, сестер и даже жен. Иногда же корысть побуждала их продавать за кусочки железа, бусы и прочие мелочи то, чем в других случаях гость пользовался бесплатно. Женщины, которые, не колеблясь сами торговали своей благосклонностью, относились почти сплошь к низшему классу населения. Но зато у благородных существовал в высшей степени развратный союз, члены которого, обоих полов, называли себя эриои. Отказавшись от брака и от потомства, обуреваемые похотью, они скитались по Таити и соседним островам, и, если у них рождался ребенок, они либо выходили из союза, либо убивали свое дитя. Все мужчины, принадлежавшие к этому сообществу, были воинами и пользовались большим уважением в народе. Быть эриои считалось почетным, ибо сам король Оту одно время входил в состав данного союза, деятельности которого, к счастью, положили конец миссионеры.

Там, где царит подобная разнузданность, где на женщину смотрят главным образом как на источник наслаждения, она не может пользоваться сколько-нибудь значительным уважением. Поэтому любовь, подобная той, которая приносит нам счастье, на Таити была совершенно неизвестна.

Хотя женщины на Таити пользовались гораздо большими правами, чем у многих других народов, им не разрешалось питаться совместно с мужчинами, что свидетельствует о низком уважении к прекрасному полу. Когда король со своей семьей прибыл на корабль Кука с визитом, даже принцесс пришлось угощать в отдельной каюте. Этот обычай теперь, конечно, больше не соблюдается. Верность супруги таитяне видели в том, что она никому не оказывала благосклонности без ведома и согласия супруга. Нарушение этой обязанности обычно наказывалось изрядными побоями.

Перечисляя пороки таитян, нужно еще напоследок упомянуть об их пристрастии к одурманивающему напитку, который

приготавливался из корней специально выращиваемого для этой цели растения ава. Это пристрастие отнюдь не было всеобщим; его вредные последствия можно было заметить на некоторых истощенных фигурах. И в данном вопросе влияние миссионеров было благотворным: ныне запрещено выращивать этот корень и готовить из него напиток. К сожалению, последний отчасти заменили ввозимые сюда вина и водки. Но мы не видели на Таити ни одного пьяного.

Осветив теневые стороны жизни в остальном столь симпатичных таитян, наблюдавшиеся в дохристианский период, я прошу читателя вновь вспомнить об их многочисленных достоинствах, извинить их слабости и благосклонно отнестись к их невинным увеселениям. Эти увеселения заключались в музыке, танцах, инсценировках сражений и настоящих драматических представлениях.

Музыка таитян была очень проста. Носовая флейта, которая издавала только четыре топа, и барабан, изготовленный из полого древесного ствола, были их единственными инструментами. Но сопровождавшие музыку песни, текстами которых чаще всего служили импровизированные поэмы, звучали приятно и указывали на утонченность их музыкального слуха.

В танцах отличались девушки, ибо замужним женщинам они были запрещены; мужчины тоже не принимали в них участия. Эти танцы напоминали балеты, и, по мнению путешественников, многие их исполнительницы смогли бы после небольшой подготовки выступать в наших театрах. Они быстро научились английским танцам, в том числе знаменитой hornpipe²⁶, и исполняли их очень грациозно.

Сражения, которые устраивались для увеселения зрителей, во всем подражали настоящим боям. Нельзя было не подивиться тому искусству, с которым их участники отражали удары, наносившиеся палицами и копьями, или уклонялись от этих ударов. Только благодаря столь необычайной ловкости они не получали серьезных ран.

Драматические представления, в которых участвовали лица обоего пола, имели частью серьезное, частью комическое содержание. Из-за плохого знания таитянского языка путешественники смогли оставить нам лишь поверхностное их описание. В этих представлениях не гнушались принимать участие даже высочайшие особы.

Наслаждаясь частыми увеселениями, легко удовлетворяя все

---

²⁶ Hornpipe («волынка») — английский народный танец, популярный среди моряков.

свои потребности, не будучи обременены ни гнетущими заботами, ни тяжким трудом, не мучимые никакими страстями, лишь изредка поражаемые болезнями, таитяне вели упоительную жизнь под великолепным тропическим небом своей райской страны. Как выразился один из спутников Кука, им не хватало разве только бессмертия, чтобы в этом Элизиуме²⁷ сравняться с богами.

12 марта, прекрасным безоблачным утром, мы с радостью увидели на горизонте остров Таити, издали казавшийся легким облачком. Все то, что мы знали о его красотах, воскресло в нашей памяти и было еще больше разукрашено игрой воображения. Нам оставалось еще пройти 70 миль, чтобы достигнуть земли, когда она предстала перед нами в виде трех обособленных холмов, которые, казалось, принадлежали к двум различным островам. Самая высокая точка Таити (8000 футов над уровнем моря) — вершина горы, имеющей форму сахарной головы и этим отличающейся от прочих возвышенностей. Слабый ветер словно испытывал наше терпение. Но по мере того как мы приближались к этой прекрасной земле, она мало-помалу открывала перед нами свои прелести.

Светлое облачко становилось все выше, шире и темнее. Вскоре мы различили высокие, обрывистые, беспорядочно громоздящиеся друг на друга скалы горного плато, являвшие взору в высшей степени живописное зрелище. Когда мы подошли еще ближе, исполинские деревья с пышной листвой, растущие даже на самых высоких горных вершинах, напомнили нам природу Бразилии. Наконец, нас очаровали спускающиеся к самому берегу живописные долины с их рощами хлебных, кокосовых и апельсиновых деревьев, банановыми плантациями и маленькими огороженными полями, засаженными ямсом и таро.

Только 14 марта нам удалось подойти к мысу Венеры [мыс Венюс], названному так Куком вследствие того, что он наблюдал здесь за прохождением перед солнечным диском планеты того же названия. Впрочем, этот мыс выглядит настолько прелестно, что вполне заслужил честь быть названным именем самой прекрасной богини. Он представляет собой узкую длинную косу, отходящую от северной части острова и густо поросшую кокосовыми пальмами. Ее изгиб образует гавань Матаваи, которая отнюдь не самая безопасная. Но именно сюда предпочитают заходить мореплаватели с тех пор, как Кук прославил эту гавань.

---

²⁷ Элизиум (лат. Elysium) — Елисейские Поля, на языке поэзии — рай.

Когда мы находились на расстоянии двух миль от мыса Венеры, я приказал выстрелить из пушки, чтобы привлечь внимание к поднятому на фок-мачте флагу, который означал, что мы вызываем лоцмана. Вскоре мы увидели, что к нам приближается лодка европейского типа. Из нее на корабль поднялся человек, который, к величайшему нашему удивлению, обратился к нам по-русски, ибо узнал российский флаг. Это был англичанин по фамилии Уильямс. Он вначале плавал матросом на торговых судах, затем на северо-западном побережье Америки состоял на службе у Российско-Американской компании и, наконец, прочно обосновался на Таити. Уильямс женился на таитянке и стал уже отцом семейства. Он исполнял обязанности лоцмана в бухте Матаваи и как таковой был прислан к нам тамошними миссионерами.

Подобные бродяги подчас поселяются на островах Южного моря, но это редко идет на пользу коренному населению. Обычно они слишком грубы и невежественны для того, чтобы оказать благотворное влияние на островитян, зато передают им свои пороки. Конечно, из этого правила бывают исключения. На Таити, например, тогда находилось около двадцати такого рода натурализованных англичан и американцев, из которых отнюдь не все заслуживали порицания.

Приняв на борт лоцмана, мы направились прямо к внешней оконечности мыса Венеры, где развевался таитянский национальный флаг. Этот флаг — красного цвета с белой звездой посередине. Подобно многим другим нововведениям, он обязан своим происхождением миссионерам. Последние не носят громких титулов, но оказывают такое большое влияние на умы, что являются подлинными правителями страны.

Мы благополучно обогнули отмель, находящуюся к западу от бухты Матаваи. На нее в свое время наскочил Уоллис, назвавший ее в честь своего судна мелью Дельфина. Наконец мы оказались в 200 саженях от прибрежного селения Матаваи и на глубине 15 саженей бросили якорь на черный глинистый грунт.

Едва местные жители увидели, что наш шлюп входит в бухту, как на берег высыпало множество любопытных, приветствовавших нас радостными криками. К нам тотчас устремилось большое количество лодок со всевозможной провизией, в особенности с фруктами, а также с другими предметами, предназначенными для меновой торговли. Вскоре корабль был со всех сторон окружен ликующими таитянами. Как только были убраны паруса, я разрешил им подняться на борт, чем они немедленно воспользовались.

С товарами на спине таитяне весело вскарабкались на палубу, которая отныне превратилась в оживленный базар. Изъявлениям радости и шуткам не было конца. Со смехом расхваливались товары, со смехом совершались сделки. Вскоре каждый таитянин выбрал себе русского друга, которому с нежнейшими объятиями объяснил, что желает поменяться с ним именами. При этом выражалась готовность снабдить нового друга всем, что он пожелает. Возможно, что рвение, с которым таитяне заключали эти дружеские союзы, было не совсем бескорыстным: они могли рассчитывать таким путем повыгоднее сбыть свои товары. Однако со стороны эта столь быстро возникшая симпатия выглядела вполне искренней и сердечной. Меньше чем через час все были уже добрыми друзьями и, разделившись на пары, рука об руку прогуливались по палубе. Можно было подумать, что мы находимся здесь уже в течение нескольких лет.

Из всего того, что мы могли предложить таитянам, наибольшую ценность в их глазах, кажется, имела одежда. Всякий, кто выторговывал какой-нибудь предмет туалета, прыгал от радости, подобно сумасшедшему. Среди прибывших к нам таитян не было женщин. И в дальнейшем они посещали нас лишь изредка, причем вели себя весьма благонаравно.

Наши новые друзья покинули нас, когда солнце уже клонилось к закату. Они отправились домой, в высшей степени удовлетворенные результатами торга и полученными подарками. После их отъезда мы не обнаружили ни одной пропажи, хотя на судне побывало более ста человек. К этому времени вернулся офицер, посланный мною к миссионеру Уилсону. Последний заверил меня в том, что с радостью поможет нам во всем, в чем мы будем нуждаться, и сдержал свое слово.

На следующее утро при совершенно безоблачном небе восходящее солнце приветствовало нас великолепной иллюминацией, причудливо осветив прекрасную землю. Еще до того, как мы увидели солнечный диск, его лучи заблестали на горных вершинах и постепенно проникли в долины, оживляя многообразную растительность. Наконец царь дня появился над горизонтом во всем своем великолепии, и под его живительными лучами удивительно красивые береговые ландшафты сделались еще более очаровательными.

Среди плодовых деревьев мы разглядели жилища счастливых обитателей этого большого увеселительного сада. Они сооружены из бамбуковых жердей, покрыты большими листьями и окружены маленькими огородами. К нашему вящему удивлению, на берегу стояла мертвая тишина, и даже тогда, когда

солнце высоко поднялось над горизонтом, мы не увидели ни одного человека. Пламенная дружба, возникшая только вчера, казалось, уже остыла, ибо о нас совершенно забыли. Наконец вернулась шлюпка, еще на рассвете посланная за провизией, и мы узнали о причине этого удивительного явления. Оказалось, что таитяне праздновали воскресенье и потому не покидали своих жилищ, где, лежа па животе и громко завывая, читали Библию. Островитяне не занимались никакими делами, ибо воскресный день, как они объяснили, должен быть посвящен исключительно молитвам.

По нашему исчислению, в этот день была суббота. Такая разница во времени произошла из-за того, что первые миссионеры прибыли на Таити с запада, через Новую Голландию [Австралию], мы же пришли с востока, обогнув мыс Горн.

Я решил нанести визит Уилсону, чтобы при его содействии получить на берегу место, удобное для астрономических наблюдений. Мы высадились на оконечности мыса, где густая и тенистая пальмовая роща сразу защитила нас от палящих солнечных лучей. Никто не встретил нас па берегу, даже собак не было видно. Стояла гнетущая тишина. Даже птицы, казалось, соблюдали здесь воскресенье, сохраняя молчание. А может быть, они не пели потому, что было слишком жарко. Только маленький ручеек, извивавшийся между цветущими кустами, осмеливался присоединять свое журчание к молитвам таитян. Я медленно побрел по узкой тропинке сначала под сенью пальм, а затем в тени, образованной лимонными, апельсиновыми и банановыми деревьями. При этом я жадно втягивал в себя упоительные благоухания, которых был столь долго лишен во время плавания, а также любовался роскошной природой, уступающей, однако, бразильской. Дело в том, что растительный мир здесь менее разнообразен, да еще отсутствуют колибри и бабочки, которые в изобилии водятся в Бразилии.

Когда я приблизился к жилищам таитянских христиан, до меня донеслись их громкие молитвы. Все двери были затворены, так что даже детям не было разрешено наслаждаться прекрасным утром. Вскоре я увидел маленький привлекательный дом миссионера, построенный на европейский лад. Он стоял на открытой площадке и был окружен огородом, щедро засаженным всевозможными европейскими овощами. Уилсон сердечно приветствовал меня в своем простом, но опрятном жилище и познакомил с женой, которая тоже была родом из Англии, детьми и еще с двумя англичанами — Беннетом и Тайерменом. Последние были членами Лондонского миссионерского общества. Покинув три года назад Англию, они в качестве ревизоров

объезжали все миссионерские поселения, основанные этим обществом на островах Южного моря.

Главный миссионер на Таити по фамилии Нотт живет в королевской резиденции. Ему подчинены все остальные миссионеры. Этот теперь уже пожилой человек в совершенстве изучил таитянский язык и создал таитянскую письменность. Им самим или при его активном участии переведены на местный язык Библия, книга религиозных песен и молитвенник, а также составлена грамматика, опубликованная под следующим названием: «A Grammar of the Tahitian Dialect of the Polynesian Language. Tahiti. Printed at the Mission Press, Burder's Point, 1823»²⁸. Нотт, кроме того, первым стал обучать таитян чтению и письму. Теперь грамотность среди них широко распространена. К сожалению, мне не удалось познакомиться с Ноттом, и потому я могу судить о нем только как о миссионере, но не как о человеке. Он пользуется здесь большим уважением.

Уилсон, тоже пожилой человек, находится на Таити уже свыше двадцати лет. Он низкого происхождения, был раньше простым матросом, а затем приналегал к богословию, которым ныне усердно занимается. Впрочем, это добродушный, услужливый и честный человек.

Вместе с Ноттом и Уилсоном на Таити насчитывается шесть миссионеров, а на всех остальных островах Общества — только четыре. Каждый миссионер владеет земельным участком, который обрабатывается туземцами и с избытком снабжает его всевозможной провизией. Кроме того, он ежегодно получает 50 фунтов стерлингов от Лондонского миссионерского общества.

Эта организация недавно послала миссионеров также на Тонгатабу (один из островов Дружбы [Тонга]) и на остров Нукахива [Нукухива], ставший известным благодаря Крузенштерну. Сверх того, будет подготовлено несколько миссионеров из числа таитян для распространения христианства на островах Опасного архипелага. У нас законоучителем может стать только тот, кто получил тщательное воспитание и усердно учился в школах и университетах. Лондонское миссионерское общество куда менее требовательно. Для него вполне пригодным кандидатом является полудикарь, смущенный несколькими догмами, услышанными от матроса.

Наступило время отправляться в церковь. Уилсон пригласил меня присутствовать на богослужении, и я с удовольствием

---

²⁸ Грамматика таитянского диалекта полинезийского языка. Таити. Напечатано в типографии миссии, Бардерс Пойнт, 1823.

принял его приглашение. От дома Уилсона туда ведет красивая, широкая, похожая на шоссе дорога, прямая как стрела. Она окаймлена с обеих сторон глубокими канавами и обсажена кокосовыми пальмами и высокими хлебными деревьями. Через десять минут мы подошли к церкви — красивому зданию длиной примерно в двадцать и шириной в десять саженой. Оно имеет деревянный каркас и благодаря множеству больших незастекленных окон приспособлено к местному климату, ибо здесь приток свежего воздуха желателен при любой погоде. Стены этого здания, обмазанные глиной и побеленные известью, выглядят очень эффектно на фоне зеленой листвы окружающих его деревьев, а крыша, искусно сплетенная из тростника и покрытая громадными листьями, обеспечивает надежную защиту от сильнейших ливней. Эта церковь не имеет ни колокола, ни колокольни, но черные деревянные кресты расположенного тут же кладбища настраивают сердца на торжественный лад.

Внутри церковь представляет собой большой зал, стены которого оштукатурены столь же аккуратно, как снаружи. Этот зал заполнен длинными рядами скамеек, которые расположены так, чтобы все сидящие могли хорошо видеть кафедру, установленную посередине. Когда мы вошли, церковь была уже полна, причем мужчины сидели с одной стороны, а женщины — с другой. Почти перед каждым из присутствующих лежала книга религиозных песен. Царила величайшая тишина. Возле кафедры, на которую поднялся Уилсон, стояла скамья для Беннета и Тайермена; я уселся вместе с ними.

На этих молитвенных собраниях таитяне имеют весьма торжественный и благочестивый вид. Но европейцу, впервые увидевшему их в воскресном наряде, очень трудно бывает удержаться от смеха.

Я уже говорил о том, как высоко ценится островитянами европейская одежда. Они гордятся ею больше, чем наши дамы бриллиантами и персидскими шальями, а наши господа — звездами и орденскими лентами. Поскольку таитяне не имеют ни малейшего представления о наших модах, они не обращают внимания на покрой. Ветхость и изношенность вещи здесь также почти не уменьшают ее стоимости. А расползшийся шов или дыра, по мнению островитян, и вовсе не влияют на элегантность. Всю эту одежду привозят на Таити корабельщики, скупающие ее на ветошных рынках. Они сбывают такие обноски с огромной прибылью, пользуясь тем, что здесь еще нет портных.

Поскольку полный костюм обошелся бы слишком дорого, островитяне обычно довольствуются какой-нибудь одной его частью.

Например, тот, кто щеголяет во фраке или в английской солдатской куртке, не надевает более ничего, если не считать набедренной повязки из таны. Счастливый обладатель штанов или жилета также считает, что достаточно позаботился о своем гардеробе. Некоторые островитяне ходят в одних рубашках. Встречаются и такие, которые потеют в толстых суконных шинелях, словно в русской бане, но из тщеславия их не снимают. Чулок, сапог или башмаков здесь вовсе не видать. Наиболее потешный вид имеют господа, щеголяющие во фраках, которые, как правило, бывают им коротки и тесны. Многие едва могут пошевелить руками, и вынуждены держать их распростертыми наподобие крыльев ветряной мельницы, причем их локти нередко с любопытством взирают на окружающий мир из продранных рукавов.

Если представить себе сборище подобным образом одетых людей, совершенно уверенных в благопристойности своего костюма, если вообразить их строгие и торжественные лица, довершающие комический эффект, то будет легко понять, почему в отличие от них я был настроен отнюдь не благочестиво.

Женщины имели не такой забавный вид, но все же были одеты достаточно странно. Они были либо облачены в короткие белые или полосатые мужские рубашки (некоторые с широкими жабо на груди), не закрывавшие их массивных коленей, либо были закутаны в простыни. Их головы были наголо острижены в соответствии с модой, введенной миссионерами, и украшены маленькими европейскими соломенными шляпами странной и безвкусной формы, унизированными лентами и цветами; такие шляпки изготавливаются теперь на самом Таити. Но самой элегантною частью их туалета был пестрый хлопчатобумажный платок, указывавший также на богатство его владелицы.

Поднявшись на кафедру, Уилсон, прежде всего, склонил свою голову, спрятал лицо в раскрытой Библии и начал шепотом молиться. Его примеру последовали все прихожане, использовав при этом вместо Библии книгу религиозных песен. Затем присутствующие затянули один из гимнов. Это был плохо разученный хорал, прозвучавший весьма нестройно, так как каждый вопил изо всех сил, нисколько не заботясь о гармонии.

По окончании пения Уилсон прочитал несколько глав из Библии, причем дважды все становились на колени. Большинство, кажется, слушало очень внимательно, ибо стояла похвальная тишина. Лишь иногда, особенно во время коленопреклонений, она нарушалась болтовней и хихиканьем нескольких молодых девиц, сидевших позади меня, вследствие чего Беннет и Тайермен частенько бросали на них осуждающие взгляды.

Каждый такой взгляд поражал их подобно удару молнии, вызывая оцепенение, но вскоре сила молодости вновь оживляла парализованные страхом члены. Болтовня и хихиканье возобновлялись с новой силой, причем на белого незнакомца устремлялись игривые взоры, свидетельствовавшие о том, что эти девушки не прочь познакомиться с ним поближе.

После того как Уилсон окончил чтение Библии, был спет еще один гимн, чем и завершилось богослужение. Прихожане, вполне довольные собой, с книгами религиозных песен под мышкой группами побрели домой по красивой широкой аллее. В этот момент их костюм выглядел еще более странно, чем в церкви. Но у меня уже пропало желание смеяться.

Присутствуя на большом собрании этих новых набожных, так называемых христианских таитян, я имел возможность сравнить их с их предками, описанными предшествующими мореплавателями. Это навело меня на грустные размышления. Мои мысли становились тем печальнее, чем больше знакомился я с новейшей историей Таити.

После многих бесплодных попыток, которые предпринимались, начиная с 1797 г., английским миссионерам удалось, наконец, распространить среди таитян то, что они называют христианством, и даже обратить в свою веру самого короля Тайо, спокойно и мирно управлявшего обоими полуостровами. Но тем самым в пороховую бочку была брошена искра, вызвавшая ужасный взрыв.

Новая религия была введена силой. Марай, как и все то, что могло напомнить о дотоле почитавшихся божествах, были внезапно разрушены по приказу короля. Были убиты все те, кто не хотел сразу переходить в новую веру. Религиозное рвение породило тигриную ярость в сердцах прежде столь кротких людей. Пролились потоки крови, целые племена были истреблены. Многие мужественно предпочли смерть отказу от старых верований. Некоторые спаслись, бежав в высокие необитаемые горы, где они обособленно живут до сих пор, сохраняя верность своим старым богам. Воскликание Шиллера: «Страшен человек в безумном ослеплении!» — получило здесь ужасное подтверждение.

Как это всегда бывает, к фанатизму присоединилось властолюбие. Король Тайо, не удовлетворившись тем, что все его подданные, оставшиеся в живых, сделались последователями новой религии, решил прибегнуть к завоеваниям, чтобы ввести ее силой и на других островах Общества. Когда ему это уже удалось на большинстве из них, против него выступил молодой герой по имени Помаре, король маленького острова Табуа [Тубуаи-Ману].

У Помаре было немного воинов, но зато он отличался беспримерной храбростью и превосходил своего врага в искусстве ведения войны.

Помаре отвоевывал у короля Тайо один остров за другим, овладел, наконец, самым Таити, взял в плен кровожадного убийцу своих безвинных единоверцев и принес его в жертву душам умерших. Впоследствии он покорил все остальные острова Общества, дотоле остававшиеся независимыми, и, став властителем всего архипелага, поселился на Таити. Осуществляя верховную власть, Помаре оставил управление островами в руках покоренных им королей, наложив на них ежегодную дань свиньями и плодами. Чтобы еще более упрочить свою власть с помощью семейных уз, он женился на дочери могущественнейшего из своих вассалов, правителя острова Улиетеа [Раиатеа], причем остальные три ее сестры в силу старинного обычая также сделались его женами.

С той поры на Таити, как и на всем архипелаге, вновь воцарилось спокойствие. Помаре был мудрым и снисходительным правителем. Он не мешал своим подданным исповедовать новую веру, хотя сам в нее не перешел. Миссионеры, принужденные отныне действовать только уговорами, сумели все же сохранить в народе приверженность к распространенному ими учению. Поэтому те, кто бежал в горы, предпочитали лучше оставаться в своих убежищах, чем испытывать на себе ненависть и презрение своих соотечественников-христиан. Наконец сам Помаре, вняв увещаниям миссионера Нотта, согласился креститься вместе со всей своей семьей. Король умер христианином во цвете лет. Его погубило неумеренное употребление спиртных напитков, которые он получал на кораблях своих новых единоверцев.

У Помаре развилась непреодолимая страсть к такого рода напиткам, хотя он настолько ясно осознавал причиняемый ими вред, что частенько восклицал, находясь в состоянии опьянения: «Король, король! Сегодня твои толстые свиньи могли бы править лучше, чем ты!» Однако эта слабость Помаре настолько перекрывалась его хорошими качествами (проявленной ранее храбростью, непоколебимой справедливостью, снисходительностью и щедростью), что он до самой смерти пользовался среди своих подданных всеобщей любовью и уважением. Во время нашего пребывания на Таити, почти через два года после смерти Помаре, островитяне все еще оплакивали его кончину, хотя он и был неограниченным монархом, а они имели теперь введенную под влиянием миссионеров конституцию, которая напоминала или, точнее, пародировала английскую.

Миссионеры убедили таитян принять составленную ими конституцию, воспользовавшись малолетством сына Помаре, нынешнего короля Помаре II, которому во время нашего визита было четыре года. Всеобщая скорбь по поводу кончины абсолютного монарха позволяет заключить, что эта конституция не принесла счастья островитянам. Однако влияние миссионеров на умы настолько велико, что народ выполняет все, что они пожелают.

Согласно новой конституции Таити делится на девятнадцать округов, а соседний остров Эймео [Муреа], не имеющий особого вице-короля, — на восемь. В каждом округе свой губернатор и свой судья. Первый назначается парламентом, а второй избирается населением, причем оба лишь на один год, но их полномочия могут быть продлены, если ими будут довольны. Эти должностные лица ведают поддержанием порядка и улаживанием мелких споров. Важные дела должны передаваться на рассмотрение парламента, который состоит из депутатов от всех округов. Парламент обладает также законодательной властью, тогда как исполнительная власть находится в руках короля.

Привыкнув к слепому преклонению перед миссионерами, таитяне стараются советоваться с ними по всем вопросам, причем эти советы являются решающими. Отсюда ясно, как трудно стать и тем более остаться членом парламента, губернатором или судьей лицу, навлекшему на себя их неудовольствие. В результате с помощью конституции миссионеры упрочили свое господство, как в религиозной сфере, так и в области государственного управления.

Хитрая политика миссионеров проявилась и при избрании регента, управляющего государством от имени нового короля. Выбор пал на вассального короля острова Балабола [Бора-Бора], который отличается гигантским ростом, достигающим семи футов, и невероятной толщиной, едва позволяющей ему двигаться, но отнюдь не блещет своими умственными качествами. Разумеется, эта гора мяса, которую на некотором расстоянии можно принять скорее за диковинного зверя, чем за человека, нашла для себя весьма удобным быть всего лишь рупором миссионеров. А чтобы обеспечить их господство на будущее время, воспитание юного короля целиком передано господину Нотту, который, конечно, не преминет с детства приучить его к рабскому повиновению.

Официального провозглашения конституции еще не произошло. Миссионеры продолжали над ней трудиться, зная заранее, что все в нее включенное будет принято без возражений. Завершив работу над текстом, они, вероятно, напечатают конституцию

в своей типографии. Если какой-нибудь путешественник привезет ее перевод, будет интересно с ним ознакомиться.

Владычество миссионеров было отныне упрочено. Но одна маленькая туча все же омрачала их политический горизонт. Дело в том, что еще жив был сын побежденного короля Тайо, по-видимому имевший кое-каких приверженцев. Если бы ему удалось прийти к власти, он мог бы, чего доброго, отомстить миссионерам за то, что они лишили его престола. Поэтому было решено укрепить власть юного Помаре с помощью торжественной коронации и, чтобы умножить число его сторонников, пригласить на данную церемонию вассальных правителей со всего архипелага.

Эта великая церемония, к которой долго готовились, должна была произойти в ближайшем будущем. На Таити уже прибыли почти все вассальные короли вместе со своими многочисленными свитами. Среди прибывших находился дед юного короля, могущественный правитель Улиетеа, которого сопровождали несколько сот воинов, частично вооруженных ружьями.

Нам очень хотелось присутствовать на первой коронации короля островов Общества, но этому помешал недостаток времени. Поэтому я попросил Тайермена, который лично распоряжался всем, что касалось церемонии, дать нам ее программу. Передаю последнюю в кратком изложении.

Все вассальные короли, принцы, члены парламента и другие высшие должностные лица собираются у королевы. Отсюда процессия, составленная в строгом соответствии с рангами и степенью знатности присутствующих, имея во главе юного короля и миссионеров, отправляется на открытую площадь. Здесь маленького Помаре усаживают на установленный в центре трон, высеченный из камня. Процессия выстраивается вокруг трона, и Тайермен произносит речь. Окончив ее, он увенчивает короля короной, привезенной из Англии и по форме напоминающей английскую. Вслед за тем он дает ему в руки Библию и говорит: «Вот закон, которым ты должен руководствоваться во время твоего правления». Тут король поднимается со своего трона, и процессия в прежнем порядке отбывает в церковь, где после богослужения происходит миропомазание. На этом торжественная часть заканчивается, и праздник завершается пиршеством.

Примечательно, что королю в качестве основного руководства намеревались вручить не конституцию, а Библию. Не заключалось ли в этом хитрой увертки? Ведь если бы конституция имела не тот эффект, который от нее ожидали, и послушные таитяне, осмелев и приобретя опыт, начали с ее помощью пытаться вернуть себе самостоятельность, воспитанник Нотта,

не будучи связан никакими обязательствами перед ними, имел бы полное право ее ниспровергнуть и вернуть бунтовщиков под миссионерское владычество. При этом король мог бы с чистой совестью продолжать руководствоваться данным ему основным законом, особенно в том толковании, в каком последний был ему преподан.

Как прошли эти коронационные торжества, не помешал ли им сын Тайо, не разделил ли он судьбу многих злополучных претендентов на европейские престолы, тлеют ли еще там искры гражданской войны, способной вновь изменить облик Таити,— обо всем этом мы сможем узнать лишь от будущих посетителей данного любопытного острова.

Религия и конституция способны в короткий срок поднять самый отсталый народ до вершин цивилизации; они могут, однако, подобно туркам, вечно удерживать его в состоянии варварства. Как же воздействовали эти могучие силы на таитян и какое они могли бы оказать влияние?

Истинное христианство и либеральное правительство быстро смогли бы поставить этот народ, так щедро одаренный задатками всех общественных добродетелей, в один ряд с цивилизованными нациями. Под столь благотворным влиянием здесь вскоре укоренились бы науки и искусства, распространилось бы подлинное просвещение, а правильные понятия о вечных истинах, добром и прекрасном облагородили бы нравы. В скором времени Европа начала бы удивляться происходящему на Таити, а может быть, даже стала бы завидовать этой стране.

Но учение миссионеров не есть подлинное христианство, хотя в нем и содержатся догматы последнего, отчасти ложно понятые самими проповедниками. Та религия, которую приходится распространять силой, уже по этой причине не может быть истинно христианской. Такого рода религия, запрещающая любое невинное удовольствие, убивающая дух и отнимающая все силы почти непрерывным повторением предписанных молитв, является клеветой на божественного творца христианства, милостивого друга человечества.

Правда, фальшивое христианство миссионеров вызвало на Таити кое-какие перемены к лучшему, но зато оно же породило там много плохого. Так, уничтожив нелепое идолопоклонство и языческие суеверия, оно заменило их новыми заблуждениями. Оно в значительной мере искоренило такие пороки, как воровство и распутство, но зато насадило ханжество и лицемерие, а также ненависть и презрение ко всем инаковерующим — черты, которые прежде были совершенно чужды прямодушным и доброжелательным таитянам. Миссионерская религия прекратила

человеческие жертвоприношения, но на самом деле ой в жертву принесено гораздо больше человеческих жизней, чем когда-либо приносилось языческим богам.

Как уже указывалось выше, по подсчетам Форстера-старшего, на Таити обитало, по меньшей мере, 130 тысяч человек. Если даже допустить, что он ошибся на 50 тысяч, то получится, что на этом острове насчитывалось 80 тысяч жителей. Теперь же население Таити не превышает 8 тысяч человек; следовательно, осталось не больше одной десятой. Спиртные напитки, введенные в употребление европейцами и американцами, а также занесенные ими заразные болезни могли, конечно, способствовать резкому увеличению смертности. Но европейцы и американцы посещают многие острова Южного моря, что не сопровождается, однако, заметным уменьшением их народонаселения. Нет никаких сведений о том, что на Таити свирепствовала оспа или чума. Значит, главной причиной убыли населения явилось кровавое насаждение миссионерской религии, которое сыграло здесь роль самой опустошительной эпидемии.

Я охотно допускаю, что эти набожные люди сами испугались, увидев последствия своего миссионерского усердия. Но они, во всяком случае, вполне утешились и принялись с величайшей строгостью следить за неукоснительным соблюдением всех предписаний своего вероучения. Результаты не замедлили сказаться. Вследствие многочисленных молитв и бесполезных мучительных размышлений, в которых наставники смыслили так же мало, как и наставляемые, у остатков истребленного народа почти исчезла бодрящая жизненная энергия, а также удивительное прежде трудолюбие. Современные таитяне в незначительном количестве вырабатывают еще материю из древесной коры, плетут циновки и выращивают немногие корни. Но больше всего полагаются они на хлебное дерево, которое растет повсюду в диком состоянии; его плодов в избытке хватает для нынешнего немногочисленного населения.

Морские суда, возбуждавшие Удивление у европейцев, исчезли. Таитяне строят теперь только маленькие каноэ, на которых они рыбачат возле коралловых рифов, окружающих остров. На таких же каноэ, а также на нескольких лодках, приобретенных у европейцев и американцев, они совершают и более далекие плавания — на другие острова архипелага.

Таитяне не овладели ремеслами цивилизованных наций, хотя и очень ценят многие их изделия. Сырье, которое дают овцы и прекрасно растущий здесь хлопчатник, не используется, ибо на Таити не вращается ни одна прялка и ни один ткацкий станок не вырабатывает материю для одежды. Последнюю островитяне

предпочитают приобретать у чужеземцев, расплачиваясь жемчужинами, а также тратя на нее все свои деньги. Один из наших матросов получил пять пиастров за старую рубашку.

На Таити завезли также лошадей и крупный рогатый скот. Однако островитяне не желают с ними возиться, вследствие чего все эти животные перешли во владение поселившихся здесь иностранцев. Впрочем, и у последних осталось так мало скота, что за быка, которого мы хотели купить для пополнения наших запасов провианта, запросили 100 пиастров. Только королева имела пару лошадей, да и то ими не пользовалась.

На всем Таити еще никогда не работала ни одна кузница. Между тем в ней ощущалась огромная потребность, ибо нужно было хотя бы отремонтировать те железные орудия, которые давно уже вытеснили каменные. Достоинно удивления, что поселившиеся здесь чужеземцы также не занимаются никакими ремеслами. Неужели против этого возражали миссионеры? Ведь они, безусловно, оказывают большое влияние и на иностранных поселенцев. Все же один американец намеревался основать на Таити сахароварный завод и рассчитывал получать от него хорошую прибыль.

Ввиду строгого запрета миссионеров на Таити давно уже не слышно флейты, призывавшей к радости и веселью. Здесь не допускается более никакого пения, за исключением церковного, не разрешается танцевать, устраивать военные игры и драматические представления. Для народа, которому природа, казалось, предуготовила беззаботное наслаждение жизнью, всякое удовольствие стало теперь строго наказуемым грехом. Когда один из наших местных друзей запел, обрадовавшись полученному от нас подарку, его испуганные товарищи тотчас напомнили ему о том, что с ним может произойти, если о пении узнает миссионер.

Понятно, что современные вырождающиеся таитяне выглядят, не так привлекательно, как их предки, описанные бывавшими здесь ранее мореплавателями. Религия повлияла даже на их фигуру. Высокие ростом ери, которые только и делают, что молятся, спят и едят, за редким исключением, очень толсты. Это относится как к мужчинам, так и к женщинам, в том числе и к молодежи. Правда, более низкорослый простой народ, который помимо перечисленных выше занятий должен еще трудиться, также имеет упитанный вид, но простолюдины все же не так тучны, вследствие чего среди них гораздо чаще, чем среди ери, можно встретить людей с красивым телосложением. Кроме того, ери подвержены обезображивающей болезни, которая

поражает их не так уж редко. Причины ее кроются в чрезмерном питании и недостатке движения. При этой болезни ноги столь сильно опухают, что превращаются в толстые цилиндры с едва выступающими внизу пальцами и становятся слоноподобными. Ввиду этого европейцы называли данную болезнь элевфантизмом. Она, по-видимому, не имеет других симптомов и не вызывает болезненных ощущений.

Мужчины обоих классов бреют бороды. Оба пола стригутся под гребенку, так что сквозь волосы просвечивает кожа. Такая стрижка им весьма не идет и даже придает их смуглым лицам обезьяноподобный вид. Но поскольку этот обычай указывает на их христианское вероисповедание (их нехристианские соотечественники, бежавшие в горы, сохранили длинные волосы), даже молодые женщины гордятся таким уродством.

Всякая забота о теле есть проявление суетности, а любая суетность — грех. Поэтому тучные красотики, принадлежащие к классу ери, перестали укрываться от солнечных лучей и стали столь же смуглы, как и все остальные. От их былой грациозности не осталось и следа; исчезла и их обворожительная улыбка. Зато уже на значительном расстоянии от этих женщин несет прогорклым кокосовым маслом, которым они мажутся. Короче говоря, либо ранее бывавшие здесь путешественники сильно приукрасили их в своих описаниях, либо таитянки совершенно переменились. Я видел на Таити лишь одну хорошенькую девушку. То была четырнадцатилетняя сестра юного короля, которая считалась уже невестой своего дяди, сына правителя Улиетеа. Мужские фигуры и лица здесь значительно красивее женских.

Миссионеры уничтожили также обычай татуировки и таким образом избавили таитян хоть от некоторых ненужных мучений. Татуировку теперь можно увидеть у людей среднего и старшего возраста, но отнюдь не у молодежи. Европейцы, первыми посетившие этот остров, сообщают, что рисунки покрывали преимущественно нижнюю часть туловища и руки. Они состояли из беспорядочно расположенных прямых, кривых и зигзагообразных линий, а также изображений полумесяца и птиц. В результате более близкого знакомства с европейцами мода изменилась: таитяне стали изображать на своих телах европейских животных и всевозможные инструменты и даже научились делать весьма точные рисунки компасов и секстантов. Особенно нравились им всегда штаны. Кто не мог их раздобыть, тот удовлетворялся хотя бы тем, что вытатуировывал их изображение у себя на ногах. Подобные «штаны» можно часто увидеть еще и теперь.

Нам очень хотелось сравнить так называемых христианских таитян с языческими обитателями гор. Но для того чтобы отыскать тайники, в которых прячутся язычники, понадобилось бы слишком много времени. Они лишь ночью покидают свои убежища, чтобы обокрасть долинных жителей, среди которых не смеют появляться при свете дня.

Если религия миссионеров не принесла на Таити ни счастья, ни просвещения, то столь же мало хорошего можно ожидать от выработанной ими конституции. Последняя, по-видимому, специально рассчитана на то, чтобы сделать еще более тесными оковы, наложенные миссионерами на этот добродушный народ; она должна помочь им полностью сохранить свою власть над островитянами.

По ходатайству Уилсона нам был предоставлен на мысе Венеры домик для астрономических наблюдений. Как нам сказали, этот домик построен на том самом месте, где находилась обсерватория Кука. Кроме того, в знак особой благосклонности ко мне регента под мою резиденцию был отведен расположенный поблизости королевский загородный дворец.

Это огромное строение, похожее на храм, было любимым местопребыванием покойного короля Помаре, а после его смерти из уважения к нему оставалось необитаемым. Здесь как священные реликвии хранились многие личные вещи умершего, а также каноэ, на котором он одержал немало блестящих побед. Стены отсутствовали, устланная листьями крыша покоилась на многочисленных столбах. Постройки такого типа весьма приятны в столь жарком и сухом климате.

Окрестности нашего жилища были весьма восхитительны. Высокие деревья с густой листвой манили под свою сень, а серебристый ручеек словно приглашал искупаться в его освежающих водах. Воздух был напоен благоуханиями, доносившимися из близлежащей апельсиновой рощи, где земля была покрыта упавшими плодами. Мы с удовольствием насладились великолепными апельсинами и лимонами, которыми таитяне пренебрегали.

Поскольку мы могли оставаться на Таити лишь очень короткое время, я сразу же переехал в мое новое жилище вместе с доктором Эшшольцем. В тот же день была оборудована наша маленькая обсерватория. Ни с чем не сравнить того чувства, которое путешественник испытывает после долгого и трудного плавания, отдыхая в очаровательном уголке на лоне природы. Мы провели приятнейший вечер возле нашего жилища, а затем забылись живительным сном под крышей из листьев.

На следующее утро мы с трубками в руках уютно уселись

за столом и, попивая кофе, принялись обсуждать, какие следует провести наблюдения, чтобы наиболее целесообразно использовать наше кратковременное пребывание на Таити. Вдруг доложили, что явился посланец от королевы, желающий со мной поговорить. Я велел его тотчас же допустить, и вот в помещение вошел огромного роста ери, которого сопровождал наш лоцман, исполнявший обязанности переводчика. Если не считать узкой набедренной повязки, какую всегда носят местные мужчины, единственное одеяние посланца составлял сильно поношенный песочного цвета фрак, украшенный большими плоскими блестящими пуговицами, которые были в моде примерно пятьдесят лет назад. Этот фрак был настолько тесен и мал своему нынешнему владельцу, что тот не мог его застегнуть, а его голые руки на пол-аршина высывались из рукавов. На наголо остриженной голове посланца красовался красный ночной колпак, который он слегка приподнял при входе, чтобы продемонстрировать свое знакомство с обычаями цивилизованных наций. Приблизившись, он произнес слово «йорона» («добрый день»), протянул мне свою большую руку и, не дожидаясь приглашения, уселся потурецки у моих ног на земляной пол.

Королева велела мне передать, что ей любопытно взглянуть на командира русского фрегата и что она охотно приняла бы его в своей резиденции; опасаясь, однако, что я не захочу удаляться на столь большое расстояние от Матаваи, она решила посетить меня здесь вместе со всем королевским семейством. Посланец добавил, что высокие особы, которые отправились морем, должны прибыть очень скоро и ему необходимо поторопиться, чтобы успеть встретить их на берегу. Затем он встал, искренне пожал мне руку, повторил «йорона» и, приподняв свой ночной колпак, удалился.

Едва я успел немного подготовиться к приему высоких гостей, как народ устремился к берегу, что свидетельствовало об их приближении. Вскоре перед нашим жилищем появился человек в очень короткой красной форменной куртке английского барабанщика и пестрой, весьма причудливо завязанной набедренной повязке из тапы. Как это здесь принято, на нем больше ничего не было надето. Его голые ноги украшали вытатуированные панталоны, и, когда он поворачивался спиной и хоть немного наклонялся вперед, можно было увидеть весьма искусно вытатуированное большое изображение компаса со всеми тридцатью двумя румбами. В руке у этого человека был обнаженный заржавленный палаш, а на голове гордо красовалась старая изодранная треуголка с длинным красным пером. От нашего переводчика мы узнали, что перед нами королевский

церемониймейстер. Однако впоследствии оказалось, что он исполнял еще многие другие должности, в том числе лейб-повара и гофмаршала, хотя и не был ери, а принадлежал к более низкорослой расе. Мне показалось, что этот таитянин больше всего подходил для роли придворного шута. Все его движения, ужимки и гримасы отличались такой невероятной живостью, что его можно было принять за сумасшедшего.

Не обращая на меня никакого внимания, этот человек бесцеремонно овладел всем помещением. За ним следовали слуги в ливреях, полученных от природы; они несли все то, что было необходимо для удобства их господ. Церемониймейстер приказал немедленно устлать пол тонкими циновками и разложить па них в надлежащем порядке все принесенные вещи. Он действовал с такой поспешностью, словно к его горлу был приставлен нож, причем носился с места на место вприпрыжку, подымая одновременно в воздух обе ноги. Никто из слуг не мог ему угодить, и потому его язык, а также меч, которым он размахивал во все стороны, находились в бесперывном движении.

Еще не были исполнены все его приказания, как показалась длинная вереница идущих попарно таитян, которые несли на плечах бамбуковые шесты с прикрепленными к ним всевозможными съестными припасами. Их появление вызвало у нашего «вольтижера» новый приступ деятельности. Выскочив из помещения, он в несколько прыжков очутился возле носильщиков и приказал им разложить перед домом в определенной последовательности подарки, которые королева изволила мне преподнести. Три большие свиньи образовали правый фланг. За ними следовали батат, ямс, картофель и т. п., к которым примыкали прекрасные фрукты самых разнообразных сортов. Закончив размещение подарков, церемониймейстер впервые обратился ко мне, причем постарался дать понять с помощью ряда комичных телодвижений, что все это отныне моя собственность.

Наконец появилась королева со своей многочисленной свитой. Она шла впереди, неся маленького короля, и вела за руку свою дочь, невесту правителя Улиетеа. За нею шествовали в ряд три ее сестры, такие же, как она, высокие и толстые женщины, за которыми двигалась толпа придворных. Шествие замыкали люди, принадлежащие к низшему классу населения. Они несли во всевозможных тыквенных сосудах провизию для королевского стола, а также тащили живую свинью, которая, догадываясь об уготованной ей участи, истошным визгом возмещала отсутствие оркестра.

Королева и ее сестры были задрапированы в простыни. В знак все еще продолжающегося траура по умершему королю к их соломенным шляпам были приколоты большие банты из черного крепа. Маленький Помаре, миловидный и живой мальчик, был наряжен на европейский лад в курточку и панталоны из бумазеи. На его голове была надета круглая шляпа, но ноги, как у всех таитян, оставались босыми: островитяне утверждают, что всякая обувь мешает при ходьбе. Юная невеста, которая, как я уже упоминал, была очень красива, отправилась в путь налегке, в одной лишь короткой полосатой рубашке, с непокрытой головой. Высоченные ери, составляющие придворный штат, были одеты большей частью в белые рубахи и имели на головах круглые соломенные шляпы с черными лентами.

Впервые после смерти своего супруга королева вошла в то здание, в котором я поселился. Воспоминания о прошлом вызвали у нее поток слез; весь двор, как это ему и положено, плакал вместе с нею. Впрочем, скорбь вскоре рассеялась, и лица постепенно прояснились. Королева вытерла слезы и любезно со мной поздоровалась. Тут церемониймейстер указал членам королевской семьи их места на тончайших циновках, и высокие гости расселись, скрестив ноги по восточному обычаю. Напротив королевы был поставлен один из моих стульев, на который меня пригласили сесть. Затем церемониймейстер исчез, чтобы позаботиться об обеде.

После того как королева внимательно оглядела меня с головы до ног и сообщила свои впечатления присутствующим, я через переводчика выразил ей свою благодарность за оказанный нам на острове хороший прием, за врученные мне подарки и за высокую честь, которую она мне оказала своим посещением. Весьма милостиво меня, выслушав, королева задала несколько вопросов, на которые я отвечал с должным уважением. Она спросила, в частности, сколько мне лет, долго ли длилось мое путешествие, христианин ли я и сколько раз в день молюсь. Последний вопрос давал мне возможность несколько просветить ее величество, внушив ей более правильные представления о религии, проповедуемой миссионерами. Однако я не чувствовал себя достаточно подготовленным для богословского диспута и потому ограничился лишь одним замечанием.

— Христианская вера учит, — сказал я королеве, — что нас некогда будут судить по нашим делам, а не по числу наших молитв. Не знаю, насколько точно был переведен мой ответ; возможно, что королева сочла меня еретиком. Во всяком случае, она прекратила разговор о религии и, чтобы переменить тему нашей

беседы, спросила, правда ли, что земля круглая. Я заверил ее величество, что могу подтвердить это на основании собственного опыта, ибо уже в третий раз совершаю кругосветное путешествие. Мои слова, по-видимому, несколько удивили королеву, но представление о шарообразной форме нашей планеты так и не дошло до ее сознания.

Чтобы внести в разговор оживление, я стал показывать подарки, предназначенные для королевы, членов королевской семьи и ее ближайших приближенных. Эти, по существу, пустяковые дары возбудили большую радость и создали веселое настроение, совершенно противоречащее тому чувству скорби, в котором находились гости в начале визита. Королеве был преподнесен кусок коленкора длиной 5—6 аршин, пестрый шелковый платок, маленькое зеркало и бусы из стекларуса. За каждым подарком, который она принимала, следовало сердечное рукопожатие. Юная принцесса тоже получила шелковый платок, бусы и зеркало. Сестрам королевы достались бумажные платки, зеркала и ножницы. Что же касается придворных, среди которых находились четыре дамы, то им пришлось удовольствоваться ножами.

Между тем церемониймейстер заколол принесенную свинью и запек тушу в земле на таитянский лад. Когда королевская семья опять заняла свои места, он внес жаркое на огромном банановом листе и поставил его перед королевой. Другие слуги подали на стол или, точнее, на пол плоды хлебного дерева, ямс, батат и т. п. Мой стул оказался напротив королевы, и она любезно пригласила меня принять участие в трапезе. Однако я остался праздным наблюдателем, ибо было еще рано, и мне не хотелось есть.

После того как все кушанья были поданы, церемониймейстер, сделав прыжок, взмахнул несколько раз заржавленным палахом и прочел вслух молитву. Все присутствующие, склонив головы, тихо повторяли ее вслед за ним. По окончании молитвы церемониймейстер схватил зажаренную свинью за задние ноги и разнял их резким движением. Затем он палахом разрубил тушу на куски и подал на листьях огромные порции королевскому семейству. Высокие гости тотчас же с аппетитом принялись за еду, пользуясь вместо вилок и ножей пальцами и зубами. Придворные не принимали участия в трапезе, оставаясь только ее свидетелями. Я не заметил также того, чтобы они были позже вознаграждены унесенными прочь остатками.

По окончании трапезы была снова прочитана молитва. Выпиши особы умыли водой руки, прополоскали кокосовым молоком рот и улеглись все без исключения спать. Слуги удалились.

Я уступил королеве свою постель, к чему она отнеслась весьма благосклонно. После сиесты, во время которой я занимался составлением планов наших астрономических наблюдений, королева изъявила желание осмотреть фрегат. Будучи крайне занят подготовкой к наблюдениям, я не смог ее туда сопровождать, и поручил эту миссию одному из офицеров, которому приказал также позаботиться о том, чтобы наших гостей приняли на фрегате как можно лучше. На прощание королева пожала мне руку и, уже удаляясь, несколько раз прокричала дружеское «йорона, йорона». Вся ее свита последовала за нею.

Как рассказывал впоследствии офицер, на берегу их уже ожидали каноэ для переправы. Королева со своей семьей и сопровождавшим ее русским офицером уселась в принадлежащую ей лодку европейского типа. Церемониймейстер с палашом в руке встал на носу, демонстрируя обществу вытатуированный компас, и в течение всего плавания сохранял свою забавную подвижность, столь похожую на пляску святого Витта.

Приблизившись к шлюпу, гости увидели, что он окружен множеством челнов, в которых островитяне привезли всякую всячину для обмена. Вся палуба была заполнена таитянами. Здесь происходил оживленный меновой торг, который сопровождался таким шумом, что едва можно было услышать свои собственные слова. Народ почти не обратил внимания на прибытие королевской семьи, и потому пришлось с большим трудом прокладывать путь через скопление челнов, чтобы пристать к кораблю. Даже тогда, когда гости поднялись на палубу, торгующие, по-видимому, нисколько не считаясь с присутствием высоких особ, продолжали заниматься своим делом. Если бы прибыл миссионер, события приняли бы совсем иной оборот: при его появлении сразу воцаряются благочестие и полнейшая тишина.

Королева, видимо, почувствовала, что народ не оказывает ей должного уважения. Поэтому, не заинтересовавшись ни одним из предметов, находящихся на палубе, она в сопровождении своего семейства поспешила пройти в капитанскую каюту, где оставалась до самого конца визита. Впрочем, возможно, что устройство корабля не возбудило у королевы большого любопытства еще и потому, что она сама имела хорошее торговое судно, построенное в Англии. Зато те вещи, которые находились в каюте, привлекли особое внимание дам. Они всем восхищались и желали все получить. Стоило большого труда убедить знатных посетительниц, что нам совершенно невозможно лишиться хотя бы одной из понравившихся им вещей.

Офицеры постарались сохранить хорошее настроение гостей

небольшими подношениями. Среди подарков оказалось несколько аршин широкого поддельного галуна, который был расхвачан с особым вожделением. Сестры королевы, приняв участие в дележе, прикололи куски галуна в виде украшения к своим шляпам рядом с траурным крепом. В результате все знатные дамы загорелись страстным желанием иметь такой же галун, причем эта страсть превратилась в настоящую болезнь. Строгое учение миссионеров, клеймящее всякое проявление щегольства и кокетства, в данном случае оказалось бессильным.

Чем меньше оставалось галуна, тем настойчивее его выпрашивали и тем больше предлагали взамен за самый небольшой его кусочек. Потерявшие покой мужья ежедневно посещали корабль, пока им не удавалось сделать свою супругу счастливой обладательницей этого сокровища. Они с радостью отдавали за пол-аршина поддельного галуна большую свинью и восемь кур. Меня также осаждали в моем жилище на берегу просьбами дать хоть небольшой кусок этого высокочтимого предмета роскоши, причем весьма удивлялись тому, что я, будучи главнокомандующим, вовсе его не имею. Дам больше всего подзадорило — *tout comme chez nous* ²⁹ — то обстоятельство, что галун очень понравился сестрам королевы. Те знатные таитянки, которым так и не удалось его получить, впали в грусть, граничащую с отчаянием.

В то время как королевская семья находилась в каюте, придворные оставались на палубе. Они приобретали у наших матросов всевозможные обноски, расплачиваясь за них испанскими пиастрами, причем давали в сто раз больше действительной цены. Простодушные таитяне еще совершенно не представляли себе стоимости денег. Последние они иногда получают на останавливающихся здесь судах преимущественно за кокосовое масло, вывозимое в Новую Голландию [Австралию].

Миссионеры изо всех сил стремятся привлечь на остров как можно больше наличных денег. С этой целью они установили па все съестные припасы твердые цены, по которым должна производиться торговля с иностранными судами. Однако эти цены столь высоки, что согласиться на них могут лишь люди, находящиеся в безвыходном положении. Моряки предпочитают запастись старой одеждой, утварью и безделушками, чтобы выгодно обменять их здесь на продовольствие и, если посчастливится, еще увезти с собой наличные деньги. Таким образом, это мероприятие миссионеров, как и многие другие их финансовые меры, привело к результатам, совершенно обратным тем, на которые они рассчитывали.

---

²⁹ *Tout comme chez nous* (франц.) — совсем как у нас.

Юная принцесса незаметно проскользнула в кубрик и приобрела простыню у одного из матросов. Вне себя от радости она прибежала на палубу, где удовлетворенно осмотрела со всех сторон добытое сокровище и затем в него задрапировалась. Она сделалась еще более очаровательной в своем новом наряде и по-видимому зная об этом, принялась резвиться на глазах у придворных, желая, чтобы ею восхищались. Короче говоря, европейская женщина, накинув в первый раз на плечи драгоценную персидскую шаль, не могла бы чувствовать себя счастливее, чем эта юная принцесса, укутанная в матросскую простыню.

В четыре часа для высоких гостей и их свиты был сервирован по-европейски обеденный стол, причем для королевской семьи приготовили отдельные места. Маленький король уже раньше начал от скуки плакать и потому был перенесен в лодку, где спокойно заснул. Обед начался и закончился молитвой. Кушанья, приготовленные на русский лад, очевидно, показались гостям вкусными, ибо даже королевская семья, несмотря на недавнюю трапезу, ела их с большим аппетитом. За столом все пользовались ложками, вилками и ножами, так что можно было подумать, будто они привыкли к их употреблению. От вина никто не отказывался, но пили его весьма умеренно.

После того как гости и хозяева встали из-за стола, завязалась общая беседа, в ходе которой особенно выделялся своей живостью и прекрасным поведением один семидесятилетний старец. Из всех таитян, с которыми нам довелось встречаться, он один знал Кука лично. Старик утверждал, что был другом последнего, вследствие чего до сих пор носил его имя, которое выговаривал совершенно правильно, хотя в таитянском языке отсутствует звук к. Не без некоторого хвастовства старец рассказывал о том, что Кук брал его с собой во все поездки, совершавшиеся вдоль побережья острова, причем ему неоднократно приходилось ночевать со знаменитым мореплавателем под одним кровом. Он знал по имени спутников Кука и мог сказать, чем каждый из них специально занимался. Чтобы показать, как Кук измерял высоту солнца, он попросил принести секстант и, нагнувшись над ним, навел его на определенный угол, часто и громко восклицая при этом: «Стоп!»

Старик кратко пересказал библейскую историю от сотворения мира до появления Христа и, чтобы сделать достаточно наглядным учение о святой троице, поднял три пальца, соединил их вместе и вознес глаза к небу. С географией таитянский Кук был тоже знаком. Он утверждал, что у него еще сохранилась географическая карта, подаренная ему его английским другом. Англия, сказал он, является островом и по величине значительно

уступает России. На положенной перед ним карте мира старец показал, каким путем мы должны были идти, чтобы попасть на Таити.

Королевская семья покинула корабль лишь с заходом солнца. Весьма довольные оказанным приемом, высокие особы направились прямо в свою резиденцию.

Я надеялся, что после этого визита мне удастся спокойно посвятить все свое время ученым занятиям. Но случилось иначе. Несмотря на караул, расставленный вокруг моего жилища, последнее постоянно окружала толпа любопытных островитян, отчего происходил большой беспорядок. Правда, эти любопытные вели себя так любезно и добродушно, что просто невозможно было на них сердиться. Особенно большое удовольствие доставляли им естественноисторические коллекции доктора Эшшольца. Островитяне старались приносить ему отовсюду бабочек, жуков, птиц, морских животных и т. п. в знак благодарности за то, что он столь обходительно показывал им свои коллекции. Много радости доставляли им также небольшие подарки, которыми иногда вознаграждались их усилия. Однажды одному из таитян достался старый, поношенный фрак доктора Эшшольца. Такая щедрость, превосходящая самые смелые ожидания, повергла счастливца в величайшее изумление. Восхищенный, он с огромными усилиями старался втиснуть свою высокую и полную фигуру в одежду более низкорослого и худощавого доктора. Когда эти старания увенчались успехом, он гордо удалился с растопыренными руками и согнутой спиной, возбуждив зависть у своих соотечественников. Последние еще долго смотрели ему вслед, восхищаясь великолепием его костюма.

Воровство среди таитян стало теперь чрезвычайно редким явлением. Однако порой они все же не могут удержаться от того, чтобы не присвоить какую-нибудь вещь, имеющую в их глазах большую ценность. Я склонен даже полагать, что, если бы одной из знатных дам представился случай схватить и унести кусок поддельного галуна, ей трудно было бы устоять перед таким соблазном. Всякая кража, если ее удастся обнаружить, карается невзирая на лица, причем виновного обычно приговаривают к принудительным работам по строительству дорог. Дело в том, что вокруг острова прокладывается проезжая дорога, которую строят нарушители законов. К последним причисляют также и тех, кто недостаточно усердно молится или по какой-либо иной причине навлек на себя гнев миссионеров.

У нас была возможность убедиться в том, как строго наказывают на Таити за воровство. Один внимательный муж не смог устоять перед настойчивыми просьбами своей супруги, умолявшей

раздобыть ей матросскую простыню, которая считается здесь восхитительным одеянием. Однажды, когда наши матросы стирали на берегу реки свое белье, он, думая остаться незамеченным, схватил одну простыню и пустился с ней наутек. Однако далеко ему убежать не удалось, так как его поймали свои же соотечественники. Они притащили вора к месту преступления и, привязав его к дереву, сообщили о случившемся, как мне, так и миссионеру. Я тотчас же отправился к реке, где застал уже окружного судью, миссионера Уилсона и господина Тайермена, которые стояли возле вора, все еще привязанного к дереву. Благочестивый господин Тайермен разгневался настолько, что не мог удержаться от брани. Он называл провинившегося скотиной, которая недостойна того, чтобы с ней обращались по-человечески. Вообще этот господин вел себя так, словно был уполномочен решить судьбу вора.

Это меня весьма удивило, так как все происходило в присутствии судьи, а господин Тайермен не был вовсе должностным лицом. Впрочем, он был членом миссионерского общества — *et tout est dit* ³⁰. Меня спросили, хочу ли я, чтобы провинившийся кроме наказания, предусматриваемого за кражу, был еще наказан плетью. Дело в том, что по закону ему полагалось еще отдать пострадавшему три свиньи, чего он по бедности не мог сделать. Я освободил виновного от такой компенсации и попросил, чтобы его отпустили, ограничившись только строгим предупреждением на будущее, а также сделав ему внушение о мерзости воровства. Однако моя просьба не была уважена, и несчастного за веревку потащили на принудительные работы. Впоследствии судья и господин Уилсон говорили, что провинившийся вовсе не был обитателем Таити, а прибыл сюда с другого острова вместе с его вице-королем. Они уверяли также, что таитянин не совершил бы кражи. Действительно, только еще один раз у нас случилась пропажа, когда с одного из бочонков, расставленных нами в бухте Матавай для того, чтобы было удобно произвести ее опись, стащили железный обруч. Вор не был обнаружен, и потому осталось невыясненным, был ли он также пришельцем и, следовательно, обоснованно ли утверждение, будто жители Таити вовсе перестали воровать. Во всяком случае, на этом острове кражи происходят не чаще, чем среди наших цивилизованных народов.

То же самое можно сказать о целомудрии таитянских женщин. Случаи безнравственности наблюдаются здесь, по-видимому, не чаще, чем в «нравственной» Европе. Правда, женщины

---

³⁰ *Et tout est dit* (франц.) — и этим все сказано.

иногда уступали желаниям наших матросов, но делали это осторожно, оберегая свою тайну. Больше всего они боялись, что о случившемся узнает миссионер. Этот страх был вполне обоснован, о чем свидетельствует следующий пример.

Один муж, который имел собственный дом, в соответствии с обычаями предков тайно продавал за куски железа благосклонность своей супруги. Этот же островитянин согласился покровительствовать интриге одного молодого человека с другой замужней женщиной. Он предоставил им для свиданий свой дом, ибо муж последней сам не был столь же предупредительным. И вот однажды ночью хозяин дома и его жена исчезли. Утром их жилище оказалось пустым, владельцы не возвращались, и нам не удалось дознаться, куда они пропали. Неужели миссионеры дошли до того, что устроили здесь секретные тюрьмы!

Однажды утром я отправился по делу к Уилсону. Дверь его дома, которая обычно не затворяется, на сей раз была заперта. Я тихо постучался, но весь дом, казалось, вымер. Наконец после моего настойчивого стука сам Уилсон отворил мне дверь. На его лице были следы слез, и я подумал, что случилось какое-нибудь несчастье. Однако вскоре я убедился в том, что это были слезы умиления.

В передней читали Библию четыре или пять коленопреклоненных голых таитян. По словам Уилсона, они принадлежали к высшему обществу. Я принес свои извинения за то, что пришел так некстати, и хотел уже удалиться, но Уилсон любезно пригласил меня пройти во вторую комнату. Там я застал всю его семью, а также господ Беннета и Тайермена. Все они стояли на коленях перед кофейным столом, уставленным по английскому обычаю всевозможными мясными блюдами. Тайермен молился «слух, а остальные — про себя. В своей молитве Тайермен благодарил бога за большие успехи, одержанные миссионерами на поприще распространения христианства. Как охотно я бы присоединился к его благодарственным словам, если бы насаждаема и миссионерами религия была подлинным христианством, способствующим укреплению человеческого достоинства и повышению всеобщего благосостояния!

Англичане молились еще более четверти часа, а затем встали и с аппетитом принялись за еду, пригласив к столу также и меня. Однако знатных особ, находившихся в передней, они не сочли нужным угостить и даже не обратили внимания на их уход.

Мне весьма понравились плоды хлебного дерева, которые европейцы запекают в печи. Таитяне сохранили еще свою старую привычку запекать все в земле.

Во время завтрака Уилсон рассказывал о том, как трудно

было обратить обитателей Таити в христианство. Они упорно отказывались признать, что его вера лучше их старой религии. А когда Уилсон стал рассказывать о чудесах, подтверждающих истинность христианского вероучения, таитяне потребовали, чтобы он тоже исцелил калек и воскресил мертвых. Но Уилсон был на это не способен. Тогда островитяне подняли миссионера на смех, и он в течение многих лет не мог никого уговорить креститься. События приняли бы совсем иной оборот, если бы вместо рассказа о чудесах Уилсон изложил островитянам основы христианской морали. Она, безусловно, произвела бы впечатление на чрезвычайно восприимчивые умы таитян и неминуемо подвела бы их к идее единения с всепрощающим богом. О миссионеры, как много крови вы могли бы сберечь!

Королевская семья нанесла мне еще один визит. На сей раз ее сопровождали все находившиеся на Таити вице-короли со своими женами, в том числе дед малолетнего короля. После небольшого предисловия высокие гости изложили мне весьма скромно, но в то же время настойчиво свою общую просьбу. Они просили меня в связи с предстоящим коронованием приказать изготовить пару сапог для малолетнего короля, ибо, как они говорили, повелителю островов Общества не подобает во время столь торжественной церемонии восседать на троне босиком. Я тотчас же велел нашему сапожнику удовлетворить эту королевскую потребность. Мерка была снята, и сердечная благодарность всех высоких гостей явилась наградой за готовность им услужить.

Как и во время предыдущего визита, гости сначала поели, а затем улеглись спать. На сей раз, я имел возможность наблюдать приготовление жареной свинины, которая составляет здесь главное кушанье. Сначала в земле делают довольно большое круглое углубление, которое выкладывают камнями. В нем разводят огонь и поддерживают его до тех пор, пока камни не накалятся, после чего уголь и золу удаляют. На камни кладут огромные банановые листья, а на них — хорошо очищенную и начиненную горячими камнями свиную тушу. Последнюю также покрывают банановыми листьями и горячими камнями, после чего яму засыпают землей. Через определенное время тушу вытаскивают из ямы. Получается мягкое и нежное жаркое, какое не в состоянии приготовить даже лучший европейский повар. Этим же способом таитяне запекают корни, которые тоже приобретают очень приятный вкус. Только плод хлебного дерева, выпеченный в печке, какой я ел у Уилсона, понравился мне больше.

Бухта Матаваи изобилует вкусной рыбой, зачастую причудливой формы и замечательной окраски. Таитяне очень охотно

ее едят, причем большей частью в сыром виде, обмакивая лишь в морскую воду. Из рыболовных принадлежностей островитяне не имеют ничего, кроме плохих удочек. Предыдущие поколения еще плели сети. Но теперь на их изготовление не остается времени, ибо оно поглощается бесконечными молитвами. Ввиду этого рыба сделалась настолько редкой едой, что стремление раздобыть любимое кушанье может даже заставить таитянина изменить своему характеру, как о том свидетельствует такой случай.

Однажды в большую сеть, заброшенную по моему приказу, попало очень много рыбы. Наши друзья стремительно на нее набросились и уже готовы были самовольно разделить с нами улов, но были остановлены нашим строгим предостережением, а также случайным появлением окружного судьи. Тогда таитяне решили прибегнуть к иной тактике и стали предлагать нам свои самые ценные орудия за мелкие плохонькие рыбешки. Я подарил им такое количество рыбы, чтобы они могли хоть раз поесть ее вдоволь.

В ходе одной из бесед зашла речь об учебном заведении, основанном миссионерами. Я подумал, что это школа, в которой таитяне приобретают первоначальные знания, и захотел ознакомиться с достигнутыми ими успехами. Мне сказали, что занятия начинаются вскоре после восхода солнца. И вот однажды на рассвете я подошел к школьному зданию. Его боковые стены состояли из бамбуковых стволов, установленных с таким расчетом, чтобы через щели мог продувать ветер, создавая приятную прохладу. Внутри здание представляло собой большое помещение, оборудованное скамьями для учеников, а также возвышением, на котором стояла маленькая скамейка для преподавателя.

Вскоре начали собираться учащиеся обоего пола. Но это была не жизнерадостная молодежь, которую жажда знаний приводит в аудитории, а вполне взрослые, частью даже пожилые люди, которые медленно брели с опущенными головами, держа молитвенники под мышкой. Когда собравшиеся заняли свои места, все затянули церковный гимн. По окончании пения один из таитян уселся на скамью, стоящую на возвышении, и прочитал отрывок из Библии. Тут слушатели снова пропели гимн, а затем, повернувшись к чтецу спиной, опустили на колени. Последний тоже преклонил колени и, закрыв глаза, произнес длинную молитву. За ним на возвышение поднялся другой таитянин и, после того как присутствующие снова пропели гимн, приступил к чтению еще одного отрывка из Библии. Короче говоря, вся процедура повторилась полностью, без всяких изменений. Вероятно,

это было проделано еще несколько раз, но я, вполне удовлетворенный двойным курсом, поспешил удалиться.

Подобные «учебные заведения» для таитян имеются на острове в нескольких местах; других просветительных учреждений не существует. В родительском доме дети учатся немного читать и писать. По мнению миссионеров, этого достаточно, ибо более глубокие знания — уже от лукавого. Правда, миссионеры или, по крайней мере большинство из них не в состоянии научить таитян ничему другому. Но вместе с тем, очевидно, что они руководствуются в своей политике известным принципом: «легче властвовать над невежественными людьми, чем над просвещенными». Молиться и подчиняться — вот чего требуют в основном миссионеры от поработанных ими таитян, которые настолько добродушны, что безропотно гнут шею под ярмом и даже позволяют загонять себя палками в церковь. Имеется особый полицейский офицер, которому поручено следить за тем, чтобы островитяне посещали церковь и молитвенный дом в соответствии с полученными предписаниями. Я наблюдал за ним однажды при исполнении служебных обязанностей. Вооруженный тонкой бамбуковой палкой, он, как суровый пастух, гнал свою паству на духовное пастбище. Самому офицеру его должность, по-видимому, представлялась достаточно комической. Во всяком случае, он держался весьма непринужденно и ударял палкой скорее шутя, чем серьезно. Однако шутливость погонщика не нарушала ханжеского благочестия людей, которых он палкой загонял в церковь.

В молитвенном доме, который я вначале принял за школу, не было ни одного миссионера. Если не считать меня самого, все присутствовавшие были таитянами. Поэтому, хотя никто не шумел, здесь все же не было той тишины, которая наблюдается обычно в церкви. Я постарался прочесть на лицах этих благочестивых людей, какие мысли их занимают. При этом мне бросилось в глаза, что лишь очень немногие из находящихся в помещении действительно внимают тому, что им читают из Библии. Большинство же, кажется, было погружено в весьма мирские расчеты, причем на лицах некоторых из них отражалась надежда на успех в любовных делах. Многие тщеславные ери, возможно, подсчитывали, хватит ли им средств на приобретение у моряков какого-нибудь старого жилета или разорванных панталон, чтобы явиться в пристойном костюме на предстоящее коронавание. А среди дам было, вероятно, немало таких, которые упорно думали о том, как изловчиться, чтобы, не подвергаясь риску, раздобыть простыню. Как раз впереди меня сидела одна счастливица, которой уже удалось достать этот предмет туалета.

Она была очень мило в него задрапирована и, привлекая к себе взоры всех присутствующих соотечественниц, скромно, но в то же время с явным внутренним удовлетворением торжествовала свою победу.

Миссионеры много рассказывали мне о чудесном озере Вахириа, расположенном в горах, примерно в центре северного полуострова. Они сами никогда на озере не бывали и считали, что европейцу почти невозможно до него добраться. По их словам, даже самые отважные таитяне очень редко посещали эти места, где, как утверждает распространенная на острове легенда, обитает злой дух. Глубину озера якобы невозможно измерить, равно, как нельзя объяснить, каким образом вода оказалась на такой большой высоте. Наш минералог Гофман, молодой, энергичный человек, решил предпринять поход на это горное озеро. В качестве проводников он взял трех таитян: Маитити, который уже в день нашего прибытия на остров заключил с ним союз дружбы и принял его имя, пожилого уважаемого человека по имени Тауру и юного весельчака Теираро. Двое последних сами записали для Гофмана свои имена.

Сначала проводники придумывали всяческие отговорки и уверяли, что путешествие будет слишком затруднительным и даже опасным, так как в результате дождей речки вышли из берегов. Однако, когда каждому из них посулили в награду рубашку, все препятствия сразу отпали, и в полдень путешественники отправились в путь. Маитити, солдат королевской армии, взял с собой знаки своего достоинства — ружье, у которого отсутствовала такая «мелочь», как замок, и патронташ, в котором не было пороха. С помощью нескольких известных ему английских слов Маитити посоветовал Гофману запастись подарками для островитян. Он сказал, что путешественникам обеспечен повсюду хороший прием, ибо местные жители гостеприимны и к тому же он, Маитити, пользуется среди них уважением; но человек, с которым он заключил союз дружбы, должен во всех случаях выказывать свою щедрость.

Сначала путешественники шли по довольно широкой красивой дороге, которая вела их через лесочки, состоящие из плодовых деревьев, а также пересекала несколько деревень. Население в этой местности, очевидно, более многочисленное, чем в окрестностях Матаваи. В округе Вейоридэ путешественники достигли гор. Вскоре перед ними открылась очаровательная долина, которая простиралась на юго-юго-запад; ее пересекал самый большой и быстрый из таитянских ручьев. Долину с обеих сторон теснят высокие и крутые склоны гор, одетые в роскошный зеленый наряд. С этих гор, сложенных, как и в районе Матаваи, из

базальтовых пород, низвергаются многочисленные потоки воды. Здесь не встречаются ни хлебные деревья, ни кокосовые пальмы. Зато апельсины и ананасы произрастают тут без всякого вмешательства человека лучше, чем в наших оранжереях, и дают более сочные плоды.

То, что здесь обитают люди, можно было определить лишь благодаря нескольким одиночным хижинам, стоящим на берегу ручья. В одной из них путешественники провели первую ночь; их хозяевами оказались престарелые супруги. Маитити, видимо, вообразил, что находится на поле битвы, и как бравый солдат принялся за фуражировку. Гофману пришлось попросить его умерить свой пыл, чтобы дать возможность старику самому нас угостить. Последний тотчас же притащил поросенка, и Маитити показал себя умелым мясником и искусным поваром.

Гофман следующим образом описывает примененный в данном случае способ добывания огня. Один из таитян взял два куска дерева различной твердости. Прижав более мягкий кусок к земле, он стал быстро водить по нему вверх и вниз острием твердого куска. В результате трения образовалась борозда, а на' ее нижнем конце скопилась древесная мука, которая вскоре начала тлеть. Таитянин положил ее на сухие листья и несколькими энергичными взмахами руки раздул огонь. Все это было сделано быстро и легко. Но описанный способ, видимо, требует особой сноровки, так как у Гофмана, сколько он ни старался, ничего не получилось.

Перед трапезой хозяин прочитал молитву, которую остальные повторяли про себя. Затем все набросились на еду, и потому разговор не клеился. Перед тем как улечься спать, снова помолились. Гофману устроили в хижине ложе на возвышении, покрытом циновками; вместо простынь он получил несколько кусков таитянской материи, называемой тапой. Его проводники дали теперь волю своей говорливости, которую во время трапезы сдерживал их огромный аппетит. Мешая Гофману спать, они проболтали с хозяином почти всю ночь. Очевидно, проводники рассказывали о нашем судне, на котором старик еще не успел побывать, а также о своем общении с нами. Утром перед отправлением в путь Гофман преподнес хозяину нож. Этот крупный подарок, по-видимому, превзошел все его ожидания.

С увеличением высоты долина становится все более дикой, но зато еще более прекрасной. Расширяясь, она превращается в котловину, окруженную со всех сторон горами, которые возвышаются на несколько тысяч футов. От чернеющих вдалеке вершин до самой долины склоны гор покрыты зеленым кустарником,

сквозь который, подобно серебряным лентам, низвергаются, пенясь и бушуя, водопады.

К полудню путешественники дошли до хижины, в которой жил друг Маитити по имени Тибу. Последний имел еще одну хижину, находившуюся на расстоянии нескольких часов пути; там обитала его жена с собаками и свиньями. Так как жилище Тибу являлось последним пристанищем на пути к озеру Вахириа, было решено здесь переночевать. Утром, прежде чем путники отправились дальше, хозяин связал большую свинью. Ее предполагалось заколоть и как следует приготовить, чтобы попотчевать гостей, когда они вернутся с озера. Гостеприимный Тибу сам отправился их сопровождать.

Теперь путники двигались в условиях полнейшего бездорожья. На высоте 711 футов над уровнем моря они увидели огромные гранитные массивы, тянувшиеся к юго-юго-востоку. Озеро Вахириа лежало на юго-юго-западе. Перевалив через гору, Гофман и его спутники достигли болота, находившегося в другой котлообразной долине, по которой бегали одичавшие свиньи. Снова пришлось взбираться на крутую возвышенность, чтобы спуститься, наконец, в долину Вахириа. Последняя простирается с севера на юг и образует котловину, в которой расположено озеро. Согласно барометрическому измерению, оно находится на высоте 1450 футов над уровнем моря. Окружающие озеро горы поднимаются почти отвесно еще более чем на 2000 футов. Это озеро питается водой, стекающей с гор, и имеет в окружности примерно две версты. С севера в него впадает небольшой ручей, но никакого стока обнаружить не удалось. Глубина озера у берега составляет 11 саженей, а посередине не превышает 17 саженей.

Удовлетворив свою любознательность, Гофман вместе со своими провожатыми отправился в обратный путь к хижине Тибу. Приближалась сильная гроза, но дождь начался лишь тогда, когда путешественники уже достигли гостеприимного крова. Утомленный трудным походом и удушливым зноем, Гофман прилег отдохнуть, а его спутники тем временем занялись приготовлением жаркого. Вскоре над хижинкой разразилась гроза. Гром гремел в долине с такой страшной силой, что казалось, будто сотрясаются скалы. Ночную тишину прорезали вспышки молний, от которых становилось светло как днем. Вследствие дождя, лившего как из ведра, ближний ручей далеко вышел из своих берегов. Кто пережил сильную грозу в горах тропической страны, тот навсегда сохранит в памяти полученные впечатления.

На следующий день было воскресенье. Едва проснувшись,

Тауру долго молился, а затем прочитал главу из Нового завета, один экземпляр которого непременно имеется в каждой хижине. После плотного завтрака Гофман хотел было отправиться в путь, но ему не удалось ни уговорами, ни угрозами побудить своих проводников тронуться с места. Они уверяли, что продолжение путешествия в воскресенье нарушит святость этого дня и что их повесят, если о преступлении станет известно миссионерам. Пожалуй, это было сказано слишком сильно. Их отказ объяснялся не столько религиозными соображениями и страхом перед миссионерами, сколько нежеланием оставить недоеденное свиное жаркое. На следующее утро проводники покинули жилище Тибу без всяких возражений. По дороге к путешественникам присоединилось несколько семейств с поклажей, состоящей из горных бананов. Таким образом, наши путники возвратились в Матаваи в большой компании.

Гофман предпринял еще несколько менее утомительных походов в глубь острова, причем побывал также в Аруэ — нынешней королевской резиденции. Минералогические и геогностические наблюдения, сделанные во время этих пешеходных экскурсий, будут изложены в отдельной статье²⁰. Здесь же я позволю себе сказать несколько слов о его общении с населением, а также упомянуть о некоторых других сообщенных им фактах.

Жилища таитян построены из вертикально расположенных толстых бамбуковых столбов, установленных не слишком близко, друг к другу, чтобы дать доступ свежему воздуху. Крыша из пальмовых листьев надежно защищает даже от самых сильных дождей.

При появлении Гофмана из всех хижин высовывались любопытные детские головки, а родители радушно приглашали его войти. Наш ученый посетил несколько хижин, причем хозяева всегда усаживали его на почетное место, то есть на возвышение, покрытое циновками и кусками тапы. В ответ на оказанное ему гостеприимство Гофман обычно дарил нож, что считалось здесь необычайно щедрым подношением.

Вдоль стен в каждой хижине установлены нары для сна, покоящиеся на бамбуковых столбах. Они устланы мягкими циновками, на которых весьма удобно отдыхать. Повсюду царит величайшая чистота. Уютные домики окружены маленькими дворами, обнесенными заборами. По вечерам жилища освещаются маслянистыми плодами свечного дерева, насаженными на лучину.

Визит Гофмана доставил большую радость его другу Маитити. Последний сердечнейшим образом приветствовал его в

своей хижине, представил ему жену и детей, а также на свой лад великолепно угостил.

В королевской резиденции Гофман обнаружил мало достопримечательного. Дворец, в котором жила королевская семья, представлял собой просторную хижину с сенями, где несли караул восемь гвардейцев. Их единственным оружием был старый пистолетный ствол, привязанный к деревянной доске. Гвардейцы из него часто стреляли — возможно, для того, чтобы приучить юного короля к шуму сражений. Покойный король похоронен в каменном строении, перед которым стоят три пушки, заклепанные для вящей безопасности.

Выше уже шла речь о том, что с Таити вывозится кокосовое масло, а также упоминалось о корабле, принадлежащем королеве. Капитаном корабля является англичанин, а команда частично укомплектована английскими матросами. Во время нашего пребывания на Таити этот корабль как раз вернулся из плавания на другие острова Общества, где он собирал дань, и готовился снова выйти в море. На сей раз он должен был отправиться в Порт-Джексон [Сидней] с грузом кокосового масла, которое там, в большом ходу. Это масло перевозится в бамбуковых стволах. Посетивший меня капитан, между прочим, сообщил новость, которую услышал от моряков, заходивших незадолго до того на острова Дружбы [Тонга]: король данного архипелага подчинил себе также острова Навигаторов [Самоа] и сделал их обитателей своими данниками.

В декабре и январе, которые являются на Таити летними месяцами, пассат нередко сменяется сильными северо-западными ветрами. В это время часто идут грозовые дожди, которые иногда продолжаются вплоть до апреля. В течение всех остальных месяцев пассат дует непрерывно и стоит ясная, безоблачная погода. Вот почему здешнее лето можно скорее принять за зиму.

Рейд Матаваи открыт для западных ветров. Поэтому суда, посещающие Таити в летние месяцы, поступали бы гораздо благоразумнее, заходя в гавань, расположенную в восьми милях к западу от мыса Венеры. Эта просторная гавань, образованная коралловыми рифами, защищена от всех ветров и имеет два входа. Последние расположены так, что позволяют заходить в гавань и покидать ее почти при любом ветре.

Приливы и отливы в бухте Матаваи серьезно отклоняются от общего правила: на них здесь, кажется, не оказывает воздействия луна, от которой обычно зависят эти явления природы. В полдень, в течение всего года, как только солнце достигает меридиана, наблюдается наивысшее стояние воды, а затем начинается

ее спад, который продолжается до полуночи. Благодаря этому явлению местные жители узнают время, как по солнцу, так и по уровню морской воды. Впрочем, разница между полной и малой водой составляет здесь лишь несколько футов.

Но Гумбольдту, самая большая гора на Таити имеет высоту 10 тысяч футов. Согласно барометрическому измерению, произведенному нашим физиком Ленцем, она возвышается лишь на 8 тысяч футов над уровнем моря.

Прибыв в бухту Матавай, мы при помощи наших хронометров определили долготу мыса Венеры, которая оказалась равна $149^{\circ}20'30''$ зап. Истинная долгота этого мыса, которая указана на карте, составленной адмиралом Крузенштерном, составляет $149^{\circ}27'20''$. Следовательно, поправка наших хронометров составляла $6'50''$. Она внесена во все долготы, вычисленные нами во время пребывания в водах Опасного архипелага. Привожу результаты наших астрономических наблюдений, производившихся на мысе Венеры:

Широта этого мыса	$17^{\circ}29'17''$ южная
Его долгота	$149^{\circ}29'00''$ западная
Склонение магнитной стрелки.....	$6^{\circ}50'00''$ восточное
Ее наклонение	$29^{\circ}30'00''$

Высота барометра колебалась между $29'80''$ и $29'70''$. Термометр Реомюра показывал от $23,5$ до $24,5^{\circ}$ тепла [$29,5—30,5^{\circ}\text{Ц}$].

Что же касается тех островов, которые были мной, открыты во время моего предыдущего плавания на «Рюрике», или тех, чье географическое положение я тогда определил (острова Румянцева, Свиридова, Дине [Рангироа], цепь Рюрика и т. п.), то я не имел в тот раз возможности выверить их долготы на мысе Венеры. Эти острова лежат на $5'36''$ западнее, чем было ранее указано.

Определенные капитаном Беллинсгаузеном долготы открытых им островов оказались, согласно нашим наблюдениям, на $3'10''$ больше истинных.

Утром 24 марта были свернуты наши палатки, стоявшие на мысе Венеры, астрономические приборы перевезены на корабль, и мы сами покинули наше жилище на суше. Отплытие было назначено на вторую половину дня. Узнав об этом, таитяне принялись буквально осаждать наш корабль, причем привезли в подарок столько съестных припасов, сколько смогли раздобыть. Они были весьма опечалены предстоящей разлукой и отказывались принимать ответные дары, желая показать, что их

доброжелательство было вполне бескорыстным. Островитяне единодушно утверждали, что из людей всех наций, до сих пор побывавших на Таити, им больше всех понравились русские. Прощаясь, они заключали нас в самые сердечные объятия, причем большинство не могло удержаться от слез.

Таитяне проводили нас в своих каноэ до выхода из бухты и хотели уже последовать за нами в открытое море, как вдруг налетел сильнейший шквал, который заставил их с наибольшей поспешностью устремиться к берегу. Этот шквал едва не лишил нас парусов, причем из-за близости земли мы в течение нескольких минут подвергались серьезной опасности. Однако благодаря искусству и неустрашимости, как офицеров, так и матросов мы благополучно вышли из этого испытания. Уже через полчаса ровный пассатный ветер вновь вступил в свои права, и прекрасный остров постепенно скрылся из виду. Прощаясь с ним, мы горячо желали добрым таитянам, чтобы их будущее было более счастливым.

Теперь мне хочется сообщить некоторые сведения о таитянском языке, почёрпнутые из упомянутого выше труда.

Автор рассказывает:

«Язык, на котором говорят обитатели большинства островов Южного моря и который поэтому можно назвать полинезийским, следует, вероятно, рассматривать либо как примитивный, либо как родственный с малайским и имеющий с ним общее происхождение. Во всяком случае, это очень древний язык, ибо говорящие на нем люди с незапамятных времен настолько обособились от всего остального человечества, что до появления европейцев считали себя единственными на земле.

Полинезийский язык, будучи употребляем грубым и невежественным народом, весьма несовершенен по сравнению с языками европейцев. Но в то же время он, возможно, превосходит все остальные своей силой, простотой и определенностью, например в личных местоимениях.

Можно легко доказать сходство полинезийского языка с древнееврейским, которое проявляется как в спряжении глаголов, так и в происхождении некоторых слов. В самом деле, многие слова, по-видимому, имеют древнееврейские корни, например: *mate* — мертвый; *тага*, или *тага-тага*, — горький; *гараои* — лечить; *рае* — сторона и т. д.

Поскольку полинезийский язык распространен на огромных пространствах и между говорящими на нем обитателями многочисленных островов совсем или почти совсем не существует никакого общения, он, как и следовало ожидать, разделился на множество особых диалектов. Однако последние настолько похожи

друг на друга, что легко могут быть признаны ветвями одного и того же ствола.

Основными диалектами можно считать следующие: гавайский, употребляемый на Сандвичевых [Гавайских] островах, диалект Маркизских островов, диалект обитателей Новой Зеландии, тонгатабуанский жителей островов Дружбы [Тонга] и таитянский.

Таитянский диалект отличается благозвучием, ибо не имеет твердых и шипящих согласных. Однако его произношение осложняется обилием дифтонгов, например *ao*, *eo*, которые выговариваются слитно.

Окончания имен существительных при склонении не изменяются. Существуют лишь три падежа — именительный, притяжательный и объектный, — которые выражаются посредством служебных частиц, стоящих впереди определяемого слова:

Единственное число

Именительный. *Te taata* — человек

Притяжательный. *No te taata* — человека

Объектный. *He taata* — человеку, человека

Множественное число

Именительный. *Te mau taata* — люди

Притяжательный. *No te mau taata* — людей

Объектный. *He mau taata* — людям, людей

У таитян имеется множество определенных и неопределенных артиклей, а также служебных частиц, употребляемых довольно необычно. Перед собственными именами часто ставится артикль *te*, например, перед именем бога — *Te Atua*. Иногда же в таких случаях используется частица, *o*, которая здесь, кажется, тоже играет роль артикля, например: *O Pomare*, *O Huaheine*, *O Tahiti*. Эта же частица употребляется перед личными местоимениями, стоящими в именительном падеже: *o vai* — я, *o oe* — ты, *o oia* — он, она, оно и т. д. Таитянский и родственные ему диалекты весьма богаты такими местоимениями. Последние имеют не только двойственное число, как это наблюдается в восточных языках, но даже по две формы первого лица двойственного и множественного числа:

O Taia — ты и я

O Maia — он и я

O Tatou — вы и я

O Motou — мы (трое или в большем числе)

Указанные особенности делают спряжение глаголов более запутанным, чем в других языках. Но на помощь приходит то обстоятельство, что время и лицо выражаются изменением

самого слова, а лишь постановкой перед глаголом особых частиц. Например: *matau* — бояться, *te matau nei au* — я боюсь, *te matau ga oau* — я боялся³¹, *i matau na oau* — я боялся³², *e matau au* — я буду бояться».

Поскольку мои читатели вряд ли желают овладеть таитянским языком, я заканчиваю на этом извлечения из его грамматики. Тот, кто хочет основательно изучить местный язык, должен отправиться на Таити. Однако я советую этому путешественнику запастись терпением: таитяне, правда, будут его весьма охотно обучать, но они, как и немцы, имеют дурную привычку смеяться над теми, кто коверкает их язык. Мы неоднократно имели случай в этом убедиться.

За несколько месяцев до нас Таити посетил французский капитан Дюперре, совершавший кругосветное путешествие на фрегате «Кокий». Он благополучно вернулся в свое отечество и ныне собирается издать книгу об этом путешествии. Капитан Дюперре был настолько любезен, что прислал мне несколько тетрадей с отрывками из своего сочинения. Можно ожидать, что оно явится важным вкладом в науку.

Глава шестая

ОСТРОВ ПИТКЭРН

Мне самому не довелось посетить остров Питкэрн, но в чилийской гавани Консепсьон я познакомился с одним американским капитаном, который побывал там незадолго до нашей встречи. Кроме того, на Таити я нашел одну из родоначальниц населения острова Питкэрн, говорившую по-английски настолько хорошо, что с ней можно было беседовать. Сведения, полученные от этих двух лиц, будут небезынтересны моим читателям. А те из них, которые не знают, как возникла эта любопытная колония, вероятно, охотно ознакомятся с ее краткой историей.

Английское правительство, желая насадить в своих вест-индских владениях хлебное дерево, столь полезное человеку, послало в сентябре 1787 г. в Южное море корабль «Баунти». Этим судном командовал лейтенант Блай, который в качестве штурмана участвовал еще в плаваниях капитана Кука. «Баунти» должно было взять на здешних островах груз саженцев

---

³¹ Вид несовершенного (продолженного) действия, имперфект.

³² Вид совершенного действия, перфект.

хлебного дерева и доставить его в Вест-Индию. Весь экипаж корабля состоял из сорока шести человек.

Путешествие было исключительно тяжелым. В течение тридцати дней Блай безуспешно пытался обогнуть мыс Горн и наконец, вынужден был принять решение плыть вокруг мыса Доброй Надежды. На Таити он прибыл в октябре 1788 г.

Несмотря на большую помощь, оказанную таитянами, погрузка продолжалась целых пять месяцев. Она затянулась, вероятно, потому, что Блаю и его команде слишком уж понравилась жизнь на Таити. В течение всего этого времени моряки жили в большой дружбе с островитянами и особенно с островитянками, что оказало, пожалуй, немалое влияние на дальнейшую судьбу Блая.

Покинув 4 апреля 1789 г. Таити, Блай высадился на одном из островов Дружбы [Тонга], где заменил погибшие растения свежими, и 27 апреля направился к берегам Вест-Индии. Он пребывал в радостной уверенности, что сумеет выполнить возложенное на него поручение и тем самым станет благодетелем Вест-Индии, доставив туда растение, которым природа одарила своих возлюбленных сынов. Но в книге судеб было записано иначе.

Блай обращался со своими подчиненными с беспощадной жестокостью и унижал их человеческое достоинство. Дело дошло до того, что он даже своего штурмана Крисчена Флетчера подверг телесному наказанию. Эти действия Блая, равно как и воспоминания о привольной жизни на Таити, привели к заговору, во главе которого встал Крисчен. Заговорщики решили овладеть кораблем, высадить с него командира и его сторонников, вернуться на Таити и зажить там в свое удовольствие, навсегда отрекшись от своей родины. Им удалось сохранить свой план в такой глубокой тайне, что ни Блай, ни те члены экипажа, которые оставались ему верны, ничего не подозревали.

Условным сигналом для приведения в исполнение позорного намерения был избран восход солнца 28 апреля. Штурман Крисчен, который был как раз в это время вахтенным начальником, два унтер-офицера и один матрос ворвались в каюту спокойно спавшего лейтенанта Блая. Они напали на него, связали ему руки за спиной и пригрозили, что убьют на месте, если он будет сопротивляться или издаст хоть один звук. Блай не проявил страха и пытался защищаться. Оказавшись вынужденным уступить силе, он стал громко звать на помощь. Однако заговорщики к этому моменту уже успели схватить и связать всех тех, кто не участвовал в их заговоре, так что Блаю пришлось покориться своей судьбе. Связанный, в одной рубахе, он

был доставлен на палубу, где уже находились, также связанные, девятнадцать членов команды, которые остались ему верны. Тщетно обращался Блай к морякам, забывшим свой долг, пытаясь вернуть их к повиновению. Они с криками угрожали ему смертью, если он не замолчит.

На воду была спущена самая большая шлюпка. В нее посадили офицеров и матросов, предварительно развязав им руки. Затем Крисчен обратился к Блаю со следующими словами:

— Что ж, капитан, ваши офицеры и команда уже в шлюпке. Время и вам к ним присоединиться. Малейшее сопротивление будет стоить вам жизни.

После этого Блая развязали, и он спустился к своим верным товарищам по несчастью; вдогонку ему неслись горькие упреки по поводу допускавшейся им тирании.

Снабдив высаженных с корабля моряков некоторым запасом продовольствия, дав несчастным по их просьбе, компас и октант, а из оружия — лишь две старые сабли, заговорщики подняли паруса и предоставили лодку ее судьбе. Удаляясь, они кричали:

— Смерть капитану Блаю! Да здравствует Отаити [Таити]!

Несчастные моряки, оставленные на волю волн Великого [Тихого] океана, находились в открытой шлюпке длиной всего 23 фута, шириной 6 футов 9 дюймов и глубиной 2 фута 9 дюймов. Они не располагали картой и имели лишь небольшой запас провизии. Дальнейшая история этих моряков выходит за рамки моего повествования. По я ее все же расскажу, поскольку многим читателям будет, несомненно, интересно узнать, что ценой невероятных усилий несчастным все же удалось спастись.

Когда шлюпка была покинута кораблем, она находилась приблизительно в 30 милях от острова Тофоа [Тофуа]. Блай и его спутники решили высадиться на этом острове, чтобы запастись продовольствием, а затем отправиться на Тонгатабу [Тонгатапу]. Там они собирались просить короля островов Дружбы помочь им привести лодку в такое состояние, которое позволило бы им решиться плыть на ней до Ост-Индии.

До Тофоа путники добрались благополучно. Но как только они привязали шлюпку железной цепью к берегу, появилась большая толпа враждебно настроенных дикарей, которая встретила безоружных пришельцев камнями. Последние были бы все перебиты, если бы не геройский поступок унтер-офицера Нортон, пожертвовавшего жизнью ради спасения своих спутников. Нортон выскочил на берег и быстро высвободил цепь, посредством которой лодка была привязана к скале. Он едва

успел крикнуть: «Бегите, бегите!» — как был схвачен и убит дикарями.

Это печальное происшествие настолько напугало беглецов, что они уже не решались плыть на Тонгатабу или какой-нибудь другой остров, населенный дикарями. Все они обратились к Блаю с просьбой вести шлюпку в одну из гаваней, принадлежащих европейцам, и, чтобы облегчить выполнение этого намерения, торжественно поклялись оказывать ему безусловное повиновение. Блай принял смелое решение: идти через Торресов пролив к острову Тимор, где находятся голландские владения. Расстояние до этого острова составляло 4000 морских миль, вследствие чего приходилось строго экономить продовольствие. Вся команда беспрекословно согласилась на то, чтобы каждому ежедневно выдавалось лишь по одной унции сухарей и по одной восьмой части бутылки воды.

Уже на другой день разыгрался шторм, и шлюпку стало так сильно заливать, что пришлось беспрестанно вычерпывать воду, чтобы не пойти ко дну. Во время следующего шторма, сопровождавшегося сильным дождем, промок и превратился в кашу оставшийся еще маленький запас сухарей, причем даже эту попорченную пищу приходилось все больше экономить, так как плавание затягивалось.

Несчастные путешественники были крайне изнурены голодом и жаждой, сыростью и палящими солнечными лучами. Они изнемогали от переутомления и жестоко страдали от болезней, вызванных всеми этими лишениями. Наконец на тридцать второй день плавания, к неописуемой своей радости, Блай и его люди увидели берег Новой Зеландии и вскоре вошли в Торресов пролив.

Они высадились на необитаемом островке, расположенном вблизи от побережья, и нашли здесь в изобилии различные вкусные плоды, устриц и прекраснейшую воду. Подкрепленные здоровой пищей, испытывая чувство блаженства, несчастные забылись живительным сном в эту первую ночь, вновь проведенную на твердой земле. Однако с восходом солнца появилась новая опасность: на берегу собрались дикари, вооруженные копьями и угрожавшие нападением. Ввиду этого остров пришлось немедленно покинуть.

Во время плавания по проливу погода была прекрасной, причем море все время оставалось спокойным. Туземцы, размахивая зелеными ветками, приглашали высадиться на берег. Но Блай не доверял настроениям этого маленького безобразного негроидного племени и потому предпочитал останавливаться для отдыха, а также для пополнения запасов фруктов и свежей

воды на незаселенных островах. Все путешественники чувствовали себя словно воскресшими. У них резко улучшилось настроение, ибо они надеялись, что сумеют вскоре достичь острова Тимор и тогда наступит конец их мучениям. Но до желанного острова было еще далеко.

Когда шлюпка, пройдя Торресов пролив, вышла опять в открытое море, прежние беды обрушились на них с удвоенной силой. Весь экипаж был болен, некоторые находились при смерти. Почти все потеряли надежду добраться когда-нибудь до безопасной гавани и молили небо о ниспослании скорой смерти как избавления от страданий. Хотя Блай сам был весьма нездоров, он всячески старался поддерживать бодрость духа у своих подчиненных и заверял их в том, что скоро они пристанут к берегу.

Он сдержал свое слово: в три часа утра 12 июня перед путниками предстал во всем своем благосклонном величии гористый остров Тимор. Это зрелище подействовало на истощенных и больных людей, словно электрический разряд. Они воздели руки к небу; более искренней благодарственной молитвы, пожалуй, не раздавалось еще никогда.

Через два дня Блай и его товарищи по несчастью добрались до голландского поселения Купанг, где были тепло, приняты губернатором. За исключением одного больного, силы которого были окончательно подорваны, все спасшиеся быстро восстановили свое здоровье и при первой же возможности отплыли в Англию, куда и прибыли в марте 1790 г.

Можно было подумать, что тяжелый урок, преподанный Блаю судьбой, сделает его в будущем более осторожным. Однако Блай так и не изменил своего характера: будучи командиром линейного корабля, он своей жестокостью опять дал повод к заговору, а когда впоследствии он был назначен губернатором Нового Южного Уэльса, то и там по той же причине произошло восстание.

Сделав это отступление, вернемся к истории колонии, возникшей на острове Питкэрн.

Когда мятежникам «Баунти» удалось их преступление, они единогласно избрали капитаном Крисчена и взяли курс на Таити. По пути они пристали к маленькому гористому густонаселенному острову Табуаи [Тубуаи], замеченному в 1777 г. Куком, и решили здесь поселиться. Найдя подходящую гавань, они с большим трудом провели в нее корабль через коралловые рифы.

Жители встретили пришельцев очень приветливо и не только спокойно отнеслись к тому, что последние стали строить крепость

на близлежащем мысе, но и еще оказали англичанам большую помощь. Однако согласие между ними продолжалось недолго: Крисчен и его спутники, полагаясь на превосходство своего оружия, вскоре сделались очень дерзкими и заносчивыми и даже начали похищать туземных женщин, чем особенно восстановили против себя добрых островитян.

В результате на англичан было совершено нападение. Однако Крисчену и его команде удалось отступить на возвышенность, откуда ружейным огнем они нанесли дикарям большие потери. У Крисчена же не было ни одного убитого, а ранен был только один человек. Тем не менее, победители сочли неблагоразумным оставаться на Табуаи. Они вновь погрузились на корабль и отправились на Таити.

Во время этого перехода Крисченом овладела глубокая меланхолия: его мучили угрызения совести и мрачные предчувствия. Он заперся в своей каюте, редко показывался на палубе и был очень молчалив.

Когда «Баунти» бросил якорь у берегов Таити, на корабль явилось множество туземцев. Таитяне были очень рады вновь увидеть своих друзей, но удивлялись отсутствию капитана и части команды. Крисчен сказал им, что капитан Блай вместе с другими отсутствующими поселился на Табуаи, где сделался королем, тогда как он, Крисчен, с остальной частью команды предпочел отправиться на Таити, чтобы провести здесь остаток своих дней. Добродушный маленький народ поверил рассказам Крисчена и был сердечно рад тому, что друзья останутся тут навсегда.

Однако у Крисчена были другие, тайные намерения. Он понимал, что английское правительство, узнав о преступном мятеже, станет искать виновников, прежде всего на Таити. Поэтому он решил основать поселение на каком-нибудь никому не известном, необитаемом острове.

Крисчен был недоволен многими из своих спутников или же считал, что они не подходят для задуманного им предприятия. Поэтому он под строжайшим секретом посвятил в свой план только восемь человек. Так возник второй заговор, на этот раз в среде участников первого. Крисчен и его новые сообщники улучили момент, когда остальные члены команды были на берегу, подняли якорь и поспешно вышли в море. Они взяли с собой восемь таитян и десять таитянок, которых удалось заманить на корабль перед самым отплытием.

Проблуждав несколько недель по морю, Крисчен и его спутники подошли к острову Питкэрн, открытому в 1767 г. Картеретом. Этот небольшой скалистый островок, имеющий, однако,

плодородную почву, оказался необитаемым. Исследовав его более подробно, они были настолько восхищены его роскошной растительностью, что решили здесь навсегда поселиться, надеясь таким путем скрыться от всего света и избежать заслуженного наказания.

Все попытки найти для «Баунти» подходящую гавань оказались напрасными. Тогда было решено подойти как можно ближе к берегу с подветренной стороны, снять груз и затем уничтожить корабль, чтобы он своим присутствием не выдал местопребывания преступников судам, которые, возможно, будут проходить мимо. Это решение было немедленно осуществлено. Среди скал нашли место, где посаженный на мель «Баунти» не был бы тотчас разбит волнами, и, когда его днище уперлось в грунт, груз быстро перенесли на берег, после чего корабль был сожжен.

На первых порах маленькая колония страдала от недостатка провизии, так как на острове не было ни хлебных деревьев, ни кокосовых пальм, вследствие чего приходилось довольствоваться съедобными кореньями и рыбой. Зато о будущем колонисты хорошо позаботились: все растения, предназначенные для Вест-Индии, были доставлены на берег в неповрежденном состоянии и тотчас же высажены в грунт. Разумеется, прошло довольно много времени, прежде чем начали плодоносить хлебные деревья и кокосовые пальмы. Но батат, ямс, таро и другие подобные растения уже через год сторицей возместили усилия, затраченные на их выращивание.

Казалось, что согласие между колонистами, общепризнанным главой которых был Крисчен, воцарилось навсегда. Каждому был выделен участок земли. Появились хорошенькие хижины, дикую местность украсили старательно обработанные поля.

Через три года у Крисчена родился сын, которого он назвал Пятница Флетчер Октябрь Крисчен. Рождение ребенка сделало Крисчена вдовцом, и, так как он испытывал большое желание жениться вторично, а все женщины были уже замужем, он отбил жену у одного таитянина. Оскорбленный муж пришел в такую ярость, что выбрал момент, когда Крисчен в одиночестве работал на своей плантации, напал на него и убил. Об этом стало сейчас же известно, и один англичанин, чрезвычайно возмущившись, схватил ружье и застрелил убийцу.

Таитяне давно уже горели жаждой мести, испытывая мучительную ревность в связи с тем решительным предпочтением, которое женщины оказывали англичанам. Убийство соотечественника переполнило чашу их терпения. Ночью они внезапно

напали на англичан и убили всех, за исключением матроса по имени Адам [Адамс], которого они сочли мертвым, тогда как он был только тяжело ранен. Ценой величайших усилий Адаму удалось добраться до леса и там спрятаться, так что убийцы не нашли его и днем.

Женщины пришли в отчаяние, увидев ужасную смерть своих возлюбленных, и решили за них отомстить. Уже следующей ночью они напали на спавших таитян и перебили их всех до одного. Утром, как только рассвело, покрытые кровью мегеры поспешили к трупам своих любовников-англичан и, не найдя между ними тела Адама, предположили, что ему удалось спастись и что он где-то скрывается, хотя земляной пол его хижины тоже был залит кровью.

Они обыскали весь лес и наконец, нашли Адама; он находился в весьма плачевном состоянии. Перевязав ему раны, женщины перенесли его в хижину. Общий заботливый уход и соки целебных трав скоро поставили на ноги молодого, полного сил мужчину.

Любовь всех женщин сосредоточилась на спасенном. Он стал их общим супругом и главою, которому они охотно подчинялись. По свидетельству Адама, эти женщины никогда не портили ревностью жизнь друг другу.

В течение четырнадцати лет Адам и его потомство были скрыты от всего света. Они были обнаружены лишь в 1803 г., когда английский капитан Фолджер, следовавший из Чили в Кантон [Гуанчжоу], высадился на острове Питкэрн. Он был очень удивлен, найдя здесь обитателей, приветствовавших его по-английски, хорошо знакомых с европейскими обычаями и имевших такой цвет кожи и такие черты лица, которые указывали на их происхождение от европейцев. Адам сам разъяснил ему эту загадку.

Фолджер представил отчет о своем открытии английскому правительству. Однако он настолько неточно определил местоположение этого острова, что решили, будто последний был ранее не известен. Данное заблуждение сохранялось до 1814 г., когда английский фрегат «Бретон», идя от Маркизских островов к побережью Чили, также наткнулся на остров Питкэрн.

В соответствии с описанием, оставленным его первооткрывателем Картеретом, этот остров считался необитаемым. Поэтому экипаж фрегата был немало удивлен, увидев здесь красивые хижины и возделанные поля, а также собравшихся на берегу людей, которые знаками приветливо приглашали моряков высадиться на острове. Более того, несколько островитян, весьма искусно преодолев прибой, отправились на своих маленьких

челнах навстречу судну. К ним уже собирались обратиться на языке островитян Южного моря, как вдруг они сами на чистом английском языке осведомились о названии корабля и имени его командира. Капитан сам им ответил, а затем продолжил беседу, становившуюся все более интересной. Он пригласил островитян на корабль, и они поднялись на борт с величайшей непосредственностью.

Даже позже, будучи окружены моряками, засыпавшими их вопросами, они не проявили страха, свойственного большинству островитян Южного моря. Молодой человек, вступивший на корабль первым, весьма прилично поклонился капитану, пожелал ему доброго утра и спросил, не знал ли тот в Англии человека по имени Уильям Блай. Этот вопрос сразу же пролил свет на загадочное происхождение населения острова Питкэрн, и потому у гостей, в свою очередь, спросили, не найдется ли у них на острове человека, который звался бы Крисченом. Ответ гласил: «Нет, он умер, но его сын находится в приближающейся лодке». Таким образом, окончательно выяснилось, как возникла эта колония.

Моряки далее узнали, что на острове проживает сорок восемь человек, что мужчинам запрещается жениться до двадцатилетнего возраста, причем они могут иметь только одну жену, что Адам обратил всех островитян в христианскую веру, что местные жители признают себя подданными английского короля и, наконец, что их родной язык английский, но они понимают также по-таитянски. Когда у мужчин спросили, не желают ли они отправиться на фрегате в Англию, эти островитяне ответили: «Нет, мы женаты и имеем детей».

Корабль и его команда не произвели на островитян особого впечатления; они рассказали, что на острове уже побывал капитан Фолджер. Зато их очень напугал внезапно появившийся маленький черный пудель.

— Это, наверно, собака! — вскричали они. — Мы, правда, никогда еще не видели собаку, но знаем, что она кусается.

Впрочем, вскоре они убедились в добродушии этого животного и стали с ним играть.

Островитян провели в каюту, где угостили завтраком. Они вели себя очень скромно, сначала помолились, а потом уже с удовольствием принялись за еду. Во время завтрака состоялась беседа, в ходе которой проявился их большой природный ум.

Капитану стоило большого труда высадиться на берег. Прелестная дорога, обсаженная хлебными деревьями и кокосовыми пальмами, привела его к живописно расположенной деревушке с маленькими, но красивыми и удобными хижинами, поражавшими

своей чистотой. На холме гостей встретила одна из дочерей Адама — прелестная молодая девушка в легком одеянии. Она провела их к своему отцу, еще очень бодрому на вид шестидесятилетнему старцу. Разумеется, речь вскоре зашла о заговоре Крисчена. Адам уверял, что не принимал в этом заговоре никакого участия и даже ничего не знал о нем вплоть до начала мятежа. Однако он с отвращением рассказывал о том, как Блай обращался со своими офицерами и матросами.

Капитан предложил Адаму отвезти его в Англию. Как только об этом стало известно, собрались почти все колонисты и начали со слезами на глазах просить не отнимать у них их доброго отца. Эта сцена растрогала даже англичан.

Все жители острова имеют весьма здоровый вид. Они черноволосы и обладают прекрасными зубами. Мужчины очень стройны, рост их достигает 5 футов 10 дюймов. Как мужчины, так и женщины одеваются в плащи, по виду напоминающие чилийские попчо, и носят на головах тростниковые шляпы, украшенные перьями. У них сохранилось еще много старого платья с «Баунти», но они его не надевают. Отсюда видно, что эти островитяне обладают большим вкусом, чем таитяне, их предки с материнской стороны.

Остров Питкэрн выглядит весьма привлекательно и, по-видимому, повсюду плодороден. Во внутренней его части водятся одичавшие свиньи.

Через семь лет после «Бретона» остров Питкэрн посетило американское торговое судно «Орел», с капитаном которого я беседовал в гавани Консепсьон. Ко времени этого визита население острова возросло почти до ста человек. Капитан был восхищен порядком, который он там застал. Адам управлял островом как король и в то же время как добрый отец. Он мирно улаживал все споры и недоразумения, причем никому даже в голову не приходило возражать против его решений.

Капитан рассказывал, что за каждой семьей закреплен земельный участок. Тщательно обработанные поля размежеваны и засажены различными растениями, главным образом бататом и ямсом. По воскресеньям колонисты собираются перед жилищем Адама. Он читает им Библию и заставляет хорошо себя вести и жить в согласии.

Каждый вечер, с заходом солнца, когда обитатели острова после дневной жары наслаждаются вечерней прохладой, молодежь рассаживается полукругом возле любимого батюшки Адама, и он рассказывает ей о своей родине, а также старается укрепить нравственность этих молодых людей. Адам знакомит их, кроме того, с жизнью других стран и народов, говорит об

искусстве и изобретениях, описывает быт и нравы европейцев.

Адам вряд ли обладает большими познаниями. Однако он сумел дать колонистам такое образование, благодаря которому они смогут легко достигнуть более высоких ступеней цивилизации. Его внимательные слушатели удивительно точно все запоминают и потому хорошо знакомы с нравами и обычаями цивилизованных народов.

Ругательства Адам запретил под страхом наказания. Когда несколько островитян во время посещения корабля слышали ругань одного матроса, они с удивлением спросили у капитана, неужели на его родине допускается употреблять подобные выражения. Ведь батюшка Адам учил их, что оскорблять ближнего своего нельзя даже словами!

Капитан не мог нахвалиться характером и поведением этого симпатичного маленького народа и приписывал все это примеру и поучениям патриарха острова. Добрый старик испытывал серьезную тревогу за будущее. Он говорил: «Мне уже недолго осталось жить на свете. Кто продолжит начатое мною дело? Мои дети еще не очень твердо стоят па ногах и потому могут сойти с правильного пути. Ими должен руководить хороший, нравственный человек, принадлежащий к одной из цивилизованных наций».

Как уже говорилось выше, я встретил на Таити одну из жен Адама, недавно прибывшую туда на европейском корабле. Именно от нее я и узнал многое из того, о чем здесь рассказал. По-английски она говорила довольно бегло, но на каком-то странном диалекте. Эту старую женщину заставила вернуться па Таити тоска по родине — чувство, в равной мере присущее всем народам. Вначале она хотела остаться здесь до конца своих дней, но потом отказалась от этого намерения. Она уверяла, что люди здесь гораздо хуже, чем в ее маленьком раю, куда она опять стремилась. Своего Адама она превозносила до небес и утверждала, что ни один человек в мире с ним не сравнится. Она все еще не могла вспоминать без гнева об убийстве англичан таитянами и хвалилась тем, что отомстила убийцам.

Адам поручил ей попросить миссионеров на Таити выделить для него преемника, ибо сам он совсем состарился и одряхлел. Кроме того, он собирался переселить на Таити несколько семей, потому что население его острова могло вскоре стать слишком большим по сравнению с местными ресурсами.

Миссия на Таити, конечно, не замедлит послать преемника Адаму, так как благодаря этому остров Питкэрн попадает под ее владычество. Остается только пожелать, чтобы отеческое правление Адама не сменилось деспотией, а его практическая

философия не была вытеснена пустыми молитвенными формулами.

В 1791 г. английское правительство послало в Южное море фрегат «Пандору» под командой капитана Эдвардса, который должен был разыскать бунтовщиков с «Баунти». Он нашел тех, которые остались на Таити, и доставил их в Англию, где они были судимы по всей строгости закона и приговорены к смертной казни. Лишь немногие из них были помилованы.

Глава седьмая

ОСТРОВА НАВИГАТОРОВ

Покинув Таити, я отправился к открытой мной раньше цепи островов Радак, где собирался провести несколько дней. По пути я решил посетить острова Навигаторов [Самоа]. Это, вероятно, те самые острова, которые Роггевен обнаружил еще в 1721 г. и назвал островами Баумана'. Однако в 1766 г. Бугенвиль приписал честь их открытия себе и дал им их нынешнее название, поскольку местные жители имели хорошие суда, которыми весьма искусно управляли.

Ни Роггевен, ни Бугенвиль не указали точного местоположения островов Навигаторов. Несчастный Лаперуз, который первым после них посетил эту группу, произвел опись лишь северной ее части. С тех пор об этих островах ничего не сообщалось, ибо англичанин Эдвардс, побывавший здесь позже, не опубликовал записок о своем путешествии. Это и побудило меня взять на себя труд по обследованию их южной части, чтобы тем самым завершить съемку всего архипелага.

Сперва я направился вдоль островов Общества, лежащих с подветренной стороны от Таити, ибо желал уточнить их долготы, но в дальнейшем тщательно избегал курсов, которыми шли известные мне мореплаватели. На рассвете 25 марта мы увидели на севере остров Гуагейн [Хуахине-Ити], а на северо-западе — остров Улиетеа [Раиатеа]. Когда самая западная оконечность Улиетеа находилась от нас строго на север, мы при помощи хронометров определили ее долготу, которая оказалась равна $151^{\circ}26,30'$ зап. Данная долгота почти совпадает с той, которая обозначена на картах. Зато на них довольно неточно указана долгота острова Маурура [Маупити]. По нашим наблюдениям, центральная точка этого острова находится под $152^{\circ}10/40''$ западной долготы.

Уже к вечеру мы оставили позади все острова Общества и продолжали плыть на запад. На следующее утро ясная погода

позволила нам произвести точные астрономические наблюдения. Вскоре мы увидели землю. Это были опять низменные коралловые острова, покрытые густым кустарником и связанные между собой рифами. Как обычно, посреди этой группы находилась лагуна. Что касается деревьев, то на всех этих островах мы видели лишь одну-единственную кокосовую пальму, поднимающуюся над низким кустарником. Когда мы подошли ближе, нас окружили большие стаи морских птиц, единственные обитатели этой островной группы, протянувшейся с севера на юг на три, а в ширину — лишь на две с половиной мили. Незадолго перед тем проведенные полуденные наблюдения позволили установить, что данная группа расположена под $15^{\circ}48'7''$ южной широты. Ее долгота равна $154^{\circ}30'00''$ зап. Поскольку до нас никто не видел этих островов, мы присвоили им имя нашего заслуженного мореплавателя Беллинсгаузена [Моту-Оне].

Ночью бушевал шторм. К утру, погода разгулялась, но на сердце у нас не полегчало, ибо мы потеряли еще одного члена нашей маленькой плавучей колонии: вследствие постоянной жары и влажности воздуха один из матросов заболел дизентерией и умер, несмотря на все усилия нашего искусного доктора. Таитяне в том году тоже очень страдали от подобных болезней и, лишенные медицинской помощи, часто умирали. Миссионеры, которые стремятся овладеть только человеческими душами, пренебрегают здоровьем человеческих тел.

Частое появление больших стай морских птиц свидетельствовало о том, что мы неоднократно проходили вблизи от еще неизвестных низменных островов. Но поскольку такие острова можно заметить с верхушки мачты самое большее на расстоянии 15—16 миль, нам не удалось их обнаружить.

Наконец 2 апреля мы снова увидели землю. Это был маленький необитаемый островок, немного более высокий, чем коралловые острова. Он расположен под $168^{\circ}06'00''$ западной долготы и $14^{\circ}32'39''$ южной широты. Считая этот остров новым открытием, я присвоил ему имя Кордюкова, моего старшего офицера. Однако по возвращении на родину я узнал, что сей остров, был открыт еще в 1819 г. капитаном Фрейсине, когда тот шел от Сандвичевых [Гавайских] островов к Новой Голландии [Австралии]. Положение острова, указанное данным мореплавателем, полностью совпадает с результатами моих наблюдений. Все дело в том, что ко времени нашего отплытия из Европы описание путешествия Фрейсине еще не было опубликовано.

В ту же ночь мы увидели при лунном свете самый восточный из островов Навигаторов — похожий на высокую круглую гору остров Опоун [Тау]. Западнее, недалеко друг от друга, лежат

два маленьких острова — Леонэ [Олосега] и Фанфуэ [Офу]. Затем следует остров Маоуна [Тутуила], возле северо-восточной оконечности которого расположен еще один небольшой островок.

В 45 милях дальше лежит остров Олаява [Уполу], а в десяти с половиной милях от последнего — Пола [Савайи], самый западный и в то же время самый большой и возвышенный из островов Навигаторов. Между ними находятся еще несколько маленьких островов, о которых я при случае упомяну.

Острова Навигаторов в высшей степени плодородны и необычайно густо населены. Олаява своей красотой превосходит все другие острова, какие я когда-либо видел, не исключая даже Таити. Остров Пола имеет величественный вид. Он представляет собой высокую гору с закругленной вершиной, которая удивительно похожа на гору Моу-на-роа [Мауна-Лоа] на острове Овахи (Гавайи), хотя и несколько уступает последней в высоте. Однако с Пиком острова Тенерпффа {Тенерифе} Пола вполне может поспорить.

Мы не смогли найти надежную гавань. Она, возможно, имеется только на острове Маоуна. Во всяком случае, на его северо-восточной оконечности, как раз напротив уже упоминавшегося выше островка, есть бухта, глубоко врезающаяся в сушу, однако открытая с моря.

Острова Южного моря, как правило, окружены коралловыми рифами, образующими удобные гавани. Поэтому странно, что кораллы, эти трудолюбивые существа, не построили таких рифов вокруг островов Навигаторов.

Жители этих островов, особенно Маоуны, еще находятся на значительно более низкой ступени развития, чем та, которой достигли таитяне ко времени открытия их Уоллисом. Маоунцы, пожалуй, являются самым жестоким и диким народом среди островитян Южного моря. Именно они убили капитана де Лангля, командовавшего вторым кораблем экспедиции Лаперуза, а также физика Ламана и еще четырнадцать участников этой экспедиции, высадившихся на берег, хотя моряки перед тем их щедро одарили. Островитяне забросали гостей камнями. Ослепленные яростью, они не обращали внимания даже на ружейный огонь. К несчастью, моряки поздно открыли стрельбу и не успели перезарядить оружие. Победители ограбили убитых, а потом еще глумились над их трупами.

Мы подошли к бухте Массакр, названной так в память об этом ужасном событии. Ее берега выглядели очень привлекательно. Здесь росли кокосовые пальмы, да и вдали от побережья земля была покрыта роскошной растительностью. Однако ничто

не указывало на присутствие людей: не было видно ни одного дымка, ни одного каноэ. Последнее тем более нас удивило, что корабли Лаперуза, едва успев войти в бухту, были сразу окружены несколькими сотнями лодок, в которых островитяне привезли всевозможную провизию.

Наконец показалась маленькая лодка, в которой было всего три человека. Когда она подошла ближе, мы легли в дрейф и стали знаками приглашать островитян на корабль. Однако они пели себя нерешительно. Лишь один из них отважился подняться по боковому трапу, да и то лишь настолько, чтобы видеть палубу. Он подарил мне два кокосовых ореха — все, что привез с собой из провизии. Получив в качестве ответного дара кусок железа, островитянин в знак благодарности приложил его ко лбу и слегка склонил голову. Он долго молчал и недоверчиво скользил глазами по палубе, а потом вдруг разразился длинной патетической речью. Все более и более распаляясь и яростно жестикулируя, он показывал то на берег, то на корабль. Его красноречие, конечно, пропало даром, но, поскольку мы слушали внимательно и спокойно, он, вероятно, подумал, что мы поняли важность его сообщения.

Оратор становился все более самоуверенным и, по-видимому, говорил бы еще долго, если бы его внимание не привлекла большая группа каноэ, подошедшая в это время к кораблю. Скоро мы были окружены потомками убийц гуманного капитана де Лангля, мечтателя Ламана³³ и их несчастных спутников. Кто знает, быть может, среди прибывших находились даже некоторые из убийц!

Эта дикая толпа вначале вела себя довольно робко. Однако, после того как наш оратор обменялся с ней несколькими словами, островитяне сделались бесстыдными и дерзкими. Казалось, будто они собираются взять корабль штурмом. Чтобы не допустить неприятного нашествия, пришлось разместить по бортам вооруженных матросов, которым был дан, правда, приказ не причинять дикарям никакого вреда. Но удержать непрошенных гостей можно было только штыками и пиками.

Нескольким самым отчаянным храбрецам, не обращавшим внимания на сыпавшиеся на них удары, удалось все-таки забраться на палубу, где они тотчас же крепко ухватились за первые попавшиеся предметы. Только общими усилиями сильнейших наших матросов удалось выбросить непрошенных гостей за борт.

---

³³ За день до своей гибели он говорил Лаперузу: «Эти дети природы гораздо лучше цивилизованных французов». — *Примеч. авт.*

Островитяне не привезли с собой ничего, кроме небольшого количества кокосовых орехов. Они жестами приглашали нас высадиться на берег, стараясь дать понять, что там мы найдем в изобилии все необходимое. Прибывшие не были вооружены, но в их каноэ мы заметили коварно припрятанные дубинки и короткие копья. Весьма вероятно, что они собирались поступить с нами так же, как с несчастными французами.

Лишь нескольким островитянам было разрешено остаться на шлюпе; они вели себя так дерзко, словно являлись владельцами корабля. Я роздал им маленькие подарки. Маоунцы буквально вырывали их из моих рук и сейчас же показывали с палубы своим землякам, остававшимся в лодках. При этом каждый раз внизу поднимался ужасный шум. Многие дикари начинали от ярости кривляться, как сумасшедшие, и пытались угрозами добиться разрешения подняться на корабль.

Только один из островитян, находившихся на борту, принимал подарки сравнительно скромно, тогда как остальные, казалось, склонны были рассматривать их как контрибуцию. Этот маоунец, державшийся наиболее благопристойно, поклонился мне почти по-европейски и несколько раз поднес ко лбу полученные вещи. Затем он подошел ближе и очень простодушно, хотя и не слишком нежно, потерся о мой нос кончиком своего носа. Вероятно, это был здешний аристократ, получивший отличное воспитание. Сей молодой дикарь отличался веселым нравом. Он очень подробно осматривал все предметы, находящиеся на палубе, и сообщал свои впечатления землякам, оставшимся в лодках. Эти замечания были, по-видимому, очень остроумны, так как каждый раз возбуждали громкий смех.

Между тем остальные островитяне становились нам все более в тягость. Они, как хищные звери, пытались силой отнять то, что им не давали добровольно. Аппетит одного гостя был настолько возбужден видом случайно обнаженной белой руки одного из наших спутников, что, не будучи в состоянии сдержать себя, он схватил ее и объяснил жестами, что такое мясо — лакомый кусок. Теперь мы были убеждены, что имеем дело с людоедами. Это еще более усилило наше отвращение к «невинным детям природы», как назвал их Ламан, которого они, словно в награду за столь лестный отзыв, возможно, сожрали во время веселого пира.

Жители многих островов Южного моря все еще занимаются людоедством. В большинстве своем они, во всяком случае, хитры и коварны. Вот почему при общении с островитянами приходится соблюдать величайшую осторожность. Их приветливость порождается страхом, который сразу исчезает, как только они начинают

считать себя более сильными и потому перестают опасаться мщения. Я не советовал бы полностью доверять даже жителям Радака, хотя их можно считать самыми добродушными из островитян Южного моря. Человек становится человеком лишь тогда, когда в его развившемся сознании выкристаллизовываются понятия добра и зла. Без этого он раб своих инстинктов и, следовательно, подобен животному.

Обитатели Маоуны, пожалуй, самые порочные из островитян Южного моря. Все виденные нами маоунцы отличались высоким ростом (редко меньше пяти с половиной футов), стройным, пропорциональным телосложением и удивительной физической силой. Я назвал бы их красивыми, если бы лица не портило дикое, жестокое выражение. У маоупцев темно-коричневая кожа. Гладкие черные волосы у большинства ничем не украшены и беспорядочно падают на лицо, на затылок и плечи. У других они собраны на макушке или завиты горячим способом и уложены на голове наподобие круглой шапки. Эту шапку островитяне красят в желтый цвет, вследствие чего она сильно отличается от остальных, черных волос. Встречаются и такие, которые носят локоны, ниспадающие до плеч. Эти локоны окрашены в красноватый цвет и напоминают алонжевый парик. Очевидно, островитяне тратят на подобные прически очень много времени. Отсюда видно, что щегольство может встречаться даже у каннибалов. На шее и в ушах маоунцы не носят никаких украшений. Однако полученные от нас стеклянные бусы были тотчас же использованы островитянами с этой целью.

В большинстве своем маоунцы явились совершенно обнаженными. Лишь на немногих были передники, изготовленные из листьев пальмы какой-то неизвестной нам породы. Благодаря пестрой окраске и красным остриям эти листья напоминали перья.

Что касается татуировки, то со времени Лаперуза здешние моды очень изменились. При Лаперузе жители островов Навигаторов покрывали все тело самыми разнообразными рисунками, так что даже казались одетыми. Теперь же мы видели татуировку лишь у немногих островитян, причем только на бедрах и не узорчатую, а сплошь синюю. Казалось, будто на них короткие синие штаны.

В каноэ находилось также несколько женщин. Все они были очень безобразны. Эти отталкивающие существа старались дать нам понять, что они отнюдь не злы, но их жеманство лишь усиливало наше отвращение. На женщинах было надето столь же мало, как и на мужчинах. Их кожа имела такой же оттенок. Волосы были коротко обрезаны, за исключением двух длинных

прядей, выкрашенных в красный цвет и падающих на лицо по обе стороны от носа.

Почти у всех островитян, которых мы видели, на теле были глубокие рубцы. Особенно привлек наше внимание один дикарь, у которого на животе имелось большое углубление. Нам удалось ему растолковать, что нас интересует происхождение этого страшного рубца; в ответ он указал на свое копье. Отсюда, пожалуй, можно сделать вывод, что эти дикари часто воюют с соседями или между собой и хорошо владеют искусством врачевания ран.

По-видимому, ни один из виденных нами маоунцев не пользовался каким-либо авторитетом среди остальных. Одно из двух: либо среди прибывших к нам островитян не было вождей, либо последние не играют здесь значительной роли.

Привезенные дикарями плоды были обменены на кусочки железа, оставшиеся от старых обручей, а также на стеклянные бусы. Последние имели в глазах островитян особенно высокую ценность. Чтобы получить эти роскошные украшения, они отдали нам даже часть припрятанного в лодках оружия.

Между тем вокруг корабля собиралось все больше и больше каноэ. Чем больше прибывало маоунцев, тем смелее становилось это воинственное сборище. Многие, стоя в лодках, выкрикивали в наш адрес целые речи, дико кривлялись и угрожающе жестикулировали. Такие выступления каждый раз награждались пронзительным смехом остальных дикарей. Наконец все они стали угрожать нам дубинками и кулаками. Островитяне явно готовились к приступу. Чтобы удержать их от нападения, мы были вынуждены вновь взяться за штыки и пики. Пушки были заряжены картечью, а ружья — пулями. Сознаюсь, мне стоило больших усилий преодолеть желание жестоко отомстить за гибель спутников Лаперуза. Ведь достаточно было бы одного моего знака, чтобы посеять смерть и опустошение среди этих звероподобных людей.

Если бы мы задержались здесь на некоторое время, мне, возможно, пришлось бы все же дать островитянам почувствовать мощь наших пушек. Не желая этого, я приказал поставить паруса, и шлюп быстро двинулся вперед, перевернув при этом несколько ближайших каноэ. Столь неожиданно свалившиеся в воду маоунцы удивительно быстро и ловко вернули лодки в прежнее положение и, горя мщением и бурно жестикулируя, погнались за нами. Некоторые, как кошки, цеплялись за борта корабля своими длинными ногтями, не уступавшими по длине ногтям знатнейшего китайского мандарина. Нам пришлось освободиться от них при помощи длинного шеста.

У западного мыса Маоуны мы опять легли в дрейф. Скоро к нам подошло несколько лодок с островитянами. Жители этого мыса ничем не отличались от обитателей бухты Массакр, но вели себя спокойнее, вероятно, из страха, так как их было мало. Мы приобрели у них двух свиней.

К вечеру показался остров Олаява [Уполу]. Когда мы находились в семи милях от соседнего с ним островка, оттуда, несмотря на большое расстояние и приближение темноты, к нам подошло несколько каноэ с туземцами. Это были, очевидно, рыбаки, ибо в их маленьких, вмещающих по два-три человека лодках мы заметили орудия лова, в том числе большие перламутровые крючки на длинных тонких веревках, а также множество крупной живой рыбы, похожей на макрель. Каноэ рыбаков были построены очень искусно и изящно украшены раковинами.

Лица этих островитян дышали искренностью и доверчивостью. Они передавали свою рыбу на шлюп, спокойно ждали, пока им дадут что-нибудь взамен, и каждый раз оставались очень довольны. Этот меновой торг сопровождался с их стороны веселыми шутками и смехом. Корабль возбудил у островитян сильное любопытство. Они жадно разглядывали его от ватерлинии до верхушек мачт и оживленно обменивались друг с другом замечаниями, в которых сквозило изумление. Когда на мачтах или на реях производились какие-нибудь работы, они указывали туда пальцами и с любопытством ждали, что произойдет дальше. Этих прирожденных моряков чрезвычайно интересовало все относящееся к навигации.

Скромное поведение этих островитян представляло такой контраст с удалой назойливостью маоунцев, что мы были готовы счесть их за людей иной расы. Между тем внешне они ничем не отличались от увиденных нами ранее, разве только еще более затейливыми прическами. В этом отношении их, конечно, не сравнить с нашими европейскими рыбаками, грязными и нечесаными. Однако следует заметить, что у островитян Южного моря рыбная ловля отнюдь не считается тягостным промыслом низших классов, производящимся ради пропитания, а является развлечением аристократии, как у нас охота с загонщиками. Тамеамеа, могущественный король Сандвичевых островов, был очень искусным рыбаком и увлекался рыболовством не меньше, чем какой-нибудь европейский князь охотой на оленей.

Веселые рыбаки покинули нас лишь с наступлением темноты, когда уже не было видно берега. Мы еще долго слышали их удалявшееся ритмичное пение.

Поскольку маленький остров, на котором они обитали, не был обозначен ни на одной карте, можно предположить, что его

не видел до нас ни один мореплаватель. Мне не удалось узнать туземного названия этого острова. Чтобы отличить последний от трех других островков, лежащих севернее и замеченных еще Лаперузом, я назвал его островом Рыбачьим [Нуутеле]. Этот маленький островок почти отвесно поднимается из моря на значительную высоту и весь покрыт густым лесом.

На другой день, воспользовавшись свежим ветром, мы подошли к острову Олаява, желая произвести опись его берегов. К нам устремилось множество каноэ. Но они не смогли догнать корабль, ибо мы не ложились в дрейф, чтобы не прерывать нашей работы.

К вечеру мы подошли к небольшому острову, лежащему вблизи от северо-западной оконечности Олаявы. Лаперуз назвал его Плоским [Манано], приняв за весь остров холм с плоской вершиной, возвышающийся посередине. Находясь от острова на расстоянии 30 миль, он не мог, конечно, увидеть окружающую холм низменность, ибо она находилась за горизонтом. По той же причине Лаперуз не заметил, что восточная часть острова Плоского связана с западным берегом Олаявы посредством двух рифов. Они образуют бассейн, в центре которого находится большой камень. Если это коралловые рифы, а они на них весьма похожи, то других таких мы не обнаружили у островов Навигаторов. Из сказанного ясно, почему остров Плоский занимает на нашей карте более значительную площадь, чем на карте Лаперуза. Этот остров лесист и имеет очень приятный вид.

В незначительном от него отдалении, на северо-западе, отвесно поднимается из морских глубин еще один островок, который, по-видимому, не заметил Лаперуз. На его кривом хребте вытянулись в ряд кокосовые пальмы. Промежутки между деревьями были почти одинаковыми, так что казалось, будто последние посажены людьми. Благодаря этим деревьям островок издалика по форме напоминает петушиный гребень, и, чтобы отличить его от других островов, я именно так его и назвал. В западной части острова поднимается высокая скала, похожая на закругленную сахарную голову. Она покрыта сверху донизу пышной растительностью, что свидетельствует о щедрости здешней природы, одевающей в зеленый наряд даже самые обрывистые утесы.

На северо-запад от этой скалы, на небольшом от нее расстоянии, лежит третий маленький остров, еще более возвышенный. Берега его тоже скалисты и обрывисты, но поверхность ровная; здесь растут большие красивые деревья. Поскольку данный остров имеет всего лишь три с половиной мили в окружности, нельзя допустить, что он тот самый, который Лаперуз назвал Калипасе.

Скорее всего, Лаперуз его попросту не заметил, а назвал так высокую круглую гору, находящуюся на низменной юго-восточной оконечности острова Пола; эту гору французский мореплаватель, видимо, ошибочно принял за отдельный остров. Следует сказать, что и мы сперва придерживались одинакового с ним мнения и, лишь подойдя ближе, увидели свою ошибку. На этом основании я перенес название Калинассе на упомянутый маленький остров [Аполима].

Когда мы находились в трех милях от острова Плоского, ветер почти совершенно стих. Жители Олаявы, следовавшие за нами в своих каноэ, сейчас же воспользовались возможностью нас догнать. Они гребли изо всех сил, помогая себе ритмичным пением, и их легкие, хорошо сработанные лодки быстро неслись по зеркальной морской поверхности. Множество лодок устремилось к кораблю и от Плоского острова. Скоро мы были окружены плотным кольцом каноэ, нагруженных плодами и свиньями. Казалось, будто это базар, устроенный на огромном понтонном мосту; люди же были похожи на деловито снующих муравьев. Весело и оживленно расхваливая свои товары, островитяне подняли такой шум, какой не бывает даже на лондонской бирже. Нам на палубе приходилось кричать друг другу в самое ухо, ибо иначе ничего нельзя было расслышать.

Между тем обмен к обоюдному удовлетворению шел успешно. Те островитяне, которым не удалось пробиться к кораблю, старались привлечь наше внимание разными забавными проделками и акробатическими прыжками. При этом некоторые лодки переворачивались, что, однако, ничуть не смущало столь искусных пловцов и вызывало лишь громкий смех.

Мы убедились в том, что эти островитяне — прекрасные ныряльщики. Они ныряли вдогонку за бросаемыми нами в море кусками железных обручей, хватали их, да еще порой устраивали под водой основательные потасовки из-за добычи. Островитяне без ропота подчинились запрещению подниматься на палубу. Привязав свой товар к спущенному с борта тросу, они доверчиво ждали платы, причем всегда оставались очень довольны.

Некоторые привезли с собой оружие, но не для нападения, а для обмена. Вообще островитяне вели себя очень скромно, хотя во много раз превосходили нас численностью. Мы не видели на их телах рубцов от ран, столь часто встречающихся у их соседей, маоунцев, от которых они весьма выгодно отличаются, хотя принадлежат, по-видимому, к одному и тому же племени. Было бы очень интересно выяснить, как возникли эти отличия.

Менее чем за час мы выменяли у островитян свыше шестидесяти

крупных свиней, а также великое множество кур, съедобных корней и разных плодов, которыми была завалена вся палуба. Все это стоило нам нескольких кусков старого железа, дюжины гвоздей и нескольких шнурков стеклянных бус. Дороже всего ценились синие бусы: за пару бусин можно было получить целую свинью, а впоследствии, когда этот товар подходил у нас к концу, островитяне были рады отдать за одну бусину двух свиней.

Некоторые из приобретенных плодов и корней оказались нам неизвестны. Впрочем, все они были необыкновенной величины, что свидетельствует о плодородии здешней почвы. Бананов насчитывалось семь или восемь видов, тогда как даже в самых плодородных странах я не встречал более трех. Две их местные разновидности достигают больших размеров и очень приятны на вкус. Островитяне привезли также пунцово-красные плоды, похожие по форме и величине на яйцо. Когда мы на следующий день праздновали пасху и обменивались по русскому обычаю подарками, эти плоды заменили нам пасхальные яйца.

Я должен упомянуть еще об одном товаре, имевшемся на нашем базаре, а именно о прирученных голубях и попугаях. Первые сильно отличаются от европейских как своей формой, так и богатством окраски. Иначе устроены у них и когти, которыми они цеплялись за канаты, как дятлы за деревья. Местные попугаи — величиной с нашего воробья и имеют яркое красно-зеленое оперение. Их красный хвост в четыре раза длиннее туловища. Эти птицы, которых к нам привезли очень много, были совершенно ручными: они спокойно сидели на руке хозяина и пищу принимали только из его рта. Страсть к приручению таких птичек и нежное с ними обращение могут служить еще одним доказательством кроткого характера этих островитян.

На островах Навигаторов, где природа столь расточительна, вероятно, можно было бы увидеть еще много неизвестных нам представителей растительного и животного мира. Тем обиднее, что мы не нашли здесь подходящей якорной стоянки, которая позволила бы, соблюдая необходимую осторожность, съезжать на берег. О плотности здешнего населения свидетельствует тот факт, что с одного лишь маленького Плоского острова к нам менее чем за час подошло около шестидесяти лодок, в каждой из которых находилось по семь-восемь человек. Если бы мы задержались здесь подольше, их число измерялось бы сотнями, ибо от острова отчаливали все новые и новые каноэ. Все пространство между судном и берегом было буквально усеяно лодками.

Наш базар стал еще оживленнее после того, как было завершено пополнение судовых запасов продовольствия. До сих пор

ради сохранения порядка весь обмен с островитянами вел только один наш представитель. Теперь же я разрешил всем матросам меняться так, как им заблагорассудится. Один требовал с лодок одно, другой — другое. В обмен шли старые суконки, сломанные пуговицы и кусочки стекла. При этом стоял невообразимый шум. Матросы запасли для себя лично столько продовольствия, что в течение многих недель ели на завтрак жареных поросят, напигованных бананами, а также вдоволь наслаждались прекрасными фруктами. Все в один голос утверждали, что такой благодатной земли им еще не приходилось видеть.

Торговля была прервана появлением крупного каноэ, шедшего в окружении более маленьких; это каноэ привлекло к себе внимание всех островитян. Крича: «Эйге-за-эйге» — они поспешили очистить проход для вновь прибывших, и скоро большая изящная лодка, щедро украшенная раковинами, приблизилась к нашему кораблю. Головы рулевого и десяти гребцов были увиты зелеными ветвями — вероятно, в знак мирных намерений. На носу было устроено просторное возвышение, устланное циновками, на которых восседал, скрестив ноги, пожилой человек. Он держал в руках раскрытый европейский зонтик из зеленого шелка. Мы подумали, что этот зонтик, возможно, принадлежал одному из несчастных спутников Лаперуза и попал к старику от маоунцев.

Одежда пожилого островитянина состояла из набедренной повязки, а также травяной циновки тончайшего плетения, накинутой на плечи в виде короткого плаща. Голова его была обмотана куском белой материи наподобие тюрбана. Он прокричал своим землякам или подданным несколько слов, которые сопровождал движениями руки. Островитяне в ответ еще более потеснили свои челны, и его лодка причалила к корабельному борту.

По нашему приглашению прибывший тотчас же поднялся на палубу в сопровождении свиты из трех человек. Он был приблизительно шести футов ростом, очень худощав, но мускулист и, по-видимому, обладал большой физической силой. Татуировки на нем не было никакой. Лицо островитянина было некрасиво, но приятно и выражало ум и сообразительность. Вел он себя очень вежливо и пристойно. Вступив на палубу, гость, прежде всего, спросил, кто здесь является эйге. Когда я представился ему в качестве такового, он подошел поближе, наклонил слегка голову и произнес несколько слов, которых я не понял. Потом он взял меня обеими руками за локти и несколько раз встряхнул их, повторяя при этом по-английски: «Very good»³⁴. Я ответил на

---

³⁴ Very good (англ.) — очень хорошо.

его приветствие по-европейски, после чего островитянин жестами дал мне понять, что он — эйге Плоского острова. Он приказал своим спутникам положить к моим ногам привезенные для меня подарки, состоявшие из фруктов и трех крупных, откормленных свиней, которых он называл «боака».

В ответ я подарил вождю топор, две нитки синих бус и пестрый шелковый платок, который сам повязал вокруг его тюрбана. Став владельцем этих сокровищ, эйге был вне себя от счастья, жестами выражал свою благодарность и повторял все время: «Very good». Синие бусы и для него представляли наибольшую ценность. Вождь не мог поверить, что эти сокровища сделались его собственностью, и спросил жестами, действительно ли он может оставить обе нитки бус у себя. Получив от меня подтверждение, старик забыл о своем достоинстве и принялся, как мальчик, прыгать от радости, восклицая: «Very good! Very good!» Прибывший с вождем казначей целиком разделял восхищение своего господина, причем выражал его таким же образом, только несколько более неуклюже, ибо был очень толст.

Когда радостное возбуждение немного улеглось, казначей принес изящную плетеную корзиночку, снабженную крышкой. В этой корзиночке хранились драгоценности эйге. Положив туда бусы, вождь вынул испанский талер и со словами «Very good» протянул его мне, спрашивая жестами, не может ли он получить за него еще синих бус. Чтобы выяснить, насколько он знаком с ценностью денег, я предложил ему за этот талер всего одну бусину. Старик, не колеблясь, пошел на сделку, сунул мне в руку монету и сейчас же схватил бусину, словно боясь, что я передумаю. Он был радостно изумлен, когда я не только оставил ему это сокровище, но даже вернул талер.

Я попробовал выяснить, откуда у него эти деньги. Вождь быстро понял, чего я добиваюсь. Он показал на юг и назвал Тонгатабу, один из островов Дружбы, лежащий на расстоянии нескольких дней пути от Плоского острова. Старик объяснил, как умел, что предпринял на своем суденышке путешествие на Тонгатабу, где встретил корабль, от эйге которого и получил свой талер, а также зонтик. Нельзя не восхищаться мужеством и умением этих островитян, совершающих в утлых челнах столь далекие плавания, пользуясь неустойчивыми здесь пассатами и ориентируясь лишь по солнцу и звездам.

Свита эйге тоже получила от меня подарки. Добрые люди были вначале поглощены созерцанием этих роскошных вещей, а затем их внимание привлек сам корабль. Они с любопытством оглядывали его во всех направлениях, причем выражали восхищение и удивление увиденным. Что же касается эйге, то он

осматривал корабль сравнительно спокойно и довольно редко обращался за объяснениями. Вероятно, из всех прибывших только он один видел раньше европейское судно. Зато вождя поразило количество наших пушек и ружей, которые он называл «пуа». Несколько раз их, пересчитав, он в знак удивления всплеснул руками над головой. Старик показал на одну из пушек, изобразил звук выстрела, а потом закрыл глаза и опустил голову, желая дать нам понять, что знаком с действием огнестрельного оружия. Затем он рассказал о нем своим спутникам. Последние так перепугались, что больше не решались приближаться к пушкам.

Тем временем возобновилась торговля с окружающими корабль лодками. Однако островитяне сами затрудняли обмен: желая как можно скорее сбыть свой товар, каждый старался пробиться вперед, создавая невообразимую сумятицу. Это разгневало эйге, и он стал настоятельно просить, чтобы я успокоил буйный народ залпом моих «пуа». Был ли вождь по-настоящему знаком с грозной силой орудий или слишком мало ценил человеческую жизнь, знал ли он, что можно стрелять холостыми зарядами,— это осталось нам неизвестным.

Эйге чрезвычайно заинтересовала подзорная труба, которую я держал в руках; он принял ее за одну из разновидностей огнестрельного оружия. Каково же было удивление старика, когда взглянув в трубу, он увидел свой остров так близко, что мог даже различить людей, находящихся на берегу! Он был очень испуган и больше не решался прикоснуться к волшебному инструменту.

Эйге прилагал все усилия к тому, чтобы уговорить меня высадиться на берег. Он неоднократно обнимал меня и старался дать понять, что возле острова можно бросить якорь и что на берегу, мы получим множество свиней. Наконец он взял меня за руку и подвел к самому борту, откуда мы могли видеть торгующих островитян. Вождь указал на находившихся в лодках женщин, называя их «вараки». При этом он покачал головой и сказал: «No very good»³⁵. Потом он указал на берег и самым дружеским тоном произнес: «Very good waraki»³⁶. Однако, я легко выдержал даже это испытание, на которое эйге, кажется, возлагал большие надежды.

Мне, конечно, очень хотелось посетить этот красивый остров в сопровождении наших ученых, чтобы ознакомиться с ним поближе. Однако я считал неразумным высаживаться на берег

---

³⁵ No very good (*искаж. англ.*) — не очень хорошие.

³⁶ Very good waraki — прекрасные варакы.

иначе как под защитой пушек, чему ветер не благоприятствовал. Если бы мы рискнули задержаться здесь подольше, наше положение могло стать критическим, ибо стоял штиль и течение относило корабль к берегу. Вот почему мы воспользовались первым же слабым ветерком, чтобы отойти подальше от суши. Это глубоко опечалило островитян, и они затянули песню, которая звучала так грустно, что мы сочли ее прощальной.

Когда эйге окончательно убедился в том, что его приглашение не будет принято, он дружески с нами распрощался. Подержав меня опять за локти, старик опустил голову, повторил несколько раз слово «маруа» и затем удалился. Окружавшие нас каноэ не последовали за ним, а продолжали держаться рядом с судном, которое лишь медленно подвигалось вперед из-за слабости ветра.

Поскольку с торговлей было теперь покончено, внимание островитян сосредоточилось на корабле и на том, что на нем происходило. Некоторые принялись развлекать нас разными проделками и акробатическими прыжками, выпрашивая за это вознаграждение. Так как им кое-что перепало, количество актеров все увеличивалось. Вдруг веселье островитян сменилось испугом: подхваченный внезапным шквалом, корабль быстро подвинулся вперед, причем опрокинул множество лодок, не успевших уклониться в сторону. В один миг все каноэ с островитянами остались позади. Однако эти искусные моряки быстро оправились от испуга и вновь устремились за нами, не обращая внимания на призывы своих пострадавших товарищей, которые плавали в море, собирая потерянные весла. Островитянам скоро удалось нас догнать, ибо ветер опять стих. Мы стали указывать им на отставших, но эти легкомысленные люди в ответ только смеялись; ни одна лодка не сочла нужным отойти от корабля, чтобы подобрать потерпевших крушение. Островитяне оставили нас лишь с наступлением темноты. Удаляясь, они восклицали: «Маруа! Маруа!»

Среди этих островитян мы заметили несколько человек, пораженных слоновой болезнью, которая встречается и на Таити. Вообще же обитатели островов Навигаторов показались нам очень здоровыми.

Таитянский капитан утверждал, что здешние жители покорены туземцами с островов Дружбы и должны ежегодно доставлять дань на Тонгатабу. Если это, правда, то Маоуна, вероятно, составляет исключение, ибо данный остров сам является сильной крепостью, а жители его свирепы и воинственны.

На другой день мы занялись описью острова Пола. По склонам его высокой горы, казалось, сползали белые облака, тогда

как круглая вершина величественно красовалась на фоне ясного неба. И здесь пышнейшая растительность простирается до самой вершины. От берега моря до значительной высоты остров усеян деревьями и плантациями, расположенными амфитеатром. Этот чудесный вид еще более убедил нас в том, что острова Навигаторов — самые красивые в Южном море и, следовательно, во всем мире.

На берегу собралось множество островитян. Некоторые столкнули в воду каноэ, чтобы направиться к нам, другие спокойно рассматривали корабль с берега. Лодкам удалось добраться до нас только тогда, когда наступил штиль. Сразу начался меновой торг, как это было у Плоского острова.

Чтобы не повторяться, скажу только, что здешние обитатели показались нам более робкими, чем наши вчерашние посетители. Один островитянин предложил приобрести у него красную краску. Чтобы показать нам ее назначение, он вымазал себе этой краской лицо. По-видимому, островитяне украшают себя так только в торжественных случаях или во время войны, ибо остальные не были раскрашены.

Другой островитянин нас обманул. Когда все его соотечественники удалились с наступлением темноты, он предложил па обмен свинью. Ему спустили на веревке мешок с причитающейся платой, но когда последний был поднят обратно, там оказалась не свинья, а собака. Мошенник, конечно, сразу пустился наутек. Мы выстрелили ему вслед, что, кажется, немало его испугало.

На другой день, 7 апреля, мы закончили наши наблюдения и, воспользовавшись свежим пассатом, под всеми парусами двинулись на северо-запад, где, по мнению некоторых гидрографов, должны находиться еще не открытые острова.

Остается только добавить, что долготы островов Навигаторов, указанные Лаперузом, отличаются от найденных нами на 20— 23' и, следовательно, наблюдавшиеся пункты находятся на такое же количество миль восточнее, чем он считал. Дело в том, что Лаперуз основывался на измерении лунных расстояний, которые всегда дают ошибку, если луну нельзя наблюдать на равных расстояниях слева и справа от солнца. Мы же определяли долготу при помощи хороших хронометров, проверенных и отрегулированных незадолго до того на мысе Венеры.

ЦЕПЬ ОСТРОВОВ РАДАК

К полудню 8 апреля мы находились, согласно наблюдениям, под $11^{\circ}24'$ южной широты и $174^{\circ}24'$ западной долготы, то есть удалились от северо-западной части острова Пола на 140 миль. Погода стояла прекрасная, горизонт был чист. Однако сколько мы ни всматривались в даль с верхушки мачты, земли не было видно. Поэтому я прекратил дальнейшие поиски предполагавшихся здесь островов и взял курс на север, рассчитывая кратчайшим путем пересечь экватор, а затем, воспользовавшись северо-восточным пассатом, направиться к островам Радак. Там я хотел высадиться на берег, чтобы произвести наблюдения над маятником, представлявшие для нас здесь, вблизи от экватора, особую ценность. В качестве места нашей будущей стоянки я избрал относящуюся к этой островной цепи группу Отдиа [Вотье], куда наиболее удобно заходить большим судам.

Из-за штилей мы настолько медленно продвигались вперед, что лишь 19 мая достигли 9° южной широты. Здесь начались шквалы и ливни. Течение ежедневно относило нас на 20—30 миль к западу. Однако, когда мы находились под 3° южной широты и 180° долготы, его направление внезапно изменилось, и теперь оно влекло нас почти с такой же скоростью к востоку. Это удивительное явление заслуживает внимания, ибо, как известно, экваториальные течения вдали от земли всегда направлены на запад. Я не берусь объяснить, почему здесь наблюдается нечто противоположное

Между 5° южной широты и экватором мы ежедневно замечали признаки близости земли. Когда мы находились под $4^{\circ}15'$ южной широты и 178° западной долготы, налетевший с юго-востока шквал занес на корабль массу бабочек и маленьких птичек, обитающих на суше; некоторых из них удалось поймать. Следовательно, поблизости находилась земля. Но напрасно мы осматривали горизонт; ее нигде не было видно. Итак, открытие расположенных в этом районе островов осталось на долю какого-нибудь будущего мореплавателя.

22 мая мы пересекли экватор под $179^{\circ}43'$ западной долготы и снова оказались в нашем Северном полушарии. Мы приближались теперь к отечеству, хотя удлиняли этим свой обратный путь домой. Опять показалась Большая Медведица — старая знакомая, которой мы обрадовались так, словно она принесла нам весточку с родины.

Для исследования глубинных слоев воды мы опять воспользовались

машиной, изобретенной Парротом. Температура воды на глубине 800 саженей была равна всего 6° по Реомюру [7,5° Ц], тогда как на поверхности она достигала 23° [28,75° Ц].

Несколько дней подряд дул довольно сильный ветер, благодаря которому мы уже утром 28 апреля увидели с верхушки мачты острова Радак. Тем, кто еще ничего не знает о данных островах и не собирается читать описание моего предыдущего путешествия, я позволю себе здесь кое-что о них рассказать.

Эту островную цепь, которую туземцы называют Радак [Ратак], я открыл в 1816 г., во время плавания на «Рюрике». Она состоит из нескольких групп, расположенных недалеко друг от друга. В каждую группу входит множество мелких островов, которые большей частью связаны между собой рифами и окружают со всех сторон обширный водный бассейн. Все эти острова сооружены кораллами, имеют весьма низменный рельеф и частично не успели еще покрыться достаточным слоем плодородной почвы. Поэтому растительность здесь не такая богатая, как на более старых землях этого географического пояса, а население весьма малочисленно. Каждая группа обычно называется так же, как самый значительный из ее островов.

Радакцы высокого роста, хорошо сложены и имеют темно-коричневую кожу. Их черные волосы изящно связаны в пучок и украшены, особенно у женщин, цветами и нанизанными на шнурки маленькими раковинами. У островитян мягкие, приятные черты лица; многих мужчин и женщин можно даже назвать красивыми. Питаясь исключительно растительной пищей и рыбой, местные жители обладают прекрасным здоровьем и доживают до глубокой старости. Радакцы несколько уступают другим островитянам Южного моря в физической силе, зато своей кротостью и добродушием они превосходят, пожалуй, даже таитян.

Верховного правителя всех островов Радак зовут Ламари. Кму подчинены вожди островных групп, а тем, в свою очередь, подвластны старейшины отдельных островов. Вождь группы Отдиа, Рарик, описан в книге о моем предыдущем путешествии; его и еще одного обитателя той же группы, по имени Лагедиак, я особенно любил.

Уроженец острова Улле [Волеаи] по имени Каду, который был прибит штормом к одному из островов группы Кавен [Малоэлап], совершил с нами на «Рюрике» путешествие до Уналашки, а затем вернулся с тем же судном обратно на Отдиа. Каду навоевал любовь всего экипажа. Мы учились у него радакскому языку, благодаря чему при вторичном посещении этой цепи могли уже довольно сносно объясняться с островитянами; наш учитель же начал немного говорить по-русски.

После восьмилетнего отсутствия я вновь увидел любимый мною Радак, где очень приятно провел несколько педель среди радушных детей природы. Тот, кто читал описание моего предыдущего путешествия, может себе представить, с каким теплым чувством и с каким нетерпением ждал я встречи со своими по-детски восторженными друзьями. Самое небо, казалось, радовалось этой встрече. Стоял на редкость хороший день. Благодаря умеренному попутному ветру мы приближались к земле под всеми парусами и скоро смогли увидеть с палубы резиденцию Рарика — остров Отдиа, а на нем — веселую пальмовую рощицу. Восемь лет назад я часто отдыхал в тени ее деревьев в кругу добрых островитян.

Во внутренней лагуне группы мы увидели лодки, спешащие от одного острова к другому. Множество людей выбежало на берег, чтобы поглядеть на наш корабль. Я очень хорошо знал моих боязливых друзей и потому догадывался, что у них там происходит.

Когда мы расставались, я обещал островитянам вновь их посетить. Однако с тех пор прошло много времени, и местные жители могли потерять надежду на то, что я сдержу свое слово. К тому же большой трехмачтовый корабль, который они видели теперь, весьма отличался от маленького двухмачтового «Рюрика». Если у островитян вначале и мелькнула радостная мысль о моем возвращении, она должна была уступить место страху перед неизвестными пришельцами. И вот женщины и дети спешили во внутреннюю часть острова. Все челны были заняты перевозкой скудного имущества на более удаленные острова, чтобы спасти его от предполагаемого разграбления. Самые мужественные островитяне, вооружившись копьями, собрались на берегу. Но и они храбрились только до тех пор, пока опасность была еще далека.

Не удивительно, что эти бедные люди столь пугливы и при появлении незнакомого судна начинают испытывать большую тревогу. Дело в том, что их западные соседи, жители цепи островов Ралик, а также обитатели расположенных к югу групп Медиуро {Маджуро} и Арно, где население более многочисленно, время от времени внезапно вторгаются на Отдиа со значительно превосходящими силами. Нападающие грабят здешних жителей и уничтожают их плодовые деревья; тогда несчастные едва не умирают от голода.

Правда, в результате общения с экипажем «Рюрика» у обитателей Отдиа создалось хорошее впечатление о белых людях. Но наш корабль должен был показаться островитянам чудовищно большим по сравнению с «Рюриком», и потому они вполне

могли предположить, что на нем прибыли люди иной, еще неизвестной им расы.

Между тем мы шли уже вдоль наружного рифа группы Отдиа, направляясь к проливу Шишмарева, через который я хотел провести корабль в лагуну. На всех островах, мимо которых мы плыли, жители, завидев корабль, в страхе бежали в лес, чтобы спрятаться там от грозных пришельцев.

Когда судно приблизилось к проливу Лагедиака, ветер дул так, что мы рискнули воспользоваться этим проходом; я отказался от намерения плыть через пролив Шишмарева, ибо там пришлось бы идти против ветра. Поставив все паруса, мы вскоре благополучно достигли спокойных вод внутренней лагуны.

Все же я не советую мореплавателям пользоваться без особых на то оснований проливом Лагедиака, ибо этот проход настолько узок, что, находясь в нем, мы могли бы с любого борта забросить камень в прибой. Напротив, пролив Шишмарева достаточно широк, и хороший корабль может там свободно лавировать. Вода в обоих проливах так чиста и прозрачна, что на глубине \ 4 футов можно разглядеть на дне каждый камень. Это часто вводило в заблуждение офицера, наблюдавшего с марса⁵ за мелями. Он боялся, что корабль вот-вот заденет дно.

Теперь мы спокойно плыли по красивой лагуне, направляясь к острову Отдиа, давшему название всей группе. Здесь я рассчитывал встретиться с Рариком. Однако мне пришлось оставить надежду увидеть его в тот же день, ибо дул встречный ветер. Поскольку начало темнеть, я вынужден был стать на якорь возле острова Ормед. Глубина достигала здесь 32 саженьей, а грунтом служил мелкий коралловый песок.

Пока корабль находился вне лагуны, мужество еще не совсем покинуло островитян, ибо они не подозревали, что чужеземцам известен проход, и возлагали особые надежды на прибой. Когда же мы все-таки проникли в лагуну, паника сделалась всеобщей. На берегах началась страшная суeta. Нагруженные лодки под парусами металась по лагуне из стороны в сторону, но ни одна из них не решалась к нам приблизиться.

Остров Ормед сперва казался совсем вымершим. Однако с наступлением ночи здесь появились признаки жизни. На значительном расстоянии друг от друга зажглись два больших костра. Между ними передвигались взад-вперед какие-то огоньки. Одновременно мы услышали пронзительное пение, сопровождавшееся звуками барабана, который здесь весьма распространен. Подобную музыку и пение я уже слышал во время моего предыдущего здесь пребывания: местные жители обращаются так к богам с мольбами о помощи. По-видимому, бедные островитяне

были весьма взволнованны, ибо это религиозное действо продолжалось всю ночь. На рассвете мои друзья затихли и попрятались. Снова наступила мертвая тишина.

Утром мы снялись с якоря и направились к Отдиа, лавируя среди живописных зеленых островов. Свежий утренний ветерок доносил до нас упоительные благоухания. Все замеченные хижины были покинуты своими обитателями. Подойдя к Отдиа, мы увидели опять лодки, которые держались у самого берега. У воды сустились люди. Видно было, что они не знают, как поступить в столь затруднительном положении. В это время показалась длинная процессия, направлявшаяся на Отдиа с острова Эгмедии. Воспользовавшись отливом, островитяне перебирались прямо по рифам. Они шли парами и несли на жердях корзины с кокосовыми орехами и другими плодами. В знак мирных намерений участники процессии украсили себя пальмовыми ветвями. Как видно, мои друзья решили подчиниться судьбе, причем хотели расположить к себе пришельцев смиренной покорностью и подарками. Ужас, вызванный нашим появлением, свидетельствовал о том, что Каду, очевидно, отсутствовал, ибо в противном случае он внушил бы островитянам большее к нам доверие.

В полдень мы бросили якоря против острова Отдиа, на том самом месте, где стоял когда-то «Рюрик». Я приказал спустить па воду маленькую двухвесельную шлюпку и, чтобы не спугнуть моих друзей, отправился на берег лишь в сопровождении доктора Эшшольца и двух матросов. Мы направили шлюпку прямо к жилищу Рарика.

На острове не было видно ни одного человека. Только брошенные челны в беспорядке лежали на берегу. Вдруг мы заметили маленькую лодку с тремя мужчинами, шедшую под парусами от соседнего острова. Она пробиралась вдоль самого берега, а когда мы к ней направились, попыталась уйти как можно быстрее. Я помахал белым платком. Этот знак я употреблял здесь раньше и приучил к нему обитателей Отдиа. Однако мой сигнал не возымел желаемого действия. Наоборот, испуганные островитяне приложили еще больше усилий, чтобы уклониться от встречи.

Как правило, местные жители прекрасно управляют с парусами, но у этих дело не ладилось, ибо жестокий страх лишил их обычной ловкости. Островитяне шумно ссорились и сетовали по поводу своей беспомощности. Пока они возились с запутанными снастями, мы подошли к ним еще ближе. Бедняги уже собрались спасаться вплавь, но тут мне удалось двумя словами обратить их страх в не менее сильную радость. Я крикнул

им: «Тотабу! Айдара!» Первое — моя фамилия, как ее здесь исковеркали, а второе означает на здешнем языке «друг», а также «хорошо».

Островитяне застыли на месте от изумления и, казалось, ждали повторения, чтобы убедиться в том, что правильно меня расслышали. Я опять воскликнул: «Тотабу! Айдара!» Теперь от страха островитян не осталось и следа. Они стали бурно выражать свою радость, прокричали в сторону острова: «Эй, Тотабу! Тотабу!» — а потом, бросив лодку, поплыли к берегу, не переставая выкрикивать те же слова.

Обитатели Отдиа наблюдали за нами, спрятавшись в кустарнике. Как только до острова донеслось хорошо знакомое имя, они высыпали на берег и принялись выражать свой восторг радостными жестами, пением и танцами. Большая толпа островитян собралась в том месте, где мы должны были высадиться на берег; другие забрались по пояс в воду, желая первыми нас приветствовать.

Все присутствующие меня узнали и стали называть Рариком, ибо по принятому здесь обычаю мы в знак дружбы обменялись с последним именами. Доктора Эшшольца, который бывал здесь со мной раньше, местные жители тоже сейчас же опознали и были сердечно рады вновь увидеть своего милого «Твое имя». Это прозвище он получил во время нашего первого посещения 1'адака. Дело в том, что один островитянин спросил на своем языке у доктора, как его зовут. Доктор не понял вопроса, и тогда кто-то из наших крикнул: «Твое имя!» С тех пор обитатели Отдиа стали так его называть,

Четверо островитян подхватили меня из лодки и под ликующие крики соотечественников перенесли на берег, где нас уже ждал Лагедиак. Он был очень растроган, встретил меня с распростертыми объятиями и прижал к своей груди. Тут из леса донеслись сильные звуки рога, сделанного из раковины. Мои друзья сообщили, что это приближается Тотабу (Рарик). Скоро он появился собственной персоной, подбежал ко мне во всю прыть и несколько раз обнял, всячески стараясь выразить свою радость, по поводу моего прибытия.

Друзья, к которым я вернулся после долгой разлуки, были всего лишь бедными дикарями. Тем не менее, я был глубоко тронут оказанной мне встречей. Их неискушенные сердца были преисполнены бескорыстной любви ко мне. Сколь редко мне приходилось встречать подобное чувство, находясь среди цивилизованных людей!

На берегу появились женщины и дети, в том числе мать Рарика. Словоохотливая старуха обратилась ко мне с длинной

речью. К сожалению, я почти ничего не понял, хотя эта речь сопровождалась энергичной жестикуляцией. Затем Лагедиак и Рарик подхватили меня под руки, и повели к дому последнего. За нами последовали все собравшиеся на берегу островитяне.

Перед домом Рарика молодые девушки расстелили для почетных гостей тонкие циновки, и мы с доктором Эшшольцем уселись в тени хлебных деревьев. Рарик и Лагедиак сели напротив, а восьмидесятилетняя мать Рарика поместилась сбоку, в некотором от меня отдалении. Остальные островитяне окружили нас плотным кольцом. Ближайшие опустились на землю, а задние остались стоять, чтобы лучше видеть гостей. Некоторые островитяне даже забрались на деревья. Детям тоже была предоставлена возможность познакомиться с нами: нежные отцы брали их на руки и поднимали высоко над головой. Ребятишки показывали на меня своими маленькими пальчиками и кричали: «Тотабу!»

Женщины принесли корзины с цветами и украсили нас изящнейшими венками. Мать Рарика вынула из своей высохшей ушной мочки красивый белый цветок и прикрепила его травой к моему уху. Этот цветок, похожий на лилию, является здесь самым распространенным украшением, особенно среди женщин. Островитяне его заботливо выращивают.

Окружавшая нас публика выражала свой восторг всем происходящим, непрерывно повторяя: «Айдара! Айдара!» Тем временем несколько юных девушек весьма опрятно выжали в раковины сок из плодов пандануса и поднесли нам этот напиток, а также угостили нас лакомством могоан, приготовленным из плодов того же названия. И то и другое оказалось очень приятным на вкус.

После угощения нас со всех сторон засыпали вопросами. Однако мы смогли лишь в незначительной мере удовлетворить любопытство островитян, ибо недостаточно хорошо владели их языком. Рарик и Лагедиак были поражены величиной нашего корабля и спрашивали, где остался «Рюрик», живы ли их друзья Тимаро, Тамисо (Шишмарев, Шамиссо) и другие, как они поживают и почему их нет среди нас.

Когда радость и волнение, вызванные встречей, немного улеглись, я заметил по поведению Рарика, что у него есть что-то на сердце. Казалось, будто он чувствует за собой какую-то вину. Рарик безуспешно пытался скрыть гнетущий его страх, всячески подчеркивая свое дружеское расположение и радость. Лагедиак и мать Рарика тоже были, по-видимому, чем-то удручены. Меня это очень огорчило, и я постарался выяснить, в чем

тут дело. Наконец Рарик не выдержал и, как кающийся ребенок, со слезами бросился мне на шею. Однако при этом он не произнес ни слова.

До сих пор я не решался спрашивать о Каду, боясь услышать несть, которая, возможно, омрачила бы радость встречи с островитянами. Теперь мне пришла в голову мысль, что с Каду случилось что-то нехорошее. Может быть, Рарик его убил? Восемь лет назад, покидая этот остров, я поручил Каду присматривать за привезенными нами сюда растениями и животными, причем предупредил островитян, что если Каду будет причинен какой-нибудь вред, то по возвращении я строго накажу виновных.

Глядя Рарику прямо в глаза, я спросил о судьбе нашего друга. Однако Рарик преспокойно ответил, что Каду жив и находится на островной группе Аур, у верховного вождя Ламари. Гут в разговор вмешалась старуха мать, которая весьма подробно поведала о том, как вскоре после нашего отплытия сюда прибыл Ламари со своим флотом. Он отнял у жителей Отдиа и увез к себе на Аур животных, растения, орудия, а также железо — короче говоря, все, что мы им оставили.

Лагедиак подтвердил ее слова, причем рассказал, что Ламари под страхом смерти отбирал у островитян последние кусочки железа. Далее он сообщил, что вскоре после нашего отплытия Каду женился на красивой молодой девушке, дочери или родственнице старого вождя острова Ормед. При расставании я посоветовал Каду отдать добровольно Ламари половину своих сокровищ. Он последовал этому совету, благодаря чему остался владельцем другой половины. Ламари сделал Каду большим вождем, «тамон-эллином», и в соответствии с его желанием забрал с собой на Аур. Там Каду продолжает присматривать за животными и растениями.

Каду поручил Лагедиаку рассказать мне все это, когда я вернусь на Отдиа, а также просил передать приглашение навестить его на Ауре. К сожалению, я не смог исполнить его желания, ибо большие размеры нашего судна не позволяли подойти к этой островной группе.

Я был очень рад, что Каду жив и находится на Ауре, ибо это позволяло надеяться, что животные и растения, которые я оставил здесь восемь лет назад, получат распространение на островах Радак. Эту мою надежду укрепил Рарик, который подавно посетил на Ауре своего отца. Он рассказал, что мои животные и растения уже сильно размножились, причем тамошние жители стали употреблять в пищу мясо свиней и коз. Сообщение Рарика, участвовавшего в одной такой трапезе, меня очень обрадовало. Возможно, недалеко то время, когда исчезнет

ужасный обычай убивать из-за недостатка пищи третьего или четвертого ребенка в каждой семье.

Из всех животных, привезенных нами на Отдиа, здесь остались теперь только кошки. Совершенно одичав, они сильно размножились. Однако на острове незаметно сколько-нибудь значительного уменьшения количества крыс, хотя они и составляют здесь для кошек единственное пропитание. Остается надеяться, что, когда кошек станет еще больше, они все-таки истребят этих прожорливых огородных вредителей.

В связи с одичанием, а также под влиянием нового для них климата эти кошки, возможно, претерпят некоторые изменения. Тогда натуралисты, усердно стремящиеся к открытию все новых и новых зоологических видов, чего доброго, объявят их представителями какой-нибудь особой, выродившейся разновидности тигров. Чтобы предотвратить такую ошибку, я считаю нужным заранее заявить, что эти животные являются не чем иным, как обыкновенными европейскими домашними кошками.

Из оставленных здесь нами растений погиб только виноград. Лагедиак показал мне то место, где мы его посадили. Я обнаружил лишь засохшие лозы, но зато получил еще одно доказательство удивительного плодородия здешней почвы: эти лозы достигали верхушек самых высоких деревьев.

Я не был удивлен тем, что Каду вскоре после нашего отплытия женился на обитательнице острова Ормед. В самом деле, девушки там исключительно красивы. Посетив вместе с Шамиссо упомянутый остров, Каду вдруг отказался от своего намерения отправиться с нами в Россию; это заставило нас уже тогда предполагать, что он влюбился. Ну что ж, его счастье, что он предпочел простую жизнь с любимой под прекрасным небом тропиков жизни у нас, где холодный климат мог быстро его погубить. В выигрыше остались и земляки Каду, ибо он, возможно, научит их скотоводству и земледелию.

Поскольку Рарик все еще оставался печальным, я вновь спросил, какой камень лежит у него на сердце. Тогда он, весь дрожа, взял меня под руку и подвел к кокосовой пальме, к которой я восемь лет назад прибил медную пластинку с названием корабля и датой открытия нами острова Отдиа. Я предупредил в тот раз островитян, что строго накажу виновных, если по возвращении не найду пластинку на месте. Теперь ее не было. Рарик и Лагедиак, сопровождавшие нас с толпой не менее удрученных островитян, легко могли бы отделаться ложью, сказав, что пластинку захватил Ламари во время своего грабительского набега. Однако они были слишком для этого честны, а потому

сознались, что пластинка недостаточно строго охранялась. Она была украдена, причем вора найти не удалось.

После столь откровенного признания оба воззвали к моему милосердию. Обрадованный тем, что горе моих друзей не имеет более важных причин, я заключил их в свои объятия, и они со слезами приникли к моей груди.

Теперь радость опять стала всеобщей. Мы возвратились к жилищу Рарика, где островитяне устроили эб — мимическое представление с пением. В песнях говорилось обо мне и моих спутниках с «Рюрика». Каждая песня славил одного из нас, а заключительный хор чествовал нас всех. Я очень сожалел, что далеко не все смог разобрать. Чаще всего встречались слова "Милль» (железо), «айдара» (друг), «тамон» (вождь), «оа элит» (большая лодка), а также имя Каду.

Островитяне Радака сохраняют свои легенды и предания в песнях. По вечерам они собираются вместе и развлекаются пением и плясками. Дети, которые присутствуют на этих увеселениях, знакомятся, таким образом, еще в юные годы с историей своей родины. Так, в песнях, эта история передается из поколения в поколение.

По окончании эба я роздал островитянам маленькие подарки и, взяв с друзей обещание посетить меня еще сегодня, вернулся на корабль. Я приказал теперь спустить на воду все наши шлюпки, чтобы перевезти на берег палатки и маятниковый прибор. Островитяне встретили их с большим радушием, угостили наших людей кокосовыми орехами, а затем, присоединившись к матросам, приняли деятельное участие в выгрузке и установке палаток. Они были, по-видимому, в восторге от нашего намерения обосноваться на берегу.

Первыми посетили нас в послеобеденное время Рарик и Лагедиак. Они, прежде всего, объехали в своем маленьком челне вокруг корабля и очень внимательно его осмотрели. Во время осмотра они восклицали: «Эрико! Эрико!» Этот возглас выражает удивление и соответствует нашему «ого». Потом Рарик и Лагедиак взобрались на палубу, где я их приветствовал. Однако наши гости были так поражены всем здесь увиденным, что как будто окаменели и забыли ответить на мое приветствие. В течение целой минуты лишь протяжное «о-о!» выражало их состояние.

Я провел обоих по кораблю, показывая все, что могло их интересовать. Каждый новый предмет усиливал их изумление. Лагедиак спросил, действительно ли все это сделано в России, и, когда я ответил утвердительно, он воскликнул: «Тамон руссия элип, эллип!» Моим читателям это выражение должно быть теперь понятно без перевода.

Затем Лагедиак стал измерять корабль во всех направлениях шнуром, который он привез с собой специально для этой цели. Покончив с корпусом судна, он стал взбираться на мачты, причем измерил даже все реи. Мои друзья выражали большое удивление по поводу многочисленности команды и несколько раз пересчитывали людей, находящихся на корабле. Дойдя до десяти, они каждый раз завязывали на шнурке узелок и начинали счет опять с единицы. По сравнению с экипажем «Рюрика», состоявшим из двадцати человек, наша нынешняя команда не могла не показаться им удивительно многочисленной.

Тем временем на корабль стали прибывать все новые и новые группы островитян. Никто из гостей не испытывал страха или недоверия. Все они чувствовали себя, как дома, держались весело и непринужденно, но вместе с тем достаточно скромно и прилично. Островитяне смешались с матросами; из кубрика почти непрерывно доносился смех. Матросы и гости пели и плясали попеременно. При этом они подтрунивали друг над другом, но весьма добродушно, так что никто не обижался. Происходил обмен подарками. Объятия и другим проявлениям дружбы не было конца.

Ни один из гостей не приехал с пустыми руками: островитяне захватили с собой множество плодов и всевозможные мелкие изделия собственной работы. Все это было привезено не на продажу, а в качестве подарков. Каждый посетитель выбрал себе друга и высыпал на него весь свой рог изобилия.

Лагедиак, покончив с измерением корабля, не отставал от меня ни на шаг. Его любознательность не имела границ. Он требовал объяснения каждой мелочи, причем далеко не всегда бывал удовлетворен. Узнав, что я пробуду на Отдиа лишь несколько дней, Лагедиак очень огорчился и стал настоятельно просить меня остаться здесь навсегда. Он старался привлечь на помощь все то, что, как ему казалось, могло меня убедить: любовь, тщеславие, властолюбие. По его словам, мне следовало жениться на самой красивой девушке, убить тирана и узурпатора Ламари, как тот убил своего предшественника, и сделаться тамоном всего Радака. Я слушал болтовню Лагедиака, ничего ему не отвечая. Поэтому ему показалось, что я согласен с этим планом. Обрадованный, он, как дитя, запрыгал по каюте.

С заходом солнца островитяне покинули корабль, обещав вновь посетить нас на следующий день. Лагедиак уезжал в радостной уверенности, что сумел убедить меня поселиться на Радаке. Он просил ничего не говорить об этом плане Рарику.

Рано утром Лагедиак опять появился на корабле. Он привез

мне к завтраку печеную рыбу, плоды хлебного дерева и свежие кокосовые орехи. Я, в свою очередь, угостил его кофе; он пил его с явным удовольствием. Лагедиак представил мне своего сына, мальчика 13—14 лет. Этот милый подросток, казалось, унаследовал добрый нрав отца. Скромное и рассудительное поведение мальчика, а также умное выражение его лица свидетельствовали о том, что из него вполне можно было бы воспитать человека нашего, наиболее утонченного круга.

Лагедиак скоро вернулся к своему вчерашнему проекту, имеющему целью сделать меня верховным вождем Радака. Он изложил свой план осуществления этого намерения, а также наметил дальнейшие мероприятия, необходимые для того, чтобы упрочить власть нового правителя и обеспечить ему уважение со стороны народа. Прежде всего, мы должны были отправиться на корабле на остров Аур, чтобы свергнуть Ламари. Затем намечалось захватить враждебную группу островов Медиуро и, наконец, овладеть цепью островов Ралик.

Излагая эти воинственные планы, Лагедиак пришел в сильное возбуждение. Он размахивал кулаками, словно находился уже на поле брани, причем нечаянно смахнул со стола чашку, которая разбилась на мелкие куски. Тут весь его геройский пыл сразу исчез, уступив место природной робости. Лагедиак был уверен, что причинил мне большой ущерб, и боялся моего гнева; мне едва удалось его успокоить. Затем я объяснил островитянину, что не могу остаться на Радаке и что мои обязанности заставляют меня скоро покинуть эти места.

Лагедиак был глубоко опечален. Некоторое время он молчал, погруженный в свои мысли. Потом подвел ко мне сына и попросил, чтобы я взял мальчика с собой в Россию. Я был вынужден сказать Лагедиаку, что никогда больше не вернусь на Радак и что, если его сын отправится со мной, они будут разлучены навеки. Родительское сердце не выдержало. Островитянин обнял своего ребенка и уже более не отпускал его от себя. Моего друга весьма удручала мысль о том, что мы скоро простимся навсегда; он весьма пылко старался дать мне это понять. Правда, под конец к его чувствам примешалась некоторая доля корысти, ибо, указывая на подаренный мною топор, Лагедиак воскликнул: «Мы никогда не получим больше железа!»

Я перевел разговор на отношения с Медиуро, причем выразил желание поподробнее узнать о походе, который Ламари предпринял против жителей данной группы вскоре после моего предыдущего посещения Радака. Лагедиак понял мою просьбу и пустил в ход всю свою мимику, чтобы яснее рассказать об этой войне, в которой он сам участвовал. Вот что я узнал.

Флот Ламари насчитывал сорок парусных судов, и, если судить по вместимости здешних лодок, в его распоряжении было не более 400 воинов, считая и женщин. Последние тоже принимают участие в сражениях, бросая во врагов камни из задних рядов. Они же оказывают помощь раненым. Эти воинские силы были собраны со всех островов цепи Радак.

Война, оказавшаяся весьма кровопролитной, продолжалась целых шесть дней. Было убито пять врагов, и Ламари одержал блестящую победу, потеряв одного человека. Флот победителей с триумфом вернулся домой, нагруженный кокосовыми орехами, а также плодами пандануса и хлебного дерева.

Особенно отличился в этом походе Каду. В своей белой рубаше и широких панталонах, с красной шапкой на голове, вооруженный саблей и копьем, он наводил ужас на врагов. Более ста топоров, подаренных мной радакцам и впоследствии присвоенных Ламари, были прикреплены к длинным шестам и розданы самым отважным воинам. Благодаря этим топорам войско Ламари имело решающее преимущество. Таким образом, именно мои дары обеспечили столь счастливый исход войны.

Лагедиак сообщил мне также, что Ламари решил предпринять поход против жителей группы островов Одиа [Аилинглапалап]. Последняя принадлежит к цепи Ралик, и ее не следует путать с группой Отдиа, где мы тогда находились. Повод к войне дали сами обитатели Одиа. Дело в том, что до них дошли слухи о сокровищах, полученных от меня радакцами, и это возбудило их зависть. Здесь, по-видимому, не принято заранее объявлять войну. Поэтому войско Одиа под предводительством своего вождя Левадока неожиданно напало на жителей группы Кавен (Малоэлап), относящейся к цепи Радак. Кавенцы держались храбро и даже убили двух врагов, не потеряв сами ни одного человека. Однако одийцы все-таки победили. Они дочиста ограбили жителей Кавена и вернулись домой с добычей.

Это событие произошло приблизительно год назад. Однако Ламари оказался вынужденным отсрочить свою месть еще на один год. Такая медлительность объясняется, прежде всего, слабой населенностью Радака: чтобы собрать более или менее значительное войско, приходится созывать воинов со всех островных групп, а это занимает много времени из-за сильной растянутости цепи. Создание необходимых для похода запасов продовольствия, главным образом могона, также продолжается довольно долго. Ведь для плавания до цепи Ралик и возвращения на Радак нужен, по крайней мере, четырехнедельный запас провизии, ибо обратный путь приходится совершать при встречном пассате. Правда, могоан — очень питательный продукт, а островитяне

исключительно умеренны в пище. Только поэтому они и могут предпринимать на своих маленьких суденышках столь далекие путешествия.

Меня удивляла уверенность Лагедиака в успехе похода, и я выразил опасение, что его землякам не устоять против врага. Однако Лагедиак был твердо убежден в благополучном исходе, имея в виду большое количество топоров, которым располагали его соратники, а также саблю Каду и внушающее ужас одеяние последнего.

Пока я беседовал с Лагедиаком в своей каюте, на корабль опять прибыло множество островитян. В трюме веселились так же, как накануне. Рарик, украшенный гирляндами живых цветов, привез мне несколько маленьких подарков, и я, в свою очередь, щедро его одарил. Впервые предстал передо мной тамон острова Эгмедио по имени Лангин, удивительно робкий человек. Лангину, видимо, очень хотелось меня увидеть. Но он был так испуган величиной судна и многочисленностью команды, что, поднявшись на палубу, некоторое время от страха стучал зубами. Наше дружеское обращение его успокоило.

В сопровождении Рарика и Лагедиака я съехал в своей шлюпке на берег, где Прейс и Ленц уже приступили к наблюдениям над маятником. Ученые были очень довольны островитянами, ибо те вели себя вполне прилично и послушно оставались на предписанном расстоянии от палаток. Они подходили ближе, чтобы удовлетворить свое любопытство, лишь поодиночке и притом с особого разрешения.

Усевшись вокруг того места, где астроном производил свои наблюдения, островитяне с удивлением следили за его действиями. Они, возможно, сочли нашего ученого колдуном: уж очень много он возился с солнцем. В часы отдыха обитателям Отдиа разрешалось приближаться к палаткам, чему они каждый раз весьма радовались. Островитяне охотно выполняли всевозможные мелкие поручения, стремясь быть чем-то полезными. При этом они всегда оставались кроткими и приветливыми. Не удивительно, что мои спутники объявили местных жителей самым добродушным народом на земле.

Рарик повел меня к своему жилищу, где в мою честь было дано драматическое представление. Оно изображало войну с Медиуро. Женщины воспевали пронзительными голосами подвиги героев, тогда как мужчины плясали, вооружившись копьями. Яростная жестикуляция и конвульсивные движения должны Пыли изображать отчаянную храбрость воинов.

Я дал понять Рарику, что хотел бы получить более полное представление о том, как ведутся здесь войны. Тогда он и Лагедиак

сейчас же собрали два отряда, которые должны были изображать два враждебных лагеря. Войска были построены друг против друга на некотором расстоянии, причем в первых шеренгах стояли мужчины, а во вторых женщины. Мужчины вместо копий вооружились маленькими палками, женщины же наполнили свои корзины зернами пандануса, заменившими им в данном случае камни.

Одну группу возглавил Рарик, другую — Лагедиак. Оба предводителя протрубили в свои раковинные рожки сигнал к атаке. Войска немного сблизилась, но вместо боя начался комический танец. Противники старались превзойти друг друга, изощряясь в закатывании глаз, так что оставался, виден только белок, расцарапывали себе лица и устрасюще кривлялись. Женщины тоже не оставались праздными: они затянули военную песню, причем такими визгливыми голосами, что любители гармонии наверняка обратились бы в бегство. Их волосы, обычно столь изящно причесанные, были теперь растрепаны и торчали во все стороны. Эти грозные воительницы тоже страшно кривлялись и были очень похожи на сумасшедших. Только оба предводителя стояли неподвижно. Они трубили в рожки, подбадривая свои войска и призывая их к проявлению еще большей свирепости.

Когда оба войска порядком утомились, звуки рожков смолкли. Несколько храбрейших воинов обеих сторон вышли из рядов и начали приближаться друг к другу, в то время как сами войска оставались на месте.

Герои, жаждущие боя, выбрали себе каждый по противнику и стали вызывать его на поединок, осыпая насмешками и угрозами. Они долго пели и плясали друг перед другом, а время от времени делали движения, словно бросали копья, и тогда противник, в которого они целились, отскакивал в сторону.

Обе армии во главе со своими предводителями распаляли боевой дух героев воинственным пением. Наконец храбрецы стали бросать свои «копья» по-настоящему. Вновь затрубили рожки, и войска с пением и плясками стали медленно сближаться. Застрельщики вернулись в свои ряды, и наконец, началось общее сражение, сопровождавшееся страшным криком и шумом.

В воздухе мелькали «копья». Героини через головы мужчин бросали во врагов «камни» своими нежными руками. Вожди, оставаясь, все время позади, отдавали распоряжения и изо всех сил трубили в рожки.

Однако до рукопашной дело не дошло: один из воинов Лагедиака нечаянно или намеренно упал, и битва на этом прекратилась.

После того как были определены победители, сыграли отбой. Воины обеих армий были настолько измучены, что немедленно повалились на траву. Отдыхая, они перебрасывались веселыми шутками.

В это время к берегу подошла большая парусная лодка, из которой вынесли совершенно седого старца. Он был похож на скелет, обтянутый морщинистой кожей, и к тому же столь слаб, что мог передвигаться лишь на четвереньках. Рарик и Лангедиак пошли старику навстречу, чтобы его приветствовать.

Прибывший оказался моим старым знакомым по имени Лангедиу, вождем острова Ормед. Он рассказал, что не осмелился посетить нас, когда шлюп стоял на якоре возле этого острова, ибо не знал, друзья мы или враги. Но, услышав, что вернулся Тотабу, старик сейчас же собрался в путь, ибо хотел еще раз покидаться со мной перед смертью.

Мы были взаимно рады встрече. Лангедиу подполз ко мне, обнял и заплакал от радости. Потом он много и долго говорил. Упомянув о Каду, старик подтвердил, что тот находится у Ламари на острове Аур.

Признаки глубокой старости Лангедиу бросались в глаза еще во время моего предыдущего пребывания на Радаке. За истекшие восемь лет старец совсем одряхлел. Но, несмотря на гною телесную немощ, заставлявшую его передвигаться только ползком, Лангедиу не утратил своих духовных сил. Он был по-прежнему бодр, находился в хорошем настроении и часто смешил все общество своими шутками.

Вообще я заметил, что на Радаке старость, как правило, не сопряжена с какими-нибудь особенными страданиями или болезнями. Старики здесь до самой смерти сохраняют ясность мыслей и юношескую бодрость духа. Думаю, что это объясняется прекрасным климатом, отсутствием необходимости заниматься тяжелым физическим трудом и, наконец, тем обстоятельством, что островитяне не едят мяса.

Поскольку Лангедиу выразил желание осмотреть «оа эллип», я сейчас же сел в шлюпку, чтобы вернуться на корабль. Старик последовал за мной в своей «оа варро» (военной лодке). Милому старому вождю очень понравился наш фрегат. Он восхищался всем увиденным, а мои подарки сделали его совершенно счастливым.

Однако тут случилось происшествие, очень огорчившее почтенного старца: один из его спутников сумел подружиться с нашим коком и похитил у того кухонный нож, который затем спрятал в каноэ. Когда кок обнаружил пропажу, он сразу заподозрил своего нового друга. Последнего обыскали, но ничего

не нашли. Тогда осмотрели каноэ, где нож был скоро обнаружен. Вор сознался в своем преступлении и теперь дрожал от страха. Возможно, он помнил о порке, которой подвергся в подобном случае на «Рюрике» один из его земляков. Однако на сей раз, я решил обойтись без наказания, ибо намеревался пробыть здесь весьма недолго. Постаравшись разъяснить преступнику, что воровать нехорошо и что он больше никогда не должен этого делать, я великодушно простил воришку.

Бедный старый Лангедиу был вне себя от гнева. Он ползал в волнении вокруг и выкрикивал: «Кабудери эмо айдара!» («Воровать нехорошо!»). Старик бранил преступника и всячески ему угрожал. Он показал последнему все полученные от нас подарки, стремясь объяснить, как мы будем огорчены, если при такой щедрости нас еще будут обворовывать. Потом Лангедиу подвел вора к пушкам, обратил его внимание на большое их число и сказал: «Мани эмих, мани ни, мэ!» («Убить остров, убить кокосовые пальмы и хлебные деревья!»). Вероятно, Каду рассказал старику, какие опустошения могут произвести пушки.

Наконец Лангедиу приказал преступнику убраться в каноэ и не появляться больше на корабле. Вор, не проронивший за все это время ни одного слова, тотчас же выполнил приказ вождя. Однако честный старик уже не мог успокоиться. Он все повторял свое «Кабудери эмо айдара», и пребывание на корабле больше не доставляло бедняге радости. Попросив посетить его па острове Ормед, вождь удалился.

Физиономия вора показалась мне знакомой, и я справился о нем у Лагедиака. Тот рассмеялся и сказал, что наш преступник — родной брат наказанного на «Рюрике». Таким образом, склонность к воровству была у него семейным пороком. Ни один другой островитянин за все время нашего нынешнего пребывания па Отдиа не позволил себе ничего у нас украсть.

После полудня в проливе Лагедиака появилась большая парусная лодка, которая прошла затем в лагуну. Я подумал, что на ней прибыл кто-нибудь из моих аурских знакомых или, может быть, даже сам Каду. Но это оказался веселый Лабугар с группы Эрегуб [Эрикуб]. Он видел корабль, когда мы проходили мимо, и прибыл сюда, привлеченный любопытством. Услышав, что я нахожусь на судне, Лабугар немедленно явился на борт. Он неописуемо обрадовался нашей встрече. Однако гость сразу же осведомился о своем друге Тимаро [Шишмарев], с которым поменялся именами, и был очень огорчен, узнав, что его нет среди нас. Лабугар сильно постарел; его волосы совсем поседели. Однако он был так же весел и бодр духом, как восемь лет назад.

3 мая, воспользовавшись прекрасной погодой, я нанес визит Лангедиу на острове Ормед. Старик был настолько обрадован моим посещением, что собрал свои самые ценные вещи, намереваясь мне их преподнести. В доме вождя собрались все его дети, внуки и правнуки, устроившие для моего увеселения эб. Главную роль взял на себя сам Лангедиу, изумивший меня своим пением и живостью игры.

Поскольку мне не пришлось видеть на Радаке более совершенного драматического представления, я позволю себе подробно описать то, которое было устроено на острове Ормед. Надеюсь, что моим читателям будет небезынтересно о нем узнать.

В представлении, происходившем на открытой лужайке, участвовали тринадцать островитян и столько же островитянок. Десять мужчин сели полукругом против десяти таким же образом расположившихся женщин. Оба полукруга образовали бы вместе замкнутую окружность, если бы на стыках не оставалось свободных промежутков протяженностью в несколько саженей. В каждом из этих двух промежутков уселась старуха с барабаном.

Здесьний барабан представляет собой полый чурбан и напоминает по форме песочные часы. Оба его конца обтянуты кожей акулы. Длина инструмента равна приблизительно трем фугам, его диаметр по обоим концам достигает шести дюймов, а посередине — трех дюймов. Во время игры такой барабан держат под мышкой и заставляют звучать, ударяя ладонью по коже.

В центре круга, спиной друг к другу, уселись старый Лангедиу и красивая молодая женщина. Лица всех участников представления были обращены к этой паре. Все актеры украсили свои головы изящными венками. Женщины же, кроме того, были увешаны цветочными гирляндами.

Вне круга стояли двое мужчин с рожками из раковин. Как только они затрубили в свои инструменты, извлекая из них глухие прерывистые звуки, весь круг запел. Пение сопровождалось бурной жестикуляцией, которая должна была пояснять содержание пьесы. Через некоторое время хор смолк, и тогда под аккомпанемент рожков и барабанов начался дуэт в центре круга, причем старый Лангедиу не уступал в живости своей молодой партнерше. Выступление солистов сменилось хором, а затем опять наступила очередь дуэта. Так повторилось несколько раз. Движения молодой певицы становились все более буйными и порывистыми; наконец она упала как подкошенная. Лангедиу пел теперь нежнее и тише. С глубокой скорбью склонился он

над «бездыханным трупом». К его жалобному пению присоединился весь хор.

Как ни слаба, владел я языком островитян, мне все же удалось благодаря выразительной мимике актеров понять содержание трагедии. В ней рассказывалось о молодой девушке, которую принуждали выйти замуж за нелюбимого человека. Такому браку она предпочла смерть. Возможно, старик Лангедиу взял на себя роль ненавистного жениха с той целью, чтобы решение девушки выглядело еще более оправданным.

«Покойница», опять бодрая и веселая, присоединилась к собравшимся молодым девушкам. Глядя на них, я вспомнил слова Каду о том, что обитательницы острова Ормед самые красивые на Радаке. В самом деле, среди этих девушек многие оказались весьма хорошенькими. Украшения из живых цветов были им удивительно к лицу. Вообще этот маленький народ обладает более тонким вкусом, чем другие островитяне Южного моря. Что же касается женских причесок, украшенных цветами, то они способны затмить подобные на любом европейском балу.

Пока участники драматического представления отдыхали, подошло время обеда, который уже давно готовили в особой хижине несколько женщин. Лишь немногие островитяне удостоились чести участвовать в этой трапезе, происходившей в доме Лангедиу; среди приглашенных были и женщины. Мы уселись на циновках вокруг угощения, аккуратно разложенного на кокосовых листьях. Такой же лист был дан каждому из обедающих в качестве тарелки. На листьях, служивших блюдами, лежали деревянные ложки, которыми островитяне накладывали себе на «тарелки» выбранные ими кушанья.

До сих пор мне не приходилось видеть на Радаке ничего подобного: местные жители ели раньше из общего блюда, причем брали пищу руками. Лангедиу, заметив, что мне понравились его новые застольные порядки, сказал: «Мамуан руссиа могай» («Так едят русские»), Я был очень рад увидеть здесь влияние более высокой культуры, к которой успел приобщиться Каду во время плавания на «Рюрике». Это, по-видимому, он ввел на острове более аппетитный способ еды.

Вскоре, однако, я обрадовался еще больше, ибо после первого блюда, состоявшего из печеных фруктов и плодов хлебного дерева, были поданы таким же образом приготовленные коренья ямса. Это растение было привезено мной с Сандвичевых островов и впервые посажено на Радаке восемь лет тому назад. На Отдиа мне сказали, что Ламари забрал с собой на Лур все оставленные мной растения. Поэтому появление блюда с ямсом явилось для меня полнейшей неожиданностью.

Ямс, с успехом, заменяющий наш картофель, приятен на вкус и очень полезен. Если прилежно его возделывать, можно не бояться голода. Лангедиу сказал мне, что на острове Ормед эти корни впервые посадил Каду. После обеда старик показал довольно большое поле, искусно засаженное ямсом.

Чувство удовлетворения, испытанное мной при появлении блюда с ямсом, легко понять, если вспомнить, что бедные островитяне вынуждены из-за недостатка пищи убивать своих детей. Безусловно, они делают это с тяжелым сердцем. Между тем возделывание одного только ямса может избавить радакцев от столь ужасной необходимости.

Если в скором времени нежным матерям, готовящимся к своим третьим или четвертым родам, не придется больше страдать от мысли, что ребенок, которого они носят под сердцем, будет убит немедленно после рождения; если любящие супруги смогут радоваться появлению на свет каждого нового младенца — в этом будет и моя заслуга. Тогда добрые островитяне, наверное, еще долго будут вспоминать своего Тотабу, подарившего им столь благодетельные корни. Однако прошу простить мне это отступление. Возвращаюсь к описанию нашего обеда.

За ямсом последовало кушанье, приготовленное из подгнившей кокосовой древесины: ее растирают в порошок, добавляют немного воды, чтобы получилось густое тесто, а затем запекают небольшими порциями, обернув в листья. Такое «пирожное» безвкусно и, конечно, не может быть особенно питательным.

В качестве напитка за обедом употреблялось кокосовое молоко, которое пьют прямо из орехов через специально просверленные маленькие отверстия. В заключение был подан десерт, состоявший из могана и сока пандануса.

Во время обеда не прекращались разговоры, которые были весьма оживленными, но несколько не нарушали порядка. В них принимали участие и женщины, отношение к которым было самое внимательное. Я весьма сожалел, что отнюдь не все мог понять в этих, безусловно, интересных беседах. По отдельным словам можно было догадаться, что часто говорили о нашем корабле и о драматических представлениях.

После обеда я порадовал любезного хозяина, а также всех собравшихся подарками, состоявшими в основном из топоров, ножей, ножниц и стеклянных бус. Следует заметить, что последние ценятся здесь далеко не так высоко, как на островах Навигаторов. Затем я распрощался с обитателями Ормеда и еще засветло вернулся на корабль.

Наша жизнь на Огдиа была весьма приятной, а потому время

летело быстро. Приближался день отплытия, что глубоко огорчало наших друзей.

В воскресенье экипажу было дано разрешение повеселиться на берегу. Среди матросов имелось несколько музыкантов. Захватив с собой инструменты, они дали островитянам на прощание блестящий концерт. Восторг слушателей не поддавался описанию. У наших палаток собрались все обитатели Отдиа и соседних островов, причем музыка действовала на них подобно рогу Гюона. Островитяне плясали и совершали диковинные прыжки, увлекая за собой наших матросов. Даже тот, кто за всю свою жизнь ни разу не смеялся, трясся бы от смеха, глядя на эту сцену. Я от всей души радовался искренней дружбе между матросами и местным населением, ибо было очень приятно и на сей раз оставить у жителей Радака добрую память о белых людях.

Женщины не участвовали в этом веселье, а наблюдали его издали: скромность не позволяла им присоединиться к шумной толпе мужчин. По этой же причине представительницы прекрасного пола никогда не посещали корабль.

Трогательную картину представляло множество ребятишек, собравшихся вокруг пожилого матроса. Ласкаясь, они играли со своим другом. В течение всего нашего пребывания на Отдиа он исполнял при палатках обязанности сторожа. Русские вообще любят детей, и наш матрос с удовольствием возился с этими маленькими существами. Ребятишки же привязались к нему всей душой. Одна маленькая девочка, очень веселая и хорошенькая, была, по-видимому, его любимицей. Проказница чувствовала это и поддразнивала, своего друга, не боясь наказания. Она не особенно нежно теребила его за волосы; старый матрос только смеялся.

Узнав о дне нашего ухода, островитяне стали еще чаще посещать корабль, причем каждый раз привозили подарки. Они с глубоким огорчением говорили о близкой разлуке и настоятельно упрашивали нас вернуться как можно скорее. Отдийцы выражали опасение, что Ламари, узнав о нашем здесь пребывании, опять отберет у них сделанные мной подарки. Тогда в присутствии многих островитян я поручил Легедиаку передать Ламари, что, если последний посмеет отнять у обитателей Отдиа хоть одну из подаренных нами вещей, белые люди его строго накажут. Лагедиак понял меня и обещал выполнить это поручение.

Отныне Лагедиак меня почти не покидал. Его горе по поводу нашего близкого отплытия временами бывало поистине трогательным. Утром 6 мая, когда мы уже начали сниматься с якоря,

Легедиак примчался к нам в большой лодке. Он привез с собой множество саженцев кокосовой пальмы и заявил, что я должен взять их с собой в Россию, чтобы посадить там в память о нем. Тут я вспомнил, что Лагедиак как-то раз спросил, есть ли в России кокосовые деревья, и после моего отрицательного ответа сразу переменял тему разговора. Оказывается, добрый островитянин тогда же задумал снабдить мою родину этими прекрасными растениями, но решил вручить их мне на прощание в качестве сюрприза. Я объяснил моему другу, что климат России слишком суров для кокосовых пальм, что они там, безусловно, погибнут, а потому мне не хочется зря лишать его полезных растений. Весьма удрученный неудачей своего доброго намерения, Лагедиак уложил саженцы обратно в лодку и покинул корабль, ибо мы уже ставили паруса. При расставании он вел себя как ребенок, которого насильно разлучают с любимыми родителями. С остальными нашими друзьями мы распрощались еще накануне вечером.

Пройдя через пролив Шишмарева, а затем между группами островов Отдиа и Аур, мы направились прямо к группе Лигиеп [Ликие], чтобы обследовать ее восточную часть. Во время плавания на «Рюрике» обстоятельства сложились так, что мне тогда не удалось это сделать.

На другой день мы настолько приблизились к южному краю этой группы, что смогли разглядеть и северную ее часть. Отсюда мы двинулись на запад, оставаясь, все время вблизи от берегов, так что отдельные предметы на островах были видны невооруженным глазом. Совершенно определенно выяснилось, что с «Рюрика» я не смог как следует рассмотреть эту часть группы. В результате произведенной нами теперь точной описи она оказалась в полтора раза больше, чем предполагалось раньше.

Жители группы Лигиеп, увидев корабль, тотчас спустили на воду множество парусных каноэ. Выйдя между рифами в открытое море, они последовали за нами, однако не решились подойти ближе, чем на ружейный выстрел. Мы легли в дрейф, но островитяне тоже сейчас же убрали паруса, предпочитая разглядывать нас на почтительном расстоянии. Поскольку погода письма благоприятствовала нашей работе, мы решили здесь не задерживаться и двинулись дальше, не пытаясь больше привлечь к кораблю робких островитян.

В северо-западной части группы Лигиеп мы обнаружили несколько сравнительно больших островов, поросших прекрасными кокосовыми пальмами. Эти острова, по-видимому, имеют значительное население. Здесь же мы заметили два широких пролива, соединяющих лагуну с открытым морем. С небольшого

расстояния они показались нам совершенно безопасными. Эти проливы спокойно может преодолеть даже самый большой линейный корабль, ибо они расположены так, что позволяют без поворотов пользоваться пассатом и при входе в лагуну, и при возвращении в открытое море. В лагуне, несомненно, имеются удобные якорные стоянки. Поэтому, если какому-нибудь мореплавателю придется останавливаться на Радике, я рекомендую группу Лигиеп как самую удобную.

В полдень, когда северо-западная оконечность группы находилась от нас на расстоянии одной мили строго па восток, мы произвели точную обсервацию. Оказалось, что эта точка расположена под КУ'ЗЧО" северной широты и 169°1'57" восточной долготы.

По окончании наблюдений я тотчас приказал поставить все паруса, чтобы с помощью свежего ветра двинуться на северо-запад. Там я надеялся обнаружить одну из островных групп цепи Ралик. С наступлением темноты мы снова убрали большую часть парусов и стремились в течение ночи удерживать судно на месте. На рассвете мы двинулись дальше, но теперь погода испортилась, и сильный дождь резко ограничил видимость. Поскольку не было надежды на скорое изменение погоды, я вынужден был отказаться от посещения Ралика и взял курс на Камчатку.

Мы часто возвращались в мыслях к маленькому добродушному народу Радака, с которым расстались навсегда. Эти островитяне обитают в стороне от путей, которыми обычно пользуются корабли, плавающие в Южном море. Поэтому их теперь не скоро посетят. Может даже случиться, что о жителях Радака со временем и вовсе забудут. Принесет им такое забвение горе или, наоборот, счастье — об этом знает лишь тот, кто управляет судьбами людей.

На цепи Радак люди, безусловно, появились позже, чем на большинстве других островов Южного моря. Остается неизвестным, когда и откуда они переселились, хотя и можно предположить, что местные жители происходят с Каролинских островов. Сами обитатели Радака не сохранили на этот счет никаких преданий. Их язык совершенно не похож ни на один из полинезийских диалектов и, по-видимому, значительно моложе последних.

Почему у обитателей Радака выработался превосходный характер, тогда как на других островах Южного моря, где климат не менее прекрасен, а природа еще щедрее, люди одичали настолько, что стали похожи на хищных зверей? Я думаю, что важную роль сыграло благонравие радакских женщин. Опыт

показывает, что нравы всегда тем мягче, чем большим *уважением* пользуется прекрасный пол. Чтобы завоевать такое уважение, женщины должны быть сдержанными. Если прелесть женщины соединяется со скромностью, она может без труда господствовать даже над самым грубым и жестоким *возлюбленным*. Именно в таком направлении и влияли обитательницы Гадака на свой народ, чем, конечно, в немалой степени способствовали развитию у него доброты и любезности.

Возможно, определенную роль сыграли и другие счастливые обстоятельства. Ведь на Таити до введения христианства женщины отнюдь не отличались скромностью, что не мешало тамошним мужчинам быть весьма добродушными. Однако обитателям Радака я отдаю в этом отношении решительное предпочтение перед таитянами.

Часть вторая

Глава девятая

КАМЧАТКА

Вплоть до тропика Рака ветер нам благоприятствовал, но здесь мы попали в полнейший штиль, продолжавшийся двенадцать дней. Все это время стояла невыносимая жара, и поверхность океана до самого горизонта оставалась гладкой, как зеркало. Только моряки могут понять, как тяжело было у нас на душе. Деловитое оживление, всегда царящее на судне, сменилось удручающим покоем. Всеобщее нетерпение возрастало с каждым днем. Некоторые матросы уже потеряли надежду на то, что вновь поднимется ветер, и скорее готовы были перенести любой шторм, чем это затишье.

Однажды утром нас позабавило появление на поверхности воды двух больших меч-рыб, гревшихся на солнце. Я приказал спустить шлюпку с гарпунерами, надеясь, что эти могучие животные позволят приблизиться к себе настолько, что удастся поразить их гарпуном. Однако они не стали ждать приближения шлюпки и вновь погрузились в морские глубины, так что мы лишь напрасно помешали их забавам.

Несколько раз мы брали пробы воды, в том числе даже на глубине 1000 саженей. Температура воды здесь оказалась равной всего 2° по Реомюру [2,5° Ц], тогда как на поверхности она равнялась 24° [30° Ц].

Наконец 22 мая, в годовщину спуска нашего шлюпа со стапеля, поднялся свежий ветер, и наше судно сравнительно быстро понеслось вперед по все еще гладкой поверхности моря.

1 июня, когда мы достигли 42° северной широты и 159° восточной долготы и тем самым оказались против берегов Японии, мы обнаружили на море полосу красного цвета шириной примерно в сажень, а длиной около мили. Пересекая эту полосу, мы взяли пробу воды и установили, что ее красный цвет объяснялся

присутствием великого множества мелких рачков, едва различимых глазом.

Отныне мы начали все сильнее ощущать суровость северного климата. Безоблачное прежде небо сделалось пасмурным. Его все чаще застилали тучи, угрожавшие штормами, и нередко эти угрозы оправдывались. К тому же нас почти непрерывно окутывал туман, который снижал видимость до нескольких саженей. За короткий срок температура воздуха понизилась с 24 до 3° [3,75° Ц]. Подобная резкая перемена обычно тяжело сказывается на здоровье команды. Однако благодаря искусству и стараниям нашего врача Зивальда начавшиеся заболевания были быстро пресечены.

В подобное время года в этих широтах столь суровая погода обычно не наблюдается, но у берегов Японии она преобладает даже в середине лета. Появление большого количества китов и буревестников также свидетельствовало о том, что мы продвигаемся к северу и находимся уже вдали от благодатных островов Южного моря.

Все же ветер нам настолько благоприятствовал, что уже 7 июня мы увидели горы Камчатки, одетые в зимний наряд. Нашим взорам открылось величественное зрелище высоких зубчатых гор, как бы устремившихся к самому небу. Их вершины, покрытые вечными снегами, блистали на солнце, в то время как склоны были опоясаны облаками. На следующий день нам удалось достичь Авачинской бухты, и вечером мы бросили якорь в Петропавловской гавани.

Итак, мы оказались на Камчатке. Этот большой полуостров с севера ограничен рекой Анадырь на юге простирается до Курильских островов, на востоке омывается океаном, а на западе — Охотским морем. Подобно некоторым людям, этот полуостров не заслужил своей дурной славы. Его считают суровой и неплодородной страной, чуть ли не краем света, а на самом деле он находится на одной широте с Англией и Шотландией и по размерам почти равен этим двум государствам, вместе взятым. Правда, лето на Камчатке гораздо короче, чем там, но зато оно несравненно прекраснее, а растительность пышнее. Зима длится весьма долго и причиняет большие неудобства из-за обилия снегов, но в южной части полуострова она не очень холодная. Принято было считать, что краткость лета препятствует хлебопашеству, но многократные опыты доказали обратное.

В некоторых долинах, окруженных высокими горами, куда с трудом проникают солнечные лучи, снег иногда не тает до конца мая. Тем не менее, даже там прекрасно растут овощи. Картофель обычно дает урожай сам-тридцать, и, если бы жители

его прилежно возделывали, он смог бы полностью возместить недостаток хлеба. Однако легкость, с какой обычно бывает, возможно, на всю зиму запастись рыбой, препятствует распространению картофеля, уход за которым требует значительных усилий. Между тем бывали годы, когда рыбная ловля приносила так мало, что едва не начинался всеобщий голод.

Как я уже указывал, длительная, но сравнительно мягкая зима отличается обилием снега, который наносится дующими с гор ветрами. Это создает большие неудобства для местного населения. Часто дома полностью заносит снегом, так что жителям приходится самим прорывать себе выход, в то время как скот разгуливает по крышам.

Зимний санный путь довольно удобен. Быстро мчатся легкие сани с упряжкой из шести или более собак; нужно только опасаться снежных бурь. Если путника застигнет метель, которую здесь называют пургой, то его спасение лишь в одном: не двигаться, когда его вместе с собаками будет заносить снегом, что произойдет чрезвычайно быстро, а затем, когда метель прекратится, попытаться выбраться из своей снежной могилы. Это, однако, не всегда удается сделать. Если пурга застигнет путника в горном ущелье, то над ним соберется так много снега, что ему уже не удастся прорыть себе выход. Впрочем, такие несчастия случаются редко, ибо камчадалы, вынужденные к тому необходимостью, научились предсказывать погоду на несколько суток вперед и отправляются в путь только тогда, когда она не вызывает у них никаких опасений.

Основная причина, по которой климат Камчатки в целом уступает климату других стран, расположенных в тех же широтах, заключается в особенностях рельефа. В Англии, например, горы имеют умеренную высоту и отделены друг от друга обширными равнинами, тогда как вдоль всей Камчатки простирается единый горный хребет, который покрыт вечными снегами и во многих местах поднимается выше облаков. Весь полуостров составляет его основание, образуя лишь несколько небольших долин.

Панорама Камчатки представляет собой скопление конусообразных гранитных гор, местами чрезвычайно высоких, местами несколько более низких. Их неровные, зубчатые очертания свидетельствуют о том, что они были вытолкнуты из недр земли под действием мощных сил природы. Эта борьба стихий еще не закончена: на Камчатке наблюдаются частые землетрясения, и существует много огнедышащих вулканов. Один из них, гора Камчатка, может соперничать с высочайшими вершинами земли; его окрестности часто опустошаются потоками лавы.

Эта горная цепь с ее ледниками и вулканами, с вырывающимися прямо из-под льда столбами огня и дыма выглядит чрезвычайно живописно в сочетании с покрытыми зеленью долинами. Но особенно причудливую и полную неизъяснимого очарования картину представляет вид гор на западном берегу. Когда эти скалы освещены солнцем и переливаются всеми цветами радуги, подобно алмазам, а горы из серного колчедана кажутся отлитыми из чистого золота, тогда поистине кажется, будто путешественник перенесся в какое-то сказочное царство.

Для минералогов исследование Камчатки представляет значительный интерес. Многообразие местных горных пород привлекает внимание даже людей несведущих. Нет сомнения, что здесь скрыты многочисленные сокровища, которые будут когда-нибудь найдены и поставлены на службу человеку. На Камчатке множество горячих источников. По всей вероятности, они обладают весьма целебными свойствами.

Ботаники и зоологи также не уедут отсюда с пустыми руками. На Камчатке произрастает много малоизвестных или даже совсем неизвестных растений. Что же касается животного мира, то помимо многих видов медведей, волков и лисиц следует еще упомянуть о знаменитом соболе, мех которого так дорого ценится, и о местном горном баране, обитающем на самых высоких вершинах.

Ростом горный баран с большую козу и имеет такую же голову, как обыкновенный баран, но с мощными загнутыми книзу рогами. Строением туловища и шкурой он несколько напоминает северного оленя, с которым имеет и то сходство, что питается мхом. Это юркое и проворное животное может, подобно серне, совершать огромные прыжки через пропасти, вследствие чего на него трудно охотиться. При прыжке с одной вершины на другую горный баран соединяет все четыре ноги вместе и несется головой вперед. Приземляясь, он вначале касается точки опоры головой и лишь, затем становится на ноги, причем удивительно точно рассчитывает силу прыжка. Нередко тот скалистый уступ, на который он прыгает, бывает настолько мал, что едва умещаются все его четыре копыта. И все же горный баран никогда не срывается при прыжке, а сразу же, как бы застывает в положении строгого равновесия. Наши балетные танцовщики вполне могли бы позавидовать уверенности и изяществу его движений.

Мамонт, этот гигант прошедших времен, также был распространен на Камчатке, ибо здесь часто находят его кости.

Леса Камчатки не оглашаются пением певчих птиц, и вообще пернатых на суше водится мало. Зато здесь встречается бесчисленное

множество водоплавающих птиц различных пород, стаи которых покрывают озера, реки, болота и даже море. Рыба также имеется в изобилии, особенно в июне и июле. Нам было достаточно один раз закинуть сеть, чтобы наловить столько рыбы, сколько требовалось для двухдневного питания всей команды. Лососей, треску и сельдь обычно запасают на зиму. Вяленая сельдь идет также на корм собакам.

Камчатка была открыта в 1696 г. якутским казаком Лукой Семеновым. Он отправился туда с шестнадцатью товарищами, поверив слухам о существовании этой страны, распространявшимся в течение многих лет в Якутске. Такие же походы устраивались и в последующие годы, но уже гораздо более многочисленными отрядами. Наконец Камчатка была присоединена к Российской империи, а ее население обложено данью.

Завоевание Камчатки стоило жизни многим русским, а вследствие тогдашних варварских нравов и трудностей, с которыми было связано поддержание дисциплины в столь далеко расположенных войсках, привело к почти полному истреблению коренных жителей. Впоследствии строгими мерами удалось остановить беззакония, чинимые грубыми казаками, но, тем не менее, и по сей день численность населения остается крайне незначительной. Можно надеяться, что при мудром и заботливом управлении оно вновь увеличится.

Русские называли этот полуостров Камчаткой в честь самой большой местной реки, в туземном произношении Кончатки. Согласно преданию, название этой реки происходит от имени древнего героя Кончота, чье укрепленное городище стояло на ее берегу. Достоин удивления, что у камчадалов не было особого обозначения ни для своей страны, ни для своего народа. Они называли себя «кроша», что означает «люди», словно они являлись единственными обитателями земли, а может быть, они ставили себя настолько выше всех прочих народов, что только себя и считали за людей. Правда, полагают, что на южной оконечности полуострова жители называли себя ительменами. Однако остается невыясненным, что же они понимали под этим названием.

До того, как на Камчатке появились русские, ее обитателям были известны лишь соседние народности — коряки и чукчи. Они знали также кое-что о Японии, ибо возле их берегов потерпело крушение японское судно. У камчадалов не было никакого правителя. Они жили в условиях полной независимости и считали это наивысшим благом.

Камчадалы верили во всемогущего создателя мира, которого они называли Куткой. По их представлениям, он жил на небесах,

но провел некоторое время среди людей и стал родоначальником камчадалов. У них также встречается предание о всемирном потопе, причем они до сих пор показывают вершину горы, к которой пристал на лодке Кутка, чтобы заселить землю людьми. Желая подчеркнуть, что речь идет о далеком прошлом, на Камчатке и теперь говорят: «Это было во времена. Кутки».

Помимо верховного божества Кутки у камчадалов было еще множество низших богов. Им казалось, что последние населяют горы и леса, воды и воздух. Камчадалы поклонялись этим богам, пока те выполняли их желания, и ругали их, когда терпели неудачи, подобно итальянскому простолюдину, который при какой-нибудь неприятности в раздражении снимает шапку, произносит в нее столько имен святых, сколько ему придет на ум, а затем топчет шапку йогами.

Особенно почитались камчадалами вырезанные из дерева изображения двух домашних богов — Ашушока и Хонтая. Первый из них имел человеческий облик, а его обязанности состояли в том, чтобы отгонять от дома лесных духов. За это его ежедневно кормили, иначе говоря, обмазывали ему голову рыбной похлебкой. Хонтай, по их представлениям, был наполовину человеком, наполовину рыбой. Ежегодно в день очищения от грехов они изготавливали новую статую Хонтая, которую устанавливали рядом со старой, так что по числу его изображений можно было узнать, сколько лет жители прожили в этом доме.

Камчадалы верили в свое бессмертие, а также в бессмертие всех животных, но полагали, что и в будущей жизни им придется работать для поддержания своего существования. Они лишь надеялись, что работа эта будет менее тяжелой, а добыча — настолько обильной, что им не придется страдать от голода. Последнее доказывает, что уже тогда рыбная ловля не всегда обеспечивала достаточное пропитание.

Различные племена часто вели друг с другом войны, которые вспыхивали либо из-за похищения женщин, либо из-за недостаточности угощения при взаимных визитах. Подобное пренебрежение со стороны хозяина рассматривалось как величайшее оскорбление и влекло за собой кровную месть. Открытая война велась лишь изредка. Обычно против врага применялась хитрость, и победители расправлялись с побежденными с ужасающей жестокостью.

Этот маленький, невзрачный народ обладал геройским духом. Осажденные, потеряв надежду на спасение, не складывали оружия. Они сначала убивали женщин и детей, а затем бросались на врага, чтобы как можно дороже продать свою жизнь, или, как они выражались, «постелить себе ложе». Впрочем, в

случае сдачи в плен камчадалы не могли рассчитывать на милосердие врага. Оружие их состояло из копий, луков и стрел, причем последние обычно бывали отравлены.

Чтобы обойтись с гостем возможно учтивее и не подать повода для войны, хозяин, прежде всего так натапливал свое подземное жилище, что жара в нем становилась почти невыносимой. Затем как хозяин, так и гость раздевались донага и последнему предлагалось огромное количество кушаний, причем в очаге непрерывно поддерживался огонь. Наконец гость сознавался, что сыт по горло и не может больше выносить жару. Это означало, что все правила хорошего тона соблюдены, и теперь хозяин мог потребовать от гостя подарков за свое гостеприимство.

На подобных пиршествах в качестве опьяняющего средства обычно применялся мухомор. В небольших количествах он, по-видимому, возбуждает веселость, но в более значительных дозах может вызвать приступ помешательства, продолжающийся несколько дней. Придя в веселое расположение духа, хозяева и гости обычно развлекали друг друга чрезвычайно талантливым подражанием различным людям и животным.

Взрослые камчадалы выказывали мало любви к своим родителям и совершенно не заботились о них, когда те впадали в дряхлость. Иногда они даже убивали родителей, если последние сами напоминали о своем существовании и начинали становиться им в тягость. Поступая так, они отнюдь не считали, что нарушают свой сыновний долг. Камчадалы убивали также болезненных и хилых детей, ибо считали, что жизнь для них будет мучением. Когда кто-нибудь из членов семьи умирал, то труп не хоронили, а привязывали ему на шею ремень и выволакивали из дому, чтобы бросить на съедение собакам. Камчадалы верили, что тот, чьим трупом не пренебрегут эти животные, в будущей жизни сможет ездить на лучших собаках.

Обряд заключения брака был очень сложным и обременительным для жениха. Молодой человек, желавший жениться на девушке, приходил в дом ее родителей и без всяких объяснений начинал участвовать в домашней работе. Он становился как бы слугой этой семьи и должен был выполнять все, что ему прикажут, пока не сумеет завоевать склонность девушки и ее родителей. Это часто продолжалось несколько лет, а если жениху вообще не удавалось добиться поставленной цели, то он уходил без всякого вознаграждения за потраченные усилия.

Если же родители любимой девушки были им довольны, то они давали ему разрешение ее поймать. Это означало, что он должен ее схватить, преодолеть ее сопротивление и дотронуться рукой до такого места, которое скромность запрещает назвать.

С того момента, как возлюбленный получал подобное разрешение, девушка старалась не оставаться с ним наедине, да еще защищала свою особу рыбачьей сетью и множеством ремней, которые он при нападении должен был перерезать каменным ножом. Кроме того, ее охраняла вся семья, которая, как только возлюбленный начинал ее преследовать, сбегалась на ее крики била его и оттаскивала за волосы. В результате поимка возлюбленной становилась затруднительным предприятием, а пока она не совершалась надлежащим образом, бедный юноша продолжал служить семье девушки. Если же, наконец, поимка совершалась, то девушка сама объявляла об этом, и брак считался заключенным.

Современные камчадалы — чрезвычайно добродушный, гостеприимный и мирный народ. По чертам лица и по цвету кожи они близки к китайцам и японцам. В настоящее время все они исповедуют христианскую религию, однако втайне еще сохраняют многие языческие обряды, например, продолжают убивать увечных детей.

Главный город полуострова, похожий скорее на деревню, расположился в Петропавловской гавани, от которой и получил свое название. Здесь находится резиденция начальника Камчатки капитана 1-го ранга Станицкого. В городе имеется всего два-три дома с некоторыми удобствами. Остальные дома, числом около пятидесяти, представляют собой лишь хижины, беспорядочно разбросанные по склону горы. Все жители города — русские. Это государственные служащие, солдаты в отставке, матросы и мелкие торговцы. Камчадалы живут в небольших поселениях по берегам рек во внутренней части страны.

С тех пор как Крузенштерн двадцать пять лет назад описал Камчатку, она мало изменилась. Единственные перемены к лучшему, пожалуй, состоят в том, что жители Петропавловска начали возделывать картофель, а цены на различные товары и жизненно необходимые припасы уже не так несоразмерно высоки, как прежде, когда их пересылали сушей до Охотска и только оттуда отправляли морем. Теперь они перевозятся от начала до конца морским путем.

Северную часть полуострова и прилегающую к нему область материка вплоть до самого Ледовитого океана населяют чукчи — воинственный народ, который кочует со стадами оленей и платит русской короне лишь незначительную дань мечами. Чукчей было не так легко покорить, как камчадалов, и еще тридцать пять лет назад они беспрепятственно нападали на русских. Но затем против них были приняты строгие меры, и сила пушек способствовала воцарению прочного мира. Правда,

позднее власти вновь стали опасаться нападения со стороны чукчей и для выяснения их намерений послали к ним своего представителя. Когда последний обратился с соответствующим вопросом к их тойону, то есть предводителю, тот вытащил длинный нож, какие чукчи обычно носят в ножнах за поясом, показал русскому на сломанное острие и сказал:

— Когда мой отец почувствовал приближение смерти, он вручил мне этот нож со словами: «Сын мой, я получил этот нож от своего дяди, от которого унаследовал звание тойона. Я обещал ему никогда не заострять сей нож против русских, ибо это может принести нам только несчастье. Приказываю тебе не враждовать с русскими до тех пор, пока сломанный клинок не заострится сам собой». Ты видишь, что клинок по-прежнему сломан, а последняя воля моего отца для меня священна.

Согласно точной переписи, проведенной в 1822 г., на Камчатке проживало 2457 мужчин и 1941 женщина, не считая чукчей, численность которых не поддается учету. Камчадалов из них было 1428 мужчин и 1330 женщин; все прочее население составляли коряки и русские. Всего во владении у населения находилось: лошадей — 91, рогатого скота — 718, собак — 3841 и оленей — 12 000. Последние принадлежали исключительно корякам.

Городок, в котором мы остановились, был весьма невелик. Однако отдых на суше после длительного морского путешествия всегда очень приятен, а радушный и дружественный прием, который мы встретили как со стороны начальника, так и со стороны жителей, сделал его еще приятнее.

Большое развлечение доставила нам медвежья охота, во время которой нам посчастливилось убить огромного зверя. Медведей здесь водится такое множество, что их можно встретить даже вблизи от гавани.

В охоте па медведей обычно столь робкий камчадал проявляет большую храбрость. Часто он выходит на медведя один па один, вооруженный лишь копьем и ножом, и старается, прежде всего, раздражить зверя. Когда же медведь встает на задние лапы, что он обычно делает, защищаясь от нападения, охотник ударяет его в грудь копьем, старается упереть другой конец копья в землю, а затем приканчивает зверя ножом. Все же медведь иногда одолевает охотника, и тогда последний расплачивается жизнью за свою отвагу.

О дерзости местных медведей свидетельствует следующий анекдот. Год назад ощущалась нехватка рыбы, которая составляет главную летнюю пищу медведей и добывается ими самими из рек. В результате среди медведей начался голод. Они всю

зиму не ложились в берлоги, а бродили вокруг города и даже появлялись на улицах. Один медведь расхрабрился настолько, что зашел в дом, дверь которого была случайно открыта, а затем за ним захлопнулась. Хозяйка дома только что поставила в сених большой кипящий самовар. Медведь стал его обнюхивать и обжег нос. Рассвирепев, он схватил самовар передними лапами и прижал к груди, чтобы уничтожить, но обжегся еще больше. Услышав его яростный рев, сбежалась вся семья, а также соседи. Медведя убили ружейными выстрелами через окно. Но он обессмертил себя, войдя в пословицу: того, кто причиняет себе вред собственной горячностью, отныне называют здесь «медведем с самоваром».

14 июля Прейс наблюдал солнечное затмение. На основании этих наблюдений он рассчитал, что долгота Петропавловского порта составляет $158^{\circ}49'29''$ вост. В тот же день Ленц, Гофман и Зивальд предприняли смелое восхождение на Авачинскую сопку, расположенную неподалеку от гавани. Восхождение прошло удачно. Высота сопки, согласно показаниям барометра, оказалась равной 7200 футам над уровнем моря. Кратер сопки время от времени дымился. Шапка, опущенная туда на глубину нескольких футов, была вытащена обратно обгоревшей. В доказательство того, что они исследовали сам кратер, ученые принесли на корабль несколько кусков кристаллической серы.

Утром 20 июля, закончив выгрузку товаров, предназначенных для Камчатки, мы со свежим попутным ветром вышли из Петропавловской гавани и направились к русскому поселению Ново-Архангельску, расположенному на северо-западном берегу Америки. При заходе солнца нашим взорам в последний раз представились возвышавшиеся в отдалении величественные горы Камчатки. Этот пустынный край, на который до сих пор обращают так мало внимания, сможет когда-нибудь стать для России тем, чем является Мексика для Америки. Мы не увезли с собой оттуда никаких сокровищ, если не считать ласточкина гнезда. Я упоминаю о нем потому, что это гнездо долгое время развлекало весь экипаж.

Прибрежные глубины в Петропавловской гавани настолько велики, что суда могут останавливаться у самого берега и сообщаться с ним при помощи сходней. По этой причине пара ласточек приняла наш шлюп за здание, расположенное на суше, и, к великой радости матросов, которые сочли это счастливым предзнаменованием, свила себе гнездо вблизи от моей каюты. Не смущаясь шумом судовых работ, ласточки вывели здесь птенцов, заботливо выкармливали их и распевали свои веселые песенки. Внезапно их мирное жилище начало удаляться от берега.

Это повергло ласточек в крайнее удивление. Они тревожно кружились над отплывающим судном, но продолжали приносить с берега пищу для птенцов. Когда же расстояние между судном и берегом слишком возросло, началась борьба между чувством самосохранения и родительской любовью. Долго еще кружились ласточки над судном, то исчезая, то появляясь вновь. Иногда они усаживались возле своих голодных птенцов, и те с жалобным пискom протягивали им навстречу широко раскрытые клювы. Наконец ласточки окончательно скрылись из виду, и матросы приняли на себя заботу об осиротевших птенцах. Их осторожно вынули из гнезда и переложили в другое, сделанное из ваты. Последнее поставили в теплое место и начали кормить птенчиков мухами, которые, видимо, пришлось им по вкусу. Было решено выкормить птенцов и высадить их на берег в Америке. Казалось, что этот план увенчается успехом, но случилось иначе. Несмотря на заботливый уход, птенчики начали хиреть, и через восемь дней, ко всеобщему горю, ни одного из наших воспитанников уже не было в живых. Этот случай лишний раз свидетельствует о том, что простой русский человек всегда готов прийти на помощь любому беззащитному существу.

Глава десятая

НОВО-АРХАНГЕЛЬСК

Ласточки не принесли нам удачи. На следующий день после отплытия от берегов Камчатки один из наших лучших матросов упал с вершины мачты на марс и тотчас же испустил дух. При самых сильных штормах он уверенно взбирался на ванты и выполнял наиболее сложную работу. И вот теперь судьба настигла его при хорошей погоде, когда на море было спокойно. Подобные несчастья обычно как раз и случаются с самыми ловкими и расторопными матросами. Они слишком полагаются на свое проворство и потому бывают недостаточно осторожны. Не помогают даже многократные предупреждения.

Мрачное состояние духа, вызванное постигшим нас несчастьем, еще более усилилось вследствие наступления туманной, сырой и холодной погоды, которая сопровождала нас вплоть до берегов Америки. К счастью, все время дул сильный западный ветер. С его помощью мы прошли с юга вдоль Алеутских островов и уже 7 августа приблизились к американскому побережью. Это был первый день, когда вновь показалось солнце. В дальнейшем

небо оставалось безоблачным, и, чем ближе мы подходили к берегу, тем мягче и приятнее становилась погода.

Согласно проведенным в полдень наблюдениям, мы находились на широте $55^{\circ}36'$ сев. и долготе $140^{\circ}56'$ зап. Некоторые мореплаватели сообщали о том, что здесь обнаружено постоянное северное течение. Однако наши наблюдения не подтвердили этого. Мы нашли здесь течение, идущее со скоростью 20—30 миль в сутки то на север, то на юг, всецело в зависимости от направления ветра. Только вблизи от берега имеется постоянное северное течение, что подтверждают также местные жители.

Мы направились прямо к бухте, которую англичане называют заливом Норфолк, а русские — бухтой Ситха, по острову, расположенному в ее глубине. Коренные жители называют этот остров Ситхаханом, откуда и произошло его русское наименование. Здесь расположен Ново-Архангельск — главное поселение Российско-Американской компании.

Утром 9 августа, по моим расчетам, мы должны были находиться в непосредственной близости от земли, но густой туман скрывал все предметы, лежащие на расстоянии более 50 саженей. Наконец в полдень выглянуло солнце, туман быстро рассеялся, и нашим взорам внезапно открылась панорама американского берега. Мы находились у самого входа в бухту, неподалеку от гористого мыса Эджкомб. Его плоская вершина настолько высока, что при ясной погоде ее можно увидеть уже на расстоянии 50 миль; она служит хорошим ориентиром.

Штиль помешал нам в тот же день войти в бухту, и мы принуждены были довольствоваться видом высокого, скалистого и пустынного берега, поросшего густым еловым лесом. Мы находились теперь на значительно большей широте, чем были на Камчатке, но не увидели снега даже на самых высоких горных вершинах, которые там были бы, безусловно, покрыты вечными льдами. Последнее свидетельствует о том, что климат американского побережья гораздо мягче, чем климат азиатского.

На следующий день поднялся слабый ветер, дувший по направлению к бухте, и мы тотчас же им воспользовались. Зато погода настолько испортилась, что берег едва можно было различить. Никто из команды раньше не бывал в этой бухте. Она простирается в длину от входа до Ново-Архангельска на 25 миль и изобилует небольшими островами и отмелями. О лоцмане здесь нечего было, и думать, но нам удалось самостоятельно преодолеть все трудности. При все ухудшавшейся видимости и сильном дожде мы прошли все извилины фарватера и бросили якорь перед крепостью.

Здесь мы встретились с фрегатом «Крейсер», которым командовал

капитан 2-го ранга Лазарев. Этот фрегат был прислан сюда правительством для защиты наших торговых интересов, и мы должны были его сменить.

Естественно, что появление судна из родной страны всегда вызывает большую радость у обитателей столь отдаленного и пустынного уголка земного шара. Я незамедлительно посетил Лазарева, а затем нанес визит главному правителю колонии капитан-лейтенанту Муравьеву, моему старому другу, с которым я не виделся уже много лет. Вдали от отечества даже незнакомые друг другу люди вскоре становятся друзьями. Насколько же душевнее становится дружба, возникшая еще на родине! Общение с капитаном Муравьевым, человеком высокообразованным и замечательным благородством своего характера, чрезвычайно помогло нам скрасить долговременное пребывание в этих пустынных краях.

На мой письменный запрос, должно ли состоящее под моей командой судно уже теперь находиться в колонии, капитан Муравьев ответил, что оно не понадобится здесь до 1 марта будущего, 1825 г. и что я могу использовать оставшееся время по своему усмотрению. Воспользовавшись этим разрешением, я отплыл в Калифорнию, посетил Сандвичевы острова, а 23 февраля 1825 г. уже вновь подходил к Ново-Архангельску.

По мере приближения к берегам Америки погода становилась все мягче. Мы были удивлены, увидев в такое время года в местности, расположенной столь далеко к северу, горы, лишенные снега до значительной высоты. Это объяснялось тем, что зима в текущем году была особенно мягкой и снег не лежал в долинах более нескольких часов. Данная местность, находящаяся на 57° северной широты, вообще отличается более мягким климатом, чем те же широты Европы, тогда как северо-восточный берег Азии значительно холоднее соответствующих ему по широте европейских стран.

Утром 24 февраля нам удалось войти в гавань, предварительно проведя штормовую ночь возле этих опасных берегов. Едва мы успели стать перед крепостью на якорь, как шторм возобновился с новой силой.

Нас встретили с большой радостью. На следующий день наш шлюп отошел на некоторое расстояние от крепости и занял такую позицию, которая в наибольшей степени соответствовала целям нашего здесь пребывания. Чтобы пояснить эти цели, необходимо привести некоторые данные о русских поселениях в Америке, а также дать описание туземных жителей.

С седой древности и до наших дней люди нередко выходили в океан на небольших и ненадежных суденышках. Они совершали

удивительные плавания, не имея тех инструментов и приспособлений, которыми ныне располагаем мы благодаря усовершенствованию нашего мастерства и развитию наук. Сыны солнца в Перу, а также создатели упорядоченного государственного строя, который застали испанцы в Мексике, равно как и первые насельники островов Южных морей, по-видимому, переплывали на небольших челнах необозримые пространства Мирового океана. Хорошо известны плавания финикийян и римлян, а также путешествия норманнских витязей, которые открыли Гренландию и Исландию, а затем даже Северную Америку.

На таких же утлых суденышках, без каких бы то ни было приборов для прокладывания правильного курса, иногда даже без компаса отплывали из Охотска русские искатели приключений. Они обогнули Камчатку, открыли Алеутские острова и достигли северо-западных берегов Америки. Из года в год эти походы повторялись; в них участвовало все больше людей, привлекаемых прекрасной пушниной, которую можно было добывать во вновь открытых землях. Многие суденышки терпели крушения, многих смельчаков убивали дикари. Однако находились все новые и новые, ибо продажа добытых шкур, особенно бобровых, приносила хорошую прибыль. Составлялись все новые торговые компании, которые прочно обосновывались на Алеутских островах и даже в самых северных частях западного побережья Америки. Они вели регулярную торговлю с Сибирью, а между собой чрезвычайно враждовали. При помощи огнестрельного оружия эти компании захватывали все более обширные пространства и жестоко обращались с робкими алеутами. Они, возможно, и вовсе истребили бы данный народ, если бы не вмешался император Павел. По его приказу в 1797 г. была создана Российско-Американская акционерная торговая компания, ответственная перед правительством и находящаяся под его защитой. Она заменила все купеческие компании, которым было дано право в нее войти, и получила исключительную привилегию вести торговлю и основывать поселения в этих краях. Правление Компании, которому подчинены начальники поселений, находится в Петербурге.

Вначале морские бобры⁴ встречались в изобилии на берегах Камчатки, но неограниченная охота настолько истребила этих животных, что Компания вынуждена была искать их все дальше и дальше. В связи с этим она распространила свою деятельность на Алеутские острова вплоть до острова Кадьяк, расположенного у берегов Америки, и перенесла сюда свое главное поселение. Отсюда охота распространилась до бухты Чугач и реки Кука. Несчастливым животным пришлось расплачиваться за

то, что природа одарила их красивым мехом. Их упорно преследовали и ежегодно убивали в великом множестве, а потому они и здесь стали редкостью. Всего за несколько лет морские бобры были почти полностью истреблены на Камчатке и Алеутских островах.

По этой причине Компания решила распространить свои поселения далее к югу. В 1804 г. возник поселок на острове Ситха, коренные жители которого называют себя по имени острова, тогда как русские называют их колошами.

Остров Ситха отделен от материка узким проливом и простирается на 3,5° широты. Он состоит, собственно, из трех островов, в чем я имел возможность убедиться лично, обогнув эти острова на шлюпке. Однако проливы, их разделяющие, настолько узки, что Ситху вполне можно рассматривать как единое целое. Берега Ситхинского залива изрезаны многочисленными бухточками и окаймлены небольшими скалистыми островками, поросшими лесом. Под защитой этих островов, как в шхерах на берегу Финляндии, суда могут найти укрытие от бурь и от морских волн. Гавань Ново-Архангельска защищена подобным же образом и не нуждается в искусственных защитных сооружениях.

В течение длительного времени должность главного правителя поселений Российско-Американской компании занимал Баранов — предприимчивый и отважный человек. Он был словно создан для того, чтобы усмирять дикие народы, и даже находил в этом своеобразное удовольствие. Покорение ситхов, иначе говоря, колошей, было не таким легким делом, как приведение к покорности куда более кротких и безропотных алеутов и кадьяков. Однако Баранов справился и с этой задачей.

Колоши — храбрый, воинственный и свирепый народ. Корабли Северо-Американских Соединенных Штатов, приобретающие здесь бобровые шкуры для китайского рынка, снабжают колошей огнестрельным оружием, которым те прекрасно владеют. Тем не менее, Баранов сумел внушить им уважение. Отчасти с помощью щедрых подарков, отчасти силой оружия он преодолел их сопротивление и основал поселение на острове Ситха. Проведя здесь некоторое время, построив дома, заложив укрепления и, как ему казалось, успокоив колошей щедрыми дарами, Баранов доверил вновь покоренную местность охране, состоящей из незначительного числа русских и алеутов, и вернулся на остров Кадык.

Года два все было спокойно, но однажды ночью оставленный Барановым гарнизон, считавший себя в совершенной безопасности, подвергся внезапному нападению большого числа

колошей. Они проникли в крепость, не встретив никакого сопротивления, и с безмерной жестокостью умертвили всех ее обитателей. Лишь несколькими алеутам, находившимся в это время на охоте, удалось спастись. Проплыв на своих байдарках³⁷ по открытому океану до острова Кадьяк, они принесли известие об уничтожении поселения на Ситхе.

Это событие произошло в 1804 г., то есть как раз тогда, когда адмирал Крузенштерн совершал свое путешествие вокруг света и его второе судно, «Нева», было прислано в эту колонию. Баранов незамедлительно воспользовался прекрасной возможностью в полной мере отомстить колошам. Он сам снарядил три судна и в сопровождении «Невы» направился в Ситху. Когда колоши узнали, что вернулся «богатырь Нонок», как они прозвали Баранова, ими овладел такой страх, что они, даже не попытавшись помешать высадке русских на берег, тотчас отступили в свое укрепление. Последнее представляло собой обширный четырехугольник, окруженный частоколом из толстых высоких бревен, и имело небольшие укрепленные ворота, а также амбразуры для ружей и фальконетов, которыми осажденные были снабжены в избытке.

Эта деревянная крепость, в которой находилось около 300 воинов со своими семьями, оборонялась в течение нескольких дней. Однако, после того как русские тяжелые орудия пробili брешь в частоколе и осажденные поняли, что он уже не может служить им защитой, они вступили в переговоры и в знак повиновения выдали в качестве заложников сыновей нескольких вождей. Несмотря на то, что мир был уже заключен и колошам была предоставлена возможность свободно удалиться, они все же не доверяли русским, а потому незаметно ушли ночью, предварительно убив всех стариков и детей, которые могли бы задержать их бегство. Лишь утром было обнаружено это

---

³⁷ Байдары представляют собой лодки алеутов. В длину они обычно достигают 12 футов, а в ширину — 20 дюймов. Глубина в средней части также составляет 20 дюймов; корма и нос заострены. Имеются маленькие байдарки — для одного человека и побольше — для двух-трех человек. Шпангоуты и киль байдары состоят из тонких еловых планок, соединенных друг с другом китовыми сухожилиями. Они покрыты тюленьими или моржовыми шкурами, с которых снят волос. Верх также изготавливается из подобных шкур и имеет круглые отверстия по числу гребцов. Гребцы сидят на дне лодки, вытянув ноги, а верхняя часть их тела выступает из отверстий, которые делаются с таким расчетом, чтобы гребцам было удобно двигаться. Пространство между телом гребца и краями отверстия настолько хорошо защищено, что во внутренность байдары не проникает ни капли воды. Эти суденышки движутся крайне быстро. Алеуты выходят на них в море в любую погоду.— *Примеч. авт.*

ужасное преступление, совершенное извергами, которые настолько не доверяли русским, что судили о них по себе.

Теперь Баранов окончательно вступил во владение островом. Но фактически он овладел лишь холмом, на котором прежде жил предводитель колошей по имени Кателан; этот холм представляет собой как бы естественную крепость. Несмотря на заключенные договоры, колоши жаждали мести и непрестанно искали возможности осуществить ее с помощью какой-нибудь хитрости. Поэтому русские отваживались выходить из крепости только значительными группами и в полном вооружении.

Поселение было отстроено вновь. Оно надежно защищено теперь от любого нападения, будучи расположено на высоком холме с крутыми склонами, ставшем еще более неприступным после возведения крепостных сооружений. В настоящее время это поселение носит название Ново-Архангельска и является главным городом русских владений в Америке, простирающихся от 52° северной широты до Северного Ледовитого океана. Помимо него существует еще два других, расположенных южнее; о них речь пойдет ниже.

Баранов перенес свою резиденцию в Ново-Архангельск. Охота на морских бобров, которая развернулась в этих местах, вначале доставляла Компании большой доход. Однако и здесь бобры стали встречаться все реже и реже. В настоящее время доход от этого промысла даже не покрывает расходов на содержание силы, необходимой для того, чтобы давать отпор диким и воинственным колошам. Поэтому у Компании уже возникла мысль совершенно оставить Ново-Архангельск и перенести главную резиденцию обратно на остров Кадьяк. Будет, однако, крайне прискорбно, если подобное намерение осуществится, ибо другая нация легко сможет этим воспользоваться, прочно обоснуется в данном крае и начнет мешать деятельности Компании. Между тем капиталов Компании, пожалуй, недостаточно для содержания поселения в Ново-Архангельске, и, если правительство не вмешается, колония, видимо, перестанет существовать.

Климат Ситхи не так суров, как следовало бы ожидать на этой широте. В середине зимы температура опускается всего на несколько градусов ниже нуля, и морозы никогда не бывают продолжительными. Тем не менее, земледелие здесь не развито. Нет, пожалуй, ни одной местности на земном шаре, где бы дождь шел так часто, как здесь. День без дождя считается крайней редкостью. Уже по этой причине злаки тут не вызревают. Рельеф местности также препятствует земледелию: на острове нет сколько-нибудь значительных равнин, а встречающиеся повсюду узкие долины окружены высокими и крутыми

гранитными скалами, поросшими густыми лесами, и потому почти весь день остаются в тени. Однако некоторые овощи, как, например, капуста, репа и картофель, дают хорошие урожаи. Картофель возделывают даже колоши, научившиеся этому от русских. Они считают его большим лакомством. На самом материке на той же широте климат, по-видимому, несравненно лучше, хотя и несколько холоднее. Поскольку в этих местах имеются обширные равнины, надо полагать, что там вполне возможно земледелие.

Густые и высокие леса Ситхи состоят главным образом из елей и лиственниц. Встречаются деревья высотой 160 футов и с диаметром ствола 6—7 футов. Из таких стволов колоши делают большие лодки, в каждой из которых может разместиться до 25—30 человек. Изготовление таких лодок — весьма сложное дело и требует большого искусства. Только за это и можно похвалить сей дурной народ.

Несмотря на то, что местность кажется пустынной и бесплодной, почва здесь весьма плодородна, и все растения достигают больших размеров. Однако растительный мир Ситхи не очень разнообразен. Леса изобилуют ягодами, главным образом малиной и черной смородиной. Эти ягоды замечательны своими размерами, но отличаются водянистым вкусом.

Море у берегов и в бухтах богато рыбой. Здесь водится также много китов, кашалотов, дельфинов, тюленей, морских львов и других морских животных. Рыба составляет главную пищу как туземцев, так и русских. В изобилии встречаются сельдь, треска и различные виды лососевых рыб. Из многочисленных пород птиц, водящихся на этом берегу, следует особо отметить красивого белоголового орла и несколько видов очаровательных колибри, которые прилетают в Ситху из теплых стран и выют здесь гнезда. Достоин удивления, что эта нежная птичка, живущая в жарком климате, залетает так далеко на север.

Из млекопитающих, обитателей здешних лесов, заслуживает быть отмеченным черный медведь, шкура которого столь дорого ценится в России. Высоко в горах водится особая порода диких баранов, известная нам только по рассказам колошей и, видимо, еще не описанная учеными. Эта порода весьма отличается от той, которая обитает на Камчатке, и имеет шерсть мягкую и тонкую, как шелк. Но самым примечательным из здешних животных все же является морской бобр. Именно он привлек сюда людей из самых отдаленных краев, и эти люди, возможно, когда-нибудь станут благодетелями местных жителей, если будут распространять среди них дух разума и просвещения.

Морские бобры во множестве обитают только на северо-западном берегу Америки, между 60° и 30° северной широты. В незначительном количестве они встречаются также на берегах Алеутских островов, а раньше водились еще на побережье Камчатки и на Курильских островах. Из бобровых шкур выделяется самый красивый в мире мех, который высоко ценится как европейцами, так и китайцами. Стоимость этого меха возрастает из года в год в связи с быстрой убылью морских бобров. Возможно, что эти животные вскоре совершенно исчезнут с лица земли, так что их можно будет увидеть лишь на картинках в сочинениях по зоологии.

Некоторые полагают, будто нет никакой разницы между морским и речным бобром, поскольку они очень похожи друг на друга по внешнему виду. Между тем мех первого несравненно красивее, чем мех второго, обитающего лишь в реках и озерах, где морского бобра никогда не встречали.

Нередко в нескольких милях от берега можно наблюдать такую картину: самка морского бобра спокойно спит на спине, на поверхности воды, в то время как ее детеныши, числом не более двух, сосут материнскую грудь. Детеныши начинают плавать лишь через несколько месяцев после рождения. Поэтому мать, будучи вынуждена отправиться в море на поиски корма, несет их на своей спине, за которую те крепко держатся. Утолив голод, она возвращается с ними в свою нору, расположенную среди скал. Если охотник заметит самку во время подобного плавания, она становится его легкой добычей. Дело в том, что мать никогда не бросает своих детенышей, хотя они и препятствуют ее бегству, а вместе с самцом яростно защищает их от нападения. Оба зубами вырывают из тел бобрят вонзившиеся в них стрелы и даже нападают на преследующих их людей, расплачиваясь жизнью за свою отвагу.

Легкие бобров устроены таким образом, что эти животные не могут долго оставаться под водой; раз в две-три минуты им приходится всплывать на поверхность, чтобы вдохнуть свежий воздух. Этим и пользуются охотники, которым иначе вряд ли удался бы их промысел, ибо морские бобры с большой скоростью плавают под водой. Тем не менее, данный промысел очень труден и к тому же опасен. Вот как производится эта охота.

Охотники, вооруженные короткими дротиками, а также луками и стрелами, выходят в море на маленьких алеутских байдарах, отдаляясь на несколько миль от берега. Заметив морского бобра, они мечут в него дротики или стреляют из лука. Чрезвычайно редко удастся поразить животное с первого раза. Оно быстро ныряет, но, как я уже указывал, не может долго

оставаться под водой. Искусство охотника заключается, прежде всего, в том, чтобы угадать, в каком направлении поплыл нырнувший под воду бобр, и отправиться за ним в погоню, тогда как другая байдара стремится зайти ему наперерез. Когда животное вновь показывается на поверхности, чтобы набрать свежего воздуха, в него сразу стреляют. Преследование продолжается до тех пор, пока бобр не устанет настолько, что в него легко можно будет попасть. Нередко раненое животное, особенно если при нем находятся его детеныши, отчаянно защищается с помощью зубов и когтей. Чем больше байдар принимает участие в охоте, тем больше уверенности в ее удачном исходе. Но при надлежащем искусстве охотников достаточно иметь хотя бы две байдары. Впрочем, несмотря на все усилия, иногда не удается добыть ни одного бобра. А ведь охотники рискуют жизнью, ибо буря часто застигает их в открытом море.

Теперь мне остается только описать туземцев Ситхи, так называемых колошей, к чему я перехожу с большой неохотой. Как я уже говорил выше, это самый порочный народ на свете. Они настолько отвратительны, что я должен просить безразличных читателей и читательниц пропустить следующие несколько страниц. Только в интересах полноты изложения я счел возможным изобразить здесь, до какой ужасающей степени испорченности могут дойти человеческие существа⁸.

Обитатели острова Ситха и прилегающей к нему части материка отличаются высоким ростом и крепким, но чрезвычайно уродливым и непропорциональным телосложением. Гладкие черные волосы беспорядочно свисают на их широкие и мясистые лица. У них резко выступающие вперед скулы, широкий и плоский нос, большой рот с толстыми губами, маленькие черные глаза, горящие диким огнем, и удивительно белые зубы. Их кожа сама по себе не так уж смугла, но они ежедневно мажут лицо и все тело охрой и черноземом, вследствие чего кажутся темнокожими.

Тотчас же после рождения детям сжимают череп, чтобы придать ему, как они полагают, красивую форму. В результате брови у них поднимаются кверху, а ноздри расширяются. Подобно многим другим пародам, колоши выщипывают себе бороду по мере ее появления. Это выщипывание поручается женщинам.

Одежда колошей состоит чаще всего лишь из небольшого передника. Более зажиточные носят шерстяные одеяла, полученные от русских или доставленные на кораблях Североамериканских Штатов. Они накидывают эти одеяла на спину, завязав два конца узлом на шее. Некоторые носят подобным же

образом медвежьей шкуры. Самые богатые колоши владеют европейским платьем, которое надевают лишь в торжественных случаях. Они выглядели бы в нем презабавно, если бы не были столь безобразны; их внешность такова, что не может вызвать даже смеха.

Обычно колоши ходят с непокрытой головой, но при сильном дожде надевают искусно сплетенные из травы конусообразные шапки, которые не пропускают ни капли влаги. Колоши одеваются одинаково как в самую сильную жару, так и в зимнюю стужу. Мне кажется, что ни один народ в мире не закален так, как этот. Зимой здесь случаются десятиградусные морозы, но и тогда колоши разгуливают нагишом. Если им становится холодно, они опускаются по шею в воду, утверждая, что это хороший способ согреться. Колоши ночуют под открытым небом. Они ничем не укрываются, но ложатся так близко к пылающему костру, что спят на горячей золе, время от времени поворачиваясь то на один, то на другой бок, чтобы не обгореть. Те женщины, которых я видел, ходили либо в холщовых рубашках до пят, либо в подобной же одежде из циновки, сплетенной ими самими.

Колоши выглядят еще более дико и непривлекательно вследствие распространенного как среди мужчин, так и среди женщин обычая раскрашивать лицо широкими черными, белыми и красными полосами, пересекающимися во всех направлениях. Хотя эта раскраска кажется совершенно беспорядочной, они, по-видимому, умеют отличать по ней различные племена. Чтобы придать раскрашенному лицу еще более бешеный вид, они втыкают в свои длинные, спутанные, висящие клоками волосы небольшие шейные и грудные перья белоглавого орла.

Колошские женщины, и без того весьма безобразные, будучи разукрашены подобным образом, выглядят совершенно ужасно. Но, видимо, и этого им недостаточно. Как только они достигают половой зрелости, им делают разрез в нижней губе и втыкают туда кость, которую для расширения отверстия время от времени заменяют все более толстой. Наконец в это отверстие вставляют колюжку — кусок дерева с утолщениями на обоих концах, овальный в сечении. У самых знатных женщин колюжка часто имеет четыре дюйма в длину и три в ширину. Вследствие этого нижняя губа настолько выпячивается вперед, что всегда видны нижние зубы. Наружный край губы, окаймляющий этот кусок дерева, становится тонким, как веревка, и имеет темно-синий цвет. При быстрой ходьбе губа раскачивается вверх и вниз, касаясь то носа, то подбородка. Как сообщают, у колошей, живущих на материке, колюжка отличается еще

большими размерами, а женщина, которая может прикрыть нижней губой все лицо, считается совершенной красавицей. Мужчины и женщины протыкают себе ноздри и вставляют в них перья, железные кольца и другие украшения. В ушах они проделывают много отверстий, в которых носят кости, раковины и бусы. Нельзя описать, сколь отвратительным кажется этот народ. Но самое неприятное впечатление оставляет эта женская деревянная губа, имеющая корытообразную форму. При жевании табака, который местные женщины очень любят, с нее постоянно течет слюна.

Колоши не имеют постоянных поселений, а кочуют вдоль берегов. Они передвигаются в больших лодках, которые называют «женскими лодками». В этих суденышках помещается все их имущество. Пожелав где-нибудь остановиться, колоши тотчас же сооружают хижину, весь материал для которой возят с собой. Они втыкают в землю множество жердей, образующих четырехугольник, заполняют промежутки между ними тонкими дощечками, а крышу покрывают древесной корой. Таким жилищем колоши довольствуются даже в самые суровые зимы.

В холодное время года в центре хижины поддерживается огонь, вокруг которого сидит вся семья, причем каждый занимается своим делом. Внутренность подобного жилища соответствует неопрятности его обитателей, которые, кажется, соперничают в этом отношении с самыми грязными животными. Дым, запах тухлой рыбы, ворвани и всяких отбросов, безобразные человеческие фигуры, уродливые женщины, которые ищут насекомых в звериных шкурах или в головах мужчин, причем немедленно с аппетитом пожирают свою добычу, большой общий ночной горшок, жидкостью из которого моется вся семья,— все это сразу же прогоняет любопытного европейца из столь ужасного места.

Кушанья колошей, достаточно невкусные сами по себе, кажутся еще более отвратительными, когда видишь, как неопратно здесь едят или, точнее, пожирают пищу. Питаются колоши почти исключительно рыбой. Их любимым блюдом является китовое мясо, а главным лакомством — ворвань. Обычно они едят всю пищу в сыром виде, но иногда варят рыбу в плетеных водонепроницаемых корзинах, бросая туда раскаленные камни.

Их главное богатство составляют шкуры морских бобров, которые заменяют здесь деньги. В обмен на эти шкуры колоши получают от судов, ведущих с ними торговлю в ущерб интересам русского поселения, ружья, порох и пули. Эти предметы здесь весьма ценятся. Нет ни одного колоша, который не имел

бы, по крайней мере, двух ружей. Все они очень искусные стрелки.

Чем богаче колош, тем он могущественнее. Он имеет множество жен, что способствует увеличению численности его семьи, а также покупает рабов и рабынь, которые называются калга. Рабы ловят для него рыбу и занимаются другими работами, а на войне входят в войско хозяина вместе с членами его семьи.¹ Эти рабы состоят из военнопленных и их потомства. Хозяин обладает неограниченной властью над ними и даже имеет право убить, чем нередко пользуется. Когда же хозяин умирает, на его могиле умерщвляют двух рабов, чтобы у него были слуги и на том свете. Последних заранее отбирают для этой цели, но они не кажутся опечаленными своей судьбой.

Слабая населенность этого края, по-видимому, объясняется многочисленными межплеменными войнами, которые ведутся с редкой даже для диких народов яростью и ожесточенностью. Эти войны стали гораздо более частыми и кровопролитными после появления у колошей огнестрельного оружия, которым их на их же погибель снабжают приходящие главным образом из Североамериканских Штатов суда. Раньше колоши были вооружены только луками и стрелами, а теперь у них имеются ружья, длинные ножи и кинжалы.

Колоши никогда не нападают открыто, а стремятся применить хитрость, причем им часто удается застигнуть врага врасплох. Достаточным основанием для неожиданного нападения является возможность грабежа или захвата нескольких рабов. При таких нападениях с врагом обращаются с крайней жестокостью. Поэтому колоши даже в мирное время всегда готовы к защите. Они строят свои жилища в таких местах, которые представляют собой естественные укрепления и откуда можно издали увидеть приближение врага.

Ночью стражу несут женщины. Они собираются у жилищ, вокруг костра, и, чтобы не уснуть, развлекают друг друга рассказами о подвигах своих мужей и сыновей. Все домашние работы, даже самые тяжелые, также возложены на женщин. Мужчины занимаются только охотой и постройкой лодок. Женщинам помогают одни лишь рабы, с которыми обращаются крайне жестоко. Колошские женщины принимают также деятельное участие в войнах. Они не только воодушевляют мужчин, но и сражаются рядом с ними.

Помимо грабежа причиной нападений обычно является кровная месть. Смерть можно искупить только смертью. При этом не имеет значения, будет ли умерщвлен сам убийца или кто-нибудь из его родственников. Обычай требует только, чтобы за

убитого мужчину был убит мужчина, за убитую женщину — женщина. Как ли странно, из-за этих безобразных представительниц слабого пола здесь ведутся сражения, подобно тому, как у стен Трои некогда сражались из-за прекрасной Елены; зачастую выгодный мир достигается уступкой противнику одной из женщин.

Колоши, по всей вероятности, остались бы равнодушными к самым красивым европейским женщинам. Однако своих соотечественниц, с. корытообразными губами они находят очаровательными и способны пылать к ним сильнейшей страстью. Об этом свидетельствует следующее событие, которое произошло во *время* питего пребывания в Ситхе.

У одной девушки из племени колошей, расположившегося лагерем вблизи крепости, было четверо возлюбленных. Соперники вступили в борьбу, долго избивали друг друга, но ни один из них не хотел уступить. Наконец они решили убить свою возлюбленную и пронзили ее копьями. Несчастная тотчас же истекла кровью. Вокруг костра, на котором был сожжен труп, собралось все племя. Наши соотечественники, местные старожилы, перевели нам слова песни, сопровождавшей эту церемонию. Песня имела следующее содержание: «Ты была слишком прекрасна. Ты должна была умереть. Достаточно было взглянуть на тебя, чтобы обезуметь от любви».

Как ни жесток этот поступок, он не может идти в сравнение с другим случаем, когда отец, рассердившись на своего ребенка, кричавшего в колыбели, бросил его в кипящую ворвань. Приведенные примеры достаточно характеризуют этот отвратительный народ, принадлежащий во всех отношениях к самым омерзительным отбросам человечества.

Свадьба у колошей представляет собой пиршество, которое устраивается для родных невесты. Что же касается похорон, то трупы умерших сжигают, а пепел собирают в небольшие деревянные ящички, хранящиеся в особом строении. У колошей, по-видимому, существует смутное представление о бессмертии души, но не наблюдается никаких других признаков религии. У них нет ни жрецов, ни какого-либо культа, и поэтому отсутствуют также изображения богов. Зато они верят в колдовство. Колдуны, которые заменяют им также врачей, пользуются большим почетом. Их скорее боятся, нежели любят. Эти колдуны лечат болезни, заклиная злого духа. Впрочем, многие из них умеют также готовить из трав целебные средства. Они тщательно охраняют тайны своего искусства, которое их кормит.

Вожди колошей часто посещали наше судно. Обычно они приходили со всей семьей и слугами, чтобы осмотреть корабль,

принять подарки и наесться досыта. В благодарность они исполняли свой неуклюжий национальный танец.

Прежде чем подняться на борт, гости несколько раз объезжали вокруг судна. При этом они пели песню, напоминавшую собачий вой. В песне говорилось: «Мы пришли к вам как друзья и не питаем никаких других намерений. Наши предки враждовали друг с другом, но пусть между нами царит мир. Примите нас гостеприимно, и мы отплатим вам тем же».

Пение сопровождалось глухими ударами бубна, но не становилось от этого более благозвучным. Только после наших неоднократных приглашений они наконец вступали на корабль, ибо откликаться на первое же приглашение здесь не принято. Вероятно, этот обычай порожден присущей им подозрительностью.

При подобных посещениях колоши всегда стараются быть особенно нарядными. Они настолько обильно раскрашивают свои лица красной, белой и черной краской, что нигде даже не проглядывает естественный цвет; напротив, тела их бывают украшены лишь черными полосами. В свои волосы колоши втыкают множество белых перьев, разлетающихся по воздуху при каждом движении, а также привязывают к ним горностаевые шкурки. На спину колоши накидывают завязанную у шеи волчью или медвежью шкуру или же шерстяное одеяло, а в руке держат крыло или хвост орла, употребляя его как опахало. Обuvi они никогда не надевают.

Вначале посетители обычно удовлетворяли свое любопытство, осматривая судно. При этом они распространяли на палубе (в каюты их не пускали) ужасную вонь от прогорклого масла и ворвани, которыми они пользуются как благовонными притираниями. Затем на палубе начинались танцы. Женщины не танцевали, а сопровождали танцы пением и ударами в бубны. Пение состояло из отдельных глухих тонов с паузами между ними, а такт отбивался ногами. Под эту музыку мужчины проделывали руками и всем телом самые невероятные движения и время от времени совершали огромные прыжки, так что воздух был полон перьев, вылетающих из их причесок. При этом танцующие не сходили с места, а только поворачивались, давая возможность зрителям любоваться ими со всех сторон. Неистовые танцоры образовывали беспорядочную толпу. Только один человек находился от них на некотором отдалении. Он был особенно разукрашен множеством перьев и горностаевых шкурок и отбивал такт жезлом, украшенным зубами морского бобра. По-видимому, это был распорядитель танцев.

По моему распоряжению во время каждого перерыва в танцах

как мужчинам, так и женщинам подносили в качестве угощения листья табака, которые они сразу же с жадностью засовывали в рот. После такого угощения музыка и пение возобновлялись с новой силой, пока, наконец, спектакль не заканчивался вследствие полного изнеможения танцоров. Тогда колошам подносили в деревянных чашах их любимое кушанье — рисовую кашу с сиропом. Они уплетали ее крайне неаппетитно, хватая грязными руками. Женщинам особенно мешали их корытообразные губы. Они отгибались к самому подбородку под тяжестью пищи, часть которой при этом вываливалась обратно. Один раз во время подобного угощения колошей очень напугал медвежонок, привезенный нами с Камчатки. Он сорвался с привязи, перепрыгнул через сидевших на палубе гостей и отогнал их от блюда с кашей.

На прощание посетители всегда получали глоток водки. Последнюю они очень любят и могут употреблять в большом количестве.

В дополнение к их прочим порокам колоши являются страстными игроками. Обычно они пользуются для игры небольшими деревянными палочками, окрашенными в разные цвета и имеющими особые названия: «рак», «утка», «морской бобр», «кит» и т. п. Палочки перемешивают, разделяют на отдельные кучки и покрывают эти кучки мхом. Требуется отгадать, в какой кучке лежит «рак», «кит» и т. п. Некоторые игроки проигрывают при этом все свое имущество и даже жен и детей, которые становятся рабами выигравшего.

В течение всего нашего пребывания в Ситхе мы поддерживали с колошами мирные отношения. Впрочем, однажды кровавое столкновение было предотвращено, вероятно, только благодаря отваге и хладнокровию наших матросов. На берегу против нашего шлюпа была устроена в палатке бондарная мастерская, так как почти все наши бочки нуждались в ремонте. Для помощи бондарю и для защиты его от колошей я распорядился выделить трех вооруженных матросов. И вот однажды к палатке подошли десять индейцев, имевших при себе длинные ножи. Вначале они держались спокойно и внимательно следили за работой, однако вскоре стали назойливы и захотели перешагнуть указанные им границы. Когда же им это запретили, они вытащили ножи и, вероятно, тяжело ранили бы бондаря, если бы ему не удалось ловко отпарировать удар рукой. Тут к ним подскочили три других матроса с заряженными ружьями в руках. Они имели строгий приказ проливать кровь лишь в случае крайней необходимости и потому ограничились тем, что выстроились против колошей, направив на них штыки. Те также продолжали

некоторое время стоять с ножами наготове, но, увидев решимость матросов, не отважились на нападение и отступили в лес. Если бы дело дошло до вооруженной стычки, она могла бы иметь очень серьезные последствия: все колоши восстали бы против нас, и при высадке на берег в любом месте за пределами крепости мы бы стали подвергаться нападениям из засады. Поэтому правитель колонии капитан Муравьев стремится предотвратить какие бы то ни было столкновения между русскими и колошами. Благодаря своим разумным распоряжениям он пользуется большим уважением среди коренных жителей, вследствие чего в настоящее время отношения с ними хороши как никогда. Вообще управление этого достойного человека весьма способствует подъему благосостояния колоний. В случае выполнения намеченных им планов для этих колоний откроются новые источники доходов и производимая здесь торговля будет приносить Компании большую прибыль.

Как я уже упоминал, граждане Североамериканских Штатов на поприще торговых спекуляций превосходят все другие нации смелостью, предприимчивостью и выдержкой. Здесь мы получили новое тому доказательство. 16 апреля 1825 г. в гавань Ново-Архангельска вошел двухмачтовый корабль, который прибыл прямо из Бостона, не сделав по дороге ни одной остановки. Он обогнул мыс Горн, совершив все плавание за 166 дней. Капитан этого судна по фамилии Бланшар одновременно являлся его владельцем, а также хозяином груза. На основании одних только слухов о том, что в колонии ощущается недостаток в некоторых товарах, он вложил в них все свое состояние и привез сюда на продажу. Здесь он с ужасом узнал, что Ново-Архангельск в избытке снабжен всем необходимым и что помимо того ожидается прибытие судна из Петербурга с различными припасами. Поскольку, однако, Блапшар готов был все дешево распродать, у него купили судно и груз за двадцать одну тысячу шкур морских котиков (не бобров!). При этом Бланшар поставил условие, чтобы его вместе со всей командой и мехами перевезли на Сандвичевы острова. Оттуда он рассчитывал добраться до Кантона [Гуанчжоу], где надеялся произвести выгодную спекуляцию. Такие шкуры действительно весьма ценятся в Китае: за каждую обычно дают по два испанских талера.

Когда судно входило в гавань, весь его экипаж, не исключая и капитана Блаишара, был пьян, так что только благодаря счастливой случайности оно смогло избежать многочисленных скал и отмелей. Впрочем, североамериканцы такие искусные моряки, что даже в пьяном виде успешно справляются с трудностями. Вероятно, в пути они вели более умеренный образ жизни и,

только увидев цель своего путешествия, стали на радостях слишком часто прикладываться к бутылке. Посетив это судно, я, к своему удивлению, обнаружил, что оно обставлено весьма скудно. Например, на нем не оказалось ни одного зеркала, за исключением того, которое находилось на секстанте и служило для измерения углов. Следовательно, при бритье всей команде приходилось пользоваться этим крошечным зеркальцем.

30 июля в Ново-Архангельск благополучно прибыло из Петербурга принадлежащее компании судно «Елена». Оно доставило богатый груз, состоящий из всевозможных припасов. Таким образом, колония оказалась на длительный срок обеспеченной всем необходимым. Мы особенно обрадовались прибытию этого судна, ибо оно привезло нам разрешение покинуть свой пост и возвратиться в Россию.

Мы тотчас же принялись за работу, чтобы приготовить фрегат к плаванию. И вот 11 августа настал долгожданный день, когда, воспользовавшись свежим северным ветром, наше судно вышло из Ново-Архангельска. Мы провели пять с половиной месяцев среди народа, к которому могли испытывать лишь отвращение. Только общение с капитаном Муравьевым и несколькими обитателями крепости скрашивало наше здесь пребывание.

Я решил вернуться в Кронштадт через Китайское море и далее вокруг мыса Доброй Надежды. В отличие от капитана Бланшара мне не хотелось утомлять своих людей длительным плаванием. Поэтому я решил дать им отдых в удобном порту Манила на острове Лусон, который относится к Филиппинским островам. Предварительно я намеревался предпринять попытку найти цепь островов Ралик.

Согласно результатам астрономических наблюдений, производившихся в течение пяти месяцев, долгота Ново-Архангельска равна $135^{\circ}33'18''$ зап., а его широта — $57^{\circ}2'57''$ сев. Склонение магнитной стрелки составило $27^{\circ}30'$ вост. Следовательно, мыс Эджкомб расположен под $136^{\circ}1'49''$ западной долготы, то есть примерно на $20'$ западнее, чем показано на карте Ванкувера. Такую же разницу мы обнаружили при определении долготы Сан-Франциско. Я полагаю, что Ванкувер нанес на карту весь описанный им американский берег на $20'$ восточнее его фактического положения. Полученные нами данные более точны, ибо они представляют результаты многократных наблюдений, тогда как Ванкувер производил свои наблюдения на борту находящегося в движении судна.

Прикладной час 10 порта Ново-Архангельск в полнолуние и

новолуние, выведенный как среднее из многократных наблюдений, составляет 0 часов 30 минут, а наибольшая высота прилива здесь равна 16 футам.

Глава одиннадцатая

КАЛИФОРНИЯ И РУССКАЯ КОЛОНИЯ РОСС

Как я уже упоминал в предыдущей главе, мне было разрешено провести зиму 1824/25 г. в Калифорнии и на Сандвичевых островах. Капитан Лазарев, которого я сменил, также предполагал на обратном пути зайти в залив Сан-Франциско, врезающийся в побережье Калифорнии, чтобы запастись там свежей провизией перед плаванием вокруг мыса Горн. Однако ему пришлось дожидаться почты из Петербурга, которая прибывает в столь отдаленные пункты нашей огромной империи лишь один раз в год. По непроезжим сибирским дорогам ее доставляют весной в Охотск, а отсюда осенью переправляют морем в Ново-Архангельск.

Обеспечив все необходимое для предстоящего нам пребывания в Ново-Архангельске, а также подготовив судно к плаванию, мы 10 сентября 1824 г. вышли в море. Попутный северный ветер быстро понес нас к югу, к берегам плодородной Калифорнии. Плавание протекало благополучно. Оно не было отмечено никакими любопытными происшествиями, если не считать того, что под 40° северной широты мне впервые довелось наблюдать редкое зрелище — борьбу двух противоположных ветров.

В течение нескольких дней дул довольно сильный южный ветер. Вдруг на севере появились облака, и по движению воды стало заметно, что приближается не менее свежий ветер с севера. Катившиеся навстречу друг другу волны неистово бушевали и пенились, по между ними пролегла нейтральная полоса шириной около 50 саженей, тянувшаяся с запада на восток до самого горизонта. Здесь наблюдался полнейший штиль, и даже самый слабый ветерок не бороздил гладкой, как зеркало, поверхности океана. Через некоторое время победа осталась за северным ветром, и он погнал перед собой нейтральную полосу по направлению к нашему судну.

До сих пор мы находились в зоне действия южного ветра, а теперь попали в полосу штиля; наш корабль не мог продолжать свой путь, хотя и спереди и сзади бушевали сильнейшие ветры.

Это редкостное явление продолжалось примерно четверть часа. Наконец нас подхватил северный ветер, и мы быстро понеслись к цели.

25 сентября мы находились уже весьма близко от мыса, названного испанскими моряками мысом Королей [мыс Рейес]. Недалеко от него расположен залив Сан-Франциско. Однако густой туман, господствовавший в это время года у калифорнийских берегов, скрывал от нас берег. Только утром 27 сентября туман рассеялся, и мы увидели желанный мыс. Он представляет собой довольно высокий, лишенный всякой растительности холм, обрывающийся к морю черной скалистой стеной. По внешнему виду данный холм отнюдь не оправдывает своего названия. В десять часов утра мы обогнули этот Королевский утес на расстоянии трех миль. Здесь мы заметили чрезвычайно сильный прибой, порожденный быстрой сменой двух стремительных морских течений. Волны со слепой яростью бились о подножие равнодушного к их неистовству монарха.

Ширина пролива, ведущего в большой и прекрасный залив Сан-Франциско, составляет всего половину дальности полета пушечного ядра. Над проливом господствует крепость св. Иоахима, расположенная на высокой скале на его левом берегу. Мы увидели, что над крепостью развевается республиканский флаг. Последнее означало, что и эта, самая северная, колония Испании уже не признает власти метрополии. Мы заметили также несколько кавалеристов и толпу народа; все они, казалось, с напряженным вниманием следили за быстрым приближением нашего судна.

Когда мы подошли на расстояние ружейного выстрела, часовой схватил обеими руками длинный рупор и запросил нас, какой мы нации и откуда прибыли. Его грубый окрик, пушки, направленные на фарватер, маленькое войско, стоящее под ружьем, в том числе находящаяся в боевой готовности кавалерия, наконец, переданное нам требование салютовать крепости — все это могло создать впечатление, будто комендант властен, помешать входу в гавань даже военного судна. Однако мы были до некоторой степени осведомлены об истинном положении. Дело в том, что покоящаяся на скале крепость св. Иоахима — самая миролюбивая на свете. Ни одна из ее пушек не годится для точной стрельбы, а ее гарнизон может вести лишь словесные сражения. Все же я из учтивости приказал салютовать крепости, надеясь таким путем обеспечить нам более радушный прием. Каково же было мое удивление, когда на наш салют не последовало никакого ответа! Представитель коменданта, вскоре прибывший из крепости, разъяснил мне эту загадку: он

попросил дать им немного пороху, чтобы они могли надлежащим образом ответить на мое приветствие.

Как только мы бросили якорь, весь гарнизон вышел из крепости, как обычно оставив ее без всякой защиты, и расположился на берегу вместе с другими любопытными. В эту гавань суда заходят чрезвычайно редко, и поэтому наш корабль вызвал здесь почти такое же удивление и восхищение, как на островах Южного моря. Я послал на берег лейтенанта Пфейфера, поручив ему официально доложить коменданту о нашем прибытии и одновременно обратиться к нему с просьбой помочь нам пополнить запасы свежей провизии.

Сам комендант дон Мартинес Игнасио, имеющий чин лейтенанта кавалерии, был вызван па конгресс в столицу Калифорнии Монтерей. Его заместитель, секуид-лейтенант дон Хосе Санчес, принял моего посланца с большой сердечностью. Он сохранил обо мне самые дружеские воспоминания с той поры, как я посетил эту гавань на бриге «Рюрик». Дон Санчес был тогда честным и brave унтер-офицером, а в настоящее время, при республиканском правительстве, достиг офицерского чина. Он доказал мне свое расположение, обещав оказать нам всемерную помощь, в том числе позаботиться о незамедлительной присылке фруктов, овощей и свежего мяса.

Здесь я прерву рассказ о нашем пребывании в Калифорнии. В этой прекрасной стране сама природа создала все условия для того, чтобы трудолюбивое и деятельное население могло спокойно наслаждаться жизнью. Однако еще совсем недавно Калифорния была самой заброшенной из испанских колоний. О ней имеются лишь незначительные и скудные сведения. Поэтому я надеюсь, что краткий обзор истории и государственного устройства Калифорнии не покажется излишним читателям. Быть может, он побудит их с большим интересом отнестись к рассказу о нашем пребывании в этой малоизвестной стране.

Вначале Калифорнией называли лишь узкий полуостров на западном берегу Северной Америки, который простирается от бухты Сан-Диего (32° сев. широты) до мыса Сан-Лукас (22° сев. широты) и имеет в длину 150 немецких миль. Однако впоследствии, когда испанцы открыли берег материка, расположенный далее к северу, они распространили на него то же название. С тех пор полуостров стали называть Старой Калифорнией, а побережье вплоть до залива Сан-Франциско, лежащего под 37° сев. широты,— Новой Калифорнией. Еще дальше к северу расположен так называемый Новый Альбион.

Кортес, этот неутомимый завоеватель, не удовлетворился захватом Мексики. Он приказал построить на берегу Великого

океана суда, чтобы и дальше распространять владычество Испании. В результате в 1534 г. испанские мореплаватели впервые увидели берег Калифорнии, а в 1537 г. ее посетил Франсиско де Ульоа². Когда весть об этом открытии дошла до испанского правительства, оно сочло целесообразным на сей раз отказаться от методов, применявшихся при завоевании Мексики и Перу. Было решено овладеть этой страной мирными средствами, путем обращения ее населения в христианскую веру. Эта богоугодная цель была объявлена единственной причиной присоединения Калифорнии. И действительно, туда были посланы иезуиты, которых прикрывал лишь небольшой военный отряд. Иезуитам было приказано основать в новом краю поселение и приступить к распространению христианства. Цель данной экспедиции, сопряженной со значительными расходами, казалась вполне бескорыстной. Однако на самом деле это предприятие было продиктовано тайным страхом: в Мадриде опасались, что новыми землями, расположенными по соседству с Мексикой, овладеет другая держава, которая тогда будет иметь возможность угрожать испанским золотым приискам.

Иезуиты прибыли в Калифорнию и тотчас взялись за дело. За ними последовали доминиканцы и, наконец, францисканцы. В настоящее время поселения доминиканцев, называемые здесь миссиями, находятся в Старой Калифорнии, а поселения францисканцев расположены в Новой³. Все эти монахи усиленно обращали и продолжают обращать в христианство местное население. Как это делается, мы увидим в дальнейшем.

Первые миссии возникли на побережье Старой Калифорнии и могли сообщаться с Мексикой морем. Они были основаны в таких местностях, которые казались наиболее удобными для земледелия. Военные же отряды, сопровождавшие монахов, выбирали для своих поселений такие пункты, откуда можно было обеспечивать безопасность сразу нескольких миссий. Благодаря такому расположению они всегда готовы были выступить на их защиту и оказать миссионерам поддержку в их деятельности. Подобный военный пост носит здесь название «президио».

Монахи не умели объясняться с местными чрезвычайно робкими и простодушными жителями, которые недалеко ушли от животного состояния и, вероятно, вообще не имели никакого понятия о религии. В этих условиях нечего было, и думать о распространении христианского вероучения, и святым отцам пришлось насаждать католическую религию, а точнее, свою собственную власть силой оружия. Подобное «обращение» удавалось им настолько хорошо, что число миссий, которые строили новообращенные католики, быстро увеличивалось. В Новой

Калифорнии, где мы находились, первая миссия Сан-Диего была основана в 1769 г., а теперь там насчитывается уже двадцать одно миссионерское поселение. Этим миссиям подчинено 25 тысяч крещеных индейцев. Маленькое войско, состоящее из 500 драгун, удерживает их в повиновении, а также следит за тем, чтобы они не убежали. Иногда некоторым из этих индейцев все же удается ускользнуть от своих сторожей и вернуться в родное племя. Но драгуны их там находят и силой возвращают обратно в миссию, причем заодно саблей вербуют новых христиан среди соплеменников беглецов.

Судьба этих индейцев, так называемых индейцев-христиан, заслуживает всяческого сожаления. Даже положение негров-рабов не может быть хуже. Индейцы полностью зависят от неограниченного произвола и тирании монахов. Страдая, они не имеют даже возможности найти утешение в религии, ибо их духовные пастыри выступают в роли привратников царствия небесного и не, допуская в него тех, кто им не угоден. Индейцы не имеют никакой собственности и проводят всю свою жизнь в молитве и работе на монахов. Три раза в день их гоняют в церковь, где они слушают мессу на латинском языке. Остальное время они трудятся на полях и в садах, применяя лишь самые грубые и примитивные орудия, или же выполняют какие-нибудь иные работы. На ночь их запирают в переполненные казармы с земляным полом. Эти казармы не имеют окон и скорее напоминают хлева для скота, чем человеческие жилища. В них нет никаких постелей и к тому же так тесно, что едва можно разместиться на ночлег. Вся одежда индейцев состоит из грубой шерстяной рубахи. Они сами изготавливают такие рубахи, а затем получают их в виде подарка от миссии.

Вот то счастье, которое приносит бедным индейцам католическая религия, вот те радости, которые ведут их в миссии! А того, кто осмелится покинуть этот «рай», чтобы попытаться вернуться к прежней жизни среди своих свободных соплеменников, ловят и в наказание заковывают в кандалы.

Благочестивые пастыри захватили большие участки пахотной земли. Эта земля обрабатывается их паствой и засеивается главным образом пшеницей и бобовыми растениями. Урожай хранят в особых складах. Та часть его, которая превышает местные потребности, при случае отсылается морем в Мексику, где обменивается на такие изделия, которые не производятся в миссиях. Остающийся при этом значительный излишек превращается в наличные деньги, поступающие в кассы миссий.

Монахи и сильно зависящая от них местная военщина продолжали спокойно хозяйничать в Калифорнии, в то время как

другие испанские колонии объявили себя независимыми. Они остались верны королю даже тогда, когда восстание охватило Мексику и новые правительства предложили им на выгодных условиях присоединиться к общему делу; остались верны, несмотря на то, что испанцы уже много лет не заботились о Калифорнии и не присылали ни духовным лицам, ни военным причитающегося им жалованья. По-прежнему строго соблюдался приказ короля держать гавани закрытыми для всех иностранных судов. Но из Испании корабли больше не прибывали, а суда новых республик также были причислены к чужеземным. В результате, как в миссиях, так и в президио начал ощущаться острый недостаток в тех многочисленных товарах, которые не производились на месте. Все военные, вплоть до главнокомандующего, расхаживали в лохмотьях и к тому же, не получая жалованья, вынуждены были выпрашивать пропитание у монахов. Последние также испытывали значительные затруднения в связи с недостатком земледельческих и иных орудий, ибо со свойственной испанцам беспечностью не принимали раньше никаких мер для изготовления их в самой Калифорнии.

Таким образом, источник доходов миссий угрожал иссякнуть. Однако монахи продолжали соблюдать верность королю, что сделало бы им честь, если бы подобная политика не диктовалась их собственными интересами. В самом деле, любая другая форма правления могла привести лишь к ограничению их власти. Между тем среди военных уже зрело недовольство, которое ставило под угрозу владычество монахов. Событие, происшедшее за два года до нашего прибытия, внезапно превратило эту искру недовольства в настоящее пламя.

В качестве своего единственного утешения индейцы время от времени получали от монахов различные безделушки, подобные тем, которые моряки привозят обитателям островов Южных морей. Поступление этих безделушек, разумеется, тоже прекратилось, и тогда индейцы-христиане почувствовали себя по-настоящему несчастными. Их отчаяние переросло в возмущение. Они в ярости вырвались из своих тюрем и атаковали жилища монахов, но вскоре вынуждены были отступить перед силой огнестрельного оружия. Гарнизон нанес восставшим решительное поражение, понеся лишь незначительные потери, и несчастным пришлось вернуться в прежнюю неволю. Но тут драгуны сообразили, что монахам пришлось бы плохо без их смелого вмешательства. Опьяненные победой, они стали отныне смотреть на святых отцов как на своих подопечных, нуждающихся в защите. Несмотря на протесты монахов, военные объявили себя первым сословием в стране и отделились от Испании,

которая, казалось, сама уже много лет назад от них отказалась. Такие же события произошли в Старой Калифорнии. Обе эти страны, которые и раньше считались двумя различными провинциями, в настоящее время представляют собой отдельные республики.

Испания вполне могла удержать за собой эти плодородные земли. Если бы она оказала им хоть малейшую поддержку, они, по всей вероятности, не отделились бы от метрополии. А ведь как удобно было бы отсюда вести борьбу за возвращение в состав империи восставших колоний, особенно прилегающей к Калифорнии Мексики, которая в прошлом была важным центром добычи золота! Богатые Филиппинские острова, оставшиеся верными Испании, могли бы доставить средства для выполнения этой задачи. Однако само провидение, должно быть, позаботилось о том, чтобы Испания забыла о принадлежащей ей Калифорнии и здесь могли возникнуть и процветать новые государства.

Когда Калифорния стала независимой, ее гавани открылись для судов всех наций, и начала развиваться торговля. Раньше всех воспользовались этой переменой корабли Североамериканских Штатов. В настоящее время из Калифорнии вывозятся хлеб, бычьи шкуры, сало и драгоценные меха морских бобров. Была сделана даже попытка начать на собственный страх и риск торговлю с Китаем, однако она потерпела неудачу. Дело в том, что корабль с богатым грузом был доверен одному североамериканскому капитану. Последний продал груз в Китае, но счел более выгодным присвоить как судно, так и все вырученные деньги, а потому не вернулся.

Во время нашего пребывания в Новой Калифорнии ее правителем был дон Луис Аргуэльо, тот самый молодой человек, с которым я познакомился во время моего плавания на «Рюрике». Он занимал тогда должность коменданта президио Сан-Франциско. Теперь же его резиденция находилась в Монтерее. Здесь Аргуэльо обдумывал новые законы, которые могли бы способствовать установлению порядка в этом государстве, состоящем из таких разнородных элементов, как драгуны, монахи и индейцы. Хотелось бы верить, что участь последних будет облегчена. Во время нашего визита страна еще не имела конституции, причем сам Аргуэльо, должно быть, не обладал ни силой, ни способностями, необходимыми для того, чтобы добиться утверждения, разработанного им проекта. В обеих частях Калифорнии, по-видимому, произойдет еще немало перемен, прежде чем они превратятся в процветающие и счастливые государства, для чего природа предоставила им все возможности.

На следующее утро после нашего прибытия я посетил старого Санчеса в президио. Он принял меня с искренней радостью и подробно рассказал о тех событиях, которые произошли здесь за восемь лет, прошедших со времени моего посещения этой гавани на «Рюрике». Между прочим, Санчес сообщил мне, что дон Луис стал теперь очень важным человеком, а сам он получил повышение и носит звание лейтенанта, которое ценится здесь очень высоко. Тем не менее, он осуждал нынешние порядки и предсказывал, что они не доведут до добра. Но его словам, он скорее предпочел бы быть скромным подданным испанского короля, чем республиканским офицером.

Президио находилось в том же состоянии, что и восемь лет назад. Ничто не указывало здесь на важные изменения, происшедшие в управлении страной, если не считать появления республиканского флага. Мне показалось, что жизнь в президио текла по-прежнему беззаботно и лениво.

Санчес обещал ежедневно снабжать наше судно свежим мясом. Кроме того, он дал нам совет послать шлюпку за овощами в миссию Санта-Клара, где они имеются в изобилии. В самом же президио вследствие лишь здесь понятной беспечности выращивают меньше овощей, чем требуется для прокормления гарнизона.

Во время моего первого посещения Калифорнии я не имел возможности побывать в миссии Санта-Клара и потому решил отправиться туда следующим утром на нашей большой шлюпке. Санчес был настолько любезен, что снабдил нас хорошим лоцманом, а также немедленно послал в миссию верхового, чтобы предупредить о моем посещении.

Залив Сан-Франциско имеет в окружности не менее 90 миль. Острова разделяют его на две почти одинаковые части — южную и северную. На берегах южной части, которая вдается в берег в восточном направлении, расположены три миссии: Сан-Франциско, Санта-Клара и Сан-Хосе. О северной половине залива я расскажу ниже.

Утром 28 сентября баркас был снабжен всем необходимым для небольшого путешествия и подготовлен к отплытию. Мы воспользовались приливом и попутным ветром и направились к востоку, вдоль восхитительных берегов, мысов и островов. Цель путешествия — миссия Санта-Клара — находилась по прямой линии примерно в 25 милях от нашего судна. Повсюду, куда бы мы ни бросили взгляд, местность казалась живописной и плодородной. Здесь нигде не видно голых скал: невысокие берега покрыты сочной зеленью, подальше от побережья амфитеатром возвышаются волнистые холмы, а па горизонте виднеются

поросшие лесом горы. По холмам разбросаны небольшие дубовые рощи, отделенные друг от друга красивыми лугами. Эти рощи образуют прелестнейшие группы, каких не в состоянии создать даже самый искусный садовод.

В такой местности можно без больших усилий собирать обильные урожаи. Но напрасно стали бы вы искать здесь людей, использующих все эти дары природы. На прекрасных лугах повсюду царит мертвая тишина, прерываемая лишь криками диких зверей. До самого горизонта не видно ни одной хижины и вообще не заметно следов человека. Ни один челн не бороздит поверхность этих вод, хотя здесь могли бы плавать большие суда, для которых имеется несколько хороших гаваней. Только большие белые пеликаны с огромными мешками под клювами используют местные рыбные богатства, так как испанцы за два века своего пребывания в Калифорнии не смогли приобрести даже сетей для ловли рыбы.

Здесь могли бы жить беззаботно и счастливо тысячи семейств. Поэтому насколько благоразумнее поступили бы европейцы, отправившиеся в качестве колонистов в Бразилию, если бы они предпочли поселиться в Калифорнии! Ведь в Бразилии они сталкиваются с большими трудностями, далеко не всегда встречают понимание и поддержку со стороны правительства и, в конце концов, погибают, не вынеся непривычной для них жары. В Калифорнии же колонисты нашли бы климат, сходный с климатом Южной Германии, а природа щедро вознаградила бы их за малейшие усилия.

Проплыв под парусами около двух часов, мы заметили справа от нас глубоко вдающуюся в сушу бухту, на берегу которой, среди поросших лесом холмов, раскинулась миссия Сан-Франциско. Тем временем наступил отлив, ветер ослаб, и нам пришлось медленно продвигаться вперед на веслах. Ввиду этого, пройдя около 15 миль, мы решили сделать привал на небольшом уютном островке. Пора уже было подкрепиться. Мы развели большой костер, и, поскольку каждый матрос немного разбирается в поварском искусстве, вскоре был готов обед. Воспользовавшись прекрасной погодой, мы расположились на свежем воздухе, под тенистым дубом. Вероятно, поэтому обед показался нам очень вкусным.

Пока матросы отдыхали, мы осмотрели остров. Его северный, высокий берег почти отвесно спускается к морю. Здесь, как и повсюду в районе залива Сан-Франциско, под слоем чернозема залегает разноцветный сланец. Мы не заметили на острове никаких признаков того, что он когда-либо посещался людьми. Да, здесь, вероятно, никогда не ступала нога человека,

ибо еще недавно в этих местах не существовало никаких лодок, да и теперь каждая миссия имеет лишь по одной барке. На этих плоскодонных судах благочестивые монахи совершают плавания по рекам, впадающим в северную половину залива. Они предпринимают подобные плавания с целью обращения в христианство индейцев, кочующих по берегам этих рек, то есть для вербовки новых работников. Сами индейцы также не имеют никаких судов, если не считать челнов, изготовленных из связок тростника. Они сидят в этих челнах почти по пояс в воде. В местности, изобилующей строительным лесом, никто не умеет сделать даже самую простую деревянную лодку! Это ясно свидетельствует как о косности испанцев, так и о глупости индейцев.

Вокруг нашего острова плавали дикие утки и другие водоплавающие птицы. Над вершинами дубов парили белоголовые орлы. Они охотились на маленьких зайцев, а также на грациозных куронок, которые здесь часто встречаются. Около двух часов наслаждались мы отдыхом на суше, столь приятным для моряков, а затем вновь пустились в путь, воспользовавшись поднявшимся свежим ветром.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы приблизились к восточному берегу залива. Глубина здесь достаточна только для больших шлюпок, да и местность имеет иной вид. Горы отступают на задний план. Перед ними простирается обширная равнина, которая становится все более низменной, а у побережья превращается в болото. Это болото пересекают извилистые, но достаточно глубокие протоки, через которые можно на лодках добраться до твердой земли. Уже темнело, когда мы вступили в эти протоки. Без хорошего лоцмана здесь даже днем можно легко заблудиться, ибо по обе стороны от протоков болото густо поросло высоким камышом, над которым виднеется только небо. Наши матросы гребли с большим трудом. Постепенно проходы сузились, а местность сделалась более сухой. Вскоре за стеной камыша слышались человеческие голоса, и в полночь мы, наконец, достигли пристани. Здесь был зажжен большой костер. Около него стояли два драгуна с предназначенными для нас верховыми лошадьми, а также несколько полунагих индейцев, посланных нам навстречу из миссии.

Я решил переночевать, ибо до миссии оставался еще час пути, а ночь выдалась очень темной; к тому же мне не хотелось нарушать ночной покой монахов. Тотчас же были раскинуты наши небольшие палатки, вспыхнуло несколько новых костров, и повара вновь принялись за работу. Мы проплыли за день не

менее 40 миль, ибо нам приходилось часто менять курс. После столь продолжительного путешествия в лодке ночлег в палатке в эту чудную ночь показался нам очень приятным. Хотя здесь стоял уже конец сентября, обдувавший нас ветерок был таким же теплым, как в самые жаркие летние ночи у нас на родине.

Вокруг нашего лагеря непрерывно раздавался какой-то лай, словно нас окружало множество молодых собак. Это лаяли небольшие, величиной с лисицу, волки местной породы, которые встречаются в изобилии по всей Калифорнии. Данные звери чрезвычайно дерзки и хитры. Они часто подкрадываются по ночам к человеческому жилью, пытаясь что-либо украсть, причем их с трудом удается отогнать. Нам пришлось в этом убедиться на собственном опыте: оставив без достаточной охраны наши мясные запасы, мы наутро нашли лишь пустой прогрызенный мешок.

Восходящее солнце возвестило о наступлении прекрасного утра и дало нам возможность осмотреть окрестности лагеря. Вокруг нас простирались необозримые равнины, на которых монахи выращивают пшеницу. Урожай был уже собран, и по жнивью паслись большие стада крупного рогатого скота, отары овец и табуны лошадей. Миссия Санта-Клара владеет большими богатствами. Она имеет больше 14 тысяч голов крупного рогатого скота, тысячу лошадей и 10 тысяч овец. Большая часть скота пасется без присмотра в лесах и, одичав, быстро размножается.

Я приказал оседлать лошадей, и мы поскакали в миссию, видневшуюся на горизонте за обширными полями. Сжатые поля, по которым мы проезжали, были буквально усеяны стаями диких гусей, уток и бекасов. Они подпускали нас к себе настолько близко, что при некоторой сноровке можно было, бросая палку, убить много дичи. Эти перелетные птицы зимуют в Калифорнии, а лето проводят на севере, где выводят птенцов. Мы сделали несколько выстрелов и убили дюжину гусей. Некоторые из них были совершенно белыми и по размерам не отличались от наших домашних гусей.

Проведя в седле около полутора часов, мы прибыли в миссию Санта-Клара. Монахи приняли нас весьма гостеприимно и приложили все усилия к тому, чтобы сделать приятным наше здесь пребывание. Миссия Санта-Клара была основана в 1777 г. Она расположена на берегу небольшого ручья с чудесной водой, посреди обширной и чрезвычайно плодородной равнины. Здания миссии окружены тенистыми дубами. К ним примыкают сады и огороды, которые обрабатываются крайне небрежно

и все же в изобилии снабжают монахов всевозможными фруктами и овощами, в том числе прекрасным виноградом.

В миссии Санта-Клара те же постройки, что и во всех остальных миссионерских поселениях: большая каменная церковь, просторный жилой дом для монахов, вместительные склады для зерна и различных орудий и, наконец, казармы для индейцев, так называемые «ранчерио», о которых я уже упоминал. Эти казармы состоят из длинных рядов приземистых и узких бараков, скорее похожих на стойла, с отделениями для каждой семьи, где с трудом можно разместиться на ночлег.

Нам бросилось также в глаза большое здание, построенное в виде замкнутого четырехугольника и не имеющее окон наружу. В это здание можно войти лишь через маленькую, тщательно запираемую дверь, вследствие чего оно весьма напоминает тюрьму для государственных преступников. Здесь миссионеры, эти строгие блюстители целомудрия, держат под особым присмотром молодых, еще не вступивших в брак индианок. Заключенные занимаются прядением, ткачеством и другими подобными работами. Дверь этой тюрьмы отворяется лишь тогда, когда юные затворницы направляются в церковь, что бывает два или три раза в день. Несколько раз мне случалось наблюдать, как распахивалась дверь, бедные девушки буквально вырывались наружу и, опьяненные радостью, вдыхали свежий воздух. Однако старый оборванный испанец с тростью в руке сразу же загонял их в церковь, обращаясь с ними как со стадом овец, а по окончании мессы юные индианки должны были тотчас же возвращаться в свое жилище. Девушки находятся под самым строгим надзором святых отцов. И все же им иногда удается обмануть бдительность своих стражей, о чем свидетельствуют, как мне сказали, кандалы, которые я видел на ногах у некоторых из этих малопривлекательных местных красоток. Только после замужества эти юные послушницы вновь переходят в общие бараки к своим соотечественникам.

Три раза в день колокол созывает индейцев на трапезу. Пища для них готовится в больших котлах, а затем распределяется порциями между отдельными семьями. Мясо индейцам дается редко. Обычно их кормят похлебкой из пшеничной муки, маиса, гороха и бобов, сваренной на воде. Это отнюдь нельзя назвать самой здоровой пищей.

В миссии Санта-Клара живет 1500 индейцев мужского пола, из них примерно половина женатых. Эта человеческая масса управляется тремя монахами; ее сторожат четыре солдата во главе с унтер-офицером. Поскольку столь незначительной охраны вполне достаточно, приходится предположить, что индейцам

в миссии живет лучше, чем на воле, или они настолько ограничены, что, подобно животным, привязаны к тому месту, где их кормят.

Первое из этих предположений, по-видимому, не соответствует действительности. Тяжкие работы каждый день, за исключением воскресений, проводимых почти исключительно за молитвой, телесные наказания, тюремное заключение и ножные кандалы за недостаточно точное исполнение требований монахов, дурная пища, убогие жилища, лишение всякой собственности и почти всех радостей жизни — все это, разумеется, ни в коей мере не может удовлетворить даже самые нетребовательные человеческие существа. Поэтому многие индейцы пытаются спастись бегством. Однако солдаты быстро узнают, где находятся беглецы, и, как я уже указывал, принуждают их вернуться обратно, если даже последние успели укрыться среди своих диких соплеменников. В миссии беглецов ожидает суровое наказание.

Только крайней отсталостью можно объяснить тот факт, что индейцы терпеливо переносят жестокое обращение в миссиях. Этот глупый и некрасивый народ, как мне кажется, стоит по своему развитию еще ниже, чем обитатели Огненной и Вандименовой [Тасмания] Земель. В сущности, эти создания имеют лишь отдаленное сходство с человеком. Христианская религия или, вернее, то, что монахи называют религией, отнюдь не способствовало развитию их культуры. Да и как могли идеи христианства проникнуть в столь ограниченные головы, если святые отцы не знают местных языков и потому почти не имеют возможности объясняться со своею паствой! Наоборот, общение с миссионерами еще более принизило этих пасынков природы. Позднее мне случалось наблюдать свободных индейцев. Они кажутся не столь глупыми и, по-видимому, более развиты, чем те, которые находятся под опекой «разумных людей» (*gente rational*), как называют себя здесь испанцы.

Если бы из индейцев хотели сделать не мнимых христиан, а настоящих людей, то тогда следовало бы обучить их строительству домов, земледелию и скотоводству на землях, оставленных в их собственности, а также разрешить им свободно распоряжаться продуктами своего труда. В этом случае между ними сама собой распространилась бы человеческая культура, и тогда, быть может, «варвары» (*los barbaros*) сравнялись бы с «разумными людьми».

В Калифорнии обитает очень много индейских племен, которые говорят на различных языках, зачастую совершенно не

похожих друг на друга. Например, в одной только миссии Санта-Клара индейцы объясняются более чем на двадцати языках. Представители всех этих племен одинаково глупы, грязны и безобразны. Они, как правило, среднего роста и очень слабого телосложения, а их кожа имеет очень темный оттенок. Лица у калифорнийских индейцев плоские, губы толстые и вывороченные, носы широкие, негритянского типа, лбы очень низкие, полосы густые и черные. Их духовное развитие находится еще *и* зачаточном состоянии. Лаперуз, вероятно, не так уж преувеличивал, когда утверждал, что тот из них, кто в состоянии сообразить, что дважды четыре — восемь, считается среди соотечественников Декартом или Ньютоном. Для большинства местных индейцев это слишком сложное умозаключение.

Все дикие индейцы ведут здесь кочевой образ жизни. Охота — их единственное занятие; только она и дает им средства к существованию. Поэтому стрельба из лука — единственное искусство, в котором они преуспевают. Это искусство стоило жизни многим испанцам. Индейцы бродят нагими по лесам и горам, подстерегая добычу. Если они хотят остановиться где-нибудь на короткий срок, то строят себе жалкие соломенные хижины, которые сжигают, покидая данную местность.

Как я уже упоминал, земледелие является источником больших доходов для местного духовенства, причем возделываются весьма обширные пространства. В одной лишь миссии Санта-Клара ежегодный урожай пшеницы превышает 3000 фанег, то есть достигает примерно 620 английских четвертей, или 3400 берлинских четвериков. Благодаря необычайному плодородию почвы средний урожай в этих местах составляет сам-сорок, хотя европейский сельский хозяин нашел бы, что земля обрабатывается здесь неудовлетворительно. Поле взрыхляют весьма примитивным плугом, затем засевают и вспахивают вновь. На этом вся работа заканчивается, и значительная часть семян погибает под твердыми глыбами земли. При хорошей обработке эти поля давали бы неслыханный в Европе урожай. Монахи сами признают, что мало понимают в земледелии, но их вполне удовлетворяют нынешние богатые урожаи. Что, однако, совершенно непростительно, так это их беспечность в отношении приготовления муки. До сих пор в Калифорнии не существует ни одной мельницы, и несчастным индейцам приходится с огромным трудом перетирать зерна пшеницы между двумя плоскими камнями.

Мы совершили прогулку в пуэбло, находящееся на расстоянии получаса ходьбы от миссии. Так называют в Калифорнии селения, в которых живут семейные инвалиды и отставные

солдаты из президио, а также их потомки. Данное пуэбло расположено в очень живописной местности. Уютные каменные дома окружены фруктовыми садами, с оград которых заманчиво свисают грозди винограда. Жители гостеприимно вышли нам навстречу и с обычной для испанцев учтивостью и церемонностью пригласили нас зайти в свои простые, но чистые жилища. Все обитатели пуэбло имели здоровый и довольный вид. Да они и в самом деле счастливы. Свободные от всяких налогов, эти люди владеют всеми теми землями, которые им было угодно запясть, и беззаботно живут на богатые доходы от земледелия и скотоводства.

В Калифорнии имеется много подобных пуэбло, причем их население ежегодно значительно возрастает. В то же время численность индейцев, живущих в миссиях, быстро уменьшается вследствие высокой смертности; часто смерть уносит за год до одной трети индейцев-христиан. Поэтому святые отцы вообще не могли бы здесь существовать, если бы не беспрестанная вербовка силой или хитростью новых рекрутов из числа диких индейцев. В Старой Калифорнии уже закрылось несколько миссий, ибо индейцы, обитавшие в тех местах, были полностью истреблены. В северной части Новой Калифорнии еще имеются богатые людские резервы, но если с ними и впредь будут обращаться столь же расточительно, то наступит время, когда и этот источник иссякнет. Между тем число обитателей пуэбло будет неуклонно возрастать; они-то и составят новое население Калифорнии.

Мы провели три дня в миссии Санта-Клара, монахам которой, во всяком случае, нельзя отказать в одной добродетели — в гостеприимстве. В обратный путь мы отправились с грузом фруктов и овощей, закупленных по довольно дешевым ценам. Их отвезли к берегу на очень неуклюжих и тяжелых двухколесных повозках, запряженных быками. Колеса этих повозок представляли собой сплошные диски, сколоченные из толстых досок. Эти диски имели не вполне правильную форму и к тому же были просверлены не строго по центру, вследствие чего они с трудом вращались, а оси все время подсакивали вверх и вниз. От этого очень пострадали наши прекрасные дыни, арбузы, персики, абрикосы, фиги и виноград, а также замечательные яблоки, подобных которым нет в Европе. На баркасе все уже было готово к приему груза. Матросы рассказали нам, что по ночам их беспокоили большие белые волки.

Воспользовавшись отливом, мы отплыли от берега и вскоре увидели простиравшийся к востоку узкий морской залив, похожий на реку. У его оконечности, в весьма плодородной местности, расположена миссия Сан-Хосе, основанная в 1797 г.

В настоящее время она является одной из самых богатых в Калифорнии. Вблизи нее тоже возникло пуэбло. Данное пуэбло, а также то, которое находится около миссии Санта-Клара, но сой день остаются единственными на берегах залива Сан-Франциско. Между миссиями Сан-Хосе и Санта-Клара недавно была проложена дорога. По ней можно проехать верхом за дни часа.

Вскоре после того, как мы вернулись на судно, на берегу показался монах, подъехавший верхом в сопровождении одного драгуна. Размахивая своей большой шляпой, он дал нам понять, что хочет явиться на борт. За ним тотчас же послали шлюпку, и перед нами предстал худощавый, небольшого роста испанец, чрезвычайно оживленный и разговорчивый. Он наспался падре Томасом из миссии Сан-Франциско и предложил на хорошую плату ежедневно снабжать нас свежей провизией, и том числе даже двумя бутылками молока. Падре владел бесчисленным множеством коров и весьма хвалился тем, что был (единственным человеком в районе Сан-Франциско, которому удалось, наконец, после долгих усилий получить от них немного молока. Так как из президио нас снабжать не могли, а миссия Санта-Клара находилась слишком далеко, мне пришлось принять сделанное им предложение. Уезжая, падре Томас пригласил меня к себе отобедать.

На следующий день я отправился верхом в миссию Сан-Франциско в сопровождении нескольких офицеров. Мне уже приходилось описывать ее в отчете о моем предыдущем плавании. С тех пор миссия почти не изменилась. Веселый и жизнерадостный Томас был теперь здесь единственным монахом и потому являлся единоличным правителем. Нас приняли весьма гостеприимно и роскошно угостили. Во время обеда было подано бесчисленное множество блюд, густо приправленных перцем и чесноком. Нам усердно подливали также неплохое местное вино, которое падре хранит в своих погребах. При этом нас увеселяли музыкой. Маленькие голые индейские мальчики пикикали на дрянных скрипках, а сам достопочтенный падре вертел стоявшую возле него шарманку. Поданные на десерт фрукты были присланы из миссии Санта-Клара, ибо в здешней местности они плохо произрастают из-за морских туманов, нередко доходящих до самой миссии.

Однажды утром мы слышали пушечные выстрелы. Они были произведены с помощью того пороха, который остался после салюта, данного в честь нашего судна. Этими выстрелами в крепости приветствовали прибытие ее коменданта дона Игнасио Мартинеса, вернувшегося к исполнению своих обязанностей

по окончании конгресса в Монтерее. С ним вместе приехал по делам комендант президио Сан-Диего дон Хосе Мария Эстудильо, с которым я познакомился еще во время моего предыдущего пребывания в этих краях. Оба коменданта посетили меня в сопровождении Санчеса и отобедали на судне. Им так здесь понравилось, что они вернулись на берег только ночью.

Неотложные служебные дела призывали меня в поселение Российско-Американской компании, называемое Россом и расположенное примерно в 80 милях к северу от Сан-Франциско⁸. Уже в течение некоторого времени я подумывал о том, чтобы проехать туда по суше. Однако подобное путешествие было сопряжено с большими трудностями, которые можно было преодолеть лишь с помощью коменданта. Поэтому я решил воспользоваться его дружеским расположением, и он охотно пошел мне навстречу. Нам требовались верховые лошади, а также военный эскорт, который должен был указывать дорогу и одновременно защищать нас в случае нападения дикарей. Комендант предоставил нам и то и другое. Дон Эстудильо решил принять участие в этом приключении и взял на себя командование выделенным для нас эскортом.

Вместе со мной должны были отправиться доктор Эшшольц, Гофман, два моих офицера, двое матросов, дон Эстудильо и четверо драгунов. Таким образом, весь наш отряд состоял из двенадцати человек. Был назначен день отъезда. Накануне вечером дон Эстудильо прибыл на судно со своими четырьмя драгунами. Они были хорошо вооружены и затянуты в кожаные доспехи. Сам Эстудильо в старинном испанском костюме с огромным мечом и еще более внушительными шпорами, с пистолетами и кинжалом за поясом и штуцером в руках имел еще более живописный вид и был похож на авантюриста прошедших времен. Он уверял, что необходимо соблюдать величайшую осторожность, ибо нам придется проезжать через местность, где хозяйничают «немирные индейцы» (*los indios bravos*). Поэтому и мы в избытке запаслись оружием.

Рано утром, когда первые солнечные лучи еще только начинали золотить вершины гор, наш небольшой, но хорошо вооруженный отряд разместился в баркасе. Мы направились на северо-восток по заливу Сан-Франциско, ибо наше сухопутное путешествие должно было начаться лишь от миссии Сан-Габриэль, расположенной на северном берегу этого залива. Стояла прекрасная погода, воздух был необычайно приятен. Мы гребли при полном штиле. Нашим лоцманом был индеец Марко, которого взял с собой Эстудильо. Местные испанцы либо не в состоянии запомнить путь по морю даже в том случае, если они

проделали одно и то же плавание несколько раз, либо считают обязанности лоцмана слишком обременительными. Поэтому они всегда берут с собой опытного индейца в качестве рулевого.

Несмотря на свой солидный возраст, Эстудильо был очень веселым собеседником. Он оказался самым образованным среди испанцев, встреченных мной в Калифорнии. Эстудильо несколько кичился своими литературными познаниями и назвал мне три книги, которые прочитал, не считая «Дон Кихота» и «Жиль Блаза». Как он сообщил мне по секрету, все остальные местные испанцы вряд ли видели когда-нибудь какую-либо другую книгу, кроме Библии.

Марко состарился в миссии. Он был для монахов очень ценным человеком, и потому с ним обращались значительно лучше, чем с другими индейцами. Марко довольно бегло говорил по-испански. Эстудильо пытался сделать его мишенью для своих остроумий, но нашел в старом индейце достойного соперника. Ответы Марко иногда ставили его в тупик. Пример Марко доказывает, что при благоприятных условиях умственные способности калифорнийских индейцев могут вполне развиваться. Однако в миссиях это случается, конечно, чрезвычайно редко.

Дон Эстудильо весьма откровенно говорил о положении и Калифорнии, где он прожил уже тридцать лет. Подобно большинству военных, он недружелюбно относился к миссионерам и называл их эгоистами, пекущимися только о собственной выгоде. Эстудильо указывал, что святые отцы обогащаются за счет жестокой эксплуатации обращенных в христианство индейцев, а затем уезжают с нажитыми богатствами в Испанию. Он описывал так же, как происходит это обращение. По словам Эстудильо, монахи нередко посылают в горы драгун для поимки свободных язычников, имея в виду превратить последних в христианских рабов. Такой охотник берет с собой аркан — крепкий кожаный ремень, оканчивающийся петлей; другой конец ремня прикрепляется к седлу. Драгун ловко бросает этот аркан на расстояние 7—8 сажений, причем почти всегда без промаха. Подкравшись к группе индейцев, он мгновенно набрасывает одному из них петлю на голову, пришпоривает коня и скачет со своей добычей в миссию. Иногда он доставляет туда лишь труп. Должен сказать, что мне никогда не приходилось встречать более искусных и смелых всадников, чем местные драгуны. Не удивительно, что несколько таких кавалеристов, действуя сообща, успешно ловят арканами даже медведей и диких быков. Для поимки индейца достаточно всего лишь одного драгуна.

Эстудильо утверждал также, что ни один индеец, вопреки

уверениям монахов, не приходит в миссию по доброй воле. Всех их либо ловят вышеописанным способом, либо заманивают хитростью. Для этой цели в каждой миссии содержится несколько индейцев вроде нашего лоцмана Марко, с которыми обращаются очень хорошо. Их посылают странствовать по отдаленным местностям, где они должны употребить все свое красноречие на то, чтобы убедить своих диких соплеменников посетить миссию. Над тем индейцем, который побывает здесь хотя бы один раз, сразу же совершают обряд крещения, и он, таким образом, навсегда остается во власти монахов. При попытке к бегству индейца преследует всадник с арканом. Беглеца ждут плети и ножные кандалы.

Я высказал предположение, что теперь, вероятно, многое изменится, так как владычество духовенства прекратилось и военные больше не находятся от него в столь тяжелой зависимости. Эстудильо ответил на это следующее:

— Калифорния могла бы стать могущественным государством, ибо природа в избытке наделила ее всем, что для этого необходимо. Однако нами должен руководить сильный человек. Дон Луис Аргуэльо не способен упорядочить паши совершенно расстроенные финансы и ввести субординацию, без которой не может существовать ни одно государство. Он не в состоянии дать нам конституцию, которая могла бы обеспечить спокойствие и всеобщее удовлетворение. Все военные придерживаются такого мнения: тот, кто выплатит нам жалованье, которое осталась должна Испания, сможет нами располагать! Подобные заявления часто повторялись во всеуслышание. Основываясь на этом, Мексика начала с нами переговоры, которые находились в центре внимания на конгрессе в Монтерее. Поэтому еще неизвестно, останется ли Калифорния самостоятельным государством или подпадет под власть другой державы.

Сознаюсь, я не мог не подумать о том, как счастлива была бы данная страна под защитой пашей великой империи и какие выгоды получила бы от этого сама Россия. Калифорния явилась бы житницей для Камчатки, Охотска и всех поселений Российско-Американской компании. Ее присоединение вдохнуло бы новую жизнь в эти районы, нередко испытывающие нужду в самом необходимом.

К тому времени, когда солнце показалось во всем своем великолепии над вершинами гор, мы уже шли на веслах между островами, отделявшими южную часть залива от северной. Вскоре перед нами открылась широкая водная гладь. За нею находилась ближайшая цель нашего путешествия — миссия Сан-Габриэль, которую можно было опознать лишь по горам,

возвышавшимся в отдалении от берега, ибо расстилавшаяся равнина была настолько низменной, что не вырисовывалась над горизонтом. На северо-западе мы увидели еще одну недавно основанную миссию — Сан-Франциско Солона. Эти две миссии до сего дня остаются единственными на берегах северной части залива.

В этих местах такие же прелестные ландшафты, как и на берегах южной части залива. Всюду виднеются отлогие холмы, высота которых постепенно увеличивается по мере удаления от берега, леса, напоминающие парки, и прелестные луга. На этот раз северо-западный берег остался слева от нас, но позднее я его неоднократно посещал. Здесь имеется несколько небольших, но надежных естественных гаваней. Глубина в них у самого берега настолько велика, что позволяет становиться на и корь самым большим судам. Именно здесь наш корабль запасен очень вкусной питьевой водой, так как вода в районе президио плохого качества.

Весь залив Сан-Франциско представляет прекрасную гавань, в которой могут стоять на якоре тысячи судов. Но для ремонта последних наиболее удобны небольшие бухточки, расположенные вдоль северо-западного побережья, так как здесь суда могут подходить почти вплотную к берегу, а поблизости имеется превосходный строительный лес, в том числе большие мачтовые деревья.

Весь северный берег залива, строго говоря, уже не относится к Калифорнии, а рассматривается географами как часть Кового Альбиона. Этот берег еще не исследован ни одним мореплавателем и мало известен даже местным испанцам. В северную часть залива впадают две большие судоходные реки: одна — с севера, а другая — с востока. Позднее я, имея возможность их осмотреть. Местность здесь повсюду кажется весьма плодородной, а климат ее можно, пожалуй, назвать самым прекрасным и здоровым на земле. Однако удел этого края подобен уделу безмолвных добродетелей и скромных заслуг: как и они, он остается незамеченным. Наши потомки будут более справедливыми и потому признают когда-нибудь ценность Калифорнии. В этой пустынной местности вырастут города и села, в здешние воды, которые ныне лишь изредка бороздит одинокий челн, станут заходить суда всех наций, а зажиточное и счастливое население данного края будет с благодарностью пользоваться щедрыми дарами природы и рассылать местные сокровища во все части света.

Свежий попутный ветер помог нам преодолеть встречное течение, вызванное отливом. Крутые берега общего устья обеих

упомянутых рек остались справа от нас. А когда солнце уже готово было зайти за сипевские на западе горные вершины, мы прошли по узкому протоку, пересекавшему болотистую прибрежную равнину, и достигли места высадки.

Отсюда нам оставалась еще добрая морская миля до миссии Сан-Габриэль, видневшейся в отдалении среди старых дубов. На берегу моря простирался прекрасный луг, на котором паслось множество лошадей, принадлежавших миссии. Рядом с ними мирно щипало траву стадо небольших оленей, которые в изобилии водятся в этих местах. Наши драгуны, не желая идти в миссию пешком, взяли за свои арканы и быстро поймали столько лошадей, сколько нам требовалось. Седла у нас были с собой, и потому вскоре мы уже неслись галопом по равнине мимо растущих здесь одиночных дубов.

Миссией Сан-Габриэль управлял тогда единственный монах, встретивший нас весьма гостеприимно. Эта миссия, основанная в 1816 г., расположена, по-видимому, еще удачнее, чем знаменитая миссия Санта-Клара. Высокий горный хребет защищает ее от холодных северных ветров. Однако, по словам монаха, за этой естественной преградой обитают «немирные индейцы». Один раз им даже удалось напасть на миссию и сжечь ее строения, вследствие чего приходится постоянно быть настороже. И действительно, миссия Сан-Габриэль кажется как бы форпостом, защищающим все остальные миссии. Ее гарнизон, состоящий из шести драгунов, готов к бою при малейшей тревоге.

Ночью мне помешали уснуть насекомые, и я пошел прогуляться в сторону гор. Здесь я увидел двух часовых в полном вооружении. Они развели костры и каждые десять минут звонили в колокол, висевший между двумя столбами, видимо, для того, чтобы доказать свою бдительность. Всякий раз на звон колокола отвечал вой волков, бродивших вокруг миссии. Эти небольшие звери несколько похожи по внешнему виду на лисиц. Вряд ли в миссии сколько-нибудь серьезно опасаются других врагов. Об этом свидетельствуют как ничтожная численность гарнизона, так и отсутствие оборонительных сооружений, хотя миссия расположена посреди открытого поля. Храбрость «немирных индейцев», по-видимому, заключается в том, что они не хотят добровольно подчиниться и скрываются от преследований, а иногда, может быть, еще прокрадываются к миссии, чтобы ее поджечь. Мы видели здесь несколько подобных «героев». Они терпеливо работали с кандалами на ногах и ничем не отличались от индейцев, живущих в миссиях Сан-Франциско и Санта-Клара.

С первыми лучами восходящего солнца мы были уже на конях. Когда долина, в которой расположена миссия, осталась позади, и мы перевалили через окаймляющую ее возвышенность, наш проводник повернул на северо-запад. Мы все больше отдалялись от берега. Наши кони ступали по девственной земле, лишенной каких бы то ни было неровностей. Деревья с густой и тенистой листвой росли на ней отдельными живописными группами. Казалось, будто они посажены искуснейшими садоводами, продолжающими и поныне заботливо за ними ухаживать. Как легко было бы обработать эти поля, на которых нет никаких камней! Сколь плодородной должна быть эта земля, если судить по растущей здесь роскошной траве!

Мы все время натыкались на бесчисленные стада небольших оленей. Эти олени были настолько смелы, что подпускали нас к себе почти вплотную и только тогда стрелой уносились вдаль. Реже замечали мы оленей другого вида, размером с лошадь, с красивыми ветвистыми рогами. Они паслись, как правило, на таких возвышенностях, откуда удобно было обозревать окрестности, и казались гораздо осторожнее маленьких. Тем не менее, индейцы успешно охотятся и на этих оленей. Они привязывают к своим головам рога убитых животных, покрываются оленьими шкурами и, став на четвереньки, подкрадываются по высокой траве к стаду, точно подражая тем движениям, которые делает олень, поедая траву. Олень до тех пор продолжает принимать охотников за себе подобных, пока не начнут свистеть стрелы и не появятся первые жертвы.

К полудню жара стала настолько невыносимой, что нам пришлось сделать привал. Мы расположились на холме в тени дубов и, отпустив наших лошадей пастись, принялись за еду. В это время вдалеке, за кустарником, показалась толпа индейцев, вследствие чего наши драгуны тотчас же схватились за оружие. Но дикие индейцы вскоре исчезли, так и не посмев к нам приблизиться. Отдохнув часа два, мы снова пустились в путь. Меня немало удивляла способность нашего проводника свободно ориентироваться на местности, где он был до того лишь один раз и где нет особо примечательных предметов, по которым можно было бы находить дорогу.

Мы были свидетелями того, как два больших мохнатых белых волка преследовали стадо маленьких оленей. На сей раз, эти изящные животные были спасены, так как, увидев нас, волки убежали. Во многих местах мы замечали небольшие цилиндрические хижины, сооруженные из ветвей. Они были, вероятно, совсем недавно покинуты индейцами, а два раза мы даже натыкались на только что потушенные костры с еще тлевшими

угольками. По-видимому, мы часто приближались к индейцам. Однако благодаря своему острому зрению последние замечали нас раньше, чем мы их, и настолько быстро скрывались от страшных военных с арканами, что мы не успевали их увидеть.

Вечером мы подъехали к небольшой реке, которая вытекает из горного ущелья и впадает в море у порта Румянцева, или Бодега. Море было уже недалеко, но до колонии Росс оставалось еще добрых десять миль. Уже стемнело, и потому мы решили здесь заночевать. Ночь была туманной и прохладной; мы провели ее довольно плохо.

Утром мы перебрались через эту неглубокую речку вброд. Теперь мы двигались по местности, весьма отличной от той, по которой пролегал наш путь накануне. Разница становилась тем заметнее, чем ближе подъезжали мы к берегу. Пологие холмы и радующие взор долины сменились более суровым ландшафтом. Высокие острые скалы, поросшие густыми лиственничными лесами, чередовались здесь с отвесными пропастями. Мы делали много объездов, и все же нельзя было избежать многочисленных крутых подъемов, на которые нам приходилось взбираться с большим трудом. К полудню мы достигли значительной возвышенности, с которой открывался восхитительный вид. На западе виднелся океан, чей берег образует здесь порт Румянцева. В него могут заходить лишь небольшие суда. Ввиду этого расположенное здесь незначительное русское поселение, вероятно, никогда не станет таким процветающим, каким оно могло бы быть, если бы обстоятельства позволили основать его в заливе Сан-Франциско. На востоке, далеко вглубь материка, протянулась долина, которую, как мне сообщил Эстудильо, индейцы называют долиной Белых людей.

У индейцев существует древнее предание, согласно которому у здешних берегов однажды потерпело крушение судно. Спасшиеся с него белые люди поселились в этой долине и жили в дружбе с индейцами. О том, что стало с ними в дальнейшем, нет никаких сведений.

На северо-востоке возвышается большая гора, поросшая густым еловым лесом. Она имеет неприступный вид, вследствие чего на ней главным образом и обитают индейцы. Об их пребывании там свидетельствовали столбы дыма. Наши солдаты рассказывали, что на этой горе живет индейский вождь, которого уважают за храбрость, как испанцы, так и его соплеменники. По словам солдат, это племя вообще принадлежит к совершенно иной расе. Все его представители отличаются мужеством и предпочитают смерть подчинению миссионерам. Поэтому ни один из них не находится под властью попов. Более

высокий уровень развития этих индейцев, возможно, объясняется тем, что они произошли от смешанных браков с потерпевшими крушение белыми.

Теперь мы местами ехали по песчаному берегу океана, так что волны прибой хлестали по ногам наших лошадей, местами же пробирались по лугам и возвышенностям. Вскоре после того, как порт Румянцева остался позади, мы переправились вброд через мелководную реку, которую русские называли Славянкой. По мере удаления от океана ее глубина увеличивается, и она даже становится судоходной. Русские поднимались на сто верст вверх по ее течению. Славянка течет с северо-востока. Ее берега, по-видимому, очень плодородны, но их населяют многочисленные воинственные племена.

Местность, через которую мы проезжали, выглядела очень романтично, хотя и продолжала оставаться весьма суровой. Повсюду росли роскошные травы, что свидетельствовало о плодородии почвы. Очутившись снова на вершине высокой горы, мы с радостью увидели внизу крепость Росс. По склону шла довольно удобная дорога. Мы пришпорили усталых лошадей и, к немалому удивлению обитателей крепости, галопом въехали в ее ворота. Правитель селения Шмидт принял пас чрезвычайно дружелюбно и приказал произвести несколько пушечных выстрелов в честь нашего прибытия на российско-американскую землю. Затем он весьма гостеприимно пригласил нас в свой удобный и чистый дом, выстроенный из толстых бревен на европейский манер.

Крепость Росс расположена на возвышенном морском берегу, возле устья небольшой речки, под 38°33' северной широты. Она была основана в 1812 г. с согласия коренных жителей, которые с готовностью помогали подвозить строительные материалы и даже участвовали в возведении построек. Русские поселились здесь для того, чтобы развернуть у побережья Калифорнии охоту на морских бобров, ибо возле более северных наших поселений эти животные были теперь полностью истреблены. Испанцы, не занимаясь сами подобными промыслами, охотно разрешили русским за определенное возмещение поселиться на здешнем берегу, где тогда еще в изобилии водились морские бобры. В настоящее время эти животные даже тут стали редкостью. Все же у побережья Калифорнии, где охота производится из колонии Росс, по-прежнему добывается больше бобров, чем в любом другом месте земного шара.

Крепость представляет собой четырехугольник, окруженный частоколом из высоких и толстых бревен. Она имеет две башни, снабженные 15 пушками. Во время моего пребывания в крепости

ее гарнизон состоял из 130 человек, из которых лишь немногие были русскими, а остальные — алеутами.

Вначале испанцы не возражали против пребывания здесь русских поселенцев и снабжали их быками, коровами, лошадьми и овцами. Однако, заметив, что колония Росс, несмотря на менее плодородную почву и худший климат, становится более цветущей, чем их собственные поселения, они начали завидовать колонистам и опасаться за свое будущее, а потому потребовали, чтобы русские удалились. Испанцы утверждали, что их владения на западном берегу Америки простираются до Северного Ледовитого океана, и угрожали подкрепить свои требования силой оружия. Кусков, основатель и тогдашний командир крепости Росс, благоразумный и неустрашимый человек, дал им весьма решительный ответ. Он сказал, что основал колонию по приказу своих начальников и притом в такой местности, которая ранее не была занята никакой другой державой. Он подчеркнул, что на данную землю могли бы претендовать разве только коренные жители, но они добровольно уступили ее русским. На этом основании Кусков отклонил столь необоснованное требование и предупредил, что на насилие ответит насилием. Испанцы поняли, что не смогут справиться с русскими, а потому отказались от своих смехотворных притязаний и вновь завязали с поселенцами дружеские отношения. В настоящее время эти две нации живут здесь в полнейшем согласии.

Между прочим, селение Росс приносит испанцам большую пользу. Во всей Калифорнии не сыщется ни одного слесаря и ни одного кузнеца. Поэтому все железные орудия испанцев изготавливаются или чинятся за хорошую плату в русской колонии. Сопровождавшие нас драгуны также привезли с собой для починки множество испорченных ружейных замков.

Чтобы русские не смогли распространить границы своей колонии до северного берега залива Сан-Франциско, испанцы спешно построили там миссии Сан-Габриэль и Сан-Франциско Солона. Очень жаль, что мы их не опередили. Ведь поселение на берегу этого прекрасного залива могло бы принести нам поистине неисчислимые выгоды, особенно если учесть, что мы владеем в этом краю лишь плохой гаванью Бодега.

Обитатели селения Росс живут в мире и согласии с местным населением. Многие индейцы приходят в крепость и работают там за поденную оплату. Ночи они обычно проводят вне крепости. Индейцы охотно выдают своих дочерей замуж за русских и алеутов. В результате возникают многочисленные родственные связи, которые способствуют дальнейшему укреплению уз дружбы и взаимопонимания. Обитатели Росса, в одиночку охотясь

на оленей и другую дичь, удаляются от крепости на большие расстояния. Они часто проводят ночи среди индейцев различных племен, причем с ними никогда еще не случилось ничего плохого. Испанцы никогда бы на это не решились. Чем разительнее контраст между угнетением индейцев в миссиях и обращением с ними в нашем селении, тем больше должен радоваться всякий гуманный человек, вступая на русскую территорию. Православная церковь не распространяет свое учение силой. Она свободна от фанатизма и проповедует любовь и терпимость. Эта церковь не стремится, во что бы то ни стало привлечь людей иной веры, а позволяет им принимать православие лишь по искреннему внутреннему убеждению. Для тех же, кого она допускает в свое лоно, она навсегда остается любящей матерью. Сколь отлично это от образа действий католических священников и протестантских миссионеров!

Местность, где расположено селение, Росс, отличается мягким климатом. Лишь изредка ртуть в термометре опускается здесь ниже нуля. К сожалению, частые туманы препятствуют развитию на этом побережье садоводства и огородничества. Однако на расстоянии нескольких верст от берега, в тех местах, куда не проникают туманы, очень хорошо произрастают почти все южные растения. Овощи достигают здесь необычайных размеров. Встречаются редьки весом до 50 фунтов, тыквы весом 65 фунтов; соответственно велики и другие овощи. Картофель приносит здесь урожай сам-сто или сам-двести, причем его собирают два раза в год. Поэтому голод в селении Росс едва ли возможен. Крепость окружена полями пшеницы и ячменя, принадлежащими отдельным жителям селения. Из-за туманов злаки произрастают здесь не так хорошо, как в миссии Санта-Клара, но все же колонисты имеют возможность, ежедневно есть белый хлеб и кашу. Алеуты обычно очень неохотно покидают родину, но этот край им так нравится, что они с удовольствием здесь остаются и не скучают по своим островам.

Испанцам следовало бы поучиться земледелию в селении Росс у Шмидта. Он ведет здесь хозяйство с достойным удивления совершенством. Все земледельческие орудия изготавливаются на месте под его руководством и не уступают лучшим европейским образцам. Наши испанские спутники тоже были всем этим поражены. Но что их больше всего изумило, так это ветряная мельница: они никогда не видели столь совершенной и полезной машины.

Вокруг селения Росс имеется много строительного леса, который используется компанией. Здесь было уже спущено со стапелей два судна. Море изобилует очень вкусной рыбой, а на

суше водится в неистощимом количестве самая лучшая дичь. Обладая всеми этими достоинствами, селение страдает лишь из-за отсутствия хорошей гавани. Однако при умелом ведении хозяйства все же можно будет со временем снабжать отсюда всеми необходимыми припасами более северные поселения.

Местные индейцы очень похожи на тех, которые живут в миссиях. Можно утверждать, что все они принадлежат к одной расе, хотя и говорят на разных языках. Однако здесь индейцы не столь глупы и выглядят более веселыми и довольными, тогда как в миссиях с их лиц не сходит печать глубочайшей серьезности, а глаза всегда устремлены в землю. Эти различия объясняются их неодинаковой судьбой.

Здесь индейцы тоже ходят нагими и ведут кочевой образ жизни. Помимо поденной работы у русских их единственным занятием является охота. Эти индейцы весьма неприхотливы в выборе пищи. Они с аппетитом поедают всякую дрянь, в том числе различных насекомых и червей, делая исключение лишь для ядовитых змей. На зиму они запасаются желудями и зернами дикой ржи, растущей здесь в изобилии. Когда эта рожь созревает, индейцы ее поджигают. Солома сгорает, а обжаренные зерна остаются на земле. Их собирают в кучи и смешивают с желудями. В таком виде это кушанье и употребляется в пищу. Местные индейцы придумали несколько азартных игр, которые они обожают. Они предаются игре со страстью и нередко проигрывают все, что имеют.

Если когда-нибудь среди отсталых обитателей данного края распространятся блага цивилизации, то это будет заслугой отнюдь не испанских миссий, а русских поселений. Приобщившись к культуре, местные народы станут благодарить русских за свое пробуждение к разумной жизни. Такое пробуждение уже началось у алеутов.

Проведя в селении два дня, мы простились с почтенным Шмидтом и отправились назад той же дорогой. На обратном пути с нами не произошло ничего примечательного. Профессор Эшшольц остался в селении, чтобы произвести некоторые изыскания в области естественной истории. Он намеревался вернуться морем на алеутской байдаре, воспользовавшись тем, что многие из них должны были в ближайшее время отправиться на промысел морского бобра в залив Сан-Франциско.

Так как испанцы сами не занимаются охотой на морских бобров, они охотно разрешают русским промыслять возле своих берегов, за что получают определенную часть добычи. Я был очень рад, что байдары из колонии Росс придут в залив еще во время нашего здесь пребывания. Дело в том, что я намеревался

посвятить некоторое время исследованию еще совершенно неизученных рек, впадающих в залив Сан-Франциско, для чего эти небольшие суденышки могли бы весьма пригодиться. Вот почему я ждал только их прихода, чтобы вновь отправиться в путь.

В течение всего лета здесь господствует северо-западный ветер, при котором никогда не бывает дождя. Но теперь стоял уже конец октября, когда часто дуют южные ветры, приносящие с собой плохую погоду и сильные ливни. Именно из-за них нам пришлось в течение некоторого времени ожидать возвращения профессора Эшшольца и прибытия байдар.

Однажды, к большому нашему изумлению, в залив из открытого моря вошла шестивесельная шлюпка, которая вскоре подошла к нашему кораблю. Она была спущена с английского китобойного судна, которое уже в течение нескольких дней лавировало перед входом в залив, не имея возможности войти в него из-за неблагоприятного направления ветра. Большая часть команды страдала от цинги, и капитан решил послать на берег шлюпку, чтобы достать для больных свежего мяса. Я тотчас же приказал в изобилии снабдить их мясом и овощами, после чего шлюпка отправилась обратно. На следующий день в залив вошло само судно и стало возле нас на якорь. По тому, как они убирали паруса, было видно, что у них осталось очень мало людей, сохранивших работоспособность. Капитан, вскоре меня посетивший, также был совсем изнурен, а его помощники лежали в постели. Семь месяцев это судно провело у берегов Японии, ни разу не вставая на якорь и не поддерживая никакой связи с сушей. Несмотря на столь большие лишения, команде не удалось добыть ни одного кита, хотя последние в изобилии водятся у японских берегов.

Заболевание команды цингой я могу объяснить лишь плохим питанием вследствие непростительной экономии, а также нечистоплотностью. Последнее качество вообще нехарактерно для англичан, но при таком длительном и непрерывном плавании, конечно, трудно избежать грязи на судне. На нашем корабле в течение всего путешествия не наблюдалось ни малейших следов цинги, этой страшной болезни, от которой в прежние годы погибало так много моряков.

Капитан рассказал мне, что у берегов Японии промышляло большое число китобойных судов, причем многие из них через короткое время уходили оттуда с богатой добычей. Все эти суда очень страдали от частых штормов. Другим большим неудобством было строгое запрещение высаживаться на японскую землю.

Как известно, японцы не желают иметь никакого дела с другими нациями, за исключением китайцев и голландцев, и обращаются с чужеземцами как с проклятыми; под страхом смертной казни там запрещено снабжать иностранцев пищей. Японцы видят в этом верное средство сохранить в чистоте свои древние обычаи, при которых они чувствуют себя счастливыми. Проведя семь месяцев в Японии во время моего первого путешествия с адмиралом Крузенштерном, я могу засвидетельствовать, что всякий, кто имел возможность поближе познакомиться с этим пародом, не может его не уважать. Ведь японцы собственными силами, без какого бы то ни было иностранного влияния, достигли высокой степени просвещения. Возможно также, что подобная изоляция — результат политики их весьма деспотического правительства, которое опасается распространения неблагоприятных для него идей.

На одном китобойном судне, которое слишком долго задержалось у берегов Японии, кончились все запасы провизии и пресной воды. Находясь в столь тяжелом положении, капитан принял смелое решение нанести японцам визит в самой императорской резиденции, хотя и знал о строгом запрещении высаживаться на берег. Без всякого предупреждения он вошел в залив Иеддо и стал там, на якоре на расстоянии пушечного выстрела от города. Можно себе представить, в какое смятение пришли жители Иеддо, ранее никогда не видевшие ни одного европейского судна. На берегу тотчас же появилось множество солдат, а сам корабль был окружен лодками, в которых сидели вооруженные люди. Эти воинственные приготовления заставляли предполагать, что на судно готовится нападение и что команде придется поплатиться за свою смелость жизнью. Однако события развернулись иначе. После того как японцы приняли все необходимые меры, чтобы судно оставалось на месте и с него не могли спустить ни одну шлюпку, к нему подошла изящная лодка. На борт поднялись двое вельмож в шелковой одежде, каждый с двумя мечами за поясом. Их сопровождал переводчик, который немного говорил на ломаном голландском языке. Дружелюбно и вежливо поздоровавшись с капитаном, они сказали, что император прислал их узнать, по какой причине прибыли чужеземцы и известно ли им, что приставать к берегам Японии запрещено под угрозой смертной казни. Капитан признался, что слышал об этом строгом запрещении, но добавил, что решился на столь отчаянный поступок, ибо на корабле не осталось никаких припасов. Вельможи тщательно осмотрели судно и, убедившись в том, что на нем действительно нет ни продовольствия, ни воды, так же вежливо попрощались с капитаном. Тем

временем из города прибыло множество лодок с любопытными обоего пола. Им не разрешили войти в круг, образованный сторожевыми лодками, и потому жителям города пришлось издали любоваться новым для них зрелищем.

В тот же день переводчик вновь прибыл на судно и привез питьевую воду и различные припасы, которых должно было хватить на несколько недель. Переводчик объявил, что император предоставляет все это безвозмездно, ибо долг предписывает помогать ближним и правительству было бы стыдно брать плату с людей, терпящих бедствие. Но теперь, когда капитан снабжен всем необходимым, он должен немедленно выйти в море и сообщить своим соотечественникам, что без крайней необходимости ни один иностранец не должен под страхом смерти приближаться к японским берегам. Переводчик добавил, что очень несправедливо поступают также и те, которые промышляют у данных берегов без разрешения императора.

С переводчиком прибыло много людей, которые быстро погрузили на судно воду и продовольствие. Затем был немедленно поднят якорь, и корабль вышел в море, буксируемый японскими лодками; он провел в заливе менее двенадцати часов. На прощание капитан хотел сделать переводчику подарок, но последний ужаснулся этому намерению и немедленно покинул судно, сказав, что любая принятая безделица стоила бы ему головы. В Европе нравы далеко не так суровы.

Вскоре после этого с другого китобойного судна, не осведомленного о вышеописанном происшествии и находившегося в ста милях к югу от Иеддо, была послана на берег шлюпка. Ее команде поручили приобрести свежую провизию в небольшой прибрежной деревушке. Высадившихся на берег матросов тотчас же схватили и посадили в тюрьму, а их лодку спрятали. Корабль долго ждал возвращения шлюпки, пока, наконец, не был отогнан сильным штормом от берега. С попавшими в плен моряками хорошо обращались, держали в удобной тюрьме и превосходно кормили. Через четырнадцать дней им сообщили приговор, который был, очевидно, вынесен в Иеддо. Он отнюдь не отличался той гуманностью, которая вообще характерна для японцев: моряков посадили в их собственную лодку и, не снабдив никакими припасами, заставили выйти в море, невзирая на непогоду. Сорок восемь часов проплутали моряки в открытом море, а затем им посчастливилось встретить китобойное судно, взявшее их на борт. Эти случаи должны служить предупреждением для всех моряков, которые захотели бы высадиться в Японии.

В последний период нашего пребывания в Калифорнии там

началась настоящая зима. Очень часто наблюдались штормы, сопровождавшиеся дождями. А дувший 9 декабря юго-западный ветер мог сравниться по силе с ост-индскими и вест-индскими ураганами. Он срывал крыши с домов, выворачивал с корнем деревья и вообще причинил большие разрушения. Один из наших самых толстых якорных канатов лопнул, и, если бы не выдержал другой, еще более прочный, нас отнесло бы к скалистым берегам пролива, соединяющего залив с открытым морем. В этом проливе стремительное течение боролось со штормовым ветром, вследствие чего здесь образовался необычайно мощный прибой. К счастью, уже через несколько часов шторм начал ослабевать, но и за столь короткое время он успел причинить окружающей местности весьма значительный ущерб. Произошло даже наводнение. Вода с такой быстротой затопила все низменные участки, что наши люди едва успели перенести в безопасное место палатку с астрономическими приборами.

Тщательно сравнив санкт-петербургское и сан-францисское время с учетом разницы долгот, мы установили, что большое наводнение в Санкт-Петербурге, причинившее так много бедствий, произошло не только в тот же день, но и началось в тот же час, что и наводнение в Калифорнии. Западнее, на Сандвичевых островах, в то же самое время свирепствовал не менее сильный шторм. А еще на сотни миль дальше, на Филиппинских островах, буря сопровождалась землетрясением, причем было разрушено множество домов. В Манильской бухте, этой обычно столь надежной гавани, сила ветра была так ужасна, что на находившемся здесь французском корвете, которым командовал капитан Бугенвиль (сын знаменитого мореплавателя), были сломаны все мачты. Об этих происшествиях нам рассказывали сами обитатели Манилы и Сандвичевых островов. Таким образом, данный ураган одновременно охватил значительную часть Северного полушария. Можно поэтому предположить, что причина его возникновения находилась за пределами земной атмосферы.

Наша якорная стоянка в зимнее время при подобных штормах не была достаточно надежной. Поэтому мы на следующий же день воспользовались наступившей хорошей погодой и отошли на несколько миль далее к востоку. Здесь мы бросили якорь в небольшой бухте с живописными берегами, вполне безопасной в любое время года. В этой бухте останавливался также Ванкувер. Испанцы называли ее Эрба-Буэна — в честь ароматной травы, растущей на здешних берегах.

Поскольку байдары с доктором Эшшольцем все еще не прибыли из колонии Росс, я уже начал опасаться, что с ними произошло

несчастье во время бури. Тем большей была моя радость, когда 12 октября пришло двадцать байдар. Они были совершенно невредимы, а наш друг был жив и здоров. Эта небольшая флотилия и в самом деле покинула колонию еще до начала урагана. Но раньше, чем он разразился, путешественникам посчастливилось достигнуть берега у мыса Рейес. Там они спокойно переждали бурю. Им пришлось провести это время на высоком голом утесе, где невозможно было укрыться от непогоды; сильно страдали они и из-за недостатка пищи. Но перенесенные трудности не лишили доктора Эшшольца бодрости, и он готов был тотчас же предпринять со мной путешествие для исследования упомянутых выше рек.

Теперь все было готово к отплытию. С нами вновь должен был отправиться лоцман Марко, а также один солдат из президио, который сам вызвался нас сопровождать. И вот 18 ноября, воспользовавшись благоприятной погодой, мы разместились на шлюпке и баркасе и тронулись в путь в сопровождении флотилии алеутов. Наш отряд был хорошо вооружен и снабжен достаточным запасом продовольствия.

Вначале мы отправились уже известным нам путем к миссии Сан-Габриэль. Наши суда пересекли южную часть залива, прошли среди островов и попали в северную его часть. Здесь мы повернули на восток, оставив миссию Сан-Габриэль значительно левее, на северо-востоке. К полудню мы достигли общего устья обеих рек, удалившись от судна на 30 миль. Это устье достигает полутора миль в ширину. Оба его берега, высокие и крутые, лишь кое-где покрыты лесами. Устье пересекается отмелью глубиной не более 2—3 футов. Однако через ее восточную часть пролегает фарватер, достаточно глубокий для полностью нагруженных судов средней величины. Встречное течение здесь было настолько стремительным, что нашим гребцам пришлось напрячь все свои силы, чтобы пройти это мелкое место.

Мы высадились на левом берегу устья, желая определить его географическое положение. Согласно нашим измерениям, его широта равна $38^{\circ}2'4''$ сев., а долгота — $122^{\circ}4'$ зап. Закончив эту работу, я взобрался на один из самых высоких прибрежных утесов, сложенных из перемежающихся пластов сланцев и кварца. Передо мной открылся чудесный вид: к югу простирался необозримый залив Сан-Франциско с его многочисленными бухточками и островами, на севере извивалась широкая красивая река, образовавшаяся в результате слияния двух упомянутых выше рек. Местами она течет здесь среди высоких отвесных скал, местами — среди живописных лугов, на которых

лишь кое-где разбросаны деревья и пасутся большие стада оленей различных пород. Повсюду, куда ни кинешь взор, видны прелестные пейзажи, оживляемые роскошной растительностью.

Наши алеуты разъехались во все стороны на своих маленьких байдарках и занялись охотой на дичь, которой было здесь великое множество, как на воде, так и на суше. Такого изобилия дичи эти страстные охотники нигде еще не встречали. Непрестанно раздавались выстрелы, а иногда удавалось убивать птиц даже дротиками. Алеуты управляют своими небольшими кожаными челнами так же ловко, как наши казаки лошадьми. Они с большой быстротой преследуют дичь, легко поворачивая байдары во всех направлениях, так что добыче редко удается ускользнуть.

Здесь в большом количестве встречаются белые и серые пеликаны размером вдвое больше наших гусей. Один алеут на своей байдаре заехал в самую гущу пеликаньей стаи и убил одну из птиц дротиком. Это настолько рассердило остальных, что они набросились па охотника и пребольно избили его крыльями, прежде чем к нему на помощь подоспели другие байдары. Изобилие пеликанов на реке свидетельствует о том, что здесь водится много рыбы. Последнее подтвердил также наш лоцман. Впрочем, мы сами замечали, как крупные рыбы выскакивают на поверхность.

Дав матросам отдохнуть в течение нескольких часов, мы продолжили наш путь вверх по течению. Но наступило время отлива, и отливное течение в сочетании с речным весьма затруднило наше дальнейшее продвижение. Поэтому, пройдя всего несколько миль, мы уже в шесть часов вечера пристали к берегу и расположились на ночлег па живописном лугу. Река текла здесь по-прежнему с севера, ее ширина равнялась примерно миле, а глубина была достаточной для самых больших судов.

На следующее утро мы покинули лагерь, едва только рассвело, и, воспользовавшись приливом и попутным ветром, быстро направились почти прямо на север. Река теперь часто меняла свой облик, а ее ширина колебалась от одной до двух и даже до трех миль. На нашем пути иногда попадались большие круглые озера с живописными берегами, имевшие много миль в окружности. Мы проплывали также мимо прелестных островков, поросших высокими деревьями с пышной листвой. Глубины повсюду были достаточны для больших судов. Обрывистые берега чередовались с очаровательными равнинами, на которых в тени дубов паслись олени стада. Даже в подобное время года это было очень приятное путешествие.

Удалившись на 18 миль от нашего ночного лагеря и на

23 мили от устья, мы достигли места слияния обеих рек. Одна из них течет с востока, а другая — с севера. Первую из этих рек испанцы называют Пескадорес. Выше по течению в нее впадают еще две реки, которые, по словам нашего лоцмана, столь же широки и глубоки, как и она сама. Миссионеры называли их в честь св. Иоахима [Сан-Хоакин] и Иисус-Марии [Хесус-Мария]. Берега этих рек чрезвычайно плодородны и прежде были густо населены. Святые отцы совершали путешествия вплоть до указанных рек, обращая па свой лад индейцев в христианскую веру для снабжения миссии рабочими руками. Теперь часть индейцев уже крещена, а остальные, спасаясь от обращения, бежали еще дальше вглубь страны, в результате чего берега этих рек опустели. В местности, в которой мы находились, раньше обитало многочисленное племя корекипов. В настоящее время по той же причине от него не сохранилось здесь никаких следов.

Поскольку река Пескадорес была уже исследована ранее, мы направились по другой реке, которая течет с севера и носит название Сакраменто. Мы проплыли по ней всего несколько миль, так как около полудня сильный встречный ветер вынудил нас высадиться на берег. В это время мы находились на 38°22' северной широты.

Ветер все крепчал, и потому в этот день нечего было и думать о продолжении плавания. Пришлось остаться здесь на ночлег, и мы расположились лагерем па живописном лугу, протянувшемся по западному берегу реки. Я снова взобрался на возвышенность, чтобы оглядеть окрестности. На западе виднелись невысокие холмы, на которых кое-где росли одинокие деревья. На востоке и юго-востоке над горизонтом поднимались снеговые вершины хребта Сьерра-Невада, пересекающего с севера на юг всю Америку. Эти горы находились от нас на расстоянии не менее 40 миль и казались наполовину покрытыми снегом и льдами. Между рекой и горами раскинулась весьма низменная равнина, поросшая густым лесом. Ее прорезает бесчисленное множество больших и малых рек, делящих ее на отдельные острова. До сих пор нам не повстречался ни один индеец, но над этими болотистыми островами в направлении Сьерра-Невады поднимались многочисленные столбы дыма. Они свидетельствовали о том, что индейцы, спасаясь от обращения в христианство, бежали туда, где их не могут настичь драгуны с арканами.

Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что истоки реки Пескадорес, равно как и истоки впадающих в нее рек Св. Иоахима и Иисус-Марии, находятся в снеговых горах, ибо эти реки берут свое начало на востоке и протекают по низменности, по

пути вбирая в себя множество небольших речек. Что же касается Сакраменто, то она течет из совсем другой местности, расположенной на севере. По словам некоторых индейцев, живущих в миссиях, эта река вытекает из большого озера. Я предполагаю, что Славянка, впадающая в море вблизи от колонии Росс, представляет собой ее рукав.

Многочисленные малые и большие реки, орошающие этот плодородный край, принесут большую пользу будущим поселенцам. Низменности вполне пригодны для выращивания риса, а более возвышенные земли, которые повсеместно плодородны, могут давать богатейшие урожаи самой лучшей пшеницы. В этих местах прекрасно произрастал бы также виноград, ибо сама природа уже позаботилась о том, чтобы здесь его распространить. Повсюду по берегам рек он встречается в диком состоянии и размножается наподобие сорняка. Грозди его достигают большой величины, а самые ягоды, размером с горошину, очень сладки и приятны на вкус. Мы лакомились им в большом количестве без ущерба для своего здоровья. Индейцы также с удовольствием едят дикий виноград.

Чтобы убить время, мы занялись охотой. Повсюду паслись стада больших и маленьких оленей, а на берегу реки водились гуси, утки и журавли. Дичи было так много, что даже те из нас, которые прежде не увлекались этим спортом, брали ружья и превращались в азартных охотников. Матросам, развлекавшимся главным образом охотой на оленей, удалось убить несколько подобных животных.

Когда начало темнеть, мы развели большой костер, чтобы облегчить возвращение в лагерь нашим заблудившимся охотникам. Ночью нас побеспокоил медведь, который охотился на оленей совсем рядом с нашими палатками. Луна ярко светила, и мы видели, как олень прыгнул в воду и пустился вплавь к противоположному берегу. Медведь бросился за ним и тоже поплыл, но затем мы потеряли обоих из виду.

С восходом солнца мы двинулись дальше, так как ветер немного стих. На берегу, мы заметили маленькую гремучую змею, которая легко могла причинить нам серьезные неприятности. Змею убили, и она пополнила коллекцию профессора Эшшольца. Теперь река текла с северо-запада. Ее ширина составляла здесь от 250 до 300 сажень, но с востока к ней присоединялись более узкие протоки, образуя множество островов. Западный берег реки оставался холмистым, а восточный — низменным. Течение в этих местах было настолько сильным, что мы очень медленно подвигались вперед, несмотря на все усилия гребцов. А когда солнце поднялось над горизонтом,

вновь усилился северный ветер, еще более затруднивший наше продвижение. Поэтому уже в полдень нам пришлось высадиться на западном берегу, пройдя за день всего 10 миль. Мы достигли точки, находящейся на $38^{\circ}27'$ северной широты и $122^{\circ}10'$ западной долготы.

Это был кульминационный пункт нашего небольшого путешествия. Неблагоприятная погода заставила нас отказаться от дальнейших попыток плыть вверх по течению. Впрочем, наш лоцман утверждал, что в данное время года вообще невозможно проникнуть намного дальше, так как из-за обильных дождей вода в реке прибывает настолько, что течение становится непреодолимым. Пусть же продолжают наши исследования те путешественники, которые попадут сюда летом, когда подобных препятствий не существует.

Вблизи от места нашей высадки, по-видимому, недавно останавливались индейцы. Мы обнаружили здесь торчащий из земли шест с флюгером из перьев, два индейских челна, изготовленных из тростника, а также остатки нескольких костров; угли еще покрывал тонкий слой неразвевшегося пепла. Лоцман назвал мне два племени — чупуканов и хульпунов, которые раньше здесь обитали и, возможно, иногда еще заходят в эти места. Теперь столбы дыма от их костров поднимаются над болотистыми островами, на наиболее возвышенных участках, которых они строят свои жилища.

Величественная горная цепь Сьерра-Невада была видна отсюда во всем своем великолепии. Вдоль всего восточного края горизонта тянулся этот высокий, покрытый льдами массив, а перед ним, словно зеленое море, простиралась низменная равнина. Находясь в заливе Сан-Франциско, невозможно увидеть Сьерра-Неваду. Но как только путник минует место слияния рек Пескадорес и Сакраменто, перед ним открывается часть этого горного хребта.

Оставшуюся часть дня мы снова посвятили охоте, причем подстрелили несколько оленей. Мясо их показалось нам очень вкусным. Ночью нам мешали спать небольшие волки, которые и здесь встречаются в изобилии. Они украли у нас несколько кусков оленьего мяса.

Ранним утром мы отправились в обратный путь и вскоре покинули эту плодородную местность, где могли бы в довольстве жить многие тысячи семейств. Как пышна и великолепна тут растительность! Но из-за полного отсутствия жителей этот край производит гнетущее впечатление, которое еще более усиливается при воспоминании о печальной судьбе местных индейцев.

На обратном пути мы производили тщательные промеры и установили, что посередине реки глубина везде составляет 15, 17 или 20 сажень, тогда как в устье она не превышает 4—5 сажень.

23 ноября мы вернулись на судно с запасом оленины для всей команды. Во время нашего отсутствия сюда прибыл капитан Лазарев со своим фрегатом. Почти на всем пути из Ново-Архангельска в Сан-Франциско ему приходилось бороться со штормами.

Я не хотел до его прибытия покидать Калифорнию, так как мы могли с этим фрегатом отправить письма на родину. Теперь нас ничто больше не задерживало, и поэтому наше судно было немедленно подготовлено к отплытию; лагерь на берегу свернули и все его оборудование, включая астрономические приборы, перевезли на шлюп. В последнюю ночь, проведенную на берегу, наши люди убили скунса, который пробрался в одну из палаток, чтобы что-нибудь украсть. Это животное, своей величиной и телосложением напоминающее кошку, распространяет столь ужасное зловоние, что его буквально невозможно перенести. Собаки, которые иногда нападают на скунса, не в состоянии избавиться от этого запаха и в ярости трутся о землю носом, пока из него не пойдет кровь. Скунсы в животном мире занимают такое же место, какое колоши занимают среди людей.

Утром 25 ноября, когда наступил отлив, мы воспользовались северо-западным ветром, обычно приносящим здесь хорошую погоду, чтобы выйти из залива Сан-Франциско. Море еще не успокоилось после недавних частых юго-западных штормовых ветров, и потому в проход, соединяющий залив с морем, заходили высокие волны. Наше судно под действием сильного течения, идущего в этом проходе навстречу волнам, плохо слушалось руля, так что нас чуть не снесло к утесу. Поэтому я советую всем морякам выходить из залива, только когда в проливе спокойно. Последнее обычно бывает, если в течение нескольких дней непрерывно дует северо-западный ветер.

По данным наших многократных наблюдений, президио Сан-Франциско расположено под $37^{\circ}48'33''$ северной широты и $122^{\circ}22'30''$ западной долготы. Склонение магнитной стрелки составляло 16° к востоку.

Прикладной час в заливе, выведенный как среднее из наших наблюдений, оказался равен в новолуние и полнолуние 11 часам 20 минутам. Наибольшая разность уровней воды достигала 7 футов. Реки, впадающие в залив, оказывают большое влияние на продолжительность прилива и отлива, вследствие чего последний длится восемь часов, а первый — только четыре часа.

САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА

Когда берега Калифорнии исчезли из виду, мы взяли курс на юг, чтобы возможно скорее попасть в полосу пассата, а затем двинуться прямо к Сандвичевым островам. Благодаря непрерывно дувшему сильному норд-весту мы уже 3 декабря пересекли тропик Рака на западной долготе 133°58' и, настигнув пассат, повернули па запад. Оказавшись в тропической зоне, мы вообразили, что никакие штормы нам больше не угрожают. Но на сей раз мы жестоко ошиблись: уже 5 декабря сильный ветер, задувший с юго-востока, заставил нас убрать все паруса. На следующий день шторм, нисколько не ослабевая, переместился на запад, а 7-го — на север. Отсюда на нас обрушились наиболее сильные шквалы. Затем небо прояснилось, буря утихла, и к вечеру 8 декабря вновь задул обычно господствующий здесь пассат. Штормы, особенно идущие с запада, крайне редко случаются между тропиками в столь значительном отдалении от суши. Вот почему я об этом упомянул. Правда, данный год [1824] был вообще из ряда вон выходящим. Он принес множество стихийных бедствий, жалобы на которые раздавались повсюду, куда бы мы ни заходили.

После шторма установилась прекрасная погода, и в дальнейшем мы быстро и спокойно двигались вперед под чудесным тропическим небом. Недаром все мореплаватели столь превозносят плавание в тропических водах: оно таит в себе неизъяснимое очарование. Один старый английский капитан, с которым я познакомился во время настоящего путешествия, утверждал, что почел бы за величайшее счастье владеть на склоне лет быстроходным судном, иметь к своим услугам изысканную кухню и скитаться по океану между тропиками, нигде не высаживаясь на берег.

Должен признаться, что сам я имею несколько иные склонности. Находясь в открытом море, я всегда радовался появлению земли. Правда, и мне было небезынтересно водить корабль в далекие моря и бороться с изменчивой стихией. Но по-настоящему увлекало меня лишь знакомство с новыми странами и их обитателями. Именно тут обретал я награду за трудности пути. Я не родился, по-видимому, моряком и к тому же не получил в детстве соответствующей подготовки. На это поприще я вступил случайно, когда мне было пятнадцать лет.

Миновав ночью Оваи [Гавайи], главный остров Сандвичевой группы [Гавайские острова], с его всемирно известной исполинской горой Моу-на-роа [Мауна-Лоа], мы па рассвете 13 декабря увидели к западу от Оваи остров Муве [Мауи]. Вдоль северных берегов Муве и расположенного по соседству с ним Моротаи [Молокаи] мы двинулись к острову Ваху [Оаху], где собирались высадиться на берег.

Вид тропической земли всегда приятен, даже если, как здесь, ее северные берега состоят из высоких вулканических гор и хаотических нагромождений большей частью голых скал. Глядя на них, мореплаватели уже начинают сомневаться в плодородии страны. Тем приятнее они бывают поражены, увидев па южных берегах всех островов этой группы восхитительные пейзажи и роскошную растительность.

Посреди пролива, отделяющего Муве от Моротаи, расположены два необитаемых островка, которые почему-то не указаны на карте Ванкувера. Мы постарались с максимально возможной точностью определить их местоположение.

В четыре часа пополудни на горизонте четко обозначились желтые скалы восточной оконечности острова Ваху. На его южном берегу расположена безопасная гавань Ганаруро [Гонолулу]. Не успев достичь ее до наступления темноты, мы вынуждены были провести ночь между островами Моротаи и Ваху. Утром мы двинулись вдоль южного побережья Ваху. Обогнув мыс, на котором возвышается похожая на сахарную голову гора Алмазная [мыс Леахи], мы внезапно увидели гавань, а в ней — множество судов различных наций. Окрестности гавани поистине восхитительны.

Я считаю своим долгом сделать здесь несколько замечаний, которые могут пригодиться мореплавателям, не вполне знакомым с местными водами. При вынужденном плавании ночью или в туман между островами Ваху и Моротаи необходимо принимать в расчет сильное течение, идущее круглый год на северо-запад. Огибая по пути в Ганаруро восточную оконечность Ваху, не следует отходить дальше, чем на три мили от берега, ибо на большем расстоянии обычно безветренно, тогда как вблизи от земли по утрам всегда дует свежий береговой ветер, а с полудня и до вечера — такой же ветер с моря.

Позади гавани, надежно защищенной от морских волн коралловыми рифами, мореплаватель увидит город Ганаруро, растянувшийся по равнине неправильными рядами жилых строений. Среди хижин различной формы там и сям возвышаются каменные дома, построенные на европейский манер. Первые скромно прячутся в прохладной тени пальм, вторые, напротив,

гордо красуются под палящими лучами солнца, ослепительно сверкая своими белыми оштукатуренными стенами.

У самого берега высится крепость — четырехугольное сооружение с массивными стенами, снабженное множеством пушек. Над крепостью развевается расцвеченный яркими полосами национальный флаг Сандвичевых островов. Позади города необычайно красивым амфитеатром располагаются плантации таро, сахарного тростника и бананов. Еще выше уходят к облакам крутые дикие горы, густо поросшие большими деревьями. Эта восхитительная панорама не оставляет больше сомнений в исключительном плодородии острова Ваху, не случайно прозванного «садом Сандвичевых островов».

Приблизившись к гавани, я затребовал обычным сигналом лоцмана. Вскоре мы увидели приближающуюся к нам лодку европейского типа. На веслах сидели голые канак, как называют здесь низшие слои народа, а у руля — лоцман, одетый вполне по-европейски. Когда он поднялся на борт, я узнал в нем англичанина Александра Адамса. Во время моего захода сюда на «Рюрике» он командовал принадлежащим королю Тамеамеа судном «Кахуманна», а теперь исполнял обязанности лоцмана.

Ветер помешал нам тотчас достичь гавани. Однако через несколько часов направление ветра изменилось, и с помощью искусного лоцмана мы вошли в нее через узкий извилистый проход. Этот проход непреодолим для очень больших судов. Наш корабль был самым крупным из тех, которые когда-либо его форсировали.

В гавани мы застали английские и американские китобойные суда, зашедшие сюда, чтобы запастись свежей провизией, а также корабли, которые направлялись за мехами к северо-западному побережью Америки или остановились здесь на обратном пути от этих берегов. Некоторые суда доставили китайские изделия, приобретенные в Кантоне [Гуанчжоу] специально для Сандвичевых островов, где эти товары находят хороший сбыт. Тут же стоял французский корабль. С грузом скобяных изделий он проделал путь от Бордо до портов Чили, Перу и Мексики, а затем пришел для распродажи остатков в Ганаруро.

Все капитаны нанесли мне визиты в надежде услышать европейские новости. Однако оказалось, что многие из них покинули Европу позже, чем мы. Эти капитаны поделились с нами своими лондонскими газетами. Подумать только, что не прошло и пятидесяти лет, как Кук открыл Сандвичевы острова! Тогда местные жители были, с точки зрения европейцев, дикарями, то есть понятия не имели

наших нравах, обычаях и учреждениях, изобретениях, науках и искусствах, а также придерживались образа жизни, в корне отличного от нашего. Тем поразительнее, что по истечении столь короткого периода времени Ганаруро стал похож на европейский порт, где разве лишь скудное одеяние аборигенов напоминает о том, что последние недавно познакомились с представителями цивилизованных наций.

Моим читателям будет, безусловно, интересно ознакомиться с кратко изложенной историей здешнего народа, что позволит им проследить его быстрые успехи в усвоении европейской культуры. Если бы не злополучные обстоятельства, задержавшие их дальнейшее развитие, местные жители, возможно, уже сравнялись бы с европейцами. Для преодоления этих препятствий необходимо, чтобы во главе сандвичан встал правитель, подобный Тамеамеа.

Одиннадцать островов, названных Куком Сандвичевыми в честь его покровителя, адмирала Сандвича, и сохранивших до сих пор это наименование, ибо туземного названия для всей группы не существует, расположены, как известно, между 19° и 22° северной широты. Все они гористы и имеют вулканическое происхождение. Самый восточный, Оваи, значительно превосходит по величине все остальные острова. Он достигает в длину 87, а в ширину 75 миль; его три громадные возвышенности относятся к числу высочайших гор мира.

Острова имеют прекрасный климат, весьма полезный для здоровья. По подсчетам Кинга, здесь обитало до 400 тысяч человек. Наружность, цвет кожи, язык и обычаи сандвичан указывают на их родство с другими островитянами Великого океана, о которых им теперь, однако, ничего не известно.

О ранней истории островов рассказывают мифы и предания, восходящие к их первым обитателям. Эти легенды не записал до сих пор ни один мореплаватель. Я тщательно собирал их, слушая рассказы моего друга Каремаку, самого уважаемого и умного человека в Ганаруро. Нашим переводчиком был поселившийся здесь давно испанец Марини.

Согласно мифу, в который еще совсем недавно верили все сандвичане, на этих островах в незапамятные времена обитал могущественный дух Этуа-Роно. Ему очень хотелось, чтобы здесь поселились люди, но сам он создать их не мог. Отсутствие на островах людей сильно печалило Этуа-Роно, и он проливал потоки слез на горе Моу-на-роа. Даже его нежная супруга, прекрасная богиня Опуна, не была в состоянии его утешить.

Наконец Роно был услышан судьбой: у юго-восточной оконечности острова Оваи потерпели крушение две лодки, в которых

находилось несколько семейств, везших с собой свиней, кур, собак и различные съедобные корни. Еще сейчас показывают на скале следы ступни первого человека.

В это время Роно ловил у северных островов рыбу для своей супруги. Подчиненный ему бог огня, который не любил людей, решил воспользоваться отсутствием своего повелителя, чтобы прогнать прибывших с острова. Яростно размахивая руками, бог подошел к ним и спросил, откуда они явились. Ответ гласил: «Мы прибыли из страны, изобилующей свиньями, собаками, кокосовыми орехами и плодами хлебного дерева. Сильный шторм отбросил пас далеко в сторону, когда мы плыли к нашим соседям. Пока мы сюда добрались, месяц сменился пять раз».

Люди попросили разрешения остаться на острове, но бог огня со злобой им отказал. Он остался неумолим, хотя они обещали принести ему в жертву свинью.

Между тем Роно, почуяв необычный запах, доносившийся с Оваи, внезапно вернулся на этот остров и был немало изумлен при виде людей. Его приветливый вид внушил прибывшим доверие. Люди обратились к нему со своей просьбой, причем рассказали, как жестоко обошелся с ними бог огня. Сильно разгневавшись, Роно бросил злого бога в находящийся неподалеку от горы Моу-на-роа кратер Каируо [Килауэа], где тот бушует до сего дня. Люди же спокойно поселились на острове и начали быстро размножаться. Чтобы доказать свою любовь и благодарность покровительствующему им Этуа-Роно, они приносили ему многочисленные жертвы. Вскоре в честь Роно стали ежегодно устраиваться торжественные игры, называемые макахики. Они состояли из различных физических и боевых упражнений, а также кулачных боев. Победителя украшали венком и провозглашали королем праздника.

С Оваи были постепенно заселены другие острова. Увеличилось также число богов, причем все они находились в подчинении у Этуа-Роно. Много лет люди жили в мире и согласии под его благодатным покровительством. Казалось, ничто не может нарушить их счастья, как вдруг произошло печальное событие.

Богиня Опуна, прекрасная супруга Роно, снизошла до простого смертного с Оваи, осчастливив его своею милостью. Распаленный бешеной ревностью, супруг столкнул неверную с высокой скалы, и она разбилась насмерть. Но немедленно после ее убийства Роно начал горько раскаиваться в содеянном. Как безумный метался он по острову, награждая попадавшихся ему на пути людей пинками и оплеухами. Народ, пораженный внезапной

переменной, происшедшей с богом, спросил у него, чем он так разгневан. С горечью бог воскликнул: «Я убил ту, которая была мне дороже всего». Роно отнес труп Опуны в марай у бухты Карекакуа [Кеалакекуа] и долго оставался там, погруженный в глубочайшую скорбь. В конце концов бог решил покинуть эти острова, где все напоминало ему о счастливой совместной жизни с супругой. Люди, которых он оповестил о своем намерении, были охвачены величайшей печалью. Стремясь их утешить, Роно обещал со временем вернуться на плавучем острове, в изобилии, снабженном всем, что только может пожелать человек, и осчастливить своих любимцев привезенными дарами. Затем он сел на удивительного вида судно и уплыл в далекие, неизвестные края.

С исчезновением Роно закончился золотой век этих островов. Стали возникать споры, ведущие к войнам. Число богов еще более возросло. Однако их влияние уже не было столь благотворным, как в те времена, когда они подчинялись всеми почитаемому верховному богу. Тогда же начали приносить в жертву людей, появились и другие обычаи, которые не были известны в более счастливом прошлом. Но в преданиях не найти и намека на то, что обитатели Сандвичевых островов были когда-либо людоедами.

Каремаку не смог ничего рассказать о следующем значительном периоде в истории островов и перешел прямо к другому примечательному событию.

Однажды в бухту Карекакуа вошла лодка с пятью белыми мужчинами, высадившимися на берег возле марай, где покоилась Опуна. Островитяне приняли этих людей за высшие существа и потому не помешали им овладеть марай и там поселиться. В этом священном месте чужеземцы чувствовали себя весьма привольно. Они не только не подвергались здесь опасности, но даже не испытывали недостатка в провизии, ибо местные жители ежедневно приносили съестные припасы в жертву находящимся здесь идолам.

Поскольку белые, высадившись на берег, сразу же отправились в марай, а история Опуны, увековеченная в песне, была всем известна, островитяне вскоре начали принимать их за посланцев Роно, которым тот поручил охранять могилу своей возлюбленной супруги. В результате пришельцев стали почитать больше, чем самих идолов. Только одни жрецы имели право доставлять обитателям марай все необходимое, причем они весьма тщательно исполняли свой священный долг. Народ же не осмеливался даже приближаться к святилищу.

Между тем белым людям вскоре наскучила их обособленная

жизнь. Завязав более тесное знакомство с жрецами, они стали совершать вместе с ними священные обряды в марай. Спустя некоторое время пришельцы начали появляться повсюду. Теперь народ убедился в том, что они — простые люди, отличающиеся от здешних только цветом кожи. Тем не менее островитяне продолжали высоко почитать чужеземцев за их ум и за добрый нрав. Им стали отдавать в жены самых благородных девушек; каждый белый сделался властителем того или иного острова. По словам Каремаку, потомство этих людей, к которому принадлежит большинство ери (благородных), выделяется и по сей день более светлым цветом кожи.

Действительно, здесь, как и на Таити, ери отличаются от людей низшего класса высоким ростом, более пропорциональным телосложением, а зачастую и более светлой кожей. Именно белые пришельцы ввели в употребление на Сандвичевых островах шлемы и короткие плащи, описанные Куком и Кингом. Сначала в этом одеянии появлялись только короли, но во времена Кука оно было уже распространено и среди ери. Теперь, когда европейские моды совершенно вытеснили туземные, эти предметы туалета показывают иностранцам в качестве памятников старины. Деревянный шлем, напоминающий по форме шлемы рыцарских времен, покрыт небольшими красными и желтыми перышками и имеет подвижное забрало, а также высокий султан из перьев. Короткий плащ, также точная копия рыцарского, из-за отсутствия тканых материй весьма искусно изготовлялся из перьев. Все сказанное выше, пожалуй, может служить достаточным доказательством того, что высадившиеся на Оваи белые были действительно европейцами и что, по крайней мере, большая часть знатных сандвичан нам более сродни, чем прочие островитяне Южного моря.

С появлением белых людей зародилось летосчисление. На Оваи насчитывают семь властителей, следовавших один за другим — от белого короля до Тамеамеа. Говорят, что в этот период, еще задолго до Кука, у северо-западного берега Оваи потерпели крушение два судна. О судьбе людей, находившихся на этих судах, существуют различные предания. В одном из них сообщается, что путешественники погибли во время кораблекрушения, в другом утверждается, что их убили островитяне. Каремаку упомянул лишь об одном судне, замеченном на значительном расстоянии от островов. Хотя у берегов Овахи и Муве были найдены железные якоря, явно свидетельствующие о том, что здесь останавливались или гибли корабли, Каремаку не смог ничего о них рассказать. Весьма вероятно, что испанцы, которые часто сохраняли в секрете свои открытия, сделанные

в Южном море, еще до Кука знали о существовании Сандвичевых островов.

С 1778 г., когда Кук открыл эти острова и, как было уже указано, присвоил им имя тогдашнего первого лорда адмиралтейства, начинается их настоящая история. К этому времени острова еще не были объединены под властью одного короля, а имели каждый своего властителя, который назывался ерираи. Последний распоряжался жизнью и смертью своих подданных, причем те из них, которые владели поместьями, должны были платить ему дань. На Оваи, где Кук был убит, тогда правил Тераиопу, которого Кук называл Терреобу.

Один из спутников Кука, капитан Кинг, так описывает обитателей Сандвичевых островов:

«Все эти островитяне, как правило, среднего роста³⁸ и хорошо сложены. У них красивая походка и грациозные движения, все они прекрасно бегают и весьма выносливы. Правда, по силе и ловкости мужчины немного уступают обитателям островов Общества, а женщины не столь нежного телосложения, как таитянки. Местные жители отличаются несколько более темным цветом кожи и не так красивы, как обитатели Таити. Однако как мужчины, так и женщины имеют большей частью открытые, симпатичные лица. Женщин делают особенно привлекательными их прекрасные глаза и зубы, а также томный взгляд. Темно-каштановые волосы обитателей этих островов, не столь гладкие, как у дикарей Америки, но и не столь курчавые, как у негров Африки, варьируют в этих пределах, напоминая волосы европейцев.

Как и на других островах Южного моря, местные ери выгодно выделяются своим телосложением. Все представители знати, которых мы здесь видели, были прекрасно сложены. На коже ери весьма редко можно заметить опухоли и нарывы, которые сплошь и рядом встречаются у людей низших классов. Мы приписали данное явление тому, что простолюдины кладут в рыбные и мясные блюда очень много соли. Зато знатым островитянам весьма вредит неумеренное употребление напитка ава, о котором читатели уже знают из главы о Таити. У тех, которые особенно от него пострадали, тела чрезвычайно исхудали и покрылись белой сыпью, а глаза воспалились и покраснели. Этих несчастных постоянно трясет; они с трудом могут поднять голову.

---

³⁸ Это замечание может быть отнесено разве что к низшему классу населения, ибо здешние ери столь же высоки ростом, как на Таити.— *Примеч. авт.*

Ава не всегда укорачивает жизнь (Тераиопу, Кау и некоторые другие вожди дожили до глубокой старости), но обязательно вызывает преждевременное одряхление организма. К счастью, употребление этого напитка является привилегией вождей. Двенадцатилетний сын Тераиопу частенько хвастался тем, что получил право пить аву, и с большим удовлетворением показывал место на ляжке, где уже начала выступать сыпь.

Хотя мы понесли огромную и ничем невозполнимую утрату [смерть Кука] в результате внезапно вспыхнувшей у сандвичан обидчивости и применения ими насилия, я должен все же, чтобы быть справедливым при оценке их поведения в целом, сказать, что они кротки и доброжелательны, не столь легкомысленны и изменчивы, как таитяне, и не так суровы и замкнуты, как обитатели островов Дружбы. Между собой сандвичане живут, по-видимому, в полнейшем согласии. Мы восхищались той нежностью и заботливостью, с какими островитянки обращаются с детьми. Мужчины часто помогают женщинам по дому с предупредительной услужливостью, делающей честь их сердцам.

Если судить о степени цивилизованности сандвичан по тому, насколько уважают здесь женщин (что всегда является самым верным мерилom), то придется признать, что данные островитяне недалеко ушли в своем культурном развитии. Женщинам не только не разрешается питаться вместе с мужчинами, но, и запрещено употреблять в пищу лучшую провизию, как-то: свинину, черепашьё мясо, многие сорта рыбы и некоторые виды бананов. Нам рассказывали, что одна бедная девочка была жестоко избита за то, что отведала у нас на корабле одно из запретных кушаний. Женщины обычно живут обособленно и, хотя мы никогда не замечали, чтобы с ними дурно обращались, безусловно, не пользуются сколько-нибудь значительным уважением.

Всякий раз, когда мы съезжали на берег, нас встречали весьма дружелюбно и гостеприимно. Жители почти всегда бывали по отношению к нам чрезвычайно предупредительны. Едва мы успевали причалить к берегу, как островитяне наперебой спешили преподнести нам подарки, приготовить угощение и дать нам другие доказательства своего уважения. Старики проливали слезы радости и выражали свое особенное удовольствие, когда получали разрешение нас пощупать. При этом они обычно сравнивали нас с собой, выказывая большую скромность и смирение.

По своим умственным способностям обитатели Сандвичевых островов, по-видимому, нисколько не уступают другим народам.

Успехи сандвичан в земледелии, а также совершенство их ремесленных поделок свидетельствуют о том, что они умело, приспособились к окружающей их среде и берут от природы все, что она может дать. Напряженное внимание, с которым эти островитяне следили за нашими кузнечными работами, и всевозможные приспособления, которые они успели изобрести еще до нашего отплытия, чтобы придать полученному от нас железу форму, соответствующую их потребностям, неопровержимо доказывают их понятливость и трудолюбие.

Наш бедный друг Нансена³⁹ отличался столь большой любознательностью, а также столь удивительной природной рассудительностью, живостью ума, какие редко можно встретить у народов, находящихся на аналогичной ступени развития. Нансена задавал бесконечные вопросы о наших обычаях и нравах, короле и форме правления, интересовался численностью нашего населения и тем, что наша страна производит, спрашивал, как мы строим корабли и дома. Он хотел знать, ведем ли мы войны, с кем и по какому поводу, как происходят у нас сражения, какого бога мы почитаем и еще многое другое. Все эти вопросы показывали, что он обладает всеобъемлющим умом».

Высказывания Кинга о добродушии сандвичан звучат особенно убедительно, если вспомнить, что англичане, как это видно из их собственных сообщений, обращались с местными жителями весьма сурово, причем Кук был сам виноват в своей гибели. Андерсон и некоторые другие спутники Кука заподозрили островитян в людоедстве, но Кинг снял с них это несправедливое обвинение.

У местных жителей, вернее, у низших слоев народа наблюдалась склонность к воровству, присущая всем островитянам Южного моря. Именно эта черта характера сандвичан побуждала Кука прибегать к неразумной строгости. Творя над жителями суд и расправу, он часто разрешал себе самое грубое насилие. Будь этот великий мореплаватель не менее великим человеколюбцем, он не лишился бы жизни во время пребывания на Оваи. Как мы увидим ниже, Кук своим поведением вынудил островитян взяться за оружие, в результате чего сам же погиб.

Обычай татуировки был распространен и на Сандвичевых островах. Даже на лицах можно было увидеть полосы, пересекавшиеся под прямым углом, а некоторые островитяне доходили до того, что татуировали себе языки. На руках у женщин встречались очень красивые рисунки.

---

³⁹ Этот островитянин был застрелен англичанами, к которым он все время относился весьма дружелюбно. — *Примеч. авт.*

Обычное одеяние обоих полов заключалось в куске материи, обмотанном вокруг бедер. Женщины украшали себя, кроме того, ожерельями из раковин или небольших твердых и блестящих красных горошин; некоторые же надевали шейные украшения, искусно изготовленные из красивых перьев. Такими же перьями, а также цветочными венками островитянки украшали свои волосы. Их наряд завершали изящные браслеты разнообразной формы.

Сандвичане жили в деревнях или небольших поселках, в которых насчитывалось от ста до двухсот хижин. Последние беспорядочно располагались вблизи одна от другой и соединялись извилистой дорогой. Некоторые хижины имели при себе дворики, обнесенные заборами.

Рядовые островитяне питались в основном рыбой, мясом, бататом, кореньями таро, бананами, сахарным тростником и плодами хлебного дерева. Более знатные люди употребляли, кроме того, в пищу свиное и собачье мясо, приготовленное так же, как на островах Общества. У сандвичан имелось небольшое количество домашней птицы, которую они не слишком пенили. Мясо и рыба особенно нравились им в густо посоленном виде. Островитяне отличались большой чистоплотностью, причем чрезвычайно строго соблюдали ее во время еды. Англичанам весьма понравились местные способы приготовления пищи, которые показались им более совершенными, чем их собственные.

Ери занимались постройкой морских судов и плетением циновок. Женщины изготавливали тапу, которая окрашивалась и набивалась так, что становилась по виду похожей на наш ситец. Таутоу, то есть слуги, иначе называемые канаками, трудились на полях и в садах, а также занимались ловлей рыбы.

Свой досуг островитяне заполняли всевозможными развлечениями, преимущественно танцами, которые были весьма любимы молодежью. Кроме барабанов различной формы, у них не было никаких других музыкальных инструментов, зато пели они очень хорошо. Сандвичане часто играли белыми и черными камешками на специальной доске, что во многом напоминало нашу игру в шашки, но требовало еще более напряженного внимания вследствие большего, чем у нас, числа клеток. Другая игра состояла в том, что под большим куском материи прятали камень; требовалось угадать, в каком месте он находится.

Островитяне устраивали для развлечения соревнования в беге, в которых принимали участие даже девочки, а также любили упражняться в весьма опасном, по-видимому, плавании на волнах прибоя. В кулачных боях и в борьбе сандвичане не проявляли такой ловкости, как обитатели островов Общества. Дети

часто забавлялись игрой с несколькими мячами, которые они один за другим подбрасывали в воздух, а затем ловко ловили в том же порядке.

Островитяне очень хорошо строили свои суда, из которых самое большое принадлежало Тераиопу. Это была двойная лодка, достигавшая 70 футов в длину, 60 в ширину и 3,5 в высоту.

Среди их утвари особенно выделялись чаши для питья авы, употреблявшиеся знатью. Совершенно круглые, эти чаши обычно имели от восьми до десяти дюймов в диаметре и отличались превосходной полировкой. Подставки к ним состояли из трех или четырех фигурок, которые изображали людей, находящихся в различных позах. Иногда человечки держали чашу на головах, иногда на плечах, иногда же на руках, поднятых над головами. Эти фигурки изготовлялись весьма искусно, с точным соблюдением пропорций и даже правильно передавали напряжение мускулов.

Сандвичане владели также искусством добычи соли. Англичане получали ее у них в большом количестве и притом отличного качества.

Оружие сандвичан состояло из дубинок, копий и кинжалов, изготовлявшихся из твердых древесных пород. Жители различных островов часто вели между собой войны. Сражения большей частью происходили на море, где противники сходились па abordаж. Эти сражения бывали весьма кровопролитными.

Отправляясь на войну, ери надевали уже описанный выше шлем, украшенный перьями, а также плащ из черных, красных и желтых перьев. Короли же (ери-рай) облачались в плащи, изготовленные сплошь из желтых перьев. Каждый король имел изображение бога войны — вырезанную из дерева страшную карикатуру на человека, представленного в воинственной позе и с раскрытым ртом, из которого торчали вставленные туда собачьи зубы. Без этого идола не ходили в бой. Во время сражения важнее всего было овладеть идолом, принадлежавшим врагу, ибо на этом война обычно заканчивалась.

Часть воинов, захваченных в плен, приносили в жертву богам. Так как во время жертвоприношения запрещалось проливать кровь, этих несчастных заранее удушали, а затем клали в марай лицом к земле перед изображениями богов.

Похороны умерших считались на этих островах одним из наиболее священных обрядов и сопровождались многочисленными церемониями. Тело относили в пещеру и ждали, пока мясо истлеет, а затем очищали кости. Часть последних оставляли на сохранение в священных местах, остальные же раздавали родным и друзьям покойного, которые носили их при себе

как реликвию. Нередко островитяне давали перед смертью наказ бросить их кости в находящийся на Оваи огнедышащий кратер, где, по местным преданиям, обитала высокочтимая богиня Пелаи.

Мы уже упоминали о том, что женщинам запрещалось употреблять в пищу некоторые кушанья. Они не смели также под страхом смерти заходить в дом, в котором питаются мужчины, равно как и посещать марай. В остальном же женщины пользовались большой свободой и даже имели право голоса на собраниях, где решались вопросы войны и мира.

На Сандвичевых островах, как и на многих других островах Южного моря, важную роль играли религиозные запреты, так называемые табу. Лица, объявленные табу, считались неприкосновенными. Если табу накладывалось на участок земли, на него никто не имел права ступить, если на животных — их нельзя было убивать или преследовать, пока запрет не будет снят⁵. Тамеамеа сравнительно недавно наложил табу на Алмазную гору, о которой я уже упоминал. Дело в том, что один англичанин, приняв найденные там кристаллы кварца за алмазы, рассказал королю, какую большую ценность имеют последние. Тамеамеа решил, что гора таит в себе несметные сокровища. Когда же выяснилось, что произошла ошибка, это табу было отменено.

До прибытия Кука сандвичане, очевидно, видели только очень небольшие суда, ибо приняли корабли этого мореплавателя за плавучие острова. Местные жители вообразили, что к ним, наконец, возвратился, как обещал, Этуа-Роно, которого они все еще продолжали любить и почитать. Вскоре радость сделалась всеобщей. Было решено принять столь долго отсутствовавшего благодетельного бога со всеми подобающими ему почестями. Сандвичане надеялись, что Роио вернет на острова золотой век.

Ни Кук, ни его спутники, очевидно, не поняли того, что ему поклонялись как богу. Все устраивавшиеся в его честь церемонии они сочли лишь за знаки уважения, которыми принято встречать здесь всех важных особ. То, что островитяне называли Кука Роно, ничего не объяснило англичанам. Никогда не слышав о таком существе, они решили, что «Роно» просто пометный титул начальника или жреца. Если бы Кук повел себя иначе, добрые сандвичане так и остались бы при своем заблуждении, и тогда мир и согласие между ними и англичанами не были бы нарушены. Однако Кук сам вынудил местных жителей отказаться от мысли о том, что в его лице они вновь обрели своего благодетеля.

Некоторые канаки сочли возможным потихоньку присвоить кое-что из подарков, которые Роно привез им в соответствии с данным ранее обещанием. Кук приказал их тотчас же за это жестоко наказать. Пойманного с поличным англичане высекли плетьюми, а по убежавшим открыли огонь, причем убили многих, в том числе и невиновных. Роно ни за что бы так не поступил! Значит, Туту (так островитяне исказили имя Кука) вовсе не Роно. Отныне Кук стал в глазах сандвичан обыкновенным человеком. Они продолжали его бояться как могущественного начальника, но перестали почитать.

Это ясно проявилось тогда, когда Кук вернулся сюда после плавания к северу. На сей раз сандвичане вели себя совсем иначе. Привозя на корабли свиней и плоды, островитяне сами указывали, что хотят получить взамен, тогда, как раньше они доставляли съестные припасы в подарок или как жертву, а вознаграждение принимали за ответный дар. К тому же сандвичане, считая, что сбывают свою провизию по слишком высоким ценам, начали смотреть на англичан, как на людей, прибывших из голодной страны, чтобы здесь насытиться. Потеряв уважение к чужеземцам, местные жители утратили свое прежнее раболепие. Простолюдины стали совершать у англичан более дерзкие кражи.

В то же время король, жрецы и многие знатнейшие ери сохраняли еще свое прежнее расположение к англичанам. Об этом свидетельствует случай, происшедший с одним из вождей по имени Пареа. О его безграничном добродушии рассказывает сам капитан Кинг. Я приведу здесь этот рассказ.

Несколько канаков снова совершили кражу. Преследуя их, англичане открыли стрельбу из ружей. Хотя украденные вещи были возвращены, английский офицер все-таки счел нужным забрать находившуюся на берегу лодку, которая принадлежала Пареа. Последний потребовал возврата своего имущества, ибо был совершенно непричастен к краже. Офицер отказался удовлетворить это требование, в результате чего возник спор. В раздражении офицер настолько сильно ударил Пареа веслом по голове, что тот упал, потеряв сознание.

На шум сбежалась толпа островитян. Сначала они совершенно спокойно стояли в стороне, но, увидев, какое оскорбление нанесено их предводителю, возмутились и начали забрасывать англичан камнями. Последние бросили свою шляпку на произвол судьбы и пустились вплавь к ближайшей скале, ища там спасения. Тогда островитяне накинулись на шляпку и наверняка разнесли бы ее в щепки, если бы не вмешался Пареа, к которому в этот момент вернулось сознание. Рассеяв толпу, он

знаками предложил англичанам вернуться. Те уселись в свою шлюпку и уплыли на корабль.

Пареа вскоре последовал за ними, причем привез шляпу мичмана и еще кое-какие похищенные ранее вещи. Выразив сожаление по поводу случившегося, он спросил, не убьет ли его Роно, а также разрешат ли ему завтра снова посетить корабль. Как видно, Пареа не потерял еще веры в то, что Кук — бог Роно, или по крайней мере делал вид, что этому верит, желая скорее умиловить англичан. Получив заверение, что ему нечего опасаться и его визиту всегда будут рады, вождь в знак примирения и дружбы коснулся своим носом носов всех офицеров и затем удалился.

Поскольку Пареа помешал своим соотечественникам отомстить англичанам, островитяне похитили ночью другую шлюпку, перерезав веревку, которой она была привязана к кораблю. Узнав об этом, Кук пришел в бешенство и решил доставить на борт самого короля, чтобы задержать его в качестве заложника до тех пор, пока не будет возвращена шлюпка. На других островах он в подобных случаях с успехом применял указанную меру.

Взяв оружие, Кук сам отправился на берег в сопровождении хорошо вооруженных солдат. Предварительно он приказал не выпускать из бухты ни одно каноэ, намереваясь, если не подействуют другие методы, уничтожить все суда островитян. Все шлюпки с обоих кораблей, наполненные вооруженными матросами, были расставлены так, чтобы обеспечить выполнение этого приказа.

Как видно из отчета Кинга, Кук был встречен на берегу с большими почестями. Островитяне при его появлении пали ниц. Кук отправился прямо к старому королю, который в это время отдыхал, и пригласил его последовать за собой на корабль, на что старец сразу же согласился. Однако многие ери принялись уговаривать короля отказаться от визита, на котором все более настаивал английский капитан. Увидев, что старика пытаются задержать, Кук взял его за руку и хотел увести силой, чем весьма возмутил собравшихся толпой островитян. Тут прибежал окровавленный ери, который был ранен ружейным выстрелом с английской шлюпки, когда пересекал бухту. Он упал на колени перед королем, громко умоляя его никуда не ходить, чтобы избежать столь же печальной участи. При виде раненого ери толпа, дотоле сдерживавшая свое возмущение, пришла в неукротимое бешенство. Произошло вооруженное столкновение, в результате которого Кук и несколько солдат были убиты, а остальные англичане обратились в бегство.

Так рассказывал об этом событии Каремаку, который сам явился его очевидцем, находясь еще в юношеских летах. С его рассказом, в общем и целом согласуются отчеты спутников Кука. Правда, некоторые обстоятельства дела англичане освещают несколько по-иному. Но на острове Ваху каждый житель совершенно убежден в том, что все произошло именно так, как уверял Каремаку. Даже если считать английскую версию более правильной, все равно придется признать, что англичане были нападающей стороной, что они вынудили островитян прибегнуть к самозащите и что Кук понес заслуженное наказание за свое поведение.

Иоганн Рейнгольд Форстер в предисловии к изданному им «Дневнику путешествия в Южное море, совершенного с 1776 по 1780 г. под начальством капитанов Кука, Клерка, Гора и Кинга» (Берлин, 1781) 6 приводит следующую выдержку из письма одного высокопоставленного англичанина: «The Captain's character is not the same now as formerly. His head seems to have been turned»⁴⁰. Сам Форстер в том же предисловии говорит об изменившемся характере Кука следующее: «В первом плавании Кука сопровождали господа Бенкс и Соландер, люди науки и искусства. Во втором путешествии его спутниками были я и мой сын; мы питались вместе с ним и составляли его повседневное окружение. В нашем присутствии он вынужден был сдерживаться из уважения к самому себе. К тому же при столь длительном и постоянном общении на него не могли не повлиять наш образ мыслей, наши принципы и нравы, которые не позволяли жестоко обходиться с бедными, простодушными островитянами Южного моря. Кук как командир ни разу не проявил тогда жестокости, если не считать одного случая, когда он приказал стрелять из пушек по виновному в мелкой краже, удиравшему в лодке. К счастью, никто при этом не пострадал.

Однако во время третьего плавания на корабле Кука не было других свидетелей, кроме лиц, ему непосредственно подчиненных или таких, которые, не получив хорошего воспитания и не имея солидной репутации, не могли внушать к себе уважения (говоря это, я не делаю исключения ни для астронома господина Бейли, ни для ботаника господина Нельсона). Поэтому не удивительно, что Кук забыл, к чему обязывает его положение, и совершил ряд весьма жестоких и бесчеловечных поступков. Я убежден, что, если бы капитана Кука и на сей раз сопровождали господа Бенкс и Соландер или я с сыном, а так

---

⁴⁰ «Характер капитана совсем не тот, что прежде. Его образ мыслей, по-видимому, изменился».

же доктор Спаррман, он, безусловно, не погиб бы таким образом».

После Кука первыми посетили Сандвичевы острова корабли Мирса, Диксона, Портлока и Кокса, побывавшие здесь в 1786— 1789 гг. Упомянутые капитаны производили пушной торг между северо-западным побережьем Америки и Китаем, а потому эти острова были для них весьма удобной базой. Здесь морякам был обеспечен хороший прием. Отдельные островитяне иногда отправлялись на кораблях чужеземцев к американскому побережью, а Тианна, один из самых знатных ери острова Отуаи [Кауаи], совершил вместе с Мирсом плавание в Китай. Подобные путешествия и постоянное общение с европейцами сильно расширили умственный кругозор этих детей природы. К тому же у сандвичан не было скверной привычки, свойственной в равной мере как высокоцивилизованным европейцам, так и обитателям Гренландии, считать себя самым умным народом на земном шаре, что помогло им быстро усвоить иностранные нравы и обычаи. Последнему способствовала также неуклонно развивавшаяся пушная торговля, благодаря которой на острова с каждым годом заходило все больше кораблей. Вот почему Ванкувер в 1792 г. обнаружил, что после Кука здесь произошли разительные перемены.

Король Тераиопу ненадолго пережил Кука. Его сын Кава-рао вступил во владение большей частью острова Оваи, тогда как меньшая часть последнего досталась его близкому родственнику Тамеамеа. Каварао, будучи тираном, совершал неслыханные дотоле жестокости.

Во время определенных фаз луны персона Каварао была особенно табу, то есть священной. В такие периоды только одним жрецам разрешалось лицезреть его при дневном свете. Всякого другого, кто имел несчастье случайно взглянуть па влaстителя, немедленно предавали самой мучительной смерти.

Обуреваемый страстью к завоеваниям, жестокий повелитель пошел войной на Тамеамеа, желая овладеть всем островом. Тамеамеа был молод и преисполнен кипучей энергии. Он настолько выделялся превосходством своего ума и ловкостью в военных упражнениях, что эти его качества вошли в пословицу. Хотя армия противника намного превосходила по численности войска Тамеамеа, последний все же не был побежден.

Поскольку в то время еще не применялось огнестрельное оружие, война затянулась, не принося победы ни одной из сторон. Тогда противники согласились разрешить свой спор в поединке, условившись, что победивший станет повелителем всего острова. Оба короля вооружились и, установив на месте поединка

своих военных идолов, которых окружили жрецы, начали метать друг в друга копья. Каварао, считавший себя весьма искусным метальщиком, нашел в Тамеамеа достойного противника. Последний умел уклоняться сразу от нескольких копий, брошенных разными лицами, причем сам почти всегда попадал в цель. Поэтому кровожадный Каварао не ушел от приговора судьбы. После нескольких бесплодных бросков, произведенных обоими противниками, тиран пал замертво, пронзенный копьем Тамеамеа.

Этот поединок, сделавший Тамеамеа королем острова Оваи и Муве (последний ранее тоже принадлежал Каварао), произошел в 1781 г. Чтобы упрочить свое владычество, Тамеамеа взял в жены дочь побежденного им короля, а благоразумным правлением и снисходительностью заслужил вскоре величайшую любовь всех своих подданных.

Сам одаренный выдающимися умственными способностями, Тамеамеа доверял важные должности в своем маленьком государстве лишь тем, кто был достоин их занимать. Например, он сделал весьма удачный выбор, возвысив Каремаку. Этот тогда еще совсем молодой человек оказался способным вникать во всеобъемлющие идеи и планы своего повелителя. Став первым после Тамеамеа лицом в государстве, Каремаку всегда поддерживал короля и словом и делом. Он оставался верен Тамеамеа вплоть до смерти последнего. Англичане прозвали Каремаку Питтом 10 Сандвичевых островов.

В это время на Оваи начали селиться европейцы. Среди них были Дэвис и Джон Юнг, которые оказали весьма благотворное влияние на молодое, расцветающее государство. Под их руководством сандвичане начали строить дома и суда по европейскому образцу. Эти два поселенца распространили на острове полезные чужеземные растения, первыми начав их выращивать, и даже были хорошими советниками в государственных делах.

С появлением Ванкувера над этими островами возшла счастливая звезда. Он сделал много хорошего для сандвичан. В частности, именно ему местные жители обязаны изобилием крупного рогатого скота и овец. Тамеамеа наложил на этих животных десятилетнее табу, благодаря которому они настолько размножились, что ныне, одичав, в великом множестве бродят по здешним лесам. Если бы па месте Кука оказался Ванкувер, сандвичане не перестали бы верить в то, что к ним вернулся Роно.

Во время пребывания Ванкувера на островах власть Тамеамеа по-прежнему распространялась только на Оваи и Муве, но

он вел уже войну за овладение всем архипелагом. В этой войне воины Тамеамеа применяли ружья и даже пушки, которые их повелитель приобретал на кораблях, посещавших Оваи. Тамеамеа сам командовал своим войском во всех сражениях, происходивших как па суше, так и на море, причем Каремаку, первый по рангу после короля, всегда его сопровождал. По-видимому, обитатели Оваи еще плохо владели огнестрельным оружием, ибо после отплытия Ванкувера война продолжалась целых десять лет, пока Тамеамеа не захватил все острова, за исключением Отуай, расположенного дальше всех на северо-запад. Наконец после многих неудачных попыток он в 1817 г. овладел и Отуай, став, таким образом, властителем всего архипелага.

Покончив с войнами, Тамеамеа направил свои главные усилия на просвещение народа, а также на развитие торговли. Местными предметами вывоза были соль и сандаловое дерево. Последнее отправлялось за границу почти исключительно на судах Североамериканских Штатов. Приобретая сандал по довольно высокой цене, американцы все же получали огромные барыши, сбывая его в Кантоне [Гуанчжоу]. Мне рассказывали, что они ежегодно выручают теперь от продажи этого дерева в Китае примерно 300 тысяч испанских талеров.

Тамеамеа начал также сам отправлять товары на больших судах, частично полученных у американцев в обмен на сандал, а частично построенных здесь же, на островах. Команды этих судов состояли как из европейцев, так и из сандвичан. Король сумел даже стать владельцем небольшого военного флота. Его каменные склады на Оваи всегда были наполнены необходимыми европейскими и американскими товарами. Тамеамеа обладал также значительной казной, состоявшей из серебряных монет и серебряной посуды. В его крепостях имелось множество пушек крупного калибра. Король содержал армию численностью 15 тысяч человек, причем все его воины были вооружены ружьями и являлись отличными стрелками.

С помощью испанца Марини Тамеамеа старался распространить на островах хлопчатник, который здесь прекрасно растет и дает высококачественное волокно. Он добивался также широкого разведения местного льна, превосходящего по качеству новозеландский, намереваясь сделать его предметом вывоза. Да и вообще светлый ум короля не упускал из виду ничего, что могло бы принести пользу его стране. Тамеамеа всеми силами стремился к тому, чтобы его родина сравнялась с наиболее процветающими государствами, о которых ему приходилось слышать.

Всякий корабль, войдя в принадлежащую Тамеамеа гавань, оказывался в большей безопасности, чем в иных европейских портах. Едва появлялось иностранное судно, как глашатаи разносили повсюду весть о том, что прибыли друзья, которым следует оказывать гостеприимство, а также предупреждали, что всякий, кто нанесет им обиду, будет строго наказан.

Когда Тамеамеа узнал, что первое же его судно, посланное с грузом сандалового дерева в Кантон, вынуждено было там уплатить значительную пошлину за право стать на якорь, он сказал: «Я могу с чистой совестью требовать у других деньги за то, за что плачу сам». Отныне каждый корабль стал вносить ему 40 испанских талеров за стоянку на рейде и 80 — за использование внутренней гавани.

На Ваху, самом плодородном острове этого архипелага и притом единственном, где имеется безопасная гавань, цивилизация сделала наибольшие успехи. В Ганаруро поселилось несколько американских и английских купцов, появились лавки со всевозможными товарами, было выстроено на европейский манер много каменных и деревянных домов. Некоторые из последних были вывезены в разобранном виде из Америки, здесь их только сколачивали.

Благодаря усилиям Марини па Ваху получили распространение европейские овощи, отлично произрастающий здесь виноград, а также многие фрукты. Марини завел у себя стадо коров. Козы, овцы и европейская домашняя птица стали водиться здесь повсеместно.

Совершая многочисленные путешествия как на кораблях, принадлежащих Тамеамеа, так и на иностранных судах, на которые они нанимались матросами, местные жители все более усваивали обычаи цивилизованных народов. Считая полный костюм излишней роскошью, сандвичане приобретали отдельные принадлежности европейского туалета, в которых щеголяли примерно так же, как таитяне. Сам Тамеамеа обычно ходил без сюртука, в рубашке, панталонах и красном жилете. Король имел несколько богато вышитых мундиров, но облачался в них только в торжественных случаях. Сандвичане сделали значительные успехи в изучении английского языка, причем многие из них научились на нем довольно прилично изъясняться. Тамеамеа тоже понимал по-английски, но говорить па этом языке не мог.

Кто желает побольше узнать об этом выдающемся правителе, пусть ознакомится с сочинением Ванкувера и с описанием моего предыдущего путешествия. Для тех же, кто не захочет читать последнее, я процитирую лишь два содержащихся там

высказывания Тамеамеа. Вручая мне весьма искусно выделанный из перьев разноцветный воротник, который он надевал в торжественных случаях и во время сражений, король сказал: «Я слышал, что ваш монарх — великий герой; поэтому я люблю его, будучи сам таким. В доказательство моей любви посылаю ему этот воротник». Обняв однажды одну из статуй, стоящих в его марай, Тамеамеа произнес: «Вот боги наши, которым я поклоняюсь. Заблуждаюсь ли я или нет, того не знаю, но исполняю правила веры своей, которая не может быть дурна, поскольку запрещает мне быть несправедливым».

В 1819 г., 8 мая по новому стилю, Тамеамеа окончил свой славный жизненный путь, к величайшей скорби как островитян, так и иностранных поселенцев. Его прах был погребен с соблюдением всех обрядов, предписываемых здешней религией, приверженцем которой он оставался до самой смерти. После того как тело пролежало некоторое время в марай, очищенные кости были розданы родственникам покойного и самым знатным его сподвижникам. Местный обычай требовал, чтобы вместе с королем были похоронены два заранее намеченных островитянина. Но, умирая, Тамеамеа распорядился, чтобы этих людей оставили в живых.

Его старший сын и законный наследник, Лио-Лио, или Рио- Рио, как произносят англичане, ибо у сандвичан трудно отличить «л» от «р», вступил на престол под именем Тамеамеа Второго. К сожалению, он не унаследовал ни ума, ни способностей своего отца. А сильное пристрастие к спиртным напиткам сделало его и вовсе не способным управлять молодым государством, которое, совершив огромный скачок в сторону цивилизации, нуждалось в опытном кормчем, чтобы не сбиться 'с правильного пути.

Видя слабость и неспособность королевского наследника, вожди некоторых островов, особенно правитель Отуай, еще при жизни Тамеамеа затаили надежду вернуть себе былую независимость, когда умрет их грозный повелитель. После его кончины они тотчас приступили к осуществлению своих намерений, но на их пути встал Каремаку.

Этот верный друг и советник покойного короля обладал светлым умом и пользовался любовью всего народа. Он сразу понял, к каким несчастным последствиям привела бы ликвидация единой государственной власти на островах, и из патриотических побуждений стал служить сыну своего друга столь же ревностно, как служил его отцу. С помощью своего красноречия, а в необходимых случаях и силой оружия Каремаку усмирил мятежников и восстановил повсюду порядок. Однако

он не в силах был внушить народу любовь к новому королю, а потому возможность нового возмущения продолжала существовать.

Опасаясь мятежа, король избрал в качестве своей резиденции остров Ваху, где удобнее всего было обороняться от неприятеля. Здесь, забыв обо всем, он предался пороку, все, более теряя уважение своих подданных. Каремаку как добрый гений стоял на страже интересов страны, тогда как ее властелин проводил время в оргиях, опорожня нередко залпом целую бутылку рому.

При таком беспутном образе жизни и без того ограниченный ум монарха не мог подсказать ему никаких мер, способных принести пользу островитянам. Однако Рио-Рио, по-видимому, все же хотелось сделать хоть что-нибудь для просвещения своих подданных или, по крайней мере, для освобождения их от некоторых суеверий. Он был вольнодумцем в худшем смысле этого слова. Возненавидев стеснявшую его местную религию, король решил ее уничтожить, не собираясь, однако, принять иную, лучшую веру. Дело в том, что его вялый ум не был в состоянии подняться к возвышенному. Рио-Рио хотел просто-напросто освободить себя и своих подданных, от каких бы то ни было ограничений, считая ненужными даже предписания морали, ради которых его отец до самой смерти исповедовал религию предков.

Уже на пятом месяце своего правления король самым грубым способом осуществил свое намерение, несмотря на возражения Каремаку. Заранее сговорившись с некоторыми вождями, участвовавшими в его попойках, он пригласил на большой пир самых знатных островитян. Когда вино и ром начали оказывать свое действие, привели женщин и насильно заставили их принять участие в пиршестве. Бедные создания, не разгадав намерений Рио-Рио, были в ужасе от того, что их вынуждают совершить святотатство, караемое смертью. Однако сопротивление женщин не помогло: их заставили не только усесться вместе с мужчинами, но и отведать свиного мяса. Таким образом, по приказу короля табу было дважды нарушено, к великому удивлению чех, кто не был посвящен в его тайные намерения. Среди гостей поднялся ропот, но большинство из них уже находилось в состоянии опьянения. Вдруг король во всеуслышание объявил о своем замысле. Смертельный страх объял большую часть присутствующих. Они стали вопрошать, что плохого сделали боги и за что король хочет их низвергнуть. Островитяне всячески пытались остановить своего властелина, умоляя не возбуждать гнев богов, грозящий гибелью

как ему самому, так и всей стране. Тогда король вскочил со своего места и закричал, яростно размахивая руками:

— Вы видите, мы только что нарушили строжайшие табу, а боги нас все же не покарали. Значит, они бессильны; они не могут ни навредить нам, ни сделать добро. Наша вера была всего лишь никчемным заблуждением. Пойдемте, разрушим, марай! Пусть отныне у нас не будет никакой религии!

Приверженцы короля тотчас последовали за ним, и, поскольку жители Ганаруро были весьма развращены в результате постоянного общения с иностранными матросами, к небольшой вначале кучке обезумевших людей присоединилось множество других, для которых не осталось ничего святого. Правда, явившись в королевский марай, некоторые безбожники ощутили страх при виде стоявших там идолов. Но когда король со своими ближайшими сподвижниками принялся издеваться над этими изображениями богов, причем опять не понес небесной кары за свое святотатство, к толпе вернулось ее, прежнее мужество. Вскоре все марай были полностью разрушены.

Если бы Рио-Рио отменил только вредные обряды, присущие его религии, и сохранил то достойное, что имеется в каждой вере, его правление могло бы стать весьма благотельным для островитян. Но когда король грубо занес руку на то, что свято чтит весь народ, он вызвал лишь замешательство и дал повод к кровопролитию. Безумное поведение Рио-Рио могло погубить его самого и принести тягчайшие бедствия всей стране, если бы Каремаку снова не выступил в роли его спасителя.

Многие ери, не разделявшие взглядов короля, незаметно ушли с пиршества и вместе с жрецами стали призывать народ защитить своих богов силой оружия. Образовалась целая партия, которая, имея при себе статую бога войны, начала военные действия против сторонников Рио-Рио. Когда весть об оскорблении богов дошла до других островов, там тоже начались возмущения. Каремаку не принимал участия в разрушении святилищ и отнюдь не одобрял содеянного. Но он понимал, что случившееся непоправимо, и, предвидя, к чему могут привести подобные мятежи, решил положить им конец. Будучи все еще любимцем народа, Каремаку встал во главе быстро собранного им войска и начал повсюду водворять порядок и спокойствие.

Каремаку встретил серьезное сопротивление лишь на большом острове Оваи. Наконец после нескольких кровопролитных боев ему удалось завладеть статуей бога войны. Мятежники в той же битве лишились своего предводителя и разбежались в разные стороны, ибо сочли, что боги их покинули. Восстановив порядок на этом острове, Каремаку возвратился на Ваху.

Весьма удивительно, что народ, который так глубоко чтит своих богов и жрецов, чему я раньше сам не раз был свидетелем, столь быстро примирился с уничтожением своих святынь и объявлением своей веры заблуждением. Не менее примечательно и то, что население жило спокойно без соблюдения религиозных; обрядов. Однако Каремаку понимал, что такое положение долго сохраняться не может и что народу необходима новая вера. Поэтому он решил, как только представится случай, подать своим соотечественникам хороший пример: приняв крещение, открыто объявить себя сторонником христианской религии, к которой он давно уже чувствовал склонность. В том же самом, 1819 г. остров Ваху посетил капитан Фрейсине, совершавший кругосветное плавание. На его корабле имелся священник, который окрестил Каремаку и его брата Боки по католическому обряду.

В это самое время в Североамериканских Штатах организовалось общество миссионеров, пожелавших отправиться на Сандвичевы острова для распространения христианства. Они еще ничего не знали о происшедшем там ниспровержении идолов — обстоятельстве, которое должно было намного облегчить исполнение их намерения. Эта группа состояла из шести семейств. Ее сопровождали два сандвичанина, получившие подготовку в миссионерской школе.

В апреле 1820 г. корабль с миссионерами подошел к острову Ваху. Однако Рио-Рио, узнав о замысле чужеземцев, не разрешил им высадиться на берег и потребовал, чтобы они удалились. И на сей раз вмешался Каремаку. Он стал доказывать королю, что христианская вера явится величайшим благодеянием для его подданных, которым так или иначе придется принять какую-нибудь религию. Тогда Рио-Рио созвал самых знатных ери и после четырнадцатидневного обсуждения приказал предоставить миссионерам участок земли с правом построить на нем церковь и проповедовать христианское вероучение. Однако пришельцев предупредили: если их проповедь окажет дурное влияние на народ, им придется тотчас покинуть остров. Миссионеры приняли это условие и обосновались на Ваху, а оттуда вскоре расселились по другим островам.

Свои главные усилия прибывшие направили, прежде всего, на то, чтобы обратить в христианство короля, его семью и знатнейших ери. Когда это в скором времени удалось, миссионеры почувствовали под ногами твердую почву и смогли с большей уверенностью приступить к осуществлению своих планов. Изучив быстро и основательно местный язык, они стали обучать сандвичан чтению и письму. Островитяне легко овладели грамотой.

Уже в 1822 г. на Ваху была напечатана книга на языке, который по названию здешнего главного острова принято именовать овайским [гавайским]. Эта книга состояла из песен духовного содержания.

Вместе с грамотностью на островах все более распространялось христианство, обещая самые счастливые результаты. В отличие от Отаити здесь не прибегали для утверждения новой веры к насилию и кровопролитию. Миссионеры были протестантами. Но католик Каремаку не задумываясь, стал исповедовать их религию, очевидно имея весьма слабое представление о догматах, разделяющих обе церкви.

В то же время Каремаку, несмотря на все его усилия, не удалось полностью умиротворить народ. Все еще находились тайные приверженцы старой веры; король так и не смог приобрести ни уважения, ни любви своих подданных. Поэтому постоянно приходилось опасаться новой вспышки мятежа. Даже под защитой укреплений, воздвигнутых на Ваху, Рио- Рио не чувствовал себя в полной безопасности.

Следуя совету некоторых европейцев, король решил совершить путешествие в Англию в надежде, что за время его отсутствия волнения улягутся. Перед отплытием он поручил своему верному Каремаку и любимой супруге отца по имени Кахуманна совместно управлять страной. В 1824 г. Рио-Рио отправился в Англию на североамериканском судне. Его сопровождали жена, брат Каремаку по имени Боки и еще несколько знатных подданных. Король взял с собой 25 тысяч испанских пиастров из казны, оставленной его отцом.

Вскоре после отплытия короля на острове Отуаи вспыхнул настоящий мятеж. Дело в том, что умер Тамари, бывший местный правитель, и его сын, молодой человек, воспитанный в Североамериканских Штатах, где он вращался отнюдь не в лучшем обществе, вознамерился вернуть себе власть над островом. Узнав о мятеже, Каремаку и Кахуманна тотчас отправились с войском на Отуаи. Когда мы вошли в гавань Ганаруро, война на Отуаи еще продолжалась, но местные жители полагали, что она вскоре благополучно закончится. Во время отсутствия регентов островом Ваху управляла другая супруга Тамеамеа, Номаханна, в помощь которой был выделен ери по имени Хинау.

На следующее утро после нашего прибытия я съехал с несколькими офицерами на берег, чтобы засвидетельствовать свое почтение королеве Номаханне. На пристани мы были встречены испанцем Марини, который в качестве переводчика проводил нас к ее величеству. По дороге мне попадались навстречу

многие из тех, с кем я познакомился во время предыдущего здесь пребывания. Они приветствовали меня дружеским «ароа». Я не заметил, чтобы местные жители стали лучше одеваться. Весь их наряд по-прежнему состоял из весьма немногих разрозненных принадлежностей европейского костюма. Впрочем, довольствуясь малым, они разгуливали в таком туалете с весьма довольным видом.

Резиденция Номаханны расположена на берегу, неподалеку от крепости. Это прелестный двухэтажный домик с балконом, сколоченный из досок на европейский манер. Он выкрашен масляной краской и имеет большие красивые окна.

На ступеньках дома меня встретил Хинау, губернатор Ваху, представший перед нами в полнейшем неглиже. На нем был лишь не застегнутый красный суконный жилет, который отнюдь не предназначался для столь необъятной фигуры; тяжелые сапоги, какие обыкновенно носят наши рыбаки, весьма стесняли его движения. Губернатор весьма благосклонно протянул мне руку, повторяя: «Ароа! Ароа!». Затем он повел меня на второй этаж, где все имело очень изящный и опрятный вид.

По всей лестнице вплоть до двери, ведущей в комнату королевы, располагались дети, взрослые и даже старые люди обоего пола. Под руководством самой Номаханны они усердно упражнялись здесь в чтении по букварю, а также учились писать на аспидных досках. Такого рода филантропия делает королеве честь. Губернатор тоже держал в руке букварь, в котором лежала изящная костяная указка. Некоторые старцы пришли сюда, очевидно, не столько ради учения, сколько ради того, чтобы показать хороший пример. Они держали книги вверх ногами, но делали при этом вид, будто погружены в чтение.

Потешное зрелище, которое представляли собой эти едва одетые ученики и ученицы, отнюдь не привело меня в торжественное настроение, в котором мне надлежало бы явиться к королеве. Но вот двери распахнулись, я вошел, и Хинау представил меня ее величеству как капитана недавно прибывшего русского фрегата.

Комната была меблирована на европейский лад стульями, столами и зеркалами. В углу стояла громадная кровать, украшенная шелковыми занавесками. Пол был покрыт прекрасными тонкими циновками. На такой подстилке посреди комнаты, вытянувшись во всю длину, лежала на животе Номаханна. Повернув голову к двери, она опиралась руками на шелковую подушку. Две молодые девушки в легких одеяниях сидели, поджав ноги, по обе стороны от королевы и отгоняли мух большими

пучками перьев, прикрепленных к длинным тростниковым рукояткам.

Номаханне было не больше сорока лет. При росте в шесть футов и два дюйма она имела в объёме более двух аршин. На королеве было голубое шелковое платье немного устаревшего европейского покроя. Ее черные как смоль волосы были заплетены в косу и уложены вокруг круглой, как шар, головы. Плоский нос и толстые губы Номаханны, конечно, не отличались особой красотой, но в выражении ее лица было нечто приятное и располагающее.

Когда королева меня увидела, она отложила в сторону книгу духовных песен, которую читала до моего прихода. Переменив с помощью нескольких слуг свое лежащее положение на сидячее, Номаханна протянула мне руку, дружески произнесла «ароа» и предложила сесть возле нее на стул.

Память у Номаханны оказалась лучше, чем у меня: она тотчас же узнала во мне того русского офицера, который посетил на острове Оваи покойного короля Тамеамеа. Действительно, я был тогда представлен королевам. Однако Номаханна с тех пор настолько округлилась, что я ее не узнал. Королева помнила, как высоко я ценил ее покойного супруга. Поэтому мое появление пробудило в ней воспоминания об усопшем. Когда она заговорила о смерти Тамеамеа, слезы хлынули из ее глаз.

— Народ потерял в нем отца и защитника,— произнесла Номаханна.— Что станет теперь с этими островами, известно одному христианскому богу.

Королева сообщила мне с явным самодовольством, что стала христианкой и посещает несколько раз в день молельню. Чтобы узнать, в какой мере ей знакомо христианское вероучение, я спросил через Марини, почему она предпочла нашу религию прежней. Номаханна ответила, что причина ей, собственно говоря, не ясна, но что миссионер Бингхем, который так чудесно умеет пала-пала (читать и писать), заверил ее в том, что христианская вера — самая лучшая. Кроме того, королева сказала, что европейцы и американцы, посещающие острова, своими познаниями далеко превосходят ее соотечественников; поскольку все эти более образованные люди исповедуют христианскую религию, приходится заключить, что последняя — наиболее разумная.

— Однако,— добавила Номаханна,— если мы увидим, что данная вера не годится для нашего парода, мы заменим ее другой.

Отсюда видно, что и здешние миссионеры не смогли как

следует, разъяснись островитянам сущность христианства, ибо это святое учение в своем чистом виде вызывает глубочайшее преклонение даже у самых невежественных людей. В заключение королева с торжеством упомянула еще об одном преимуществе новой веры: раньше женщины вынуждены были довольствоваться собачьим мясом, а теперь могут лакомиться свининой.

Вдруг внезапно мелькнувшая мысль изменила ее голос и выражение лица. Глубоко вздохнув, Номаханна воскликнула:

— Что сказал бы Тамеамеа, увидев происшедшие здесь перемены! Нет у нас больше ни богов, ни марай — все разрушено! При Тамеамеа все же было гораздо лучше. Нет, никогда у нас больше не будет такого короля!

И опять слезы хлынули из ее глаз.

Обнажив свою правую руку, Номаханна показала вытатуированную на ней латинскими буквами надпись на овайском языке: «Наш добрый король Тамеамеа скончался 8 мая 1819 года». Этот знак траура, который мы видели у многих местных жителей, нельзя снять так, как мы снимаем кусок черного крепа. Саидвичане, оплакивающие своего любимого монарха, носят подобный траур до самой смерти, что свидетельствует о том, как глубоко они чтут его память. Чтобы еще убедительнее доказать всю глубину своей скорби, они в день его смерти выбили себе по переднему зубу. Вот почему все сандвичане говорят с присвистом. Среди них имеются и такие, у которых траурные слова вытатуированы на языке. В этом заставил меня убедиться Хинау: высунув язык свой, он показал мне вышеприведенную надпись. Удивительно, что эта болезненная операция, вызывающая обычно серьезную опухоль, не имела никаких вредных последствий.

Королева, овладев искусством письма, страстно им увлекалась. Она очень ценила в нем то, что получила возможность не только разговаривать с людьми, находящимися рядом, но и нашептывать свои мысли пребывающим в отдалении. Номаханна обещала написать мне письмо, с тем чтобы, как она сказала, я мог доказать всем в России, что она знакома с этой премудростью.

Наш разговор был прерван стуком колес и громкими голосами. Я выглянул в окно и увидел небольшие дрожки, в которые впряглось множество юношей крепкого телосложения, находящихся в отличном настроении. Я спросил у Марини, что это означает, и услышал в ответ, что королева поедет в церковь. Вскоре вошел слуга и доложил, что экипаж подан. Номаханна

любезно предложила мне поехать вместе с ней. Я с благодарностью принял это приглашение, опасаясь, что мой отказ может ее обидеть, хотя предвидел, сколь комично мы будем выглядеть с нею в дрожках.

Номаханна надела белую коленкорovou шляпу, украшенную искусственными китайскими цветами, взяла в руки большой гавайский веер и натянула на ноги пару грубых матросских сапог. Затем мы отправились в путь. Когда мы спускались по лестнице, королева знаком дала понять, что занятия окончены. Мне показалось, что ученики, в особенности пожилые, весьма обрадовались этому известию.

Внизу у двери толпились любопытные, которые желали насладиться созерцанием того, как королева поедет вместе с русским офицером. Молодые люди, стоявшие перед экипажем, гоготали от удовольствия и ждали только приказания, чтобы тронуться с места. Однако прошло некоторое время, прежде чем мы разместились в дрожках. Дело в том, что последние оказались слишком узкими, а моя спутница — слишком широкой, так что мне пришлось усесться па самом краю сиденья. Находясь в таком положении, я легко мог потерять во время езды равновесие. Чтобы избежать подобной беды, королева крепко обхватила меня своею могучей толстой рукой. Эта поза, равно как и разительный контраст между нашими фигурами, являла, несомненно, весьма забавное зрелище.

Когда мы, наконец, устроились в дрожках, губернатор Хинау, присоединивший к своему описанному выше наряду лишь круглую шляпу, взгромоздился на тощую неоседланную лошадь и подал знак к отправлению. Молодые люди пустились сразу в галоп, ввиду чего королеве действительно пришлось приложить усилия, чтобы не потерять меня по дороге. Наш торжественный поезд возглавлял Хинау. Со всех сторон сбегался народ, радостно крича: «Ароа маитаи!» Количество людей в нашей упряжке все увеличивалось. Много островитян бежало также позади экипажа, оспаривая друг у друга право его подталкивать. Проследовав таким манером через весь Ганаруро, мы примерно через четверть часа благополучно подъехали к церкви, расположенной на унылой равнине и напоминающей как по своему внешнему виду, так и по внутреннему устройству описанную выше таитянскую церковь.

В церкви собралось весьма мало народу. Представительницами прекрасного пола были Номаханна и еще одна старая женщина. Кроме женщин, присутствовали Хипау, я и еще несколько мужчин. В церковь не вошли даже те, кто нас сюда доставил. Было очевидно, что влияние миссионеров на Ваху

отнюдь не так велико, как на Отаити, и что здешний народ пока еще не загоняют палками в молельню.

Вряд ли миссионеры сумеют поработить умы местных жителей в той же мере, как это удалось им на Отаити, куда редко попадают иностранцы. Присутствие последних отнюдь не способствует миссионерской деятельности. Между тем сандвичане находятся в постоянном общении с чужеземцами, которых приводит на острова либо необходимость пополнить запасы продовольствия, либо просто страсть к наживе. При совершении торговых сделок иностранцы обычно позволяют себе всякого рода надувательства, а потому вовсе не заинтересованы в распространении среди островитян христианских идей. Более того, они оказывают на местных жителей развращающее влияние. Чужеземные матросы, за редкими исключениями, весьма грубы и невежественны, причем передают свои пороки сандвичанам. Провинившиеся моряки, опасаясь наказания, дезертируют со своих судов и обосновываются на островах. При Тамеамеа это было строго запрещено, но теперь допускается из чувства христианского милосердия. Для беглых матросов нет ничего святого, ибо они все равно уже нарушили заповеди всевышнего. Поэтому они позволяют себе издеваться над учением миссионеров, которые и сами достаточно компрометируют себя различными нелепыми правилами и предписаниями.

Господин Бингхем произнес на овайском языке проповедь, которая, возможно, отличалась большими достоинствами, но была, по существу, обращена к пустым скамьям: умы немногих присутствующих в церкви были явно заняты другими вещами, а я ничего не понял.

По окончании проповеди мы отправились в дрожках в обратный путь. Проводив королеву, я вскоре откланялся, причем получил от нее заверение, что нас в изобилии снабдят свежей провизией. По моей просьбе королева приказала отвести для наших астрономических наблюдений домик, расположенный вблизи от ее резиденции. Наш астроном Прейс перебрался туда уже на следующий день.

Наше появление произвело большую сенсацию, ибо иностранные военные суда весьма редко посещают этот остров. Прибытие же русского корабля вызвало кроме любопытства значительные опасения. Дело в том, что сумасшедший доктор Шеффер в 1816 г. без ведома нашего правительства подбил обитателей Отуаи к мятежу против Тамеамеа, намереваясь присоединить этот остров к России. Хотя его безрассудный поступок был весьма строго осужден императором Александром, сандвичане до сих пор опасаются повторения подобных происков.

А тут еще англичане стали распространять даже в печати вздорные слухи о том, будто Россия намеревается захватить Сандвичевы острова и что Рио-Рио отправился в Англию просить защиты против русских.

Судя по покровительственному тону, уже давно усвоенному Англией в отношении этих островов, можно предположить обратное: это она сама вынашивает такие тайные планы и, возможно, ждет только удобного случая, чтобы их осуществить. Впрочем; англичане делают вид, будто признают суверенитет правителей Сандвичевых островов, а английский король в своем послании назвал Тамеамеа «вашим величеством». Высказывая свои подозрения, я далек от того, чтобы выдавать их за достоверные факты.

Страх перед русскими возрос еще потому, что полученная здесь незадолго до нашего прибытия мексиканская газета повторила старые английские бредни. Однако это недоверие быстро исчезло. Сделанные мной дружественные заверения, а также отменное поведение всего экипажа, столь выгодно отличавшееся от повадок моряков других находившихся здесь судов, вскоре обеспечили нам любовь и доверие островитян. К чести членов моего экипажа, я должен заметить, что в течение всего нашего здесь пребывания они ни разу не дали мне повода быть недовольным их поступками, хотя матросы торговых судов и иностранные поселенцы показывали пример распушенности, который мог оказаться весьма заразительным.

По воскресеньям большая часть команды увольнялась на берег, что было широко известно в Ганаруро. Поэтому в воскресные дни на берегу собиралось множество вахуанцев, дожидавшихся прибытия шлюпки с нашего корабля, чтобы встретить своих друзей. Было приятно видеть, как наши матросы, едва высадившись на берег, уходили рука об руку с островитянами.

В трудах и развлечениях время проходило весьма приятно, чему во многом способствовал прекрасный климат. Ежедневные посещения Ганаруро, к сожалению, убедили меня в том, что вахуанцы теперь отнюдь не те добродушные и невинные создания, какими мы знали их прежде. Поселившиеся среди них подонки различных наций, а также грубая матросня, которая посещает Ганаруро, оказали дурное влияние на нравы островитян. Мошенничества, кражи, ночное ограбление домов, считавшиеся при Тамеамеа неслыханными преступлениями, теперь происходят довольно часто. Развратителям этих добрых островитян до сих пор еще не удавалось толкнуть их на убийства. Однако происшествие, случившееся здесь незадолго до нашего прибытия, может явиться для вахуанцев печальным примером.

Перепившаяся команда английского китобойного судна взбунтовалась против своего капитана. Один из матросов ударил капитана по голове, настолько сильно повредив череп, что несчастный лишился рассудка. Несмотря на все принятые меры, нашим врачам не удалось полностью восстановить его здоровье. Правда, со временем капитан немного пришел в себя. У больного случались минуты просветления, во время которых он помирился с командой. Матросы снова признали его своим капитаном и отплыли якобы в Англию. Однако у меня есть основания полагать, что этот корабль так и не достиг английских берегов.

В Ганаруро я обнаружил на домах вывески, зазывающие прохожих выпить. Меня неприятно поразило, что европейская культура дала здесь такие плоды. Содержателями этих кабаков являются беглые матросы. Разумеется, в погоне за наживой они не брезгают никакими средствами, чтобы приохотить народ к вину. Обычно все эти шинки переполнены.

В более роскошных питейных заведениях, куда матросов и канаков не пускают, собираются обычно ери и капитаны кораблей. Здесь также пьют, но, кроме того, еще играют на бильярде и в вист. Последний сделался излюбленной игрой вахуанцев, достигших в нем большого совершенства. В вист играют повсюду, даже на улицах, прямо на голой земле, причем всегда на деньги или на вещи. Обычно стоящие вокруг зрители дают свою оценку каждой сыгранной партии. Островитяне сражаются в вист весьма азартно, а потому часто происходят ссоры. Наряду с вистом процветают и другие игры. Приходится глубоко сожалеть, что привычка попусту тратить свое время широко распространилась среди островитян. Прежде этот парод нельзя было обвинить в безделье, а теперь большая часть искусно обрабатывавшихся полей таро, окружавших ранее Ганаруро, пересохла и представляет собой картину запустения.

На большой базарной площади этого селения островитяне целыми днями состязаются в беге. Здесь же устраиваются скачки, в ходе которых народ проигрывает и выигрывает много денег. Вахуанцы питают такую же страсть к скачкам, как малайцы к петушиным боям. Не задумываясь, игроки зачастую рискуют всем своим имуществом, которое подчас состоит из одной единственной лошади. Так как здесь по-настоящему еще не занимаются коневодством, то лошадей привозят из Калифорнии и продают за 200, 300, а порой даже за 500 пиастров. Иной вахуанец годами копит деньги, чтобы купить лошадь в надежде выиграть на бегах большую сумму. Однако бывает, что на первых же бегах он теряет все свое состояние. Всадники гарцуют здесь

часто нагишом и без седла, причем вместо удил используют кусок воровки. Будучи весьма искусными наездниками, местные жители объезжают самых диких лошадей. Однако ухаживать за ними они не умеют и потому быстро губят.

К Ганаруро можно также часто наблюдать игру в «кораблики». В этой игре, во время которой заключаются пари на большие суммы, островитяне проявляют свои склонности к морскому иглу. Ее обычными участниками являются опытные судостроители. По всем правилам искусства они изготавливают небольшие красивые кораблики, причем даже умеют придавать их подводной части такую форму, которая обеспечивает быстроходность. Эти суденышки снабжаются полным такелажем и всеми парусами, а также украшаются флагами и вымпелами. Собственники корабликов собираются на берегу большого пруда и в присутствии многочисленных зрителей спускают свой крошечный флот с распушенными парусами и закрепленными в надлежащем направлении рулями на воду. Кораблик, построенный с наибольшей тщательностью и с использованием всех преимуществ, обгоняет другие и первым приходит к противоположному берегу. Его хозяин получает выигрыш. Многочисленные зрители приветствуют победителя радостными криками. Дети, подражая своим отцам, также делают, как умеют, кораблики и пользуются любой лужей, оставшейся после дождя, чтобы начать подобную игру.

Склонность жителей Сандвичевых островов к морскому делу позволяет предполагать, что со временем они будут иметь сильный флот, как того требует их географическое положение. Тамеамеа оставил своим наследникам дюжину хороших судов с командами, состоящими из островитян. Американцы, которые как моряки ни в чем не уступают англичанам, охотно нанимают для своих рейсов между Кантоном и Америкой местных матросов, причем дают о них наилучшие отзывы.

На Ваху сильно возросло тяготение к роскоши. Редко можно встретить островитянина, даже принадлежащего к низшему сословию, на котором бы не было надето какого-нибудь предмета европейского туалета. Женщины в особенности падки на наряды. Все, что носит королева, считается самым модным; все островитянки стремятся ей подражать. Мужчинам нелегко удовлетворять женскую любовь к нарядам. Не располагая для этой цели достаточными средствами, они часто пытаются добыть деньги различными окольными путями. Именно страсть к заграничным товарам, особенно предметам одежды и украшениям, порождает здесь большинство преступлений.

Владельцы лавок всячески стараются расхвалить свой дрянной

товар. Иногда они отпускают его в кредит и тогда взимают двойную цену, хотя и без того получают громадные прибыли. Я сам видел, как молодые девушки платили по два испанских талера за нитку простых стеклянных бус, которую едва можно было обвязать вокруг шеи. Мало того, здешние купцы еще разрешают себе всячески обманывать своих покупателей, что всегда сходит им с рук, ибо на Сандвичевых островах пока не существует никаких законов. Обманутые ими люди, в свою очередь, нередко пытаются возместить свои убытки тем, что надувают других.

Старая домашняя утварь совершенно исчезла из обихода. Даже в хижинах самых бедных канаков китайские фарфоровые тарелки вытеснили кокосовые и тыквенные чаши, из которых никто не желает больше есть.

По воскресеньям жители Ваху, подобно таитянам, отправляются в церковь, нарядившись в лучшее платье, чтобы щегольнуть своими туалетами. Они не имеют, правда, при этом такого смешного вида, как таитяне, но все же выглядят достаточно забавно.

Через четырнадцать дней после нашего прибытия я получил с Отуаи известие от Каремаку. Он просил мне передать, что чрезвычайно рад моему посещению и уже дал Хинау приказ в изобилии снабдить наш корабль всем необходимым. Кроме того, Каремаку сообщал, что его экспедиция благополучно закончилась и что он скоро сам прибудет в Гапаруро.

Однако нам и так же приходилось жаловаться на недостаток продовольствия: за деньги здесь все можно получить, а кроме того, Номаханна еще задаривала нас жирными свиньями и прекрасной рыбой. Она отбирала всю рыбу у островитян, чтобы иметь возможность щедро снабжать ею наш стол. Вообще мы имели все основания быть благодарными за ее внимание и доброжелательность, а потому охотно готовы утверждать, что считаем ее не только самой ученой и умной, но также самой доброй женщиной на Ваху. Все островитяне и даже иностранные поселенцы придерживаются такого же мнения.

Вскоре мне пришлось воочию убедиться в том, что Номаханна еще и обладательница самого большого аппетита. Я часто посещал королеву, обычно по утрам, причем каждый раз заставлял ее за одним и тем же занятием: вытянувшись во весь рост на полу, Номаханна писала мне письмо, которое, по-видимому, давалось ей с большим трудом. Но однажды мне довелось прийти с визитом во время ее обеда. Когда я вошел в столовую, королева лежала животом вниз на красивой тонкой циновке против большого зеркала. Возле самого королевского рта было расставлено

полукругом множество различных кушаний в закрытых фарфоровых мисках. Заботливые слуги пододвигали ей-то одно, то другое кушанье, и ее величество, энергично действуя пальцами, проглатывало все подряд с поистине волчьим аппетитом. Двое мальчиков, сидевших на корточках по обе стороны от королевы, отгоняли большими опахалами мух.

Мое появление отнюдь не помешало Номаханне усердно заниматься своим делом. Произнеся полным ртом дружеское «ароа», она милостиво предложила мне знаком усесться на стул. Таким образом, я стал свидетелем самой удивительной трапезы, какую мне когда-либо приходилось видеть. Не знаю, сколько пищи успел проглотить королевский рот до моего прихода, по то, что было уничтожено на моих глазах, вполне могло бы насытить шесть человек. Однако, как ни велико было мое изумление при виде подобного обжорства, я был еще больше поражен тем, что произошло в дальнейшем.

Аппетит королевы начал постепенно стихать и был, наконец, полностью утолен. Тогда, несколько раз тяжело вздохнув, она произнесла: «Я славно поела». Это были первые слова, которые Номахапна смогла произнести после того, как столь усердно потрудилась. Затем она с помощью слуг перевернулась на спину и знаком руки подозвала высокого и сильного слугу. Последний, хорошо зная свои обязанности, мгновенно вскочил королеве на живот и начал без церемоний немилосердно разминать его коленями и кулаками, словно имел дело с квашней. Во время этой весьма суровой обработки, которая имела целью ускорить пищеварение, ее величество немного стонало. Затем, слегка отдохнув, она приказала снова повернуть себя на живот и начала обед с самого начала.

Хотя этот рассказ и может показаться сильно преувеличенным, на самом деле он совершенно правдив. Все происходило именно так, как здесь описано, что могут подтвердить сопровождавшие меня ученые и офицеры.

Наш астроном Прейс, живший неподалеку от королевы и потому частенько наблюдавший подобные трапезы, утверждал, что к самым большим достопримечательностям Ваху относятся Номаханна и ее черная свинья. Эту необычайно большую и толстую свинью, любимицу королевы, откармливали так, что она почти не могла передвигаться без помощи двух специально приставленных к ней канаков.

Номахапна обычно находит людей слишком худощавыми и советует им поменьше двигаться, чтобы пополнеть. Сколь различны, бывают представления о красоте! Здесь считают очаровательной женскую фигуру в сажень ростом и необъятной толщины,

тогда как европейские дамы изо всех сил стягивают свои тела корсетами, а иногда даже пьют уксус, чтобы пленять сердца неестественной худобой и томным видом.

Вскоре нам пришлось убедиться в том, что Номаханна при всем ее ужасном обжорстве придерживается непомерно высокого мнения о своей красоте. Это случилось при следующих обстоятельствах.

Один из наших офицеров получил у королевы разрешение нарисовать ее портрет. Поскольку это искусство пока здесь диковинка, на сеанс поспешили явиться многие знатнейшие особы. Они умоляли разрешить им присутствовать притом, как их королеву будут изображать на бумаге. Их просьба была уважена. Едва на бумаге появились очертания лица, зрители принялись с огромным вниманием следить за каждым движением карандаша художника, громко выражая свое удивление. Когда на портрете обозначился нос, раздались возгласы: «Ну вот, Номаханна может нюхать!» При появлении глаз островитяне закричали: «Теперь она также и видит!» Когда же художник изобразил на портрете рот, зрители настолько обрадовались тому, что королева может отныне кушать, словно ей угрожала опасность умереть с голоду. Сама Номаханна получила от этого известия столь большое удовольствие, что потребовала тотчас показать ей рисунок. Она нашла, что рот слишком мал, и изъявила желание, чтобы художник сделал его более крупным. Портрет в законченном виде королеву не удовлетворил, и она с досадой произнесла: «Нет, в жизни я, несомненно, гораздо красивее».

Успешно завершив войну на Отуаи, Каремаку 17 января 1825 г. подошел к гавани Ганаруро с эскадрой, состоящей из нескольких двух- и трехмачтовых судов, на которых находились многочисленные войска. Поскольку ветер не позволил эскадре войти в гавань, она стала на якорь возле ее входа. Я тотчас же послал в моей шлюпке офицера, чтобы поздравить регента с благополучным прибытием. Шлюпка возвратилась, имея на борту Каремаку и его молодую супругу (та, о которой говорилось в описании моего предыдущего путешествия, умерла). Я встретил гостей несколькими пушечными выстрелами, чем весьма обрадовал славного старика. Каремаку сказал мне, что эти почести, оказанные русским военным кораблем, помогут поскорее рассеять опасения, которые питают его соотечественники в отношении намерений России.

Каремаку был, по-видимому, очень рад тому, что снова меня увидел. После сердечных объятий он представил мне свою молодую, весьма милостивую супругу. Попросив показать ему корабль,

Каремаку осмотрел его с величайшим вниманием, причем всякий раз выражал удовлетворение при виде новых для него предметов. Наконец он воскликнул:

— Как велика разница между этим кораблем и нашими! Как хотел бы я видеть их в столь же хорошем состоянии! О Тамеамеа, зачем ты так рано умер!

Сидя у меня в каюте, Каремаку еще много говорил о смерти своего друга-короля. Марини отказался перевести мне его слова, заявив, что нельзя передать на другом языке столь глубокий смысл и такую силу чувств. Мне же кажется более вероятным, что Марини, как человек не слишком образованный, вообще не владел в совершенстве ни одним языком и именно по этой причине не смог перевести образные выражения Каремаку. Впрочем, миссионеры тоже утверждали, что овайский язык весьма поэтичен, а потому чрезвычайно труден для перевода.

Каремаку заговорил также о происшедшей здесь смене религии.

— Наша нынешняя вера,— сказал он,— лучше старой, но обитающие в горах канаки не так скоро это поймут. Приходится прибегать к строгим мерам, чтобы удержать их от восстания. Королю не следовало бы столь внезапно уничтожать все старые святыни. В результате он вынужден был отправиться на чужбину, ибо у себя на родине больше не чувствовал себя в безопасности. Один бог знает, чем все это еще кончится; я же опасаюсь дурного исхода. Народ меня любит, и многое делает ради меня, но я очень болен. Государство, с трудом удерживаемое мною от гибели, может распасться после моей смерти. Тогда вновь польется кровь и каждый станет стремиться захватить для себя возможно больше. Ведь даже при моей жизни произошел мятеж на острове Отуаи!

Опасения Каремаку, по-видимому, вполне обоснованны, ибо их разделяют как островитяне, так и иностранцы. Многие ери считают, что раздел государства после смерти Каремаку совершенно неизбежен; некоторые вожди уже наметили области, которые собираются захватить, причем не скрывают своих намерений.

Тем не менее, старый и больной Каремаку успешно поддерживает в стране порядок, ибо каждый знает, что ни один мятежник не останется безнаказанным.

Во время моего предыдущего здесь пребывания художник Хорис, который меня тогда сопровождал, а впоследствии был убит в Мексике, написал удачный портрет Тамеамеа. Я подарил ныне почтенному Каремаку гравюру с этого портрета. Радость старика была поистине трогательной. С неописуемым восхищением

рассматривал он гравюру, покрывая ее поцелуями. По щекам старика катились крупные слезы.

Прощаясь, Каремаку попросил направить к нему врача, пожаловавшись на плохое самочувствие. «Я тоже христианин и умею читать и писать», — сказал он, пожимая мне руку. Весьма характерно, что герой и государственный деятель упомянул именно об этих своих достоинствах, умолчав о других. Жители Сандвичевых островов смотрят на христианское вероисповедание и грамотность как на узы, связывающие их с цивилизованными нациями. Вот почему они этим более всего гордятся.

Каремаку и его супруга, несмотря на жару, были одеты вполне по-европейски. На Каремаку был темный сюртук, черный жилет и такого же цвета панталоны из тонкого сукна. Его круглая шляпа была обвита черным крепом в знак траура, который он продолжал носить по любимому монарху. Супруга Каремаку была в черном шелковом платье.

На берегу собралась толпа островитян обоего пола, с нетерпением ожидавшая появления своего правителя. Не успел он ступить на берег, как все встречающие, коснувшись друг друга носами, по сигналу начали громко плакать. Таков местный обычай приветствовать высоких начальников. Несколько пожилых женщин знатного происхождения, возглавляемых Хинау, окружили Каремаку и, потершись друг о друга носами, затянули жалобными голосами песню, содержание которой я попросил мне перевести. Вот что в ней говорилось:

«Где ты был так долго, любимый господин? Ежедневно мы лили о тебе слезы. Благодарение небу, что ты вернулся. Чувствуешь, как радуется земля под твоими ногами? Слышишь, как радостно хрюкают свиньи, тебя почуяв? Ощущаешь ли запах жареной рыбы, которая тебя ожидает? Пойдем, мы станем тебя лелеять, чтобы тебе понравилось быть с нами».

Возможно, овайский язык действительно весьма поэтичен, но прослушанная мной песня не позволяет прийти к такому заключению. Каремаку, порадовавшись оказанному ему приему, отправился вместе со всей огромной процессией к Номаханне, которая не изволила выйти ему навстречу.

Целый день в Гапаруро царило большое оживление; все разговоры вертелись вокруг возвращения Каремаку. Жители обсуждали его героические дела, говорили о мятежнике, сыне Тамари, взятом в плен и сюда доставленном. Последнего называли здесь принцем Джорджем. Мне довелось несколько раз его видеть и с ним беседовать. Этому молодому человеку не слишком приятной наружности было тогда двадцать пять лет. Одевался он вполне по-европейски. Хотя сей «принц» воспитывался

в Североамериканских Штатах, у него оказалось не больше знаний, чем у простого матроса. Зато, как говорят, он в совершенстве усвоил многие пороки. Каремаку учредил за Джорджем постоянный надзор, поручив двум ери следить за каждым его шагом. Кроме того, пленника предупредили, что при первой же попытке к бегству он будет задушен.

Кахуманна все еще оставалась на острове Отуай, чтобы упрочить восстановленный там порядок. Эта женщина, игравшая значительную роль во время посещений Ванкувера, будучи весьма смысленной и обладая мужским складом ума, рождена, чтобы повелевать.

Каремаку, вернувшись на остров, оказал нам большую услугу. Дело в том, что, как обнаружилось, большая часть медной обшивки на нашем корабле отстала у киля. Оголенные участки днища могли быть изъедены червями. Чтобы устранить повреждение, необходимо было предварительно разгрузить судно и подвергнуть его килеванию. Однако наш друг избавил нас от столь трудоемкой работы, прислав трех весьма искусных ныряльщиков. Эти островитяне, удивительно легко работавшие под водой, сумели приколотить новые медные листы к корабельному днищу. Двое из них, снабженные молотками, заколачивали гвозди, третий подавал им материал. Следя по часам, мы установили, что эти труженики могли оставаться под водой до сорока восьми секунд. Каждый раз они всплывали на поверхность с сильно покрасневшими и выпученными глазами. Это болезненное состояние было вызвано чрезмерным напряжением зрительных нервов, ибо островитяне трудились под водой с открытыми глазами. Среди наших матросов имелось несколько искусных ныряльщиков. Они сами не смогли бы выполнить подобную работу, но были в состоянии проверить сделанное другими. Эти матросы убедились в том, что вахуанцы успешно справились с порученным им делом.

Через несколько дней после прибытия Каремаку на корабль явился посланец от Номаханны, пожелавший со мной говорить. Я велел провести его в мою каюту. Все одеяние островитянина состояло из рубашки и широкополой соломенной шляпы. Сбоку на шнурке, обвязанном вокруг шеи, висела сплетенная из тростника сумка. Парень имел весьма лукавый вид, словно собирался совершить что-то таинственное. Поскольку он знал только свой родной язык, разговаривать нам не пришлось. Дав, попят при помощи жестов, что в его сумке находится нечто, предназначенное для меня, посланец вытащил оттуда пакет. Он долго освобождал последний от обертки — многочисленных кусков материи местного изготовления [тапы]. Наконец показалось письмо,

которое он мне вручил со словами: «Ароа Номаханна!» («Привет от Номаханны!»). Островитянин постарался растолковать, что королева желает меня в тот же день посетить и потому просит прислать за ней шлюпку. Затем, произнеся длинную речь про «пала-пала», он удалился. Я послал за Марини, который следующим образом перевел полученное мной письмо:

«Привет тебе, русский! Я люблю тебя всем сердцем, больше, чем самое себя. Поэтому, видя тебя снова у нас, я испытываю такую радость, которую не может выразить наш бедный язык. Ты увидишь, как все здесь изменилось. Когда Тамеамеа был жив, страна процветала; теперь же все пошло прахом. Молодой король находится в Лондоне, Каремаку и Кахуманна в настоящее время тоже отсутствуют, а заменяющий их Хинау не имеет достаточной власти над народом, чтобы принять тебя так, как этого требует твое высокое положение. Он не может посылать тебе в потребном количестве свиней, таро и батат. Как ужасно терзаюсь я при мысли о том, что мои обширные владения на острове Муве расположены столь далеко за морем! Если бы они находились ближе, ты был бы ежедневно окружен свиньями. Как только вернутся Каремаку и Кахуманна, тебя снабдят всем необходимым. С ними прибудет также брат короля. Но он еще мальчик, весьма псопытен и потому не умеет отличить хорошее от дурного. Я прошу тебя обнять от моего имени твоего царя. Скажи ему, что я охотно сделала бы это сама, если бы между нами не лежало огромное море. Не забудь сердечно поклониться от меня всему твоему народу. Мы с тобой христиане. Поэтому ты снисходительно отнесешься к моему неважному почерку. Голод заставляет меня закончить письмо. Желаю тебе с аппетитом и удовольствием отведать свиную голову. С королевским постоянством будет тебя бесконечно любить Номаханна».

Это оригинальное письмо было написано уверенной рукой, без помарок, большими, красивыми и четкими буквами. Адрес состоял лишь из тех слов, которыми начиналось послание: «Ароа руккини!» Номаханна трудилась над этим письмом почти ежедневно в течение нескольких недель. Написанное она ни разу не изменяла. Полученный мною листок был тот самый, на котором королева начинала писать письмо, и, следовательно, содержал разрозненные мысли, которые в разное время пришли ей в голову.

Вскоре всем в Ганаруро стало известно о том, что королева мне написала. Здесь подражают всему, что она делает, а потому большая часть знати также решила почтить меня своими посланиями. Но так как им требовалось, по меньшей мере, столько же времени, сколько королеве, чтобы изложить свои мысли

на бумаге, мне пришлось бы слишком долго ждать этих писем.

И выполняя пожелание Номаханны, я послал за ней свою шлюпку с офицером. Однако она прибыла лишь через несколько часов: столько времени потребовал, по словам офицера, ее туалет. Завершив его, королева попросила офицера взять ее под руку и проводить к шлюпке. Вот еще одно подражание европейским обычаям, влияние которых здесь уже довольно ощутительно.

Для обительницы Сандвичевых островов Номаханна была на сей раз чрезвычайно элегантна. На королеве было шелковое платье абрикосового цвета, отделанное снизу широкими черными кружевами. Пестрая лента шириной в ладонь, завязанная спереди пышным бантом, делила пополам ее необъятную фигуру. На королевской шее красовалось изящное боа из желтых и красных перьев местного изготовления. Голову покрывала очень элегантная итальянская шляпа, украшенная китайскими искусственными цветами и свисающими с полей черными кружевами. Целая клумба цветов украшала ее высокую грудь, скрывая подбородок. На фоне этого великолепия резко выделялись ноги ее величества, на которых не было ничего, кроме мужских галош.

На Сандвичевых островах еще нет сапожников, и потому все ботинки и туфли ввозятся из Европы или Америки. Поскольку, однако, ни в одной из этих частей света не предполагали, что бывают ноги столь огромных размеров, королева оказалась без обуви, и ей не оставалось ничего иного, как ходить в галошах, ибо показываться босиком она считала неприличным.

С большим основанием можно было бы упрекнуть Номаханну в том, что она не надела чулок и явилась в слишком коротком платье, которое высоко обнажало ее коричневые, похожие на столбы ноги. Однако, считая себя одетой с королевской роскошью, она нисколько не была смущена столь ничтожным обстоятельством и имела чрезвычайно самодовольный вид.

В своем роскошном наряде и с зонтиком в руках королева с большими усилиями поднялась по трапу, у которого я встречал ее вместе с офицерами. Достигнув последней ступеньки, гостя захотела сделать по всем правилам танцевального искусства реверанс, чтобы доказать свое знакомство с нашими обычаями. Однако реверанс не удался. Плохо владея своими ногами, королева потеряла равновесие и наверняка упала бы в воду, если бы ее не подхватили два здоровенных матроса.

Все, что Номаханна увидела на корабле, вызвало ее одобрение, но больше всего ей понравилась моя каюта. Усевшись на стоявшую тут софу, она тотчас ее продавила. Особое внимание

Номаханны привлек портрет императора Александра. Расположившись перед портретом на полу, чтобы не причинить новых повреждений, королева с интересом его рассмотрела, а потом сказала: «Маитаи ери нуи руккини» («Великий повелитель русских очень красив»), Номаханна сообщила, что прекрасно осведомлена о жизни в России. О Петербурге и, особенно о самом царе ей много рассказывал сандвичанин Лаури, который совершил туда в 1819 г. путешествие с капитаном Головинным на русском судне «Камчатка», а потом вернулся в родные места 15. Королева уверяла, что сама охотно побывала бы в России, если бы ее не пугали тамошние морозы, которые, по словам Лаури, поистине ужасны.

От Лаури Номаханна узнала, что люди в этой стране закутываются с ног до головы в меха и все же подвергаются опасности лишиться ушей и носа. Он рассказывал также, что мороз превращает воду в стекло, по которому ездят в больших ящиках, запряженных лошадьми, причем стекло не разламывается. По словам Лаури, дома в России высоки, как горы, и необычайно, обширны, и он бродил по одному из них в течение трех дней, но так и не смог добраться до конца. Отсюда видно, что Лаури несколько преувеличивал, но Номаханна полностью доверяла его рассказам.

Похвалив нас за замечательное изобретение, позволяющее сохранять в домах тепло при помощи огня, королева заявила, что, если бы ей пришлось очутиться в Петербурге во время морозов, она вовсе бы не выходила на улицу, а ездила гулять по дому. Затем Номаханна пожелала узнать, отчего у нас бывают холодные и теплые времена года. Я постарался объяснить ей причину этого явления в форме, доступной ее пониманию, причем вполне ее удовлетворил.

— Лаури был прав,— заметила королева дружески,— В России есть очень толковые люди.

Вслед за признанием моей учености посыпался град вопросов, которые не слишком меня радовали. Некоторые из них были совершенно бессмысленны; потребовалось немало времени, чтобы внушить королеве более правильные представления об интересовавших ее вещах. Вот некоторые из заданных вопросов: «Сколько дров ежегодно приходится сжигать на солнце, чтобы обогреть все страны на земле?», «Не могут ли все огни на солнце в один прекрасный день погаснуть от страшного дождя и не станет ли тогда на Ваху столь же холодно, как в России?» и т. д.

Мне хотелось, возможно, скорее отделаться от подобных вопросов, и, чтобы отвлечь внимание королевы, я предложил ей выпить вина. Оно имело успех, я преподнес ей еще бутылку, но

не достиг своей цели, ибо любознательность не покидала королеву в течение всего ее двухчасового визита. Поэтому я был немало обрадован, когда Номаханна поднялась, чтобы уйти. Покидая каюту, она заявила: «Раз у меня теперь есть вино, то нужны и рюмки, чтобы его пить». С этими словами она взяла одной рукой подаренную мной бутылку, другой бесцеремонно схватила стоявшие на столе рюмки и лишь, затем вышла на палубу. Там Номаханна сделала всем глубокий реверанс, после чего спустилась в шлюпку. Таким образом, высочайший визит закончился конфискацией моих рюмок. Впрочем, будучи сама весьма щедрой, Номаханна, вероятно, думала, что я их охотно отдал.

После возвращения Каремаку на Ваху его здоровье сильно пошатнулось. Появились все признаки водянки. Нашим врачам удалось несколько облегчить его страдания. Когда я зашел его проведать, Каремаку сердечно поблагодарил за оказанную помощь и был так весело настроен, что все время шутил. Я в столь же шутливом тоне стал заверять больного, что мы смогли бы полностью восстановить его здоровье: для этого потребовалось бы только разрезать ему живот, вынуть внутренности, очистить их и снова положить на прежнее **место**. Каремаку, смеясь, ответил, что ради полного исцеления **готов** согласиться даже на такую операцию.

Несколько старых женщин, присутствовавших при данном разговоре, приняв все сказанное мною всерьез, быстро распространили в народе молву о том, как ужасно я собираюсь обойтись с обожаемым ими Каремаку. В результате в Ганаруро началось большое волнение. Островитяне решили, что я намерен убить их вождя, и потому сразу меня люто возненавидели. Каремаку сам известил меня о случившемся через Марини, причем попросил, чтобы я в течение нескольких дней не съезжал на берег, пока ему не удастся рассеять все подозрения. Сколь благородны чувства, проявленные в данном случае, как народом, так и его правителем!

На Сандвичевых островах господствовала в этот год эпидемия. Очень многие умирали, проболев лишь по нескольку дней, В Ганаруро я наблюдал, как каждый день убирали трупы.

Больному здесь поправиться труднее, чем где бы то ни было. Стоит островитянину слечь в постель, как вокруг него собираются его ближайшие родственники, главным образом женщины. Они, плача, поют жалобными голосами похоронные песни, ибо считается, что такое пение должно исцелить страждущего или, по крайней мере, принести ему облегчение. Чем хуже чувствует себя больной, тем больше людей собирается вокруг него и тем

громче все они завывают. Узнав о серьезности положения, в его хижину стекаются также друзья и знакомые; те, кому не досталось места внутри, толпятся снаружи. Собравшиеся причитают, плачут и воют, пока пациент не умирает. Безусловно, весь этот шум и постоянные напоминания о смерти, равно как и духота вследствие присутствия в хижине множества людей, приносят больному огромный вред. Многие умирают не столько от самой болезни, сколько от проявленного к ним участия.

Закончив свои дела на Отуай, Кахуманна вернулась в Ганаруро вместе с красивым тринадцатилетним мальчиком, братом короля. Я нанес ей визит и был весьма милостиво принят. Довольно высокая и полная, но не столь необъятной толщины, как Номаханна, Кахуманна гораздо старше последней. На ее лице видны следы былой красоты. Кахуманна всегда одета вполне по-европейски и значительно лучше, чем другая королева, усвоила наши обычаи. Ее наполовину каменный, наполовину деревянный Дом просторнее, чем жилище Номаханны, но обставлен не более роскошно. Он также имеет два этажа и снабжен балконом. Вблизи от ее резиденции находится дом миссионера Бингхема. На руке у Кахуманны, как и у Номаханны, вытатуирована дата смерти Тамеамеа. Других татуировок у королев нет, да и вообще следы существования этого обычая теперь можно увидеть здесь весьма редко и притом только у пожилых людей. Кахуманна несколько раз почтила меня на корабле своими посещениями, а также милостиво соизволила прислать письмо. Однако Марини уверял, что в нем не содержалось ничего; кроме высокопарных фраз, которые он не в состоянии понять и тем более перевести.

Приближалось время нашего отплытия в Ново-Архангельск. Мы самым тщательным образом подготовили корабль к предстоящим крепким и продолжительным схваткам с зимними северными штормами. Я ожидал теперь лишь возвращения нашего минералога Гофмана, который отправился па местном судне на остров Овай. Наш ученый намеревался совершить восхождение на вершину Моу-на-роа, но, к сожалению, потерпел неудачу. Дело в том, что по распоряжению Кахуманны ему были выделены в помощь два островитянина. И вот, когда путешественники, проделав половину пути, поднялись на высоту 7000 футов над уровнем моря, где не только нет никаких поселений, но куда редко забираются даже самые отважные овайцы, его проводники наотрез отказались продолжать восхождение. Их останавливал отчасти страх перед духами, которые якобы обитают на вершине горы, а отчасти и, по-видимому, главным образом холод, уже ощутимый на этой высоте. Как известно, жители

тропиков, избалованные теплом, совершенно не переносят холодов.

Канаки легли плашмя на землю, решительно заявив, что не сделают дальше ни шагу, хотя и знали, что будут наказаны за непослушание. Гофман сначала предлагал им значительные подарки, затем стал угрожать заряженным пистолетом, но ничто, не помогло, и ему пришлось двинуться в обратный путь. Все же эта экспедиция не была совершенно бесплодна: наш ученый сделал некоторые минералогические наблюдения и, кроме того, обнаружил чрезвычайно интересную пещеру.

Эта пещера врежется в гору под острым углом. Углубившись в нее на несколько сот футов, Гофман увидел водную поверхность. При скудном свете факелов не удалось установить, сколь велико это подземное озеро. Поэтому было бы весьма интересно объехать его на лодке. Самое удивительное заключается в том, что в данном водоеме оказалась морская вода и что приливы здесь чередуются с отливами столь же регулярно, как на берегу океана. Надо полагать, что Гофман расскажет об этом гномом открытии подробнее.

Мы покинули гавань Ганаруро 31 января 1825 г. Перед отплытием на корабль прибыл наш друг Каремаку, чему мы были очень рады. Благодаря помощи наших врачей он чувствовал себя настолько окрепшим, что решил сопровождать нас за пределы гавани. Каремаку захватил с собой несколько двойных каноэ, которые буксировали наш корабль.

Когда мы вышли из гавани и оказались так далеко от берега, что могли больше не опасаться попасть в прибой в случае отсутствия ветра, Каремаку с нами дружески простился. Пожелав нам счастливого пути, он заверил меня в том, что будет сердечно рад нашему скорому возвращению. По его знаку крепость произвела пять пушечных выстрелов, на которые мы ответили таким же салютом. Каремаку из лодки махал нам шляпой и кричал: «Ароа» — пока не исчез за рифами, окаймляющими гавань. В это время поднялся свежий ветер. Вскоре мы потеряли из виду прекрасную землю, где так весело провели время. Впереди нас ожидали суровая борьба с зимними северными штормами.

Я решил идти проливом, отделяющим Ваху от Отуай, как самым удобным для судов, следующих из Гапаруро на север. Уже на следующий день мы миновали этот пролив и взяли курс прямо на Ново-Архангельск. Я избавлю читателя от необходимости читать подробное описание этого тяжелого плавания. Скажу только, что 14 февраля, пройдя через точку, лежащую под 35° северной широты и 155° западной долготы, мы при совершенно

ясной погоде не обнаружили никаких признаков земли, хотя некоторые китобои на Ваху утверждали, что здесь расположен остров. Наше плавание прошло вполне благополучно и притом быстрее, чем можно было ожидать в такое время года.

Привожу результаты наших астрономических наблюдений:

Широта Гапаруро.....	121°17'57" северная
Долгота	158°00'30" западная
Долгота восточной оконечности острова Муве.....	156°13'10" западная
Долгота его западной оконечности	156°48'11" западная
Широта одного из небольших островов, расположенных восточнее Моротай и не указанных на карте Ванкувера.....	21°18'30" северная
Его долгота.....	156°49'12" западная

О нашем пребывании в Ново-Архангельске рассказано в десятой главе.

Когда мы возвращались на Ваху, все время стояла прекрасная погода, но из-за слабости ветра наш корабль лишь 29 августа достиг широты 34° сев. Здесь чудесной звездной ночью мы впервые увидели вблизи от Альдебарана наблюдавшуюся в тот период комету; она имела хвост шириной 4,5°. 4 сентября мы прошли через точку, где, согласно карте Арроусмита, должен находиться остров Лаксара, но не обнаружили даже малейших признаков земли. Поэтому существование данного острова, якобы замеченного в прошлом испанскими мореплавателями, остается весьма сомнительным.

Достигнув тропиков, мы смогли воспользоваться свежим пассатом, благодаря которому быстро приблизились к Сандвичевым островам. Уже 12 сентября мы увидели расположенную на острове Оваи громадную гору Моу-на-роа, которая на расстоянии 124 миль отчетливо вырисовывалась на горизонте. Снова пройдя между островами Ваху и Муве, наш корабль на следующее утро бросил якорь у входа в гавань Ганаруро. Переход сюда из Ново-Архангельска занял на сей раз тридцать пять дней.

Намереваясь запастись в Ганаруро свежей провизией и питьевой водой, а затем сразу продолжить наше путешествие, я счел ненужным заходить в гавань и оставил корабль на рейде. Разумеется, я учитывал, что последний не защищен от южных ветров, представляющих здесь значительную опасность. Но такие ветры дуют весьма редко и притом лишь в определенные времена года. К тому же увеличивающаяся облачность заранее предупреждает об их приближении, оставляя достаточно времени на отход от берега.

На следующее утро после нашего прибытия мы стали свидетелями удивительного явления природы, которое смогли наблюдать от начала до конца. При совершенно ясном небе над островом образовалась плотная черная туча, которая задевала своим нижним краем некоторые из высоких горных вершин. Самая темная часть этой удивительной тучи нависла над селением Гапаруро. Полнейший штиль вдруг сменился штормовым ветром, надувшим с северо-востока. Одновременно из тучи донесся сильнейший грохот, словно начали стрелять из пушек множество кораблей. Раскаты грома следовали один за другим; казалось, что противники обмениваются залпами. Этот грохот прекратился через несколько минут, когда на улицы Ганаруро упали два камня, которые при ударе о землю раскололись на несколько кусков. Жители подобрали эти куски, которые были еще очень теплыми. Судя по ним, каждый из упавших камней весил примерно 15 фунтов. Внутри, как удалось установить по обломкам, камни были серого цвета, а снаружи имели черную обгоревшую корку. Химический анализ показал их сходство с метеоритами, падавшими в различных странах.

За время нашего непродолжительного отсутствия здесь произошли весьма важные перемены. Да будет известно моим читателям, что король и королева Сандвичевых островов, остановившись по пути в Рио-Шанейро, благополучно прибыли в Лондон, где были исключительно внимательно приняты английским правительством. Однако здесь они оба вскоре скончались, причем перед смертью выразили желание быть похороненными у себя на родине. Английское правительство исполнило это их пожелание. Тела короля и королевы были набальзамированы, уложены в роскошные, богато украшенные золотом гробы и отправлены вместе с королевской свитой на Ваху. Эта траурная миссия была возложена на лорда Байрона, командира фрегата «Блонд».

Как только «Блонд» прибыл на Сандвичевы острова, весть о смерти королевской четы распространилась среди местных обитателей и произвела подлинную сенсацию. В большинстве своем островитяне радовались тому, что освободились от короля, к которому не питали никакого доверия, но нашлись и такие, которые были опечалены этой утратой. Особенно болезненно воспринял ее Каремаку, что объяснялось как его старой привязанностью к королевской семье, так и, возможно, патриотическими побуждениями: старик надеялся, что Рио-Рио вернется из Англии обогащенный новыми качествами, необходимыми для монарха, и не видел ныне никого, кто был бы достоин, взять в свои руки бразды правления.

Спустя несколько дней после прибытия лорда Байрона, 11 мая [1825], оба гроба под гром артиллерийского салюта, раздававшегося с английского фрегата и из крепости, были доставлены со множеством церемоний на берег. Отсюда огромная процессия отправилась в церковь. Островитяне кричали и завывали, как того требуют местные обычаи, и одновременно восхищались великолепием гробов. Некоторые даже полагали, что умереть в Англии — большое удовольствие, ибо там тела кладут в столь красивые ящики. На показанных мне гробах имелись следующие надписи, сделанные на овайском и английском языках:

Тамеамеа II, король Сандвичевых островов, скончался в Лондоне 14 июля 1824 года в возрасте двадцати восьми лет. Мы будем чтить память нашего любимого короля И о л а н и⁴¹.

Тамеамелу, королева Сандвичевых островов, скончалась в Лондоне 8 июля 1824 года в возрасте двадцати двух лет.

Траурный кортеж растянулся в следующем порядке. Впереди шли двенадцать ери в национальных одеждах воинов, то есть в красивых разноцветных плащах из перьев и в шлемах. За ними следовал отряд солдат с фрегата «Блонд» и присланный оттуда же оркестр, который играл траурный марш. Далее шествовал священник с фрегата, сопровождаемый миссионерами. Затем двигалось два катафалка, каждый из которых везли сорок ери. Непосредственно за гробами шел наследник — брат усопшего короля, тринадцатилетний мальчик, одетый в европейский мундир. Его сопровождали остальные члены королевской семьи, а также лорд Байрон и его офицеры. Процессию замыкала огромная толпа, привлеченная столь торжественным и притом новым для нее зрелищем. У всех собравшихся имелись траурные повязки из крепа или из черной тапы.

В церкви, задрапированной черной материей, священник с английского фрегата совершил погребальный обряд. Затем вся процессия в прежнем порядке направилась к небольшой каменной часовне, где были установлены оба гроба.

Вскоре Каремаку провозгласил наследника королем Сандвичевых островов под именем Тамеамеа III. До наступления совершеннолетия последнего страной по-прежнему должны управлять Каремаку и королева Кахуманна.

Таким образом, регентами остались те же лица. Но на самом

---

⁴¹ Иолапи — прозвище покойного короля.— Примеч. авт.

доле Каремаку ввиду плохого состояния здоровья почти лишен возможности заниматься государственными делами, а честолюбивая Кахуманна полностью подпала под влияние миссионера Пингхема. Действуя через ее посредство, этот священнослужитель приобрел такую огромную власть над народом, что через семь месяцев вахуанцы стали неузнаваемы; нам казалось, будто мы находимся среди совершенно иных людей.

Бингхем по собственной инициативе сделался наставником молодого короля, которого держит под строгим наблюдением.

Он вмешивается во все государственные дела, от него исходят все новые предписания, которые объявляются через Кахуманну, а иногда даже через Каремаку. Особое внимание Бингхема привлекают торговые дела, в которых он весьма заинтересован. Этот миссионер совершенно забыл о своем священническом сане и о цели, с которой он прибыл на остров, и находит более приятным властвовать, нежели проповедовать христианство. Однако и, но было бы простительно, если бы он, обладая необходимыми способностями, сумел просветить народ и сделать его более счастливым, если бы он подошел к неискушенным обитателям Сандвичевых островов как искусный мастер, который, шлифуя алмаз, умножает его ценность и придает ему внешний блеск. Увы, ничего подобного про Бингхема сказать нельзя. Он не умеет, как следует взяться за дело и к тому же преследует тайные цели, которые еще более отклоняют его от правильного пути. Приходится глубоко сожалеть, что духовное и телесное благополучие этого добродушного народа оказалось в неумелых руках столь бездарного сумасброда.

Второй миссионер, Стюарт, прибывший сюда позднее Бингхома,— очень толковый и широко образованный человек. Он мог бы сделать много полезного для островитян, если бы его деятельности не препятствовал Бингхем, который верховодит также в религиозных делах и не терпит ничьей самостоятельности. Несмотря на все свое рвение и светлый ум, Стюарт не в состоянии ничего сделать для просвещения вахуанцев и потому не хочет здесь оставаться.

Чтобы тайные намерения Бингхема нельзя было легко обнаружить, религия во всем используется в качестве прикрытия. Вот почему сей миссионер неустанно печется о ее распространении и заставляет жителей подчиняться строжайшей церковной дисциплине. Во всех домах и хижинах Ганаруро молятся, но многу раз в день в соответствии с высочайшим предписанием. Даже поселившиеся здесь чужеземцы вынуждены подчиниться этому приказу, чтобы под покровом благочестия иметь возможность беспрепятственно заниматься зачастую весьма

темными делами. Улицы, раньше полные жизни, теперь пустынные; все игры, даже самые невинные, строго запрещены; пение является сурово наказуемым преступлением, а кто посмеет танцевать, тот и подавно не может рассчитывать на снисхождение со стороны своих жестоких судей. По воскресным дням нельзя ни готовить, ни вообще зажигать огня. Весь день только и делают, что молятся (с каким благочестием, можно себе представить).

Некоторые знатные особы, сопровождавшие короля в Лондон, сначала не хотели подчиняться этим строгим предписаниям. Они указывали, что англичане, будучи добрыми христианами, отнюдь не придерживаются подобных ограничений. Однако Кахуманна, околдованная своим советником, не желает слушать никаких возражений. А так как в ее власти умертвить ослушников, все склоняются перед железным скипетром этой старой властолюбивой женщины.

Незадолго до нашего отплытия был издан приказ, согласно которому сельским жителям со всеми детьми, достигшими восьмилетнего возраста, надлежало явиться в Ганаруро для обучения чтению и письму. Несчастные земледельцы были весьма недовольны, но не осмелились ослушаться; покорно прекратив полевые работы, они поспешно отправились в Ганаруро. Мы видели на улицах целые семьи, которые сидели с букварями в руках в маленьких шалашах, наскоро сооруженных из ветвей. Тех, кто уже умел читать, заставляли без конца заучивать на память отрывки из Библии.

На любой улице Ганаруро имеется несколько школьных строений. Это длинные тростниковые хижины, лишенные каких бы то ни было внутренних перегородок. В каждой из них учитель-сандвичанин обучает примерно сто учеников и учениц. Стоя на возвышении, он громко произносит отдельные буквы; собравшиеся вторят ему, крича изо всех сил. Гул человеческих голосов, раздающийся в таком заведении, слышен уже на значительном расстоянии. В остальном же на улицах царит полная тишина. Людей почти не видать, если не считать групп школьников, идущих во главе со своими учителями в церковь. Всякое веселье запрещено, любое проявление жизнерадостности преследуется.

Желая доставить островитянам удовольствие, лорд Байрон привез из Англии всевозможные игрушки: куклы, театр теней и т. д. Когда он распорядился произвести на берегу соответствующие приготовления, Бингхем, узнав о намеченном представлении, запретил это народное зрелище. По его словам, богобоязненным христианам не пристало находить удовольствие в столь

мирских вещах. Но желая входить в пререкания, лорд отказался от своего Доброго намерения.

Если веселый и жизнерадостный от природы народ столь безропотно переносит навязанное ему ханжество, значит, эти добродушные люди вообще привыкли послушно исполнять любые желания своих властителей. Поэтому мудрому правительству было бы легко насадить здесь настоящую цивилизацию. Хочется вместе с Каремаку воскликнуть: «Тамеамеа, ты умер слишком рано!» Если бы этот монарх прожил вдвое дольше и Стюарт развернул свою деятельность под его покровительством, сандвичане могли бы уже пользоваться заслуженным уважением других народов. Теперь же эти островитяне все более деградируют в культурном отношении и принуждаются к ханжеству и лицемерию.

Совершая однажды прогулку с поселившимся здесь американским купцом, я встретил нагого старца, шествующего с книгой в руке. Последнее сильно удивило моего спутника, знавшего старика как решительного противника новых порядков. Не скрывая своего удивления, купец спросил у островитянина, с каких это пор он стал изучать азбуку. Удостоверившись, что никто другой его не услышит, старик ответил с лукавой, но в то же время горькой усмешкой:

— Не думай, что я действительно хочу научиться читать.

Я купил книгу только для того, чтобы в нее смотреть: пусть Кахуманна думает, что и я следую примеру остальных. Не по- в ступив так, я лишился бы доступа к королеве, и тогда мне, бедному, хилому старцу, пришлось бы плохо. И зачем нам только это проклятое «б-а-ба»! Разве благодаря ему ямс и таро станут лучше расти? Наоборот, жители вынуждены теперь оставлять поля невозделанными, успевая с трудом обрабатывать лишь половину своей земли. Чем все это кончится? Если наступит голод, «пала-пала» нас не накормит.

Конечно, похвально, когда государство заботится о просвещении народа. Но описанные выше безрассудные действия, безусловно, принесли островитянам огромный вред. В этом смысле старик был прав.

Вот еще один пример поразительной строгости, с которой Кахуманна осуществляет свои намерения в области просвещения. На одном из принадлежащих ей земельных участков, расположенном на расстоянии нескольких часов пути от Ганаруро, проживал в качестве арендатора семидесятилетний старик. Он всегда исправно вносил арендную плату, по из-за своего преклонного возраста и дальности расстояния не считал себя обязанным посещать школу и церковь. Узнав об этом, Кахуманна

прогнала его со своей земли. Несчастный явился к королеве в качестве просителя. Он пытался вызвать у нее сочувствие к своему беспомощному положению и доказывал, что ему все равно уже не осилить грамоту па старости лет. Однако все доводы старика ни к чему не привели. Кахумапна закричала ему в ответ со злобной гримасой: «Если ты не желаешь учиться читать, иди и утопись».

На такое тиранство толкнул королеву Бингхем, который, вероятно, уже мнит себя неограниченным властителем всех этих островов. Но он плохо рассчитал свои силы. Если слишком туго натягивать тетиву, лук неминуемо сломается. Я предсказываю Бингхему, что в один прекрасный день его звезда померкнет, и он сразу потеряет свой авторитет. Уже теперь есть много недовольных.

Созыв сельских жителей в Ганаруро привел к сильному вздорожанию съестных припасов. Цены на них будут и в дальнейшем расти как вследствие увеличения числа потребителей, так и потому, что учение и бесконечные молитвы мешают земледельческим работам. Таким образом, к духовному гнету присоединяются материальные лишения. Это побудит островитян поскорее освободиться от тягостных оков. Я сам слышал, как многие ери высказывали недовольство. А земледельцы, усматривая в религии Бингхема источник всех своих страданий, подожгли однажды ночью церковь. Пожар был быстро потушен и потому не причинил большого ущерба, но виновников не нашли.

Каремаку страдал сильнейшей водянкой. Врач лорда Байрона выпустил ему жидкость. Однако мы нашли больного в столь плохом состоянии, что нашим врачам пришлось повторить эту операцию. После хирургического вмешательства Каремаку почувствовал себя значительно лучше. И все же дни его сочтены. Смерть Каремаку явится сигналом к всеобщему восстанию, которое вспыхнет главным образом из-за безрассудных действий Бингхема.

Наше повторное пребывание в Ганаруро оказалось далеко не столь приятным, как первое. Даже наши лучшие друзья, в том числе и добрая Номаханна, совершенно изменились. Они встретили нас холодно и были неразговорчивы. Вот почему, закончив погрузку свежей провизии и пресной воды, мы были рады возможности покинуть этот остров, откуда злая воля одного сумасброда изгнала всякую жизнерадостность.

В гавани стояло па якоре несколько китобойных судов. Среди них оказалось и то, с которым мы повстречались в заливе Сан-Франциско и которому тогда так не повезло. На сей раз этому судну посчастливилось. Оно прибыло сюда от японских берегов

с богатым грузом спермацета, который капитан оценивал в 25 тысяч фунтов стерлингов, чтобы запастись провиантом на обратный путь в Англию.

Другой капитан рассказал мне о случае, приключившемся с его коллегой. Этот рассказ дает представление о тех страшных опасностях, которым подвергаются китобои, а также может служить примером чудесного спасения, происшедшего тогда, когда всякая надежда на него была уже потеряна. Вот этот рассказ.

Североамериканский капитан Смит отправился в 1820 г. на трехмачтовом судне «Альбатрос» в Южное море на промысел кашалотов. Восточнее островов Вашингтона [Маркизские острова] ему попался кашалот исполинских размеров. Чтобы не упустить столь ценную добычу, на воду были немедленно спущены все лодки, в которые уселась вся команда. Только юнга-кок остался у штурвала на судне, положенном в дрейф под немногими парусами.

Моряки начали энергично преследовать кашалота, медленно и спокойно плывущего по поверхности вод, и, в конце концов, вонзили в него гарпун. Почувствовав боль от раны, чудовище с такой силой взмахнуло своим могучим хвостом, что ближайшие к нему лодки наверняка разлетелись бы в щепы, если бы им не удалось быстро отойти в сторону. Теперь кит избрал объектом своей мести судно. Приблизившись к нему с шумом и фырканием, он описал несколько кругов, а затем нанес по носовой части корабля страшный удар, который был, по словам юнга-кока, равен по силе землетрясению. Кит исчез, а судно дало сильную течь и через пять минут затонуло со всем, что на нем находилось. Спасти удалось только юнгу.

Вся команда оказалась на четырех небольших лодках во власти морской стихии. Предстояло плыть много недель, чтобы достигнуть ближайшей земли. Между тем весь запас продовольствия состоял из нескольких случайно захваченных сухарей. Моряки начали совещаться, в каком направлении плыть, но не пришли к единому мнению. Две лодки направились к островам Вашингтона, а остальные во главе с капитаном повернули на юг, держа курс на остров Хуан-Фернандес.

Первые лодки пропали без вести, а две другие через полмесяца были подобраны проходившим мимо судном. Только капитан и четыре матроса были еще живы. Остальные десять моряков погибли от голода, причем оставшиеся в живых питались их трупами.

19 сентября, когда первые лучи солнца позолотили живописные горы Ваху, мы поставили паруса и простились с Сандвичевыми

островами, пожелав их обитателям то, в чем они так нуждались: чтобы ими управлял человек, не просто носящий имя Тамеамеа, а равный ему по уму и деяниям.

Глава тринадцатая

ОСТРОВА ПЕСКАДОРЕС, РИМСКОГО-КОРСАКОВА, ЭШШОЛЬЦА И БРОНУС

Покинув Сандвичевы острова, мы взяли курс на юго-запад, ибо я намеревался плыть через еще не исследованные места к цепи островов Радак. Некоторые капитаны говорили мне в Ганаруро, что на $17^{\circ}32'$ северной широты и $163^{\circ}52'$ западной долготы находится остров. Мы прошли через вышеозначенную точку 23 сентября. Здесь и в самом деле показались такие птицы, которые обычно не удаляются далеко от суши. Но самой земли нам не удалось обнаружить даже с верхушки мачты, хотя горизонт был чист. Этот случай показывает, сколь мало можно полагаться на сведения, сообщаемые капитанами торговых судов.

26 сентября, согласно полуденным наблюдениям, мы находились под $14^{\circ}32'$ северной широты и $169^{\circ}38'$ западной долготы. В течение всего этого дня над нами пролетали большие стаи морских птиц таких видов, которые обычно держатся вблизи берегов; мы заметили даже несколько птиц, живущих на суше. Поэтому было совершенно очевидно, что наш корабль прошел недалеко от еще неизвестного острова, который будет открыт будущими мореплавателями. В течение этого плавания мы вообще часто замечали признаки близости земли, но их ни разу не было так много, как в указанный день.

Один капитан, совершивший несколько рейсов между Сандвичевыми островами и Кантоном, утверждал, что обнаружил мель под $14^{\circ}42'$ северной широты и $170^{\circ}30'$ западной долготы. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть данное сообщение и привожу его лишь для того, чтобы на всякий случай предостеречь мореплавателей, которые проходят через эти места.

5 октября мы достигли группы Удирик [Утирик], самой северной в цепи островов Радак. Я решил проверить правильность показаний наших хронометров по какому-нибудь ранее точно определенному пункту данной цепи, чтобы иметь возможность безошибочно высчитать разницу в долготе между Радаком и Раликом в случае, если удастся обнаружить последнюю из этих двух гряд. Мне удалось осуществить свое намерение,

пройдя в трех милях от южной оконечности Удирика. Затем мы направились прямо на запад, туда, где должны находиться острова Пескадорес, чтобы проверить своими глазами, существуют ли они в действительности. Дело в том, что некоторые лица до сих пор утверждают, будто острова Пескадорес — не что иное, как группа Удирик; высказывается предположение, что мореплаватель, открывший эти таинственные острова, просто неправильно указал их географическую долготу.

Воспользовавшись чудеснейшей погодой, мы целый день шли под всеми парусами, строго придерживаясь избранного курса на запад. На верхушке мачты непрерывно находился вахтенный. Ночью светила полная луна. Мы убавили паруса, но на рассвете 6 октября снова поставили все марсели, и корабль быстро понесся по волнам. В полдень вахтенный закричал с мачты, что видит прямо по нашему курсу землю. Вскоре мы к ней приблизились. Земля оказалась группой низменных коралловых островов, расположившихся, как обычно, цепочкой вокруг лагуны. В час пополудни мы находились всего лишь в трех милях от этой группы, сплошь поросшей кокосовыми пальмами. С верхушки мачты можно было отчетливо рассмотреть ее вдоль и поперек.

Нанося эту группу на карту, мы обогнули ее южную оконечность на расстоянии полумили от рифов. Оказалось, что группа имеет наибольшую протяженность с запада на восток, простираясь в этом направлении на 10 миль. Утопающие в зелени острова выглядят весьма приятно. Не слишком многочисленное население было бы, по всей вероятности, обеспечено здесь всем необходимым. Но хотя мы прошли весьма близко от всех этих островов и осматривали их в подзорные трубы, нам нигде не удалось обнаружить следов человека.

Согласно точным астрономическим наблюдениям, центр этой группы расположен под $11^{\circ}19'21''$ северной широты и $167^{\circ}34'57''$ восточной долготы. Если сравнить полученные нами результаты с данными, сообщаемыми Уоллисом об открытых им Пескадорах, вряд ли можно будет допустить, что речь идет об одной и той же группе. Все же я оставил за этими островами название, данное Уоллисом, ибо наши и его наблюдения ненамного отличаются друг от друга.

Обойдя вокруг этой группы, мы в четыре часа пополудни находились на столь незначительном расстоянии от ее северо-западной оконечности, что смогли бы невооруженным глазом заметить любое передвижение человека. Но опять нам не удалось обнаружить даже малейших признаков наличия здесь населения.

Между тем Уоллис общался с обитателями открытых им островов. Следовательно, если перед нами все же были острова Пескадорес, то люди здесь давно вымерли, ибо не сохранилось даже следов их бывшего существования.

Закончив опись, мы двинулись дальше па запад. Уже через полчаса вахтенный снова закричал с мачты, что видит прямо по курсу землю. Поздний час не позволил нам начать ее обследование в тот же день. Поэтому судно было тотчас же положено в дрейф, чтобы ночью не подойти слишком близко к опасным коралловым рифам, а на следующее утро иметь возможность приступить к описи найденной земли. Однако на рассвете мы увидели в 6 милях к востоку от нас острова, которые решили считать Пескадорами; те же, которые были обнаружены вечером, совершенно исчезли из виду. Значит, мы отошли от них за ночь. Воспользовавшись свежим пассатом, мы настолько быстро двинулись вперед, что уже через час снова смогли их ясно различить.

В восемь часов утра мы подошли к этим островам па расстояние трех миль и начали их съемку, следуя вдоль берегов. Перед нами опять была группа коралловых островов, окружающих лагуну и связанных между собой рифами. И здесь наблюдалась та же картина: пышный зеленый ковер, над которым гордо возвышаются кокосовые пальмы, но нигде никаких следов человека. Мы настолько близко подошли к земле, что могли разглядеть все предметы невооруженным глазом и потому наверняка заметили бы людей, если бы они там имелись. Приходится заключить, что эта группа островов необитаема.

Благодаря свежему попутному ветру мы до наступления темноты двигались вдоль берегов на запад, так и не сумев достигнуть конца этой обширной группы. Ночью нам стоило больших усилий удержаться на месте. Приходилось прибегать ко всевозможным маневрам, ибо поднявшийся сильный ветер позволял пользоваться лишь зарифленными марселями. Наше положение в незнакомых водах, изобилующих рифами, могло бы стать поистине печальным, если бы не одно счастливое обстоятельство: острова несколько защищали корабль от неистовства ветра. Тем большей была наша радость, когда утром мы снова увидели перед собой вчерашние ориентиры и благодаря улучшившейся погоде смогли продолжить прерванную работу.

Эта островная группа, названная мной в честь Римского-Корсакова, нашего второго лейтенанта, имеет наибольшую протяженность с востоко-северо-востока на западо-юго-запад, в каковом направлении она простирается на 54 мили. Ее наибольшая

ширина не превышает 10 миль. Двигаясь вдоль островов, лежащих с наветренной стороны, мы все время могли ясно различать с мачты противоположную, подветренную сторону группы.

Завершив съемку, мы направились на юго-запад, полные надежды сделать новые открытия. Однако, идя целый день с большой скоростью, мы не увидели никакой земли. Ночью судно было положено в дрейф. На следующее утро, 9 октября, едва мы успели поставить все паруса, как вахтенный закричал с мачты, что видит на севере несколько низменных островов. Корабль уже прошел мимо них, так что они теперь находились у нас на ветре. Все же я немедленно приказал изменить курс. Лавируя против ветра, мы попытались приблизиться к этим островам. Сильное течение, идущее с востока, почти сводило на нет наши усилия; чем ближе подходил корабль к суше, тем медленнее становилось его движение. Все же нам удалось приблизиться на расстояние 11,5 миль к западной оконечности этой островной группы.

Данная группа выделяется среди прочих круглым холмом, возвышающимся на одном из ее маленьких островов. В полдень, когда она располагалась от нас строго к востоку, мы произвели астрономические наблюдения. Оказалось, что наше судно находится под $11^{\circ}30'32''$ северной широты и $165^{\circ}26'$ восточной долготы. Отсюда ясно можно было различить острова этой группы, простирающиеся на юго-восток и на северо-восток вплоть до самого горизонта. Мы предприняли еще несколько попыток подойти к ним на более близкое расстояние, но не достигли успеха. Поэтому пришлось ограничиться определением местоположения западной оконечности группы. Согласно нашим наблюдениям, указанная точка расположена под $11^{\circ}40'11''$ северной широты и $165^{\circ}22'25''$ восточной долготы. Отсюда эта группа уходит далеко на восток, по-видимому, также образуя замкнутую лагуну. Мы не заметили на этих островах никаких признаков населения, хотя здесь вполне мог бы обитать человек. Я назвал их в честь нашего почтенного доктора и профессора Эшшольца [Бикини], совершающего со мной уже второе кругосветное путешествие. Определив местоположение западной оконечности этой группы, мы отправились дальше на запад.

Я не стану больше ничего говорить о положении трех упомянутых групп. Замечу лишь, что ни одна из них не имеет ни малейшего сходства с островами Пескадорес, описанными Уоллисом. Этот мореплаватель был лишен возможности правильно определить долготы, так как в его время еще не существовало

тех средств, которыми ныне располагаем мы. Вот почему его острова Пескадорес, возможно, расположены где-нибудь в другом месте. Во всяком случае, если даже допустить, что Уоллис обнаружил одну из этих групп, мы имеем полное право считать себя первооткрывателями двух остальных. Наше открытие представляет некоторую ценность, ибо эти группы, безусловно, самые северные в цепи островов Ралик. Теперь, когда точно установлено их географическое положение, а также определено расстояние, отделяющее их от Радака, нетрудно будет отыскать остальные группы, принадлежащие к цепи Ралик³.

От островов Эшшольца мы отправились к островам Бронус [Эниветок], ибо я имел в виду проверить, насколько точно определено местоположение последних, а также желал выяснить, нет ли между этими двумя группами еще каких-нибудь островов. В полдень 11 октября, находясь под $11^{\circ}21'39''$ северной широты и $163^{\circ}25'$ восточной долготы, мы увидели с вершины мачты острова Бронус; в этот момент нас отделяло от них 20 миль. Через несколько часов мы подошли на расстояние полутора миль к южной оконечности этой группы и смогли обозреть большую ее часть. Оказалось, что, подобно другим коралловым группам, она состоит из нескольких островов, расположенных по окружности и связанных между собой рифами. Однако острова Бронус, очевидно, древнее им подобных, которые нам приходилось до сих пор видеть. Они несколько более возвышенны и поросли более высокими и могучими деревьями. И здесь тоже, кажется, нет никакого населения.

Из-за внезапно наступившего штиля мы оказались в опасном положении, ибо довольно значительное восточное течение влекло корабль прямо на рифы. К счастью, когда мы находились уже недалеко от полосы прибоя, направление течения изменилось, и нас стало сносить вдоль берегов к югу. В результате мы обогнули южную оконечность группы. Тут легкий ветерок помог нам отойти на безопасное расстояние от суши. Согласно нашим наблюдениям, эта оконечность группы расположена под $11^{\circ}20'50''$ северной широты и $162^{\circ}31'30''$ восточной долготы.

Я намеревался произвести тщательную съемку всей группы, ввиду чего мы старались ночью держаться вблизи берегов. Но когда рассвело, выяснилось, что течение столь далеко отнесло судно под ветер, что землю едва можно было увидеть с вершины мачты. Чтобы вновь приблизиться к этим островам, пришлось бы двигаться как против течения, так и против пассатного ветра. Поскольку это невозможно, мне пришлось отказаться от своего намерения и взять курс прямо на Ладронские,

или Марианские, острова, где я собирался запастись свежим продовольствием.

От цепи Радак до островов Бронус по 11° северной широты наблюдается течение, идущее со скоростью полутора миль в час. Это удивительное явление нелегко объяснить.

Глава четырнадцатая

ЛАДГОНСКИЕ, ИЛИ МАРИАНСКИЕ, ОСТРОВА И ФИЛИППИНЫ

Поскольку об этих островах подробно говорится в описании моего предыдущего путешествия, здесь остается добавить немного.

Благодаря свежему ветру и прекрасной погоде наше плавание протекало быстро и приятно. Утром 9 октября мы уже находились в 25 милях от относящегося к Ладронам острова Сарпан [Рота]. Согласно нашим наблюдениям, долгота его восточной оконечности равна 145°22'00" вост. Вскоре показался и главный остров этой группы — Гуахам [Гуам], куда мы держали путь.

Восточное побережье Гуахама подвергается постоянному воздействию пассата. Поэтому, если мореплаватель приблизится к Гуахаму с востока, остров кажется ему малопродуктивным. Тем приятнее он будет поражен, обогнув северную оконечность Гуахама, ибо западная, подветренная сторона его щедро одарена природой. Достойно сожаления, что испанцы при захвате этого архипелага и насильственном насаждении здесь католичества истребили все коренное население.

Интересно, что на Гуахаме под слоем чернозема залегают коралловые массивы, лишь частично выветрившиеся. Это обстоятельство позволяет предполагать, что здесь некогда находилась группа низменных коралловых островов, которая под действием вулканических сил была поднята вверх вместе с ее лагуной, образовав нынешний остров Гуахам. Гофман обнаружил на острове кратер, в жерле которого до сих пор не погас огонь, что, по-видимому, подтверждает нашу гипотезу.

Расположенная на Чертовом мысу крепость, призванная защищать город Агадну [Аганья], оказалась настолько миролюбивой, что не имела ни одной пригодной для стрельбы пушки. В гавани Кальдера-де-Апра [бухта Апра] стояло па якоре несколько английских и североамериканских кораблей. Их пребывание здесь немало удивило меня, ибо испанцы обычно

не пускают в свои владения иностранные суда. От капитанов этих кораблей я узнал, что китобои, промышляющие у берегов Японии, теперь часто посещают Гуахам, чтобы отдохнуть на берегу и пополнить запасы провизии.

Эти же капитаны сообщили мне, что во время пребывания у японского побережья они пользуются исключительно картой, составленной нашим адмиралом Крузенштерном². По их словам, на ней весьма точно обозначены даже самые незначительные предметы. Этот отзыв доставил мне большую радость. Да, у моряков достаточно причин благословлять составителя этой карты! Ведь их жизнь зачастую зависит от степени ее достоверности. Можно смело утверждать, что лучше обходиться совсем без карты, чем пользоваться вводящей в заблуждение.

Собираясь пробыть здесь лишь несколько дней, а также зная, что гавань Кальдера-де-Апра отнюдь не является безопасной, я решил туда не входить, а остаться в море, вблизи города, держа корабль под парусами. Я послал к губернатору офицера с просьбой оказать нам содействие в приобретении свежей провизии, причем снабдил посланного соответствующим списком.

На следующее утро я отправился на берег в сопровождении нескольких офицеров и был принят губернатором этих островов доном Ганго Эрреро. Оказалось, что он уже принял необходимые меры для того, чтобы нас быстро снабдили продовольствием. Губернатор принял меня дружественно, хотя и с обычной испанской важностью.

Деятельность этого вельможи подтверждает давно известную истину, которая гласит, что достаточно нескольких лет дурного управления, чтобы уничтожить все полезное, созданное ценой долгих усилий хорошего правительства. Восемь лет назад, когда губернатором архипелага был Меденилья, население острова жило в относительном достатке и было довольно своим положением. Теперь же положение в корне изменилось, и виноват в этом был только один человек. Вот как много зависит от того, кому доверено управление в отдаленных местностях, откуда жалобы угнетенных лишь в редких случаях доходят до верховных властей.

На совести Эрреро лежит даже убийство нескольких английских и американских моряков. Друзья убитых обратились в Маниле к испанскому правосудию, причем на сей раз не напрасно. Позже я узнал, что, в то время как Эрреро, ничего не подозревая, пел мне под гитару веселые песни, был уже подписан приказ о его аресте. Чтобы исправить зло, причиненное Эрреро, губернатором был вновь назначен Меденилья.

Из старых знакомых я застал здесь только почтенного дона Луиса де Торреса, друга каролинцев. Когда мы были на Гуахаме в прошлое путешествие, он сообщил Шамцссо немало интересных сведений о нравах и обычаях этих добродушных островитян. После отплытия «Рюрика» дон Луис снова побывал на Каролинских островах и склонил несколько тамошних семей переселиться на Гуахам. Возобновились ежегодные посещения Гуахама каролинцами. Как раз во время нашего визита здесь находилась их маленькая флотилия.

Обитатели Каролинских островов — искусные моряки. Поэтому живущие на Гуахаме испанцы, совершенно невежественные в мореплавании, нанимают их для поездок на другие острова Марианского архипелага. Без помощи каролинцев было бы, пожалуй, почти невозможно поддерживать сообщение с этими островами. Мы видели два каноэ, направлявшиеся с Сарпана на Гуахам при очень свежем ветре и сильном волнении; каролинцы управляли ими с изумительной ловкостью.

Восстание в испанских колониях не распространилось на Гуахам. Несмотря на тиранию губернатора, местное население осталось верным властям. Недавно у побережья этого острова стали па якорь шедшие в Манилу испанские линейный корабль и фрегат, на борту которого находились беженцы из Перу — верноподданные короля. Здесь экипажи обоих кораблей взбунтовались, высадили офицеров и пассажиров на берег, а сами вернулись в Перу, чтобы присоединиться к инсургентам. Однако даже такой заразительный пример не оказал влияния на население Гуахама.

Мы провели возле Агадны четыре дня, держа корабль под парусами. За это время мы запаслись продовольствием, которое стоило теперь здесь в десять раз дороже, чем восемь лет назад. 22 октября мы покинули Гуахам и взяли курс на острова Баши [Батан] — я рассчитывал пройти между этими островами в Китайское море, а затем направиться прямо в Манилу.

1 ноября, согласно полуденным наблюдениям, мы находились под $20^{\circ}15'$ северной широты и $123^{\circ}18'$ восточной долготы, то есть уже недалеко от островов Баши и Бабуян. До захода солнца шлюп столь быстро двигался вперед, что, по-видимому, подошел весьма близко к земле. Однако небо в этом направлении было затянуто черными тучами, предвещавшими шторм. Поэтому мы не решились плыть дальше в ночное время, а стали лавировать при зарифленных парусах, ожидая рассвета.

В полночь на нас обрушились сильные шквалы, идущие с севера. На море началось сильное волнение, но до шторма дело не дошло. Как только лучи восходящего солнца осветили горизонт,

мы увидели высокие скалы Ричмонда [острова Балинтаг]. Эти три утеса возвышаются посреди пролива, разделяющего острова Баши и Бабуян. Вскоре показался остров Вантан [Батан], чей высокий скалистый хребет был еще окутан облаками.

Между тем стало совсем светло. Воспользовавшись порывистым северным ветром, мы поставили все паруса, допустимые при такой погоде, и направились через проход между скалами Ричмонда и южными островами Баши. Очутившись в середине прохода, мы стали опасаться за целостность наших стеньг и даже мачт. Дело в том, что сильный северо-восточный ветер гнал по проливу высокие волны, которые сталкивались со стремительным течением, идущим из Китайского [Южно-Китайского] моря в океан. Эти противоположно направленные силы породили на морской поверхности волнение, подобное мощнейшему прибою. Наш корабль столь яростно швыряло из стороны в сторону, что оставалось только удивляться добротности нашего такелажа и прочности мачт. Пробыв в таком критическом положении два часа, мы вышли, наконец, в Китайское море. Здесь было спокойнее, и мы воспользовались этим обстоятельством, чтобы определить долготы некоторых ближайших пунктов.

Долгота самой восточной из скал

Ричмонда .....122° 9'58" восточная

Долгота самой западной из них .....122° 8'00" восточная

Долгота восточной оконечности

острова Бантан .....122° 4'28" восточная

Долгота западной оконечности

острова Бабуян .....121°59' 4" восточная

Долгота западной оконечности

острова Баши .....121°55'13" восточная

Шпрота восточной оконечности

того же острова.....20°15'47" северная

Все эти долготы определены нами при помощи хронометров, которые были проверены сразу же по прибытии в Манилу. Оказалось, что наши долготы больше тех, которые указаны на новейшей карте Хорсбурга, лишь на 3,5'.

Воспользовавшись попутным ветром, мы двинулись на юг, вдоль западного побережья Лусона. У мыса Баядор [Бохеадор] корабль был на несколько дней задержан штилем, так что мы лишь 7 ноября увидели Манильскую бухту. Сильный встречный ветер не позволил сразу туда войти. Но поскольку при ветре с берега волнение было умеренным, мы, лавируя, довольно быстро продвинулись вперед и наконец, проникли в бухту с юга, между берегом и островом Коррехидор. У испанского

брига, лавировавшего одновременно с нами, сильным порывом ветра были сорваны обе стены.

Утром 8 ноября мы стали на якорь возле города Манилы, и я тотчас засвидетельствовал свое почтение генерал-губернатору Филиппин дону Мариано Рикофарту. Он принял меня дружески и сразу же разрешил отвести корабль в Кавите. В этом селении, расположенном на берегу бухты, на расстоянии нескольких миль от города, находится адмиралтейство. Поэтому здесь удобнее всего было произвести ремонт, в котором нуждался наш корабль. На другой же день мы перешли в Кавите и начали работы.

Наше пребывание в этой прекрасной тропической стране было очень приятным. Сколь щедро одарила природа Филиппинские острова и сколь плохо еще понимают испанцы, каким сокровищем они обладают! Манила расположена наивыгоднейшим образом для торговли со всеми частями света: почти на полпути из Европы в Америку и вблизи от богатейших областей Азии. Ревниво оберегая свои заморские владения, испанцы запрещали до недавнего времени какую бы то ни было торговлю между Манилой! и иностранными государствами. Но теперь, когда Испания потеряла свои американские колонии, порт Манилы открыт для судов всех наций, в результате чего значение Филиппин вскоре возрастет. Пока же экспорт ограничивается в основном сахаром, индиго, драгоценными птичьими гнездами и трепангами. Сахар и индиго вывозятся в Европу, птичьи гнезда и трепанги — в Китай.

Трепанг представляет собой род морской улитки без раковины. Ловлей трепангов занимаются не только филиппинцы. Этот промысел широко развит также на Марианских и Каролинских островах, на островах Пелью [Палау] и даже па побережье Новой Голландии [Австралии], причем ведется он столь же усердно, как охота на морских бобров у северо-западных берегов Америки. Китайцы считают трепангов и птичьи гнезда целебными средствами, устраняющими упадок сил, и потому платят за них очень дорого.

Филиппины могли бы экспортировать бесчисленное множество товаров. Здесь растут, например, в диком состоянии превосходные кофейное и какаовое деревья и два вида хлопчатника (один — па деревьях, другой, исключительно высокого качества, — на кустах). Если начать возделывание этих растений, то можно при небольших усилиях получать богатейшие урожаи. Пока же все эти культуры находятся в столь заброшенном состоянии, что о сколько-нибудь значительном их вывозе не может быть и речи.

На Лусоне растут в изобилии прекраснейшие саговые пальмы. Однако они буквально пропадают зря, равно как и целые леса коричневого дерева. Отсюда можно вывозить также Мускат, пряную гвоздику и все другие товары, получаемые на Молуккских островах. Чтобы превратить все это в источник богатства, необходимо лишь трудолюбие, которое пока, к сожалению, отсутствует у филиппинцев. Кроме того, здесь можно добывать жемчуг, амбру и кошениль, в недрах земли скрываются золото, серебро и другие металлы. В течение столетий Испания не только не пользовалась этими сокровищами, но и вынуждена была для выплаты жалованья своим служащим присылать сюда деньги.

Филиппинские регулярные войска, так же как и милиция, формируются из темнокожих туземцев. Лишь офицеры здесь испанцы, большей частью из местных уроженцев. За редкими исключениями, они в высшей степени невежественны. Говорят, будто филиппинские солдаты довольно храбры, особенно если их храбрость подогрета попами. Однако в той мере, в какой мне удалось ознакомиться со здешними вооруженными силами, я могу утверждать, что последние не выдерживают никакого сравнения с европейскими войсками. Не говоря уже о плохом вооружении, местные солдаты совершенно недисциплинированы. Да и командиры имеют весьма слабое представление о воинской дисциплине. Офицеры ничем, кроме формы, не отличаются от солдат и, как правило, столь же грубы и невежественны. О регулярных маневрах здесь нечего и думать. Если часовой спокойно спит на посту с ружьем в руках, это считается в порядке вещей. Мне сказали, что на Лусоне находится 8 тысяч солдат, а если мобилизовать и милицию, то можно поставить под ружье до 20 тысяч человек. Полею брани для лусонских героев служит южная, еще не покоренная часть Филиппинских островов. Здесь обитают индейцы-мусульмане, которые постоянно враждуют с испанцами. Эти островитяне совершают пиратские набеги на берега, населенные христианами, нанося на последних ужас и производя большие опустошения. Время от времени испанские власти посылают против мусульман канонерки с многочисленными экипажами. Последние тратят очень много пороха, но одолеть пиратов им не удается.

В предместьях Манилы насчитывается до 6000 китайцев; в самом городе им проживать запрещено. Большинство китайских поселенцев — искусные и трудолюбивые ремесленники, остальные — торговцы, среди которых встречаются крупные богачи.

Китайцы здесь еще более бесправны, чем низший класс коренного населения. Их презируют и угнетают, подвергают жестокому обращению и зачастую незаслуженно наказывают. Стремление к наживе побуждает китайцев терпеливо сносить все эти унижения. Небольшой барыш легко утешает оскорбленных.

За право дышать воздухом в Маниле каждый китаец платит ежегодно 6 пиастров (30 рублей). Если же он еще хочет заниматься здесь каким-нибудь ремеслом, то должен дополнительно вносить в казну 5 пиастров. В то же время коренной житель уплачивает в год всего 5 реалов (3 рубля); такую сумму здесь легко заработать.

Филиппинцы не последовали примеру американских повстанцев. Происшедшие здесь несколько лет назад волнения не были направлены против правительства, а вспыхнувший вскоре после них мятеж не нашел поддержки в народе. Повод к упомянутым беспорядкам дали, сами того не подозревая, два ни в чем не повинных ботаника, бродившие по острову в поисках разных трав. Как раз в это время среди индейцев распространилась какая-то эпидемия, уносившая много жертв. Неожиданно возник слух, что упомянутые чужеземные собиратели растений отравили колодцы, чтобы истребить индейцев. Последние пришли в ярость. Они стали собираться в шайки, убили многих иностранцев и даже в самой Маниле разграбили и разрушили дома нескольких давно поселившихся здесь колонистов. Говорят, что истинными виновниками этих беспорядков были некоторые испанцы, которые специально распространяли среди народа злостные слухи и натравливали его на чужеземцев с целью самим половить рыбку в мутной воде.

Широко распространено мнение, что тогдашний губернатор Фульхерос не проявил достаточной твердости при подавлении народных волнений. Этот рассудительный и любезный человек был, возможно, и впрямь слишком снисходительным для столь невежественного народа. Через год после описанных событий он был убит ночью в своей постели офицером-метисом, служившим в манийском гарнизоне и увлекшим на мятеж часть своего полка.

Восставшие собрались на рыночной площади, но, не успев ничего предпринять, были рассеяны силами другого полка, оставшегося верным правительству. Через несколько часов спокойствие было полностью восстановлено и с тех пор больше не нарушалось. На место несчастного Фульхероса был прислан из Испании нынешний губернатор Рикофорт.

Король был весьма тронут тем, что Манила осталась ему

верна, тогда как другие испанские колонии сбросили тяжелые оковы, наложенные метрополией. В знак особого благоволения он подарил городу свой портрет, доставленный сюда новым губернатором. Этому портрету были оказаны такие почести, которые показывают, сколь высоко оценили местные жители королевский подарок. Последний был сначала выставлен напоказ в казенном здании, расположенном в предместье Манилы. Отсюда его должны были весьма торжественно перевезти в город, чтобы установить на почетном месте во дворце губернатора. Это важное, по мнению манильцев, празднество было назначено на 6 декабря.

В течение трех предыдущих вечеров в предместье устраивались большие приемы у портрета короля. Перед великолепно освещенным зданием был выстроен пикет на сей раз вполне прилично одетых солдат. У всех дверей стояли часовые. В комнатах толпились камердинеры, пажи и дежурные офицеры всех рангов в парадных мундирах. Во всем чувствовалось стремление подражать этикету испанского двора. Тот, кто имел право быть представленным портрету короля, направлялся в сопровождении дежурного полковника в аудиенц-зал, роскошно украшенный драгоценными китайскими шелками. Здесь на небольшом возвышении, устроенном между двумя позолоченными колоннами, был установлен за шелковым занавесом портрет короля. Дежурный полковник, исполнявший обязанности камергера, подводил представляемого к картине и раздвигал занавес. При виде повелителя счастливцев должен был отвесить низкий поклон; король в горностаевой мантии с короной на голове смотрел на него безмолвно и приветливо. Занавес задергивался, и на этом аудиенция оканчивалась.

На торжество в Манилу съехалось множество народу из всех провинций. На рассвете 6 декабря вся эта масса людей высыпала на улицы. Большинство простолюдинов нарядилось очень смешно; некоторые были похожи на живые карикатуры; встречались и такие, которые надели маски. Элегантные экипажи с трудом пробивали себе дорогу среди толп разодетых пешеходов. В воздух взлетали ракеты. Во многих местах жгли китайские фейерверки. При свете дня они, конечно, не давали эффекта, а лишь шипели и дымились.

В девять часов утра донесся салют из крепости, а в полдень началось торжественное шествие, которое отличалось причудливым смешением азиатского и испанского вкусов. Я находился в доме, перед окнами которого проходила процессия, и потому смог ее хорошо рассмотреть.

Шествие открывали китайцы. Впереди двигался оркестр из

двадцати четырех музыкантов. Одни колотили палками по большим круглым медным тарелкам, извлекая из них глухой звон, другие довольно противно играли на инструментах, напоминающих кларнет. Удары в медные тарелки сыпались беспорядочно; о такте и ритме эта капелла, по-видимому, мало заботилась.

За оркестром следовала процессия китайцев с шелковыми знаменами, на которых были изображены их божества и драконы, окруженные иероглифами. На богато украшенных носилках, покрытых блестящим лаком, пронесли молодую китайку. В руках она держала весы и изображала, как мне объяснили, богиню Правосудия, от которого ее соотечественники здесь отнюдь не в восторге. Носилки окружало несколько музыкантов, которые столь отчаянно колотили в свои тарелки, словно хотели, чтобы ни одна жалоба не дошла до ушей богини. За Правосудием двигались остальные китайцы, следовавшие в составе своих ремесленных цехов. На их знаменах красовались эмблемы соответствующих ремесел.

Затем появились четыре довольно пожилые вакханки, до неприличия обнаженные. Длинные, черные, разлетающиеся на ветру волосы делали их похожими на фурий, и лишь венки из виноградных листьев да чаши в руках позволяли догадаться, кого они старались изобразить. Под тамбурин Бахуса, которого с не меньшим основанием можно было принять за арлекина, эти женщины исполняли в высшей степени непристойный танец, приводивший в восторг ликующую чернь. Процессия двигалась медленно, с частыми остановками. Поэтому бесстыдницы располагали достаточным временем, чтобы самым отвратительным образом проявить свои таланты. Я так и не понял, зачем понадобилось осквернять почетное шествие таким позорным представлением. Впрочем, здесь и без того было много непонятного.

Вслед за вакханками появилась толпа разнообразно и странно одетых индейцев, вооруженных копьями и щитами. Сражаясь на ходу, друг с другом, они изображали воюющих дикарей. За индейцами промаршировал батальон пехоты, составленный из мальчиков. Этих вооружили деревянными ружьями; патронташи их были сделаны из бумаги. Затем проскакал с саблями наголо эскадрон мальчиков-гусар. Сабли были деревянные, а кони картонные. Эти скакуны не нуждались в собственных конечностях, ибо их несли сами наездники: на месте седел имелись отверстия, куда «гусары» просунули свои ноги. Хотя кони были очень резвы, становились на дыбы и лягались вперед и назад, эскадрон не терял строя.

Очень развеселило народ появление группы франтовски одетых великанов двухсаженной высоты. Верхняя часть их туловищ

была искусно сделана из картона. В этой компании имелось несколько дам-великанш, тоже разодетых в пух и прах; их сопровождали совсем маленькие карлики. Вся эта группа дурачилась и плясала. За великанами-людьми следовали великаны-звери. Здесь были львы, медведи, быки и другие четвероногие. В каждой лапе такого животного находился человек. Эти звери-великаны двигались с большой важностью.

Затем мы увидели Дон Кихота. Он шествовал серьезно и чинно в сопровождении своего верного Санчо. В ответ на вопрос, что делает здесь почтенный «рыцарь печального образа», кто-то заметил, что он символизирует собой жителей Манилы, которые как раз ныне приняли ветряную мельницу за великана. За Дон Кихотом как за командиром шел под звуки хорошего оркестра отряд настоящих военных.

Затем показались двести молодых девушек, прибывших из всех провинций Филиппин. Они были со вкусом одеты в богатые национальные костюмы. Пятьдесят этих граций влекли позолоченную триумфальную колесницу, роскошно убранную красным бархатом. На колеснице красовался портрет короля Фернандо [Фердинанда VII].

Не довольствуясь нарисованной мантией, устроители прикрепили к изображению короля еще настоящую, из пурпурного бархата, затканного золотом. Против портрета, несколько сбоку, помещался шар, изображающий Землю; на нем восседала высокая белая фигура. В одной руке у нее была раскрытая книга, в другой — жезл, которым она указывала на портрет монарха. Эта фигура представляла музу Истории. Было бы неплохо, если бы она со временем столь же благожелательно указывала на оригинал! Триумфальную колесницу сопровождал отряд драгун. Процессию замыкало множество экипажей, в которых сидели здешние наиболее знатные особы.

На всех улицах обширного предместья, через которые следовала процессия, были сооружены поперек дороги дощатые китайские триумфальные арки, похожие на башни. Желая польстить испанцам, китайцы не пожалели денег и великолепно украсили эти ворота по своему вкусу, то есть очень пышно и пестро.

При въезде в город портрет встречали губернатор и все духовенство Манилы. Девушек у колесницы сменили горожане, и шествие двинулось дальше под неумолкаемые крики толпы: «Viva el Rey Fernando!»⁴². С крепостных валов грянули пушки. Заиграл прекрасный военный оркестр, и войска, выстроенные в

---

⁴² Viva el Rey Fernando! (исп.) — Да здравствует король Фернандо!

две шеренги от городских ворот до собора, взяли ружья на караул и присоединили свое «Viva!» к крикам народа. Изображение короля внесли в собор, где епископ отслужил молебен. Затем портрет был снова водружен на колесницу и отвезен во дворец губернатора. Здесь путешествие королевского подарка окончилось.

Торжество, однако, продолжалось еще три дня. Колокольный звон и пушечная пальба не прекращались от восхода до захода солнца. По вечерам весь город и предместья были роскошно иллюминированы. Перед многими домами были установлены огромные транспаранты, заслонявшие весь фасад. Однако освещение китайских триумфальных арок затмило все остальное. Здесь драконы извергали пламя, крутились многоцветные огни и огненные шары, похожие на полную луну, медленно взлетали в небо, теряясь среди звезд.

Все эти арки были обнесены в три этажа галереями, которые служили подмостками китайским артистам, увеселявшим народ. Тут можно было увидеть фокусников, канатоходцев, акробатов, театр теней и даже настоящие драматические представления. Население собиралось перед арками большими толпами и громко выражало свой восторг. Я посмотрел представленную на одной из таких галерей трагедию, в которой тучный мандарин был приговорен богдыханом к казни через удушение. Эта операция выполнялась действующими лицами очень комично и вызывала громкий смех зрителей.

По вечерам горожане разгуливали по улицам в масках, пускали ракеты и жгли китайские фейерверки. Повсюду звучала музыка. На нескольких городских площадях были сооружены подмости, где также давались различные представления для народа. Кроме того, устраивались общественные балы с бесплатным угощением.

Столь беспримерный восторг населения по случаю выражения королевской благосклонности, по-видимому, заставляет сделать вывод, что филиппинцы останутся верными Испании и даже не подумают об отделении от метрополии, в особенности, если та не будет для них мачехой.

10 января 1826 г. наш шлюп был готов к отплытию. В тот же день мы покинули Манилу, не имея на борту ни одного больного.

ОСТРОВ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Свежий северо-восточный муссон благоприятствовал нашему плаванию. Уже 21 января мы пересекли экватор в долготе $106^{\circ} 25'$ вост., а 25-го, пройдя между островами, Суматра и Ява, достигли Индийского океана. Таким образом, наш корабль благополучно пересек Китайское море от его северных до южных границ. Я взял курс на мыс Доброй Надежды, где рассчитывал дать отдых команде.

Когда мы находились под 104° восточной долготы и 12° южной широты, восточный ветер сменился западным (явление исключительное для этого времени года!) и вскоре достиг штормовой силы. Все небо заволочло черными тучами, из которых на нас обрушился сильнейший ливень. После полуночи, когда шторм еще более разбушевался, мы увидели в крошечной тьме явление, которое вызывается электризацией атмосферы и известно под названием «Кастор и Поллукс».

Это были два светящихся шара, которые по величине и яркости можно сравнить с планетой Венера, какой она представляется с Земли. Шары показались два раза подряд в одном и том же месте, на несколько дюймов ниже конца самой длинной из наших рей. Расстояние между шарами не превышало полуфута; оба раза они появлялись на несколько минут. Должен сознаться, что в полной темноте, при реве шторма и клочкотании волн это явление произвело зловещее впечатление не только на команду, не находившую ему объяснения, но и на меня самого.

Встречные ветры замедляли наше плавание. 22 февраля мы пересекли меридиан Иль-де-Франса [остров Маврикий] в 340 милях от этого острова. Штормы следовали один за другим. Позже, будучи на острове Св. Елены, я узнал, что в это время в районе Иль-де-Франса свирепствовал ураган, от которого пострадало несколько кораблей, находившихся вблизи берегов; часть из них осталась без мачт. Возможно, наш шлюп постигла бы столь же печальная участь, если бы мы проходили тогда на сотню миль ближе к Иль-де-Франсу или к острову Бурбон [Реюньон]. Вообще я не советую морякам без крайней на то необходимости приближаться к указанным островам в период между серединой января и серединой марта, ибо в данное время года там свирепствуют сильнейшие бури, ежегодно причиняющие много бед даже на суше.

На другой день мы нагнали большой фрегат «Бомбей», принадлежащий

английской Ост-Индской компании. На нем находились в качестве пассажиров губернатор Батавии барон ван дер Капеллен и его супруга, с которыми мы вскоре познакомились на острове Св. Елены.

15 марта наш шлюп обогнул мыс Доброй Надежды. Я собирался было стать на якорь в Столовой бухте, но основательный шторм, налетевший с северо-запада, своевременно напомнил нам о том, сколь опасно здесь находиться в такое время года. Поэтому мы прошли мимо без остановки и взяли курс па остров Св. Елены.

25 марта мы пересекли с востока на запад триста шестидесятый [нулевой] меридиан, а потому потеряли целые сутки. В тот день должна была быть пятница; нам же пришлось считать ее уже субботой.

29 марта мы подошли к острову Св. Елены и стали на якорь у городка Сент-Джемс [Джемстаун]. Весь экипаж был здоров и бодр. Однако наше хорошее настроение было вскоре омрачено полученным здесь известием о кончине императора Александра.

Я должен еще раз принести здесь искреннюю благодарность почтенному губернатору острова Св. Елены бригадиру Александру Уоккеру за исключительно теплый прием, оказанный мне и моим спутникам, и за неустанные старания сделать наше пребывание на острове как можно более приятным. Губернатор устраивал для нашего развлечения балы и обеды, а также был готов исполнить любое наше желание. Он даже разрешил нам в виде исключения посетить знаменитый Лопгвуд, где в печальном одиночестве окончил свой блестящий жизненный путь Наполеон

Мы отправились в Лсшгвуд верхом чудесным солнечным утром. Прелестный городок Сент-Джемс расположен в лощине между двумя весьма высокими, крутыми и бесплодными утесами вулканического происхождения. Его приветливый вид еще более подчеркивает мрачность ближайших окрестностей. Покинув Сент-Джемс, мы стали взбираться по вырубленной в скалах зигзагообразной дороге на крутые, неприступные от природы горы. По одну сторону от нас тянулись почти вертикально уходящие ввысь утесы, по другую — не менее отвесные обрывы. Дорога очень узка и лишь в некоторых местах достигает в ширину 3 саженьей. Но для безопасности путников вдоль обрывов устроены каменные перила, так что человеческим жизням здесь могут угрожать лишь обвалы, когда большие куски скал обрушиваются вниз, увлекая за собой все встреченное на своем пути.

Приложив некоторые усилия, мы достигли наиболее высокой части острова, где тропическая жара, стоявшая тогда в низинах, сменилась освежающей прохладой. У наших ног раскинулся весь остров, который выглядел отсюда совсем иначе, чем со стороны моря.

Мореплаватель видит с корабля лишь высокие черные зубчатые скалы, вертикально поднимающиеся из моря среди яростного прибоя. Более или менее безопасная высадка на берег возможна только у Сент-Джемса. Напрасно ищет глаз моряка хоть клочок покрытой зеленью земли. Кажется, будто сама природа избрала этот остров в качестве тюрьмы для государственных преступников.

Совсем иной вид имеет остров Св. Елены, если взирать на него сверху, то есть оттуда, где мы находились. Живописные, приветливые пейзажи внутренней части острова представляют разительный контраст с его береговой полосой, как бы оцепеневшей в мрачной неприступности. Однако такой приятный вид имеет только западная часть острова, защищенная от воздействия пассата. Что же касается восточной части, где жил Наполеон, то она столь же сурова и мрачна, как и скалистая береговая полоса. Постоянно дующий сильный пассат приносит сюда облака и туманы, которые задерживаются вершинами гор и изливаются на землю проливными дождями, часто вызывающими наводнения. Воздух в данном районе в течение большей части года отличается нездоровой влажностью. Все это лишает здешнюю почву плодородия. Поблизости от Лонгвуда можно встретить лишь чрезвычайно убогую разновидность каучуковых деревьев. Высота их не достигает и одной сажени, а стволы сильно наклонены в направлении ветра. Отсюда видно, как вредно влияет здесь пассат на живые организмы.

По мере приближения к району, в пределах которого разрешалось передвигаться знаменитому узнику, местность становилась все более мрачной, а климат — все более суровым. Наконец на расстоянии примерно семи верст от города мы оказались на описанном выше бесплодном пространстве. Здесь начинается узкая крутая тропинка, ведущая вниз, в маленькую котловину, защищенную от ветра окружающими холмами. Пышная растительность придает этой долине приятный вид.

— Там покоятся останки Наполеона, — сказал проводник, данный нам губернатором.

Мы слезли с лошадей, и пошли по дороге, ведущей к могиле Наполеона. Навстречу вышел охраняющий ее старый инвалид, чья одинокая хижина стоит неподалеку. Он подвел нас к плоскому, без всяких украшений надгробному камню, окруженному

низкой железной оградой. Над камнем склонили свои ветви пять плакучих ив, посаженных, вероятно, последними сподвижниками покойного.

При виде этой скромной могилы нельзя не растрогаться. Ведь здесь под простым камнем лежит тот, кто потряс всю Европу и окончил свою насыщенную событиями жизнь пленником вдали от родины, на одинокой скале среди океана. На камне нет никакой надписи; каждый может сочинить ее в соответствии со своими убеждениями. Но беспристрастную эпитафию тому, кто столь властно вмешивался в судьбы народов, смогут составить лишь потомки, а не мы, современники. Для того чтобы стать величайшим человеком своей эпохи, Наполеону, возможно, не хватало лишь одного — честности.

Совсем близко от могилы журчал родник. Инвалид наполнил чистой прозрачной водой простую глиняную кружку и подал ее нам, заметив, что Наполеон во время своих прогулок с удовольствием пил здесь холодную воду именно из этой посуды.

Маленькая долина была единственным клочком земли, где узник мог подышать здоровым воздухом и полюбоваться природой. Он часто посещал это место и не раз говорил, что хочет быть здесь похороненным. На желания Наполеона обращали мало внимания, но это, последнее, было все же исполнено.

Проведя еще некоторое время у замечательнейшего памятника — свидетельства поразительной изменчивости человеческой судьбы, мы занесли наши имена в специально заведенную книгу, а затем сели на лошадей и направились к последнему жилищу Наполеона. Покинутый, лишенный всякого влияния, он даже здесь до конца своих дней продолжал разыгрывать императора, и добровольные товарищи по изгнанию должны были обращаться к нему не иначе как со словами «Sire»⁴³ и «ваше величество».

Покинув маленькую, приятную, похожую на сад долину, мы вновь поскакали по дикой и бесплодной местности, где не росло ни одного цветка, где не пела ни одна птичка. Проехав около семи верст, мы увидели на одном из высоких холмов совершенно голую площадку, посередине которой стоял домик, еле различимый в окружающем его густом тумане. Наш проводник сообщил, что это и есть Лонгвуд, а домик — бывшее жилище Наполеона. Мы надеялись застать здесь все в таком виде, как было в момент его смерти. Насколько интереснее было бы зайти сюда любому посетителю, если бы в домике ничто не изменилось, ни один предмет не был передвинут! Однако английские

---

⁴³ Sire (франц.) — государь.

власти не сочли нужным с этим считаться. Домик был разделен на две части. В меньшей из них, спальне Наполеона, устроили конюшню, а в большей — склад овчин, сала и других продуктов.

В городе нам рассказывали, что Наполеон развел около дома маленький садик, в котором работал сам; нередко ему помогала генеральша Бертран³. После многих напрасных усилий и всевозможных опытов им удалось начать выращивание некоторых видов цветов и даже посадить несколько дубков, которые неплохо прижились. Один из них посадил собственноручно Наполеон, другой — мадам Бертран. Поскольку от садика не осталось и следа, я спросил у проводника, где он был расположен. Указав с саркастическим смехом на пустую, изрытую свиньями площадку, наш провожатый произнес:

— Наполеон выращивал здесь цветы столь же успешно, как раньше создавал государства; однако и те и другие исчезли с одинаковой быстротой.

У повалившегося забора еще растет несколько дубов, но теперь уже никто не сможет сказать, который из них посажен самим Наполеоном.

Нам показали красивый домик, который английский король приказал соорудить для Наполеона. Он был окончен постройкой незадолго до смерти пленника. Хотя этот домик был гораздо лучше и удобнее, чем тот, в котором жил Наполеон, последний отказался сюда переселиться. Возможно, он чувствовал приближение конца и ничего больше не хотел от жизни.

Летняя резиденция губернатора расположена на западном берегу острова, на расстоянии трех с половиной верст от города, в так называемой Песчаной бухте [Санди-бей]. Она представляет разительный контраст с неприветливым, пустынным Лонгвудом и отличается прекрасным, здоровым климатом, благодаря которому здесь пышно расцветают почти все тропические растения. Мы были гостеприимно приняты в просторном и удобном загородном доме. Он окружен обширным парком, где природа и искусство, соединив свои усилия, создали много очаровательных уголков, поражающих своей красотой. Когда дышишь этим чистым воздухом и возвращаешься мысленно в Лонгвуд, невольно проникаешься состраданием к тем, кого судьба заставила там обитать.

В окрестностях Песчаной бухты не хватает лишь ледников, чтобы сделать эту местность вполне похожей на маленькую Швейцарию. Привлекательные, живописные уголки сменяются дикими пустынями, где природа нагромодила груды скал. Много труда положили здешние жители, чтобы сделать эту местность

прекраснее. Удобные дороги выются по крутым склонам, а местами в расщелинах между скалами, открывая приятнейший вид то на плодородные поля, то на дома землевладельцев, построенные с большим вкусом и расположенные преимущественно в парках, то на привлекательные хижины арендаторов, окруженные красивыми садами.

Здесь все говорит о трудолюбии населения и достигнутом им благосостоянии. Жители очень хорошо одеты и выглядят здоровыми и довольными. Как нас заверили, они чувствуют себя настолько счастливыми в своих скромных владениях, что очень редко их покидают. Многие местные обитатели за всю свою жизнь ни разу не бывали в городе.

К числу многих достоинств жителей острова следует отнести их гостеприимство. Они радушно приглашали нас в свои жилища, угощали всем лучшим, что у них было, и выражали непритворную радость, принимая у себя первых русских, посетивших остров Св. Елены.

Мы были приглашены на обед к одному из самых крупных здешних землевладельцев. Несмотря на свои семьдесят с лишним лет, он был еще очень крепок и сохранил юношескую бодрость духа. Этот умный и образованный человек ни разу не покидал своей прекрасной родины, пока не достиг шестьдесят девятого года жизни. Город он посещал лишь изредка, да и то на короткое время. Будучи довольно хорошо знаком с Европой по книгам и по рассказам иностранцев, приезжавших на остров Св. Елены, он весьма уважал культуру этой части света, но не испытывал желания там побывать. Вдруг на старости лет ему захотелось поближе познакомиться со столь прославленной Англией, и он решил на далекое путешествие.

Прибыв в Лондон, старик был, по его собственным словам, совершенно ослеплен величием и великолепием этого города. Давка и толкотня на улицах, которые он сравнил с муравейником, далеко превзошли все его ожидания. Посетив несколько фабрик, путешественник поразился совершенству увиденных там машин. Театр привел его в восхищение. Все эти новые впечатления подействовали на старика буквально ошеломляюще. Устав от них, он уже через месяц начал тосковать по своей спокойной и прекрасной Песчаной бухте. Воспользовавшись первой же возможностью, старик вернулся на родину, чтобы больше никогда уже ее не покидать.

Девять дней, весьма весело проведенных на острове Св. Елены, оставили у нас приятнейшие воспоминания благодаря исключительному радушию и предупредительности наших хозяев. Все члены экипажа были здоровы, но сильно утомлены

почти трехлетним плаванием. Я старался по мере возможности подкрепить их силы свежей провизией, хотя она стоила здесь очень дорого, ибо нам предстояло еще раз пересечь экватор, причем как раз в том районе, где здоровье людей подвергается наибольшей опасности.

7 апреля мы покинули остров Св. Елены, а 16-го уже пересекли экватор в долготе 22°27' зап. Здесь, в штилевой зоне, влажная жара была особенно тягостной. Несмотря на принятые мною меры предосторожности, среди экипажа началась нервная горячка. Эта болезнь после стольких счастливо преодоленных нами трудностей заставила меня тревожиться за исход нашего плавания.

Вероятно, зараза была занесена на корабль извне. Дело в том, что капитаны возвращающихся в Европу судов английской Ост-Индской компании, которые всегда останавливаются у острова Св. Елены, думают лишь об ускорении плавания, чтобы таким образом побольше заработать. Как я имел возможность убедиться, лишь немногие из них заботятся о приличном питании команды и ее опрятности, вследствие чего на кораблях этой компании часто возникают заразные болезни. Во время нашего пребывания на острове Св. Елены на рейде стояло несколько кораблей, пришедших из Ост-Индии с больными на борту. Но существующим правилам ни один корабль не имеет права бросить якорь у острова, пока береговой врач не обследует состояние здоровья команды. Однако капитаны умеют прятать своих больных или, по крайней мере вводить врача в заблуждение относительно характера болезни. Переносчиками же заразы могут быть еще здоровые люди, общавшиеся с больными.

Половина нашего экипажа слегла, причем, к величайшему сожалению, в числе захворавших оказался наш искусный и деятельный доктор. Спасение принес поднявшийся ветер, позволивший быстро достигнуть более прохладных мест, где больные быстро поправились. Итак, мы избежали и этой опасности, потеряв лишь одного человека.

12 мая, когда корабль огибал Азорские острова, вся команда снова чувствовала себя превосходно. 3 июня мы пришли в Портсмут, где провели несколько дней. 29 июня мы были уже в Копенгагене, а 10 июля, ликуя, бросили якорь на Кронштадтском рейде. Прошло без малого три года с тех пор, как мы его покинули.

Если читатели относятся ко мне с некоторым участием, им будет приятно узнать, что мой государь выразил мне свое благоволение, высоко наградив, и что я нашел мою жену и детей в добром здоровье после долгой разлуки.

КОММЕНТАРИИ

Введение

* В отчете об этом кругосветном путешествии, опубликованном в 1828 г. в Петербурге, О. Е. Коцебу указывает, что он был назначен командиром шлюпа «Предприятие» в январе 1823 г. По архивным данным, назначение состоялось 24 января (5 февраля) 1823 г.

* В русском военном флоте шлюпами обозначались корабли, предназначенные для кругосветных плаваний. Шлюп — трехмачтовый корабль с прямым парусным вооружением. Шлюп «Предприятие» был построен в Петербурге корабельным инженером полковником А. А. Поповым. Размеры его: длина по килю — 130 футов, ширина без обшивки — 34 фута, углубление в полном грузу носом (форштевнем) — 15 футов, кормой (ахтерштевнем) — 16 футов. Грузоподъемность — 750 тонн. Коцебу указывает, что это был первый корабль, построенный в *России* «под крышей», т. е. в закрытом эллинге. Вместо положенных 36 пушек он имел только 24.

* Некоторые офицеры, участвовавшие в кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие», впоследствии заняли видное положение в российском флоте: Т. В. Кордюков и А. А. Моллер стали контр-адмиралами, а П. А. Моллер и Н. П. Римский-Корсаков — вице-адмиралами. Их дальнейшая служба проходила на Балтийском, Черном и Средиземном морях; П. П. Римский-Корсаков был в 1843—1848 гг. директором Морского кадетского корпуса; Л. Л. Гейден участвовал в Наваринском сражении, затем служил в Главном морском штабе, выполнял дипломатические поручения, состоял членом Морского ученого комитета. В 1861 г. он был произведен в адмиралы.

* Зивальд, Генрих (1797—1830)—доктор медицины. Учился в Дерптском (Тартуском), Гейдельбергском, Боннском и Берлинском университетах. В 1823 г. защитил при Дерптском университете докторскую диссертацию и в том же году отправился в качестве врача в кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие». Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. находился в действующей армии, работая врачом в походных госпиталях. Скончался вскоре после окончания войны в г. Николаеве.

* Эшшольц, Иоганн Фридрих (1793—1831) — натуралист, профессор анатомии Дерптского университета. Совершил два кругосветных плавания: в качестве врача и помощника натуралиста на бриге «Рюрик» в 1815—1818 гг. и в качестве главного врача и натуралиста на шлюпе «Предприятие» в 1823—1826 гг. Перу Эшшольца принадлежит около 50 научных трудов, главные из которых касаются систематики и морфологии беспозвоночных животных и природы коралловых островов. Зоологические коллекции, собранные во время экспедиции на «Предприятии», описаны Эшшольцем в двух работах: «Uebersicht der zoologischen Ausbeute» (приложение к кн: О. Kotzebue. Neue Reise um die Welt in den Jahren 1823, 24, 25 und 26. Weimar, 1830), и «Zoologisch-fischer Atlas, enthaltend Abbildungen und Beschreibungen neuer Thierarten, während des Flottecapitains v. Kotzebue zweiter Reise um die Welt beobachtet». В., 1829—1831.

* Прейс, Вильгельм (1793—1839) — астроном. Родился в бедной семье, в юности работал подмастерьем-ткачом. Заинтересовавшись талантливым юношей, известный русский астроном В. Я. Струве помог

ему получить образование. Участвуя в кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие», Прейс произвел несколько точных измерений широт и долгот, а также осуществил интересные наблюдения над маятником. Ознакомившись с материалами этих наблюдений, акад. В. К. Вишневский донес в 1826 г. в Адмиралтейский департамент, что они «весьма важны для точнейшего определения вида земли». Результаты своих изысканий во время экспедиции на «Предприятии» Прейс изложил в работе «*Astronomische Beobachtungen auf des Herrn Capitain Otto v. Kotzebue zweiter Reise um die Welt in den Landungsploitzen angestellt*». Dorpat, 1830. В дальнейшем работал астрономом-наблюдателем при Дерптской обсерватории. Много его статей и заметок опубликовано в русских и немецких астрономических изданиях.

* Ленц, Эмилий Христианович (1804—1865) — выдающийся русский физик, академик. Будучи студентом Дерптского университета, отправился с О. Е. Коцебу в кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие». Во время этой экспедиции сделал ряд важных наблюдений в области физической географии, из которых наиболее интересны измерения температуры морской воды на различных глубинах, ибо Ленц пользовался изобретенным им совместно с И. Е. Парротом первым морским батометром с теплоизолирующими стенками и глубометром, отмечающим точные глубины до 2000 м. См.: E. Lenz. *Physikalische Beobachtungen, angestellt auf einer Reise um die Welt unter dem Commando des Capitains Otto Kotzebue in den Jahren 1823—1826*. St-Pbg., 1830.

* Ленц наиболее известен своими работами в области электродинамики и магнетизма. В 1836 г. он возглавил кафедру физики и физической географии Петербургского университета, а в 1863 г. был избран его ректором. В 1842 г. точными экспериментами Ленц независимо от английского физика Дж. Джоуля обосновал закон теплового действия электрического тока (закон Джоуля — Ленца).

* Гофман, Эрнст Карлович (1801—1871) — русский путешественник, геолог. Прервав учение в Дерптском университете, отправился с О. Е. Коцебу в плавание на «Предприятии». Во время этой экспедиции сделал немало интересных наблюдений, а также собрал коллекцию минералов. См.: E. Hofmann. *Geognostische Beobachtungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1823—1826*. W., 1829. Впоследствии читал лекции по геологии и минералогии в Дерптском, Киевском и Петербургском университетах. Руководил несколькими научными экспедициями в различные районы России, сделав особенно много для изучения природы Урала.

* О. Е. Коцебу допустил здесь неточность. Как правильно указывается в его отчете об этой экспедиции, опубликованном в 1828 г. в Петербурге, весь экипаж состоял из 118 человек: командира, 12 офицеров, 99 унтер-офицеров и матросов, 2 докторов, священника, астронома, физика и минералога.

* Маятниковый прибор — инструмент для определения ускорения силы тяжести; основной его частью является свободно качающийся маятник.

Теодолит — угломерный инструмент, применяемый при астрономических, геодезических и некоторых других работах.

Рейхенбах, Георг (1772—1826) — известный немецкий оптик и механик, член Баварской академии. Усовершенствовал многие астрономические приборы. Особенно большой известностью пользовались его меридианные круги и переносные угломерные инструменты.

* Разница между новым и старым стилем летосчисления для XIX в. составляет 12 суток.

Глава 1

* Имеется в виду морская миля, равная 1852 м. В дальнейшем подразумеваются морские мили всюду, где речь идет о расстояниях на море.

* Речь идет о так называемом семафорном телеграфе, изобретенном в конце XVIII в. братьями Шапп во Франции и И. П. Кулибиным в России. Условным знакам, обозначающим слова или отдельные буквы, соответствовали различные положения двух крыльев семафора, видимых в подзорные трубы с дальнего расстояния.

* По современным данным, высота вулкана Пико-де-Тейде, или, как его теперь обычно называют, Тейде, равна 3718 м над уровнем моря.

* В 1823 г. Священный союз, в котором руководящая роль принадлежала российскому императору Александру I, организовал силами французских войск интервенцию в Испанию для свержения установленного там, в результате революции 1820 г. конституционного монархического режима и восстановления самодержавной власти жестокого и тупого тирана короля Фердинанда VII. В сентябре, когда шлюп «Предприятие» подошел к Teneriffe, в Испании победили интервенты и роялисты, начавшие в стране кровавый террор. Власти Teneriffe, сторонники свергнутого либерального правительства, обстреляли русский корабль, очевидно, в знак протеста против действий Священного союза.

* Гуанчи — древнейшее население Канарских островов, по культуре и языку близкое к ливийско-берберским народностям Западной Африки. Во время открытия и завоевания островов испанцами (XV в.) гуанчи, насчитывавшие тогда до 20 тыс. человек, переходили от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу; у них существовала примитивная письменность. После испанского завоевания часть коренного населения была истреблена, часть увезена в рабство, остальные, утратив свой язык, смешались с испанскими колонистами. Бытовавшее в начале XIX в. фантастическое мнение о сходстве челюстей гуанчей с челюстями жвачных животных, разумеется, нельзя принимать всерьез.

* Бонито — рыба из семейства макрелевых (Scombridae), иногда называемая малым тунцом. Мясо ее отличается хорошим вкусом, и она является предметом лова.

* Имеется в виду работа И. Ф. Эшшольца «System der Acalephen. Eine ausführliche Beschreibung aller medusenartigen Strahlthiere». В., 1829.

* Паррот, Иван Егорович (1767—1852) — русский академик, физик. Первый ректор Дерптского университета. Оставил более 80 научных трудов по физике и другим естественным наукам. Сконструировал несколько геофизических приборов (см. примеч. 6 к Введению). Был одним из зачинателей альпинизма в России.

Глава 2

* Первым из европейцев мыс Доброй Надежды обогнул не Васко да Гама, а португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш (1486 г.).

* Красильное дерево браса (правильнее — сразил) ныне носит название ферпамбукового дерева (*Caesalpinia echinata*). Ценится из-за своей древесины желто-красного цвета, со временем приобретающего темно-красный оттенок. Из нее добывается также краска бразилин, или бразилеин.

* Имеются в виду бывшие испанские колонии в Центральной и

Южной Америке, которые завоевали независимость и избрали республиканскую форму правления.

* Кокрэн, Томас, граф Дапдональд (1775—1860) — английский моряк. В 1818—1822 гг. командовал чилийским флотом, в 1823—1825 гг. — флотом Бразилии. В 1827—1828 гг. руководил флотом восставших греков, боровшихся за свою независимость, В 1828 г. вернулся на английскую службу. Умер в чине адмирала.

* Написано в 1827 г. (примеч. Коцебу).

* Коцебу допустил неточность. Маниок (правильнее маниот, *Manihot Adans*) — род растений семейства молочайных. Из корней его готовят муку, носящую название «тапиока».

* Педру (Педру) I (1798—1834) — император Бразилии в 1822—1831 гг. Не лишенный способностей музыкант и композитор, он в политике придерживался крайне реакционных взглядов, защищая интересы крупных плантаторов-рабовладельцев. Правление Педру I отнюдь не способствовало процветанию молодого государства. В стране неоднократно вспыхивали восстания против деспота-короля. В результате одного из них Педру вынужден был отречься от престола в пользу своего сына, Педру II.

* Императрица Леопольдина (дочь австрийского императора Франца I) умерла в 1826 г., т. е. раньше, чем Коцебу написал эту книгу.

* См.: В. М. Головин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном Шлюпе Камчатке, в 1817, 1818 и 1819 годах. Т. 1. СПб., 1822, с. 26-27.

Глава 3

* Ла-Плата — широкое устье р. Параны.

* Спермацет — воскоподобное вещество, получаемое при охлаждении жидкого животного воска, заключенного в большом фиброзном мешке в голове кашалота. Применяется в. медицине, парфюмерии и производстве свеч.

* О. К. Коцебу сам огнеземельцев никогда не видел и потому в этом вопросе остался в плену ошибочных представлений своего времени. В действительности, хотя огнеземельцы и были в начале XIX в. одним из наиболее отсталых народов земного шара, им удалось создать своеобразную культуру, умело используя все те незначительные возможности, которые предоставляла суровая природа крайнего юга Америки. Путешественники рассказывают, в частности, о весьма искусно изготовленных огнеземельцами лодках, орудиях охоты и т. д.

* Кук, Джеймс (1728—>1779) — известный английский мореплаватель. Руководил тремя кругосветными экспедициями: в 1768—1771, 1772—1775 и 1776—1779 гг. Главной целью этих экспедиций, организованных английским адмиралтейством, был захват новых земель в бассейне Тихого океана. Кук совершил ряд открытий в Океании, а также открыл восточный берег Австралии. О пребывании Кука на Сандвичевых (Гавайских) островах и обстоятельствах его гибели см. с. 248—257 настоящей книги. Труды Кука неоднократно публиковались в переводе на русский язык.

* Ансон, Джордж (1697—1762) - английский кругосветный мореплаватель, адмирал. В 1740 г. был послан в каперскую экспедицию против испанцев на Тихий океан. Эскадра Ансона, состоявшая из шести кораблей, подошла к мысу Горн в сезон штормов. Два судна были отброшены обратно встречными ветрами и так и не смогли обогнуть этот мыс, третье потерпело крушение, будучи выброшено на берег; флагманский корабль «Центурион» едва избежал той же участи. На трех кораблях,

достигших Тихого океана, свирепствовали цинга и другие болезни, от которых погибло около двух третей матросов; пришлось сжечь два судна, чтобы пополнить остатками их команд экипаж «Центуриона». Ансон разорил несколько испанских поселений, подстерег и захватил испанский галеон, шедший с грузом драгоценных металлов из Мексики на Филиппинские острова, и затем вернулся в 1744 г. в Англию вокруг мыса Доброй Надежды. Описание этого плавания, составленное по дневникам и другим документам Ансона судовым священником «Центуриона» Р. Уолтером, было опубликовано в 1748 г. в Лондоне и затем неоднократно переиздавалось. См.: R. Walter (сотр.). *A Voyage Round the World in the Years MDCCXL, I, II, III, IV.* L., 1748. Русский перевод этой книги был опубликован в 1751 и 1789 гг.

- * Ш п и л ь — вертикальный ворот для выбирания якорного каната.

- * Фрейре, Рамон (1787—1851)—генерал, президент республики Чили в 1823-1827 гг.

- * Имеется в виду возникшая в 1816 г. конфедеративная республика Соединенные Штаты Рио-де-ла-Платы (Аргентина). Ее главным штатом официально считался Буэнос-Айрес со столицей того же названия. В период испанского владычества эта часть Южной Америки входила в вице-королевство Буэнос-Айрес.

- * Чили открыл не Вальдивия, а его соотечественник Диего Альмаг- ро. Это произошло в 1535—1536 гг.

- * Лаперуз, Жан Франсуа (1741—1788)—известный французский мореплаватель. В 1785—1788 гг. руководил кругосветной экспедицией в составе фрегатов «Буссоль» и «Астролябия». Совершил ряд открытий в Тихом океане. Оба корабля после выхода из Порт-Джексона [Сидней] пропали без вести. Только через сорок лет выяснилось, что они потерпели крушение у острова Ваникоро из группы Санта-Крус. Судьба самих моряков, включая Лаперуза, осталась невыясненной. В 1964 г. французская экспедиция Ж. Броссара установила, что фрегат «Буссоль», на котором находился Лаперуз, внезапно погрузился у берегов Ваникоро во впадину глубиной около 2000 м.

- * Мартин (Сан-Мартин), Хосе (1778—1850) — национальный герой Латинской Америки, один из руководителей борьбы за независимость в Аргентине, Чили и Перу.

- * Арауканы (самоназвание — мапуче) — группа племен (ныне народ), составляющая основную массу индейского населения Чили. Ко времени вторжения испанцев (начало XVI в.) занимали почти всю территорию Чили. Испанские завоеватели оттеснили их в южные районы страны. Арауканы были искусными земледельцами, знали гончарство, ткачество, обработку серебра; в прибрежных районах важное хозяйственное значение имело также рыболовство. Единственным домашним животным была лама. После того как испанцы завезли в Чили лошадей и другие новые породы скота, значительное развитие получило скотоводство. Арауканы жили родоплеменным строем. Совместная борьба за независимость привела к возникновению союза племен. Упорное сопротивление араукан завоевателям и колонизаторам длилось более трех столетий.

- * Коцебу несколько раз посетил Консепсьон в феврале — марте 1816 г., когда бриг «Рюрик», совершавший под его начальством кругосветное плавание, стоял на якоре возле селения Талькауано.

- * На Американский материк человек проник из Азии через Берингов пролив. Американские индейцы, в том числе арауканы, действительно принадлежат к монголоидной расе.

- * Транспарант — здесь натянутая на раму просвечивающая

ткань с каким-нибудь изображением, освещаемая сзади; применяется при иллюминациях.

* Геркуланум — древнеримский город в 7 км от Неаполя. Был разрушен при извержении Везувия в 79 г. н. э. одновременно с Помпеей.

Глава 4

* В архипелаге Туамоту, расположенном в Восточной Полинезии, первые открытия были сделаны испанцами Магелланом в 1521 г. и Кирсом в 1606 г., затем голландскими экспедициями Схаутена — Ле-Мера в 1616 г. и Роггевена в 1722 г. (последний назвал обнаруженные здесь острова Опасными), а также французскими и английскими мореплавателями второй половины XVIII в. Значительную часть островов в этом архипелаге открыли русские кругосветные экспедиции О. Е. Коцебу и Ф. Ф. Беллинсгаузена — М. П. Лазарева. Во время плавания па «Рюрике», в апреле — мае 1816 г., Коцебу открыл здесь атоллы Крузенштерна [Тикехау], Рюрик [Арутуа] и, вероятно, Аратика, а также описал и нанес на карту несколько других островов, которые, возможно, были открыты голландскими мореплавателями. Вновь посетив этот архипелаг в марте 1824 г., О. Е. Коцебу открыл атолл Предприятие [Фангахина].

* Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич (1778—1852) — выдающийся русский мореплаватель, адмирал. В 1803—1806 гг. мичманом на шлюпе «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна участвовал в первом кругосветном плавании, совершенном под русским флагом. В 1819—1821 гг. в чине капитана 2-го ранга, командуя шлюпом «Восток», возглавлял кругосветную экспедицию, в которой участвовал также шлюп «Мирный» под командой М. П. Лазарева. Важнейшим результатом этой экспедиции было открытие Антарктиды. В архипелаге Туамоту экспедицией Беллинсгаузена — Лазарева в 1820 г. (не в 1819 г., как в тексте О. Е. Коцебу) открыты острова Раевского [Тепото], атоллы Аракчеева [Фангатау], Витгенштейна [Факарава], Волконского [Такуме], Грейга [Ниау], Ермолова [Таэнга], Кутузова [Макемо], Милорадовича [Фааите], Моллера [Аману], Нигиру [Нихиру], Остен-Сакена [Катиу], Чичагова [Таханаеа].

* Остров Тикей, возможно, был открыт в 1722 г. голландским мореплавателем Я. Роггевеном.

* Атолл Такапото и соседний атолл Такароа были открыты в 1616 г. голландцами Я. Ле-Мером и В. Схаутеном, посещены в 1722 г. Я. Роггевеном и названы в 1765 г. островами Короля Георга (Кинг Джордж) английским мореплавателем Дж. Байроном (см. о нем примеч. 7 к этой главе).

* По мнению новозеландского исследователя Э. Шарпа, это атолл Аратика, первооткрывателем которого следует считать Коцебу.

* Острова Паллисера (атоллы Апатаки, Каукура, Тоау, Арутуа) еще до Кука, вероятно, видел в 1722 г. Я. Роггевен.

* Байрон, Джон (1723—1786) — английский мореплаватель, вице-адмирал, дед известного поэта. Участвовал в 1740—1744 гг. в кругосветном плавании английского капера лорда Ансона (см. о нем примеч. 5 к гл. 3). В 1764—1766 гг. руководил кругосветной экспедицией. Во время перехода в 1765 г. через Тихий океан открыл несколько островов в архипелагах Туамоту, Токелау и Гилберта.

Глава 5

* Кирс, Педро Фернандес (1560—1616) — испанский мореплаватель, португалец родом (португ. Кируш Педру). Был главным пилотом во второй экспедиции Менданы, которая в 1595 г. открыла Маркизский

архипелаг и острова Санта-Крус; возглавил экспедицию после смерти Менданы. В 1605—1606 гг. руководил экспедицией, сделавшей открытия в архипелагах Туамоту и Новые Гебриды, в северной группе островов Кука, а также в группах Банкс и Дафф. О. Е. Коцебу ошибается, предполагая, что Остров, названный Киросом Сахитарией, и есть Таити. По мнению современных исследователей, Сахитария — это, скорее всего атолл Рароиа в архипелаге Туамоту.

* Уоллис, Сэмюэл (1728—1795) — английский мореплаватель. Руководил в 1766—1768 гг. кругосветной экспедицией, которая открыла несколько небольших островов в архипелаге Туамоту, а также Таити и еще четыре острова в архипелаге Общества.

* Бугенвиль, Луи Антуан (1729—1811)—известный французский мореплаватель, юрист и математик по образованию. В 1766—1769 гг. руководил первой кругосветной экспедицией под французским флагом. В числе его открытий — архипелаг Луизиада, несколько островов в архипелаге Новые Гебриды, в группе Соломоновых островов и в архипелаге Туамоту, проливы, рифы и т. д. Бугенвиль уточнил координаты многих островов и целых архипелагов, замеченных предшествовавшими мореплавателями, внося, таким образом, крупный вклад в изучение южной части Тихого океана. Бугенвиль описал свое плавание в книге «Кругосветное путешествие на фрегате „Будёз“ и транспорте „Этуаль“ в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах». В 1961 г. этот труд был впервые издан на русском языке.

* Кифера (Китира) — остров в Средиземном! море, к югу от полуострова Пелопоннес. В античное время был одним из центров культа греческой богини любви Афродиты.

* Форстер, Иоганн Рейнгольд (1729—1798) —немецкий путешественник и ученый английского происхождения. В 1772—1775 гг. участвовал в качестве натуралиста во второй кругосветной экспедиции Кука. В 1778 г. опубликовал в Лондоне работу об этом плавании, в которой содержится немало интересных наблюдений.

Сын его, Иоганн Георг Адам Форстер (1754—1794) — выдающийся немецкий публицист, ученый и революционер. Вместе с отцом принял участие в упомянутом плавании Кука. В 1777 г. издал на английском, а в 1778 г. на немецком языке книгу «Путешествие вокруг света», особенно замечательную обилием этнографических материалов. Находясь, как и отец, под влиянием идей Руссо, Форстер-младший в своем сочинении несколько идеализировал жизнь обитателей Океании. В период французской буржуазной революции он был сторонником якобинцев и участвовал в революционной борьбе в Германии и во Франции.

* Кокосовые пальмы (*Cocos nucifera*) — деревья семейства тутовых. Играть огромную роль в жизни обитателей Океании. В пищу идут так называемое кокосовое молоко (жидкость, содержащаяся в незрелом орехе), а также мякоть ореха после его созревания и молодые зеленые побеги. Содержимое кокосового ореха наряду с ямсом и плодами хлебного дерева — основной вид пищи океанийцев. Кокосовые волокна — ценный материал для плетения; древесина широко используется островитянами для различных поделок; из скорлупы ореха в прошлом изготовлялась посуда. В середине XIX в. начался вывоз из Океании сушеной мякоти кокосового ореха (копры), которая является ценным сырьем для пищевой и химической промышленности.

Хлебные деревья — деревья рода *Artocarpus* семейства тутовых. Приносят богатые крахмалом, мучнистые плоды, достигающие 20 кг веса; употребляются в пищу в печеном виде.

Ямс, иньям (*Dioscorea*) — многолетнее тропическое растение.

Клубни его (весом до 50 кг), богатые крахмалом, идут в пищу в печеном виде.

Батат, или сладкий картофель (*Ipomoea batatas* Lam, *Batatus edulis* Choisy семейства вьюнковых), — тропическое растение. В пищу употребляются его клубни, имеющие сладкий вкус.

Плантан (англ. plantain) — один из видов банана, многолетнего травянистого растения семейства банановых (*Musaceae*). В отличие от других культурных видов его плоды (морфологически — ягоды) употребляются в пищу только в вареном или печеном виде.

* Правильно — арии.

* Как показали дальнейшие исследования, прав был Кук, а не Бугенвиль. Все таитяне принадлежали к одному и тому же полинезийскому расовому типу, а некоторые различия во внешнем облике вождей и рядовых общинников обуславливались, прежде всего, социальными факторами.

* Имеется в виду тапа — материя, изготавливаемая из луба (подкоркового камбиального слоя) бумажно-шелковичного дерева (*Broussonetia papyrifera*), реже — фигового и хлебного деревьев. До появления в Океании европейцев тапа служила островитянам основным материалом для изготовления одежды.

* В таитянском диалекте полинезийского языка звук п встречается, а звук к заменяется особым согласным гортанным взрывом.

* О религии и мифологии таитян и других полинезийцев хорошо рассказано в книге Те Ранги Хироа «Мореплаватели солнечного восхода». М., 1950 (Изд. 2-е. — 1959).

* По приблизительным подсчетам Форстера-младшего, на Таити в 1774 г. обитали 142 тыс. человек, а по мнению Кука — даже 204 тыс. Все эти оценки преувеличенны. Население Таити в 1774 г. едва ли превышало 80 тыс. человек. См.: Дж. Кук. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг. М., 1964, с. 354, 600.

* Э р и о и (правильно — ареои) — общество, генетически связанное с тайными («мужскими») союзами, существовавшими у многих народов на стадии разложения первобытнообщинного строя. Имело ярко выраженную социальную сущность, служа одним из проявлений власти господствующей верхушки над рядовыми островитянами. Миссионеры ненавидели членов этого общества как ярых защитников «языческой» религии и потому распространяли о них печатно и устно немало небылиц, которые нашли свое отражение в словах Коцебу.

* Ава (кава) — опьяняющий напиток, приготовляемый из корней дикого перца (*Piper methysticum*). Употребляется на островах Полинезии, за исключением Новой Зеландии, а также в восточной и южной Меланезии.

* Имеется в виду гора Орохена, достигающая высоты 2237 м над уровнем моря.

* Не располагая сколько-нибудь достоверными сведениями, Коцебу неточно рассказал в событиях, происшедших на Таити в конце XVIII — начале XIX в. Когда английские миссионеры в 1797 г. высадились на Таити, отдельными частями острова управляли верховные вожди (ариираи), которых неправильно называть королями. Миссионеры сделали ставку на одного из этих правителей, по имени Помаре (умер в 1803 г.)^ и совместно с другими иностранцами помогли ему овладеть большей частью Таити. Его сын Помаре II (1788—1821) поддерживал миссионеров по политическим соображениям, но сам, подобно отцу, отказываясь переменить веру. Недовольство деспотическим правлением Помаре II и деятельностью миссионеров вызвало в 1808 г. восстание. Начались

многолетние кровопролитные войны, которые привели к резкому уменьшению численности населения. Потерпев ряд поражений, Помаре II бежал на близлежащий остров Муреа, но через несколько лет, воспользовавшись распрями в лагере врагов, отвоевал обратно часть Таити. Поскольку миссионеры были его союзниками, он в захваченных районах усиленно насаждал христианство. Это вызвало новую серию религиозных войн. В 1815 г. благодаря превосходству в огнестрельном оружии Помаре II одержал решительную победу, которая сделала его правителем всего острова. Он приказал разрушить языческие храмы и принудил основную массу побежденных креститься. Многочисленными насилиями сопровождалось распространение христианства и на большинстве других островов архипелага Общества. Сам Помаре II принял христианство лишь в 1819 г. «Короля Тайо» на Таити не существовало.

* О. Е. Коцебу допустил неточность. В 1824 г., во время его пребывания на Таити, правителем этого острова был малолетний Помаре III, сын Помаре II.

* Элефантизм (правильнее — элефантиаз), слоановость — заболевание, вызывающее прогрессирующее утолщение кожи и подкожной клетчатки вследствие хронического застоя лимфы. Развитие болезни связано с врожденной, наследственно-конституционной или приобретенной недостаточностью лимфатических сосудов. В странах тропического пояса, в том числе на ряде островов Океании, элефантиаз нередко возникает как осложнение при одной из форм филяриатоза — заболевания, которое вызывается заражением организма круглыми червями (филяриями) и ведет к воспалению и закупорке лимфатических сосудов.

* Правильно — «па-орана» («да будет с вами доброе здоровье»).

* См. примеч. 7 к Введению.

* Свечное дерево (*Aleurites moluccana*) дает ореховидный плод с превосходным осветительным маслом.

* Гумбольдт, Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859) — выдающийся немецкий ученый и путешественник. Коцебу, очевидно, имеет в виду труд Гумбольдта «Картины природы», опубликованный в 1807 г. на немецком языке. О действительной высоте горы Орохена см. примеч.

15 к данной главе.

* Т. е. 756,9—754,4 мм.

* Имеется в виду «Грамматика таитянского диалекта полинезийского языка», составленная миссионером Ноттом (см. с. 92).

* Полинезийские языки входят в малайско-полинезийскую семью языков, возникшую в Юго-Восточной Азии, откуда через Меланезию и Микронезию проникли па западные рубежи Полинезии группы морских скитальцев. Здесь в условиях сравнительной изоляции в I тысячелетии до н. э. завершилось формирование антропологического типа полинезийцев, сложились полинезийский язык-основа и основные черты общеполинезийской культуры. Отсюда отважные полинезийские мореходы постепенно расселились по всей Полинезии. Утверждение Нотта о сходстве полинезийских языков с древнееврейским лишено оснований.

* Дюперре, Луи Изидор (1786—1865) — французский мореплаватель и ученый. В 1817—1820 гг. участвовал в кругосветном плавании па судне «Урания» под командой Л. Фрейсине. В 1822—1824 гг. руководил экспедицией, в ходе которой открыл на Тихом океане несколько мелких островов и сделал ценные наблюдения по магнетизму и морским течениям. В 1842 г. был избран членом французской Академии.

Глава 6

- * В текст сочинения Коцебу вкралась очевидная опечатка. Речь идет о Новой Голландии, как в то время называли Австралию.
- * Блай и его спутники проплыли в шлюпке свыше 3600 миль. На этом пути они пересекли архипелаг Фиджи и группу Банкса (в северной части архипелага Новые Гебриды), открыв несколько островов.
- * Согласно позднейшим исследованиям, Флетчер Крисчен и его сообщники захватили с собой шесть таитян и тринадцать таитянок. Вскоре по прибытии на Питкэрн между поселенцами начались конфликты, доходившие до кровавых столкновений. Таитяне убили пятерых матросов, но были, в свою очередь, перебиты остальными четырьмя англичанами. Еще через два года на острове остался в живых лишь один мужчина — Александр Смит, принявший имя Джона Адамса. О существовании поселения на Питкэрне впервые стало известно в 1808 г., когда этот остров посетило американское китобойное судно «Топаз». Английское правительство взяло поселение под свое «покровительство», а в 1898 г. формально включило Питкэрн в состав Британской империи. В настоящее время на острове проживает около 100 человек, которые в подавляющем большинстве являются потомками мятежников с «Баунти». Выходцы с Питкэрна живут также на принадлежащих Австралии островах Норфолк и Лорд-Хау.

Глава 7

- * Роггевеп, Якоб (1659—1729) — голландский мореплаватель. В 1721—1723 гг. руководил кругосветной экспедицией, которая открыла остров Пасхи и несколько атоллов в архипелаге Туамоту. В архипелаге Самоа экспедицией Роггевена открыты острова Мануа, Тутуила и У полу.
- * Фрейсипе, Луи Клод (1779—1842) — известный французский море-плаватель. В начале XIX в. исследовал южные берега Австралии и остров Тасманию. В 1817—1820 гг. руководил кругосветной экспедицией, произведшей на Тихом океане ценные научные наблюдения по магнетизму. Многотомное издание материалов этой экспедиции, обработанных рядом известных ученых, было осуществлено в 1824—1844 гг. Фрейсипе назвал открытый им атолл островом Роз; это название сохранилось до наших дней.
- * Самая высокая гора на острове Савайи — Маунгасили — достигает 1858 м над уровнем моря, тогда как Мауна-Лоа на острове Гавайи возвышается на 4170 м, а Тейде на острове Тенерифе — на 3718 м.
- * Действительные причины кровавой стычки между французскими моряками и обитателями Тутуилы остались невыясненными.
- * Острова Самоа находились в зависимости от Топга в XIII—XVI вв., а потом сумели восстановить свою независимость.

Глава 8

- * Это наблюдение О. Б. Коцебу представляет большой интерес. Как установили в 1959—1961 гг. советские и американские океанологи, здесь проходит Южное Экваториальное противотечение, направленное на восток.
- * В эти дни корабль О. Б. Коцебу прошел между группами Феникс (на востоке) и Эллис [Тувалу] и Гилберта (на западе). В первой Четверти XIX в. еще не все острова в этих архипелагах были открыты и обследованы.

* Перейдя экватор, экспедиция О. Е. Коцебу приблизилась к дальневосточным берегам России. Но на обратном пути в Кронштадт ей предстояло вновь вернуться в Южное полушарие.

* Цепь островов Ратак — восточная гряда Маршалловых островов (западная — цепь Ралик). Во время кругосветного плавания на «Рюрике» Коцебу в мае 1816 г. описал здесь и нанес на карту атоллы Кутузова [Утирик] и Суворова [Така], а в январе — марте 1817 г. — атоллы Нового Года [Меджит], Румянцева [Вотье], Чичагова [Эрикуб], Аракчеева [Малозлап], де Траверсе [Аур], Крузенштерна [Аилук] и Гейдена [Лигиеп]. Некоторые из этих атоллов, возможно, видели в XVI в. испанские мореплаватели, а в 1788 г. английские капитаны Маршалл и Гилберт.

* Марс — площадка на мачте для наблюдений и управления парусами.

* Шишмарев, Глеб Семенович (1781—1835) — кругосветный мореплаватель, контр-адмирал. В 1815—1818 гг. в качестве старшего офицера участвовал в кругосветной экспедиции О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик». В 1819—1822 Гг., командуя шлюпом «Благонамеренный», совершил свое второе кругосветное плавание в составе руководимой М. Н. Васильевым (командиром шлюпа «Открытие») экспедиции, посланной в северную часть Тихого океана. Шишмарев непосредственно участвовал в открытии и нанесении на карту некоторых островов, а также произвел совместно со штурманом Рыдалевым первую точную опись залива Сан-Франциско. О Шамиссо см. примеч. 8 к вступительной статье.

* Гюон Бордоский — персонаж средневекового французского эпоса. Покровительствовавший этому рыцарю король эльфов Оберон снабдил его волшебным рогом, звуки которого либо приводили врагов в оцепенение, либо заставляли их пускаться в бешеную пляску.

* Микронезийские языки, в том числе ратакский, как и языки полинезийцев, входят в малайско-полинезийскую семью языков, но в другую ее ветвь. Вопрос о времени и путях заселения островов Ратак до сих пор остается слабо изученным.

Глава 9

* В настоящее время северной границей полуострова Камчатка считается низменность Парапольский Дол (60° северной широты).

* Коцебу, очевидно, имеет в виду Ключевскую сопку, достигающую высоты 4750 м над уровнем моря.

* Рассказывая о жизни и быте камчадалов, Коцебу наряду с личными наблюдениями широко использовал замечательный труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», впервые опубликованный в Петербурге в 1755 г.

* По современным данным, высота Авачинской сопки равна 2738 м над уровнем моря.

Глава 10

* Лазарев, Михаил Петрович (1788—1851) — выдающийся русский мореплаватель, адмирал. В 1813—1816 гг., командуя кораблем Российско-Американской компании «Суворов», совершил кругосветное плавание с заходом в Русскую Америку, причем на пути туда в 1814 г. открыл в Полинезии атолл Суворова (в северной группе островов Кука). В 1819—1821 гг., командуя шлюпом «Мирный», участвовал в русской кругосветной антарктической экспедиции, руководимой Ф. Ф. Беллинсгаузеном (см. примеч. 2 к гл. 4). В 1822^1825 гг., командуя фрегатом «Крейсер»,

совершил третье кругосветное путешествие с заходом в Русскую Америку. В 1827 г. М. П. Лазарев отличился в Наваринском сражении. С 1833 г. до конца своих дней командовал Черноморским флотом, где под его начальством служили П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин. Лазарев много сделал для укрепления обороны России на Черном море, что благотворно сказалось в годы Крымской войны.

* Муравьев, Матвей Иванович (1784—1836) — русский мореплаватель. В качестве морского офицера участвовал в войнах со Швецией (1808) и Францией (1813). В 1817—1818 гг. на шлюпе «Камчатка» под командованием В. М. Головнина совершил плавание вокруг мыса Горн в Русскую Америку. В 1819—1824 гг. был там главным правителем поселений Российско-Американской компании. В 1825 г., командуя корветом «Елена», вернулся вокруг мыса Горн в Кронштадт. Затем служил в главном правлении Российско-Американской компании и Морском министерстве. В 1833 г. уволен в отставку в чине генерал-майора.

* Российско-Американская компания была создана в 1799 г. в целях закрепления и освоения русских владений в Северной Америке и развития русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке. Одной из важных причин создания этой монопольной компании было усиление экспансии Англии и США на северо-западе Америки. Хозяйственная деятельность компании сводилась в основном к эксплуатации пушных богатств управляемых ею областей. Пушной промысел велся хищническим образом и сопровождался насилиями и жестокостями по отношению к местным племенам. С помощью правительства компания организовала 25 морских экспедиций, в том числе 13 кругосветных, а также провела значительные исследовательские работы на севере Американского материка. Деятельность компании способствовала введению в ряде районов земледелия и огородничества. Ликвидирована после продажи в 1867 г. русских владений в Западном полушарии Соединенным Штатам Америки.

* Морской бобр — калан, или морская выдра (*Enhydra lutris*). Нами употребляется тот термин, который встречается в сочинениях Коцебу, изданных на русском языке.

* Баранов, Александр Андреевич (1746—1819) — первый правитель в 1799—1818 гг. русских поселений в Америке. По происхождению купец из г. Каргополя Архангельской губернии. Много сделал для расширения и укрепления российско-американских владений. Жестоко обращался с коренным населением.

* О. Е. Коцебу допустил здесь неточность. Колоши (тлинкиты) разрушили русское поселение на острове Ситха в 1802 г. Новое укрепленное поселение, названное Ново-Архангельском, было основано в 1804 г.

* Морские и речные бобры отнюдь не «очень похожи друг на друга по внешнему виду». Первые (*Enhydra lutris*) — хищные звери из семейства куньих (*Mustelidae*), вторые (*Castor fiber*) — грызуны из семейства *Castoridae*.

* Колоши (тлинкиты) — индейское племя рыбаков и охотников, населявшее юго-восточное побережье Аляски и прилегающие острова. В начале XIX в. у тлинкитов еще сохранялось деление на фратрии и роды, но уже проявлялось социальное неравенство, существовало наследственное рабство. Некоторое раздражение, с которым Коцебу описывает колошей, по-видимому, объясняется напряженными отношениями, существовавшими между этим индейским племенем и русскими поселенцами. Колошей подстрекали к нападениям на русские поселения торговцы из США, стремившиеся подорвать пушные промыслы Российско-Американской компании.

* Ванкувер, Джордж (1757—1798)—известный английский мореплаватель. Принимал участие во втором и третьем плаваниях Кука. В 1790—1795 гг. руководил экспедицией, посланной английским правительством в северную часть Тихого океана для исследования северо-западного побережья Америки и отыскания прохода в Атлантический океан. Осмотрел и описал тихоокеанское побережье Америки от 39°20' до 60° северной широты. В своей работе Ванкувер широко использовал указания русских мехопромышленников, которых встречал на побережье Аляски, а также данные русских (зачастую секретных) карт, добытых английскими агентами в Петербурге. Во время этого плавания Ванкувер выполнил ряд политических заданий своего правительства, связанных с расширением британских Колониальных владений в Северной Америке. В 1798 г. Ванкувер издал в Лондоне трехтомное описание своей экспедиции. В 1828—1833 гг. это описание было опубликовано в переводе на русский язык. О пребывании Ванкувера на Сандвичевых [Гавайских] островах см. с. 258 настоящей книги и примеч. 11 к гл. 12.

* Прикладной час — разница во времени между кульминацией луны и солнца в дни новолуния и полнолуния и следующим за ней наибольшим поднятием воды (полной водой). Чтобы узнать в указанные дни момент наступления полной воды, эту разницу прибавляют к полудню.

Глава 11

* Немецкая миля равна 4 морским милям (7408 м.)

* Калифорния была открыта в 1533 г. Хименесом, одним из офицеров испанского конкистадора Кортеса. В 1535 г. здесь побывал отряд под начальством самого Кортеса. Франсиско де Ульоа, один из помощников последнего, в 1539 г. объехал вновь открытую землю от Калифорнийского залива до мыса Энганьо (около 30° северной широты). Он первый доказал, что Калифорния — не остров, а полуостров.

* Иезуиты были изгнаны из Калифорнии в 1768 г. Их миссии перешли в руки францисканцев.

* После провозглашения независимости Мексики обе части Калифорнии в 1822 г. вошли в состав этого нового государства. Ожесточенная политическая борьба, приводившая к частым государственным переворотам, подрывала центральную власть, в результате чего как Старая, так и Новая Калифорния в течение многих лет пользовались большой самостоятельностью. В обеих этих провинциях сильны были сепаратистские тенденции.

* Речь идет о койотах (*Canis latrans*) — хищных млекопитающих семейства псовых. Окраска шерсти у них бурая, крапленая черным и серым. Койоты распространены в Новом Свете от Аляски до Центральной Америки.

* Хотя коренное население Калифорнии и относилось в начале XIX в. к числу наиболее отсталых индейских племен Северной Америки, оно все же достигло более высокой ступени первобытнообщинного строя, чем огнеземельцы и обитатели Вандименовой Земли (старинное название острова Тасмания). Калифорнийские индейцы занимались собирательством, а также охотой и рыболовством. Как отмечал В. М. Головин, побывавший в Калифорнии в 1818 г., их легкие жилища и лодки из тростника были хорошо приспособлены к кочевому образу жизни и местному климату. «Впрочем, индейцы сии делают вещи, которые и в Европе заслужили бы похвалу,— писал этот мореплаватель.— Я имею в моем собрании редкостей много вещей их работы, например корзинки, сплетенные из кореньев и травы столь плотно, что воды не пропускают,

и в коих, посредством разгоряченных каменьев, варят они себе пищу; шляпы их, сделанные из тех же материалов и часто украшенные раковинами; те и другие из сих вещей сделаны не только прочно, но и весьма красиво. Головные же их наряды, из перьев составленные, можно сказать даже, сделаны со вкусом. Если народ имеет способность к выдумкам в безделицах, то верно мог бы сделать и полезные изобретения, когда бы необходимость привела его к тому» (В. М. Голловнин. Путешествие вокруг света... Т. 1. СПб., 1822, с. 250—251). Необходимо учитывать, что нелестный отзыв о калифорнийских индейцах, который дает здесь Коцебу, относится к коренным жителям, силой загнанным в испанские католические миссии. Здесь в условиях жестокого гнета они утратили многие черты самобытной культуры, весьма мало приобщившись в то же время к европейской цивилизации.

* Фапега — старинная испанская мера сыпучих тел, равная приблизительно 55 л.

* Росс — русское укрепленное поселение, созданное в 1812 г. в Калифорнии для снабжения продовольствием поселений Российско-Американской компании, находящихся на северо-западном побережье Америки. Служило также базой для охотников на котиков и морских бобров. В противоположность испанским колонизаторам обитатели Росса, как правильно подчеркивает в этой главе Коцебу, неизменно поддерживали дружественные отношения с калифорнийскими индейцами. Когда начался наплыв в Калифорнию переселенцев из США, Росс был в 1841 г. продан американцу швейцарского происхождения Дж. Суттеру.

* Хотя книга Коцебу была издана за границей, она предварительно прошла царскую цензуру, о чем имеется уведомление в немецком издании. Панегирик православной церкви, с которым выступает здесь протестант Коцебу, и противопоставление ее деятельности «образу действий католических священников и протестантских миссионеров», возможно, объясняются цензурными соображениями.

* В первой четверти XIX в. географические исследования в Калифорнии, по существу, только начинались. Поэтому сведения, сообщаемые Коцебу, не совсем точны. Пескадорес — очевидно, общее русло рек Сакраменто и Сан-Хоакин, Хесус-Мария — один из протоков. Мнение Коцебу об истоках Сакраменто и Сан-Хоакина правильно.

* Скунс (*Mephitis mephitis*) — небольшой хищный зверек подсемейства барсуков семейства кунных. Он выбрызгивает отвратительно пахнущие выделения околоанальных желез в случае опасности.

Глава 12

* Сандвичанами О. Е. Коцебу называет гавайцев — коренных жителей Гавайских островов.

* Марай (правильно — хеиаи) — гавайский храм, в котором стояли деревянные статуи богов, и был сооружен алтарь для жертвоприношений.

* Судя по местным преданиям, в XVI—XVII вв. на Гавайские острова попали две или три маленькие группы иностранцев, прибывшие на лодках или плотах. Это могли быть как европейские моряки, спасшиеся с затонувших судов или высаженные с кораблей в открытом море в качестве наказания, так и японские рыбаки, которых буря угнала далеко от родных берегов, а течение принесло к Гавайским островам. Эти чужеземцы растворились среди местного населения и не оказали сколько-нибудь значительного влияния на антропологический тип и культуру гавайцев.

* В гавайском наречии полинезийского языка в отличие от таитянского

отсутствуют звуки тир, которые переходят в к и л. Поэтому правильное не Тамеамеа, а Камеамеа, не Роно, а Лоно и т. п. Вообще Коцебу неточно передает имена некоторых гавайцев. Приводим их в правильной транскрипции: Тамеамеа — Камеамеа, Тераиопу — Каланиопуу, Кива рао — Кивалао, Тамари — Каумуалии, Каремаку — Каланимо- ку, Кахуманна — Каахуману, Рио-Рпо — Лио-Лио.

* По уровню общественного развития гавайцы значительно опередили обитателей других архипелагов Океании. Уже первые мореплаватели, побывавшие на Гавайских островах (Кук, Диксон, Ванкувер), обнаружили там глубокое классовое расслоение. Островитяне делились на два основных сословия: благородных (алии) и общинников (макааинана). Последние были лично свободными, но за пользование землей и оросительными каналами, а также за право ловить рыбу в прибрежных водах должны были выполнять разнообразные повинности в пользу алии. На островах имелось также немногочисленное сословие рабов (каува). Во главе четырех маленьких государств, существовавших на Гавайях в момент посещения архипелага экспедицией Кука, стояли верховные вожди (алии-аи-моку). Власть этих вождей была настолько велика, что их можно с некоторыми оговорками называть королями. Эти властители считались верховными собственниками всей земли, которую они распределяли среди наиболее могущественных алии, а те, в свою очередь, наделяли ею вождей более низкого ранга или непосредственно семейные общины (охана). С приходом к власти нового короля обычно происходило перераспределение земель, нередко вызывавшее кровавые междоусобицы. Важную роль в управлении играли жрецы, примыкавшие к сословию алии. Многочисленные религиозно-политические запреты (табу) регулировали все стороны жизни островитян и служили орудием классового угнетения.

* Речь идет о немецком издании анонимного дневника одного из участников третьей экспедиции Кука. В 1921 г. американский исследователь Ф. У. Хови доказал, что автором дневника был лейтенант Джон Рикмап, спутник Кука в этой экспедиции.

* Венке, Джозеф (1743—1820) — известный натуралист, президент Королевского общества (английской Академии наук) в 1778—1820 гг. Участвовал в первом кругосветном плавании Кука, снарядив на свой счет судно «Индевэр».

Соландер, Даниэль (1733—1782) — шведский ботаник, ученик Линнея. Долгое время жил в Англии. Совместно с Бенксом участвовал в первой экспедиции Кука, во время которой собрал ценнейший гербарий, хранящийся в Британском музее. См.: J. Banks and D. Solander. A Journal of a Voyage Round the World in H. M. S. Endeavour, in the Years 1768, 1769, 1770 and 1771. L., 1771.

* Спаррмат, Андерс (1748—1820) — шведский врач, этнограф и натуралист, ученик Линнея. Присоединился ко второй кругосветной экспедиции Кука в Кейптауне, где производил научные изыскания. Во время этого плавания собрал интересную коллекцию, которая ныне хранится в Стокгольмском этнографическом музее. Издал подробное описание своего плавания с Куком на шведском языке. См.: A. Sparrman. Resa till Goda Hoppsudden, sodra polkretsen och omkring jordklo- tet... Vol. II. del I—II. Stockholm, 1802—1818.

* Камеамеа I (1753—1819) — король Гавайских островов, объединитель этого архипелага. Как сообщают мореплаватели, посещавшие Гавайи в конце XVIII — начале XIX в., он обладал выдающимся умом и редкой твердостью характера. Создал многочисленное войско, вооруженное ружьями и пушками, и довольно сильный флот, состоящий из

нескольких кораблей европейского типа, Камеамеа пытался сдержать натиск чужеземцев и направить сношения с ними в русло, наиболее приемлемое для островитян. Но уже в годы его правления появились трагические симптомы, позволяющие предвидеть исход этой неравной борьбы (быстрое уменьшение численности островитян вследствие смертоносных эпидемий, занесенных чужеземцами, распространения алкоголизма и венерических болезней, вербовки молодых гавайцев на иностранные суда и т. д.). После смерти Камеамеа I, при его слабых и неспособных преемниках, попавших в полнейшую зависимость от американских купцов и миссионеров, процесс колониального порабощения гавайцев двинулся вперед семимильными шагами.

* Питт, Уильям (1759—1806) — английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1783—1801 и 1804—1806 гг.

* Ванкувер, трижды посетивший Гавайские острова в 1792—1794 гг., действовал отнюдь не бескорыстно. В феврале 1794 г. он уговорил Камеамеа принять британское «покровительство» и поднял на острове Гавайи английский флаг. Когда другие мореплаватели объяснили Камеамеа значение этого акта, гавайский король пришел в негодование и заявил, что будет с оружием в руках защищать независимость своего государства. Английское правительство по внешнеполитическим соображениям, связанным с соперничеством держав в северной! части Тихого океана, не утвердило указанных действий Ванкувера.

* Правильно — «алоха» (гавайск.) — «здравствуй, привет».

13 Шеффер, Георг — немецкий авантюрист, по профессии врач. В 1814—1819 гг. служил в Российско-Американской компании. Правитель компанейских поселений в Америке А. А. Баранов послал его осенью 1815 г. на Гавайские острова для организации там торговой фактории, а также для получения груза с русского судна, потерпевшего крушение у берегов острова Кауаи. Превысив данные ему полномочия, Шеффер попытался поднять против короля Камеамеа вассального правителя острова Кауаи Каумуалии и даже уговорил последнего в мае 1816 г. обратиться к русскому царю с просьбой о «вечном покровительстве». В ноябре — декабре 1816 г. острова Гавайи и Оаху посетил на «Рюрике» Коцебу. От имени русского правительства он отмежевался от действий этого авантюриста. Получив такое заверение, Камеамеа с помощью капитанов американских торговых судов, заинтересованных в устранении опасного конкурента, в июле 1817 г. принудил Шеффера покинуть архипелаг. Царское правительство осудило действия Шеффера еще до того, как в Петербурге стало известно о провале этой авантюры.

* Таро (Colocasia) — тропическое травянистое растение, крахмалистые клубни которого употребляются в пищу.

* О пребывании Лаури в Петербурге см.: В. М. Головнин. Путешествие вокруг света... Т. 1. СПб., 1822, прил. № 8. Лаури отправился из русской столицы на родину в 1820 г. на судне Российско-Американской компании «Суворов». Правильную транскрипцию его имени установить не удалось.

* Альдебаран — красная звезда первой величины в созвездии Тельца.

* Арроусмит, Аарон (1750—1823) — известный английский картограф, составитель множества карт и атласов.

* Рио-Рио (Лио-Лио) и его супруга умерли в Лондоне от кори.

* Байрон, Джордж Ансон (1789—1868) — морской офицер, впоследствии вице-адмирал, двоюродный брат известного английского поэта, унаследовавший от него титул лорда.

* Бингхем, Хайрем — злобная фигура в истории Гавайских островов. Своей тиранией и изуверством он заслужил ненависть не только коренного населения, но и многих иностранцев, поселившихся на Гавайях. В 1840 г. Бингхем вынужден был покинуть архипелаг. Его неоднократные попытки вернуться в Гонолулу неизменно отклонялись руководством миссии и орг. ког. движения США: американские колонизаторы решили отказаться от услуг слишком скомпрометированного агента. Оставшись не у дел, Бингхем в 1847 г. выпустил книгу, в которой клеветал на гавайский народ и оправдывал свои действия. См.: H. Bingham. Residence of Twenty One Years in the Sandwich Islands. Boston, 1847.

* Коцебу напрасно противопоставил Стюарта Бингхему. Покинув в 1825 г. Гавайский остров из-за болезни жены, Стюарт поступил капелланом (судовым священником) в военно-морской флот США и в 1829 г.

снова посетил Гонолулу на шлюпе «Венсенн». В 1833 г. он опубликовал на английском языке сочинение об этом плавании, в котором попытался обелить политику Бингхема и обрушился на книгу О. Е. Коцебу «Новое путешествие вокруг света» за содержащуюся в ней критику действий американских миссионеров. См.: C. S. Stewart. A Visit to the South Seas. L., 1833, с. 351—363.

Глава 13

* 26 сентября 1825 г. шлюп прошел примерно в 120 милях от острова Джонстон.

* Марсели вторые снизу прямые паруса трапециевидной формы.

* Испанский мореплаватель Э. Грихальва в 1537 г. назвал островами Пескадорес некие острова, расположенные в этих широтах. По данным современных исследователей, открытые Грихальвой острова скорее всего находятся в северной части архипелага Гилберта, а не в Маршалловом архипелаге. Но располагая этими данными, английский капитан С. Уоллис в 1767 г. принял за Пескадорес атолл Ронгерик, замеченный Коцебу раньше двух других островных групп, и, возможно, атолл Ропгелап, названный Коцебу островами Римского-Корсакова. Острова Эшшольца [атолл Бикини] несомненное открытие Коцебу. Бикини, а также атолл Энивоток (у Коцебу — Бронус) были использованы в 1946—1962 гг. в качестве полигонов для испытаний американских атомных и водородных бомб.

* О. Е. Коцебу ошибся: все три увиденных им атолла были населены. Но их население было весьма малочисленным (едва ли больше 100 человек на каждом атолле, состоящем из множества островков).

* На этой широте наблюдается устойчивое Северное Экваториальное течение, идущее с востока на запад.

Глава 14

* Остров Гуам был открыт в 1521 г. Магелланом. В XVI — первой половине XVII в. испанцы открыли и другие острова Марианского архипелага. В 1668 г. на Гуам, а затем на соседние острова вторглись испанские солдаты и миссионеры-иезуиты. В ходе насильственной христианизации архипелага была уничтожена большая часть его коренного населения. Целые острова обезлюдели, а на Гуаме, где в XVI в., по разным оценкам, насчитывалось 40—60 тыс. жителей, в начале XIX в. обитали лишь 4 тыс. человек. Это были филиппинцы, мексиканцы и испанцы, а также метисированное население, образовавшееся в результате брачных и внебрачных связей колонистов с местными женщинами (почти все местные мужчины были истреблены в XVII в.).

* Крузенштерн, Иван Федорович (1770—1846) — выдающийся мореплаватель и ученый, один из основоположников русской океанографии. В 1803—1806 гг., командуя шлюпом «Надежда», руководил первой русской кругосветной экспедицией, в которой участвовал также корабль «Нева» под командой Ю. Ф. Лисянского. На борту «Надежды» находился юный О. Е. Коцебу. Крузенштерн содействовал организации ряда русских кругосветных экспедиций. Посвятив себя научной деятельности, он издал несколько трудов по гидрографии и составил первый русский атлас Тихого океана с историческим обзором. В 1827—1842 гг. был директором Морского корпуса. Здесь имеется в виду его «Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна», изданный в 1813 г.

* Хорсбург, Джеймс (1762—1836) — известный английский гидрограф, член Королевского общества, состоявший на службе у английской Ост-Индской компании. Составил множество карт и лоций Индийского океана и юго-западной части Тихого океана.

* Трепанг — название нескольких съедобных видов голотурий, морских беспозвоночных животных типа иглокожих. В пищу идут толстые, но сравнительно мягкие стенки тела голотурий. Употребляют их в свежем, копченом и сушено-соленом виде.

* Кошениль — название нескольких видов насекомых из разных семейств подотряда Coccidae. Их самки используются для получения красной краски — кармина.

* Филиппины населяют народы, говорящие на языках северной группы индонезийской ветви малайско-полинезийской языковой семьи и по культуре наиболее близкие к народам Индонезии. Испанцы называли филиппинцев индейцами, как и коренных жителей своих американских колоний. В южные районы Филиппин, населенные народами группы моро (от исп. того — «мавр»), в XIV—XV вв. проник ислам, а вместе с ним арабская письменность и мусульманская литература. Моро до середины XIX в. оказывали упорное сопротивление испанским колонизаторам.

* Намек на то, что манильцы придали непомерно большое значение прибытию королевского портрета.

* Во время своего кратковременного пребывания в Маниле О. Е. Коцебу не вполне разобрался в существовавшей там политической обстановке. Упоминаемые им холерные бунты 1820 г. и происшедшее в 1823 г. восстание части манильского гарнизона — яркие, но не единственные свидетельства острого недовольства народных масс Филиппин испанским колониальным режимом. После восстановления в 1823 г. самодержавного правления Фердинанда VII (см. примеч. 4 к гл. 1) по Филиппинам прокатилась волна репрессий против прогрессивных элементов. Торжественная встреча королевского портрета была устроена по приказу властей. Кроме того, местное население просто воспользовалось случаем, чтобы вдоволь повеселиться.

Глава 15

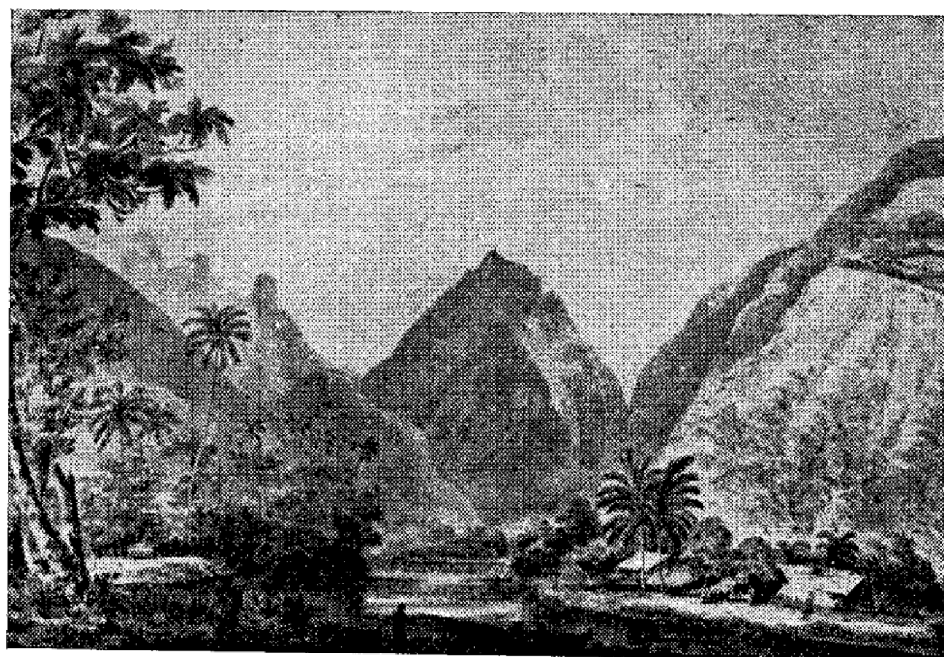
* Наполеон провел в ссылке на острове Св. Елены последние шесть лет жизни (1815—1821).

* В 1840 г. прах Наполеона был перевезен в Париж и захоронен в подземном помещении при соборе Дома инвалидов.

* Генеральша Бертран — жена генерала Анри Бертрана, последовавшего со всей своей семьей за Наполеоном на остров Св. Елены.

* По возвращении в Россию О. Е. Коцебу был произведен в капитаны 2-го ранга и награжден орденом Св. Анны 2-й степени. Награды получили и другие участники экспедиции.

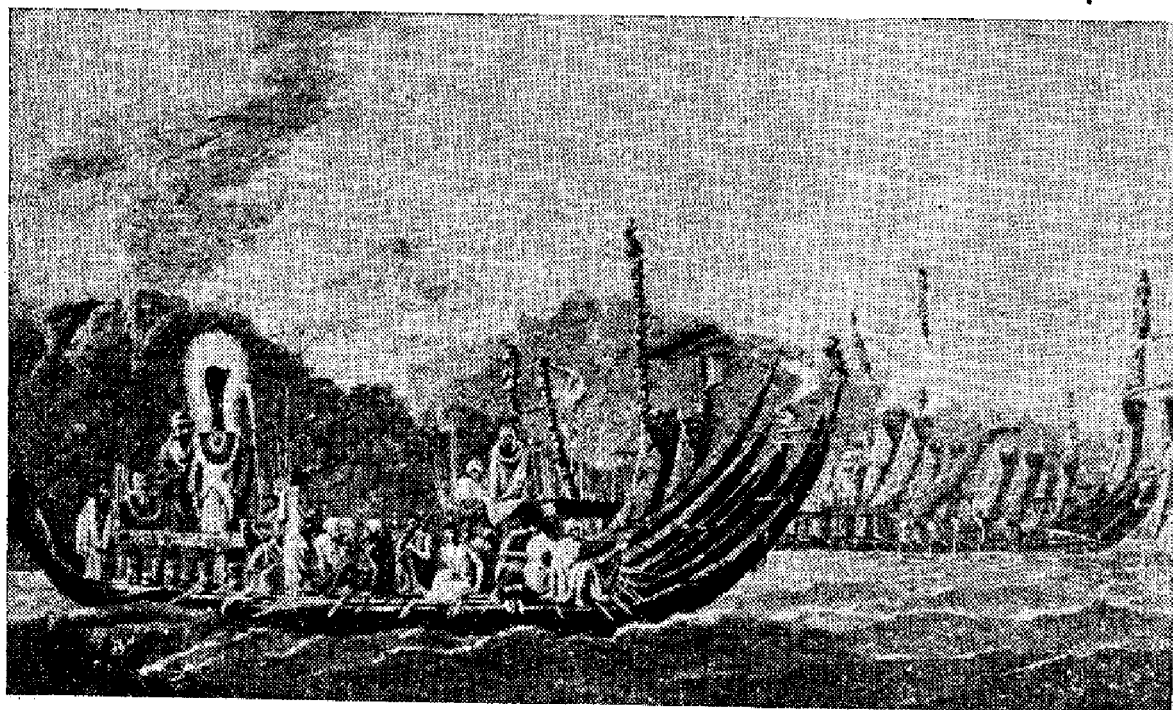
К гл. 5. «Отаити»

Таитянский ландшафт

Танцы таитян

«Отаити»

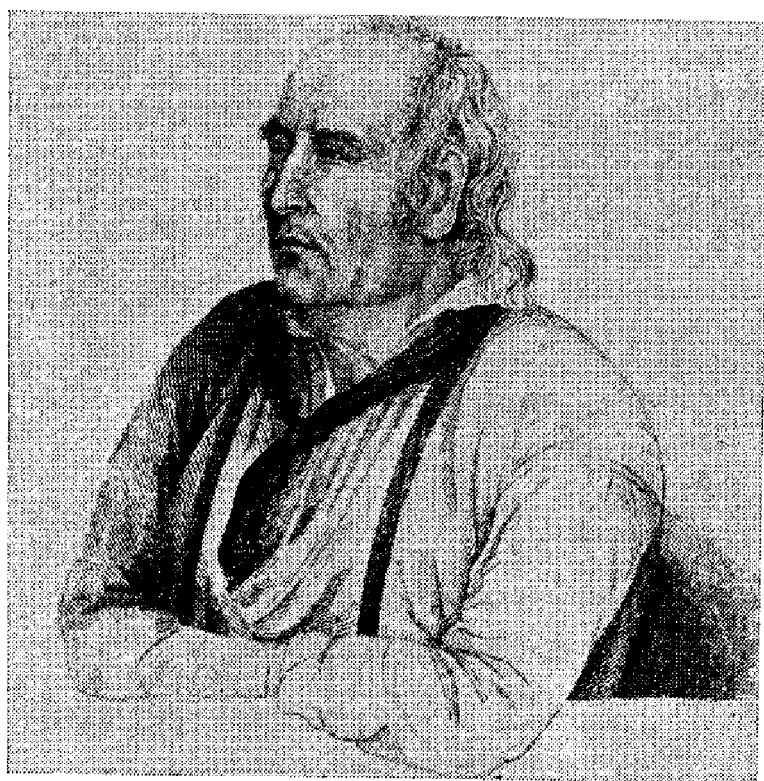
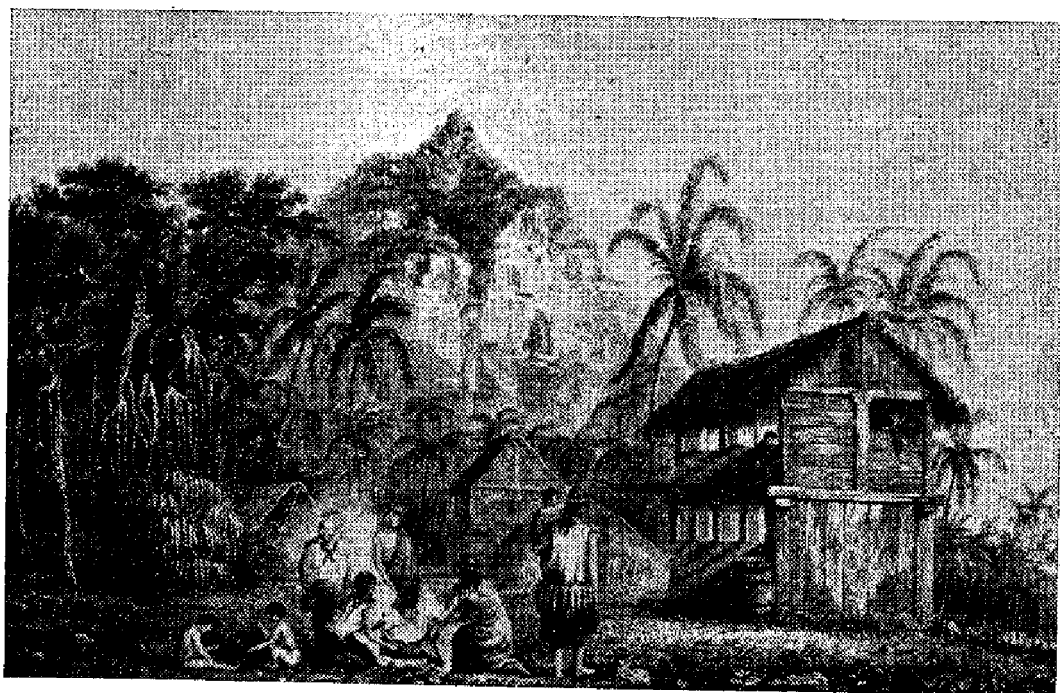
**Военный флот
таитян в 1773 г.**

**Таитянский
король Помаре**

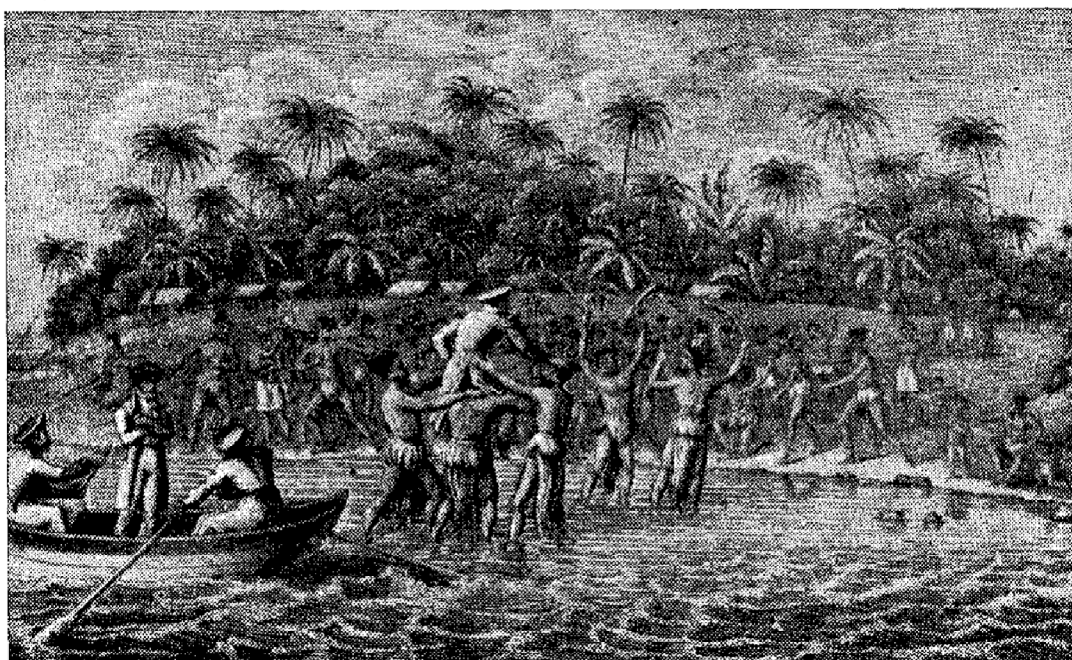
К гл. 6. «Остров Питкэрн»

Поселение на
острове
Питкэрн

Джон Адамс

К гл. 8. «Цепь островов Радак»

Высадка О. Е. Коцебу и И. И. Эш-
шольца на остров Отдия

Каду

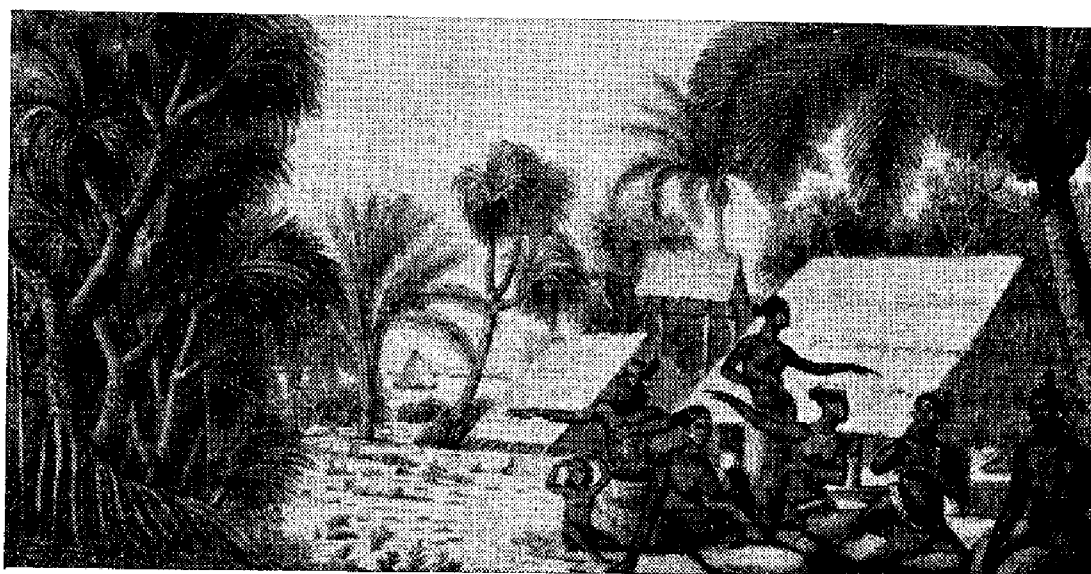

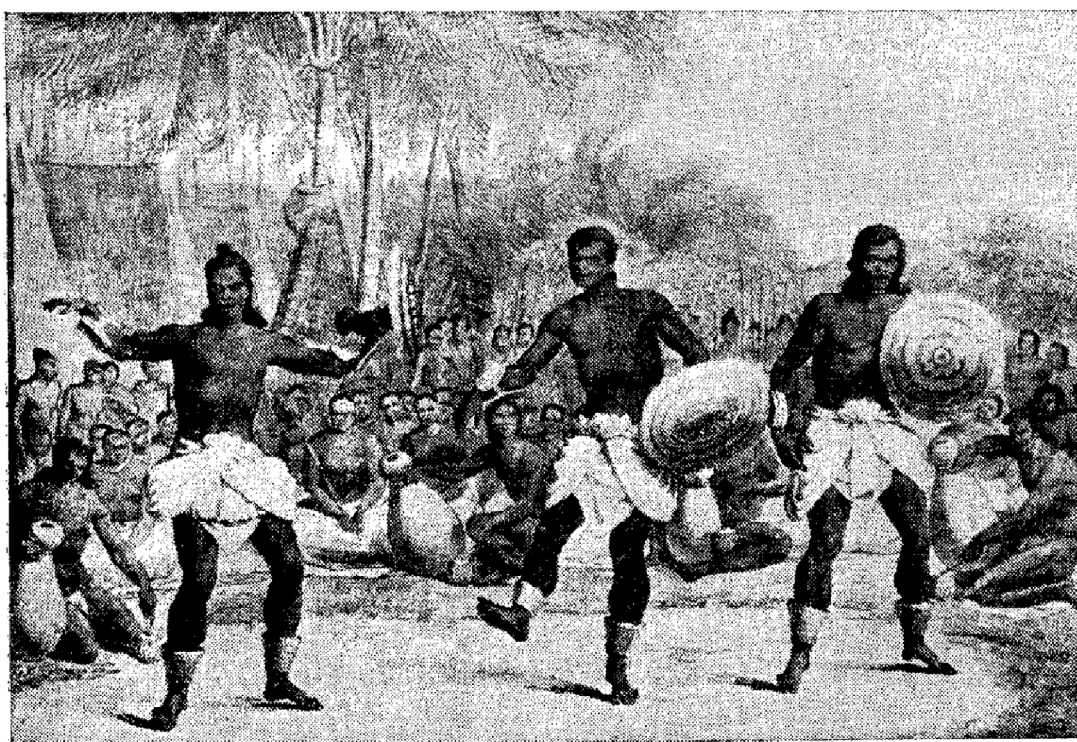
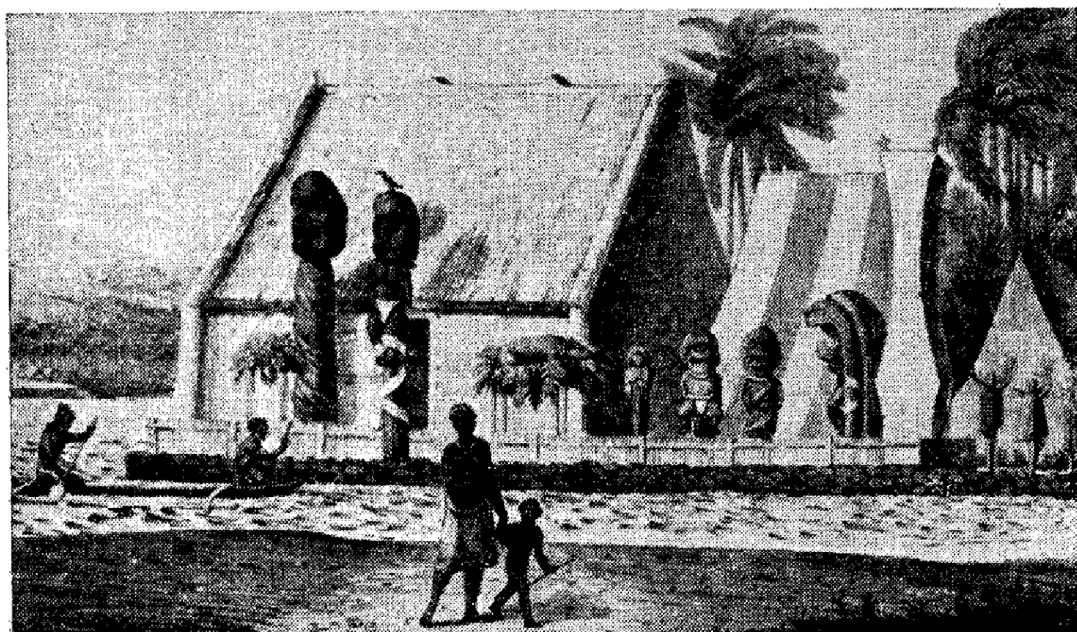
«Цепь островов Радак»

Рарик

Деревня на островах Радак

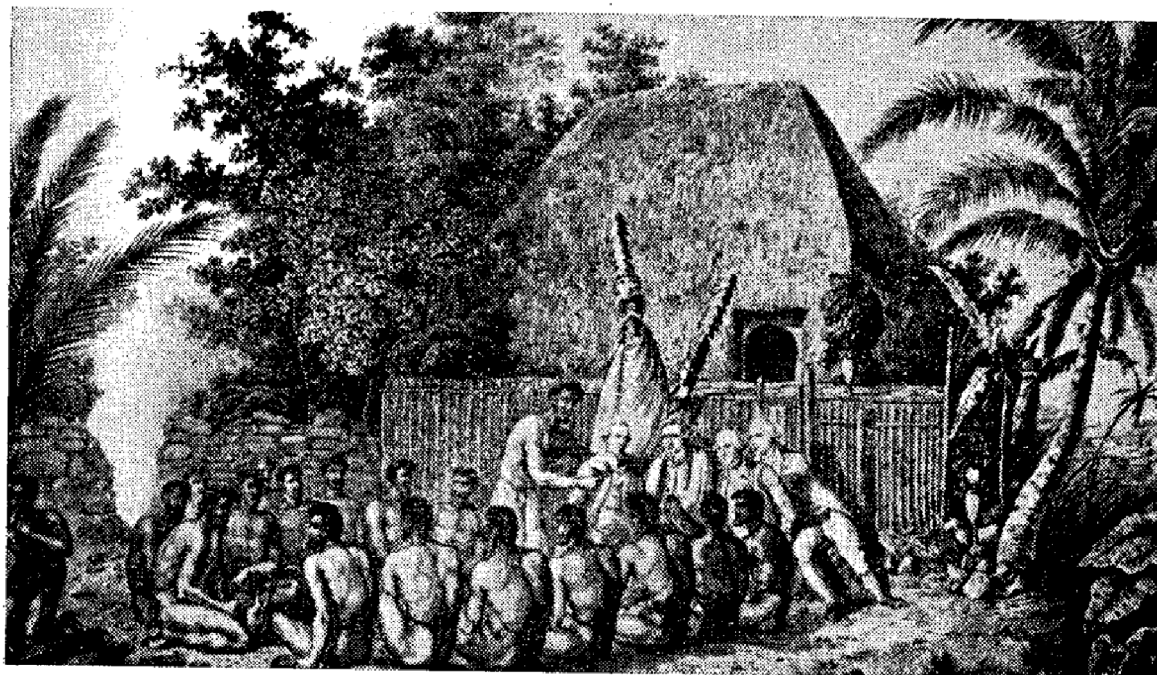

Храм на острове Гавайи

Гавайский танец

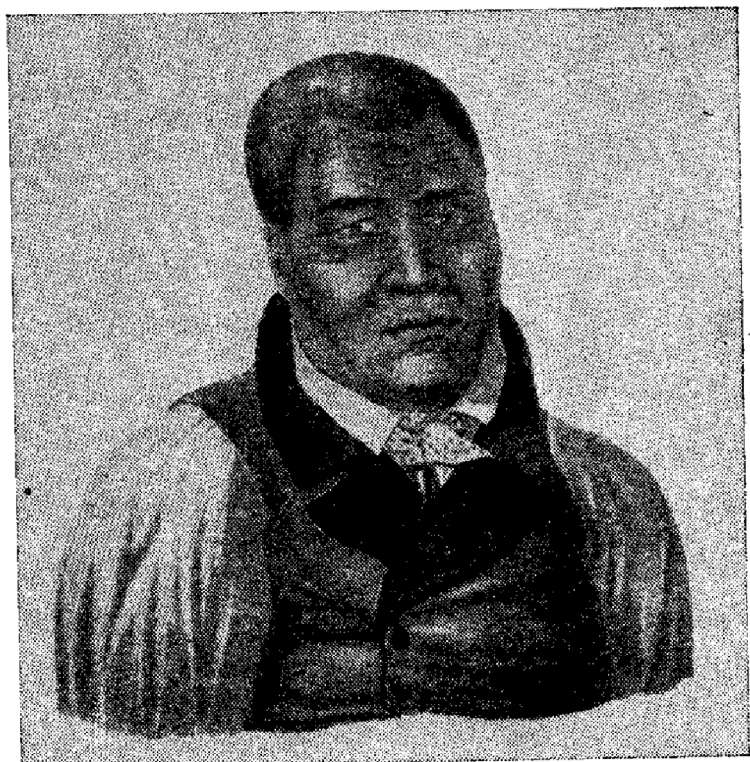
«Сандвичевы острова»

Гавайский жрец приносит капитану Куку в жертву поросенка

Гавайские вожди на палубе русского шлюпа «Камчатка», 1818 г.

«Сандвичевы острова»

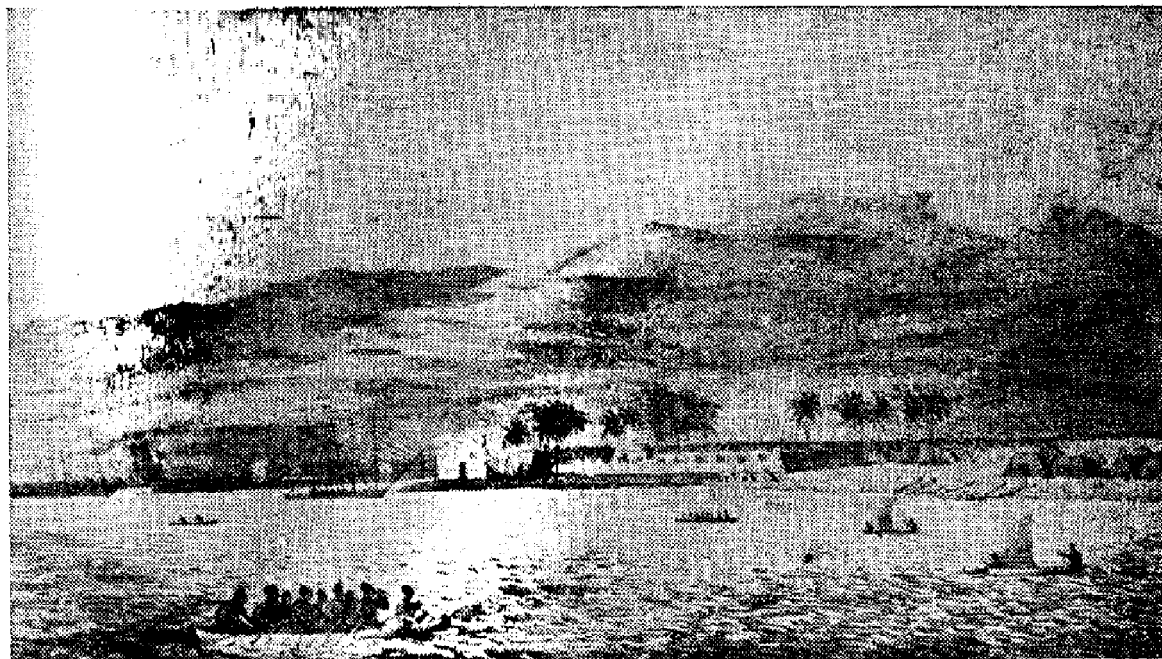

Тамеамеа

Рио-Рио

«Сандвичевы острова»

Крепость в Гонолулу

Правительница острова Гавайи возвращается из церкви

«Сандвичевы острова»

Номаханна

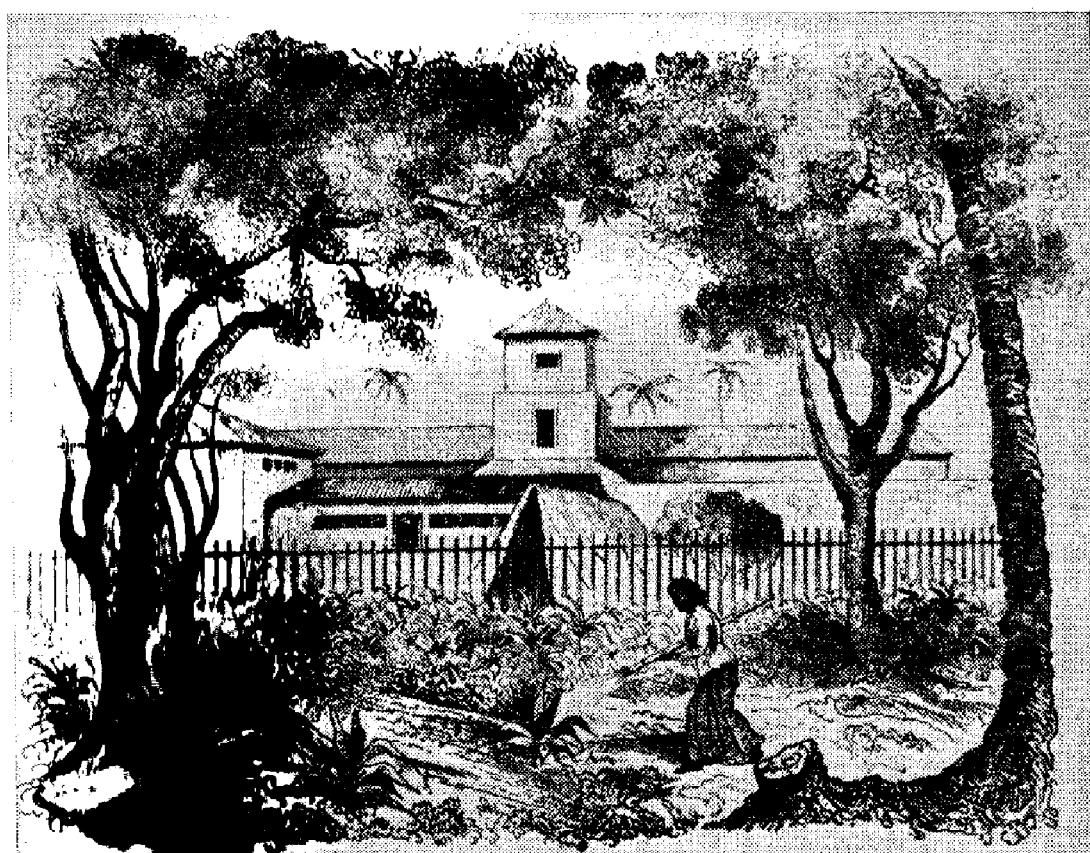
Каремаку

К гл. 14. «Мандронские, или Марианские, острова и Филиппины»

Жители Гуама

Дворец
губернатора
в Аганье

«Ландронские, или Марианские, острова и Филиппины»

*Основные
народы
острова
Лусон*

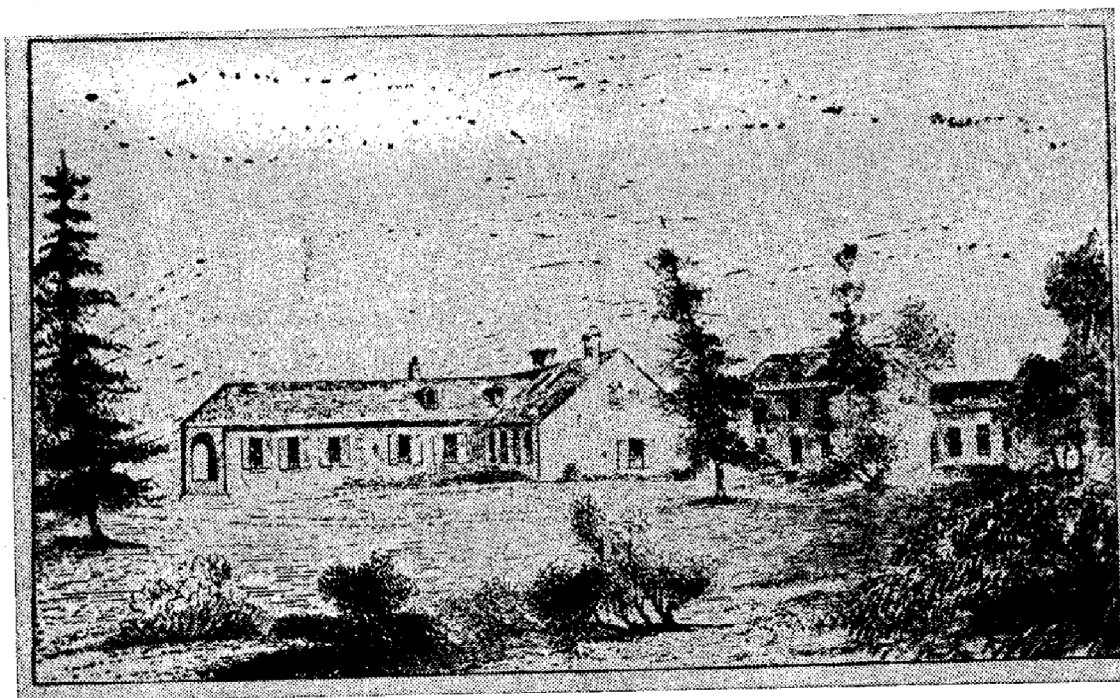
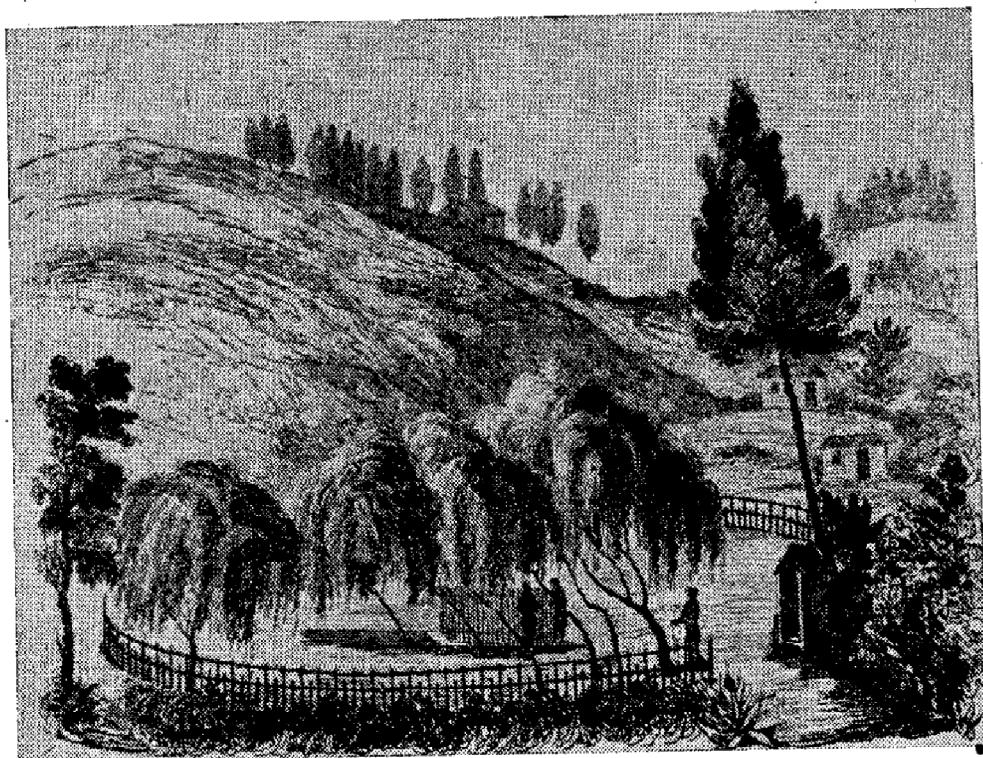
Илоки

Тагалы

К гл. 15. «Остров Св. Елены»

Могила Наполеона на острове Св. Елены

Лонгвуд

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д. Д. Т у м а р к и н. Жизнь и путешествия Отто Коцебу	3
Предисловие	23
Введение.....	24

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Плавание к берегам Бразилии.....	26
Глава вторая. Рио-Жанейро.....	36
Глава третья. Плавание вокруг мыса Горн и пребывание в Чили.....	49
Глава четвертая. Опасный архипелаг	69
Глава пятая. Отаити.....	76
Глава шестая. Остров Питкэрн.....	125
Глава седьмая. Острова Навигаторов	136
Глава восьмая. Цепь островов Радак	152

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава девятая. Камчатка	176
Глава десятая. Ново-Архангельск.....	186
Глава одиннадцатая. Калифорния и русская колония Росс.....	204
Глава двенадцатая. Сандвичевы острова.....	241
Глава тринадцатая. Острова Пескадорес, Римского-Корсакова, Эшшольца и Бронус.....	294
Глава четырнадцатая. Ладронские, или Марианские, острова и Филиппины.....	299
Глава пятнадцатая. Остров Святой Елены.....	310
Комментарии.....	317

Отто Евстафьевич Коцебу
НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ВОКРУГ СВЕТА
В 1823—1826 гг.

Изд. 2-е

Редактор Р. Г. Стороженко

Младший редактор М. В. Малькова

Художник Л. С. Врман

Художественный редактор В. Л. Резников

Технический редактор М. В. Погоскина

Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ М 13978

Сдано в набор 18.04.80. Подписано к печати 14.04.81. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага
типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Уел. п. л. 20,46. Усл.
кр.отг. 20,81. Уч-изд. л. 23,22. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4761. Тип. зак. 4986. Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина

типография «Красный пролетарий»

Москва, Краснопролетарская, 16